

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

ЕСЛИ ВЫ НЕ В ЭТОМ МИРЕ, ИЛИ ИЗ ГРЯЗИ В КНЯЗИ

Случайностей в жизни не бывает.

Случайность — это неопознанная необходимость...

Мужские голоса низко гудели и вибрировали, словно потревоженный пчелиный рой, нервируя и вызывая желание зажать уши и сбежать подальше.

— Лиска, ты где, кошачья дочь, шляешься?! Мы хотим срочно расплатиться!

— Где эта ноева подавальщица? Ползает, как сонная муха!

— Сувор, жабячий потрох, отвали от меня со своей настойкой из мухоморов, мне еще в дорогу собираться! Свою тещу лучше подпой, глядишь, подобрееет, если не околеет!

— О-о-о, девочки! И что такие милашки делают в таком грязном месте, как это?..

— Готов побожиться, не пройдет и года, как у нас с Глеховией разразится война!

— Да? Не приведи Вышний!

Бу-бу-бу, бу-бу-бу... И так каждый день.

В довершение всех бед, в таверну, где я имела сомнительную честь работать, заявила странная взъерошенная тройца. В этот послеобеденный час зал уже почти опустел по причине того, что постоянные посетители набили свои ненасытные желудки раньше и оставили мне горы грязной посуды, которую я и отмывала в тазу, спрятавшись за стойкой. Эту нудную работу я перемежала нецензурными комментариями по поводу обжор, требующих каждый раз чистые тарелки. Под раздачу попала и паскудная погода, осчастливившая нас мелким надоедливим дождем, и мерзкий мир, в котором я обреталась уже больше года.

По фамилии я Царькова, а родители называли Алисой, и в детстве мне часто задавали два вопроса: «Где же твоя Страна Чудес?» и «Проводи на Поле Дураков, а?»

Вот эти два дурацких вопроса и определяли сейчас мое нерадостное состояние: Алиса на Поле Дураков в Стране Чудес.

Все началось с того момента, когда я неосторожно решила побаловать свой дистрофический организм уходящими витаминами и в состоянии легкой безответной влюбленности отправилась на болото за клюквой с развеселой компанией таких же, как и я, сумасшедших сокурсников. Перед тем как начать бродить по болоту и кормить комаров и прочую лесную кровососущую нечисть, мы... гм, немножко клюкнули. А потом поползли по кочкам, собирая клюкву...

— Алисия, ты где, бездельница? — заорал из глубины зала противным голосом хозяин единственной в этом городке забегаловки. Отвратительный толстый боров с вечными сальными шуточками и неумением держать на привязи инстинкты размножения.

— Че те надо, нехристь треклятый? — пробурчала я тихо и обреченно. Тихо — потому что отлично понимала: критика критикой, а кушать хочется всегда. И желательно три раза. В день, а не в неделю, как мне поначалу пытался объяснить этот огрызок империализма. — Экспроприаторов на тебя нет! — Громко: — Туточки я, господин Бормель, посуду мою!

— Тащи сюда свою тощую задницу! — не слишком вежливо крикнули мне в ответ.

Да, в этом мой гнусный эксплуататор прав, как никогда! Бог мне не дал шикарной фигуры и смазливового личика. Таких, как я — «пять копеек за пучок». Про свою фигуру я

предпочитала скромно думать — не «верста коломенская», а благородно ассоциировала себя с итальянским натурпродуктом, то есть спагетти. Все же что-то «лямпортное», по утверждениям моей соседки, бабы Любы.

От природы и родителей (генетика на мне не просто отдохнула — она, холера, выпалась властью и не один раз!) мне достались рыжие прямые космы, вечно торчащие, если относительно чистые, или висящие жирными сосульками уже через сутки после мытья головы. Слава богу, к восемнадцати я только-только избавилась от юношеских угрей и наконец-то могла хотя бы показаться миру, не умирая от стыда.

Когда я смотрела на себя в зеркало, то старательно пыталась не заработать всевозможные комплексы, начиная от неуверенности в себе и заканчивая глубочайшей депрессией и ненавистью ко всем и вся.

Зато во всем этом безобразии был один очевидный плюс: мне никто и никогда не завидовал. Да и чему? Носу «картошкой»? Рту, как у лягушки (спешу заметить — не царевны!)? Невразумительного цвета глазам болотного оттенка?

В общем, неопишуемая красота. В смысле, описать ее трудно, а уж заметить... вообще... днем с фонарем невозможно.

— Уже иду! — гаркнула я на рабочий призыв и, вытерев мыльные руки о засаленный кухонный фартук неопределенного цвета, на всех парах рванула к хозяину. Я могла ненавидеть господина Бормеля сколько угодно, мысленно наделять его всеми существующими позорными болячками и прочить ему жестокое и справедливое возмездие за горькие обиды и унижительные притеснения. Но! Молча и желательно под подушкой. И за крепко закрытой дверью. Все же он единственный, кто согласился дать работу пришедшей девушке, потерявшей память (моя легенда для местных).

Возвращаясь назад... Мое перебазирование в этот треклятый мир произошло более чем странно и в то же время весьма обыденно: я оступилась, попала в трясину и меня затянуло. Причем случилось это как-то слишком быстро. Даже вякнуть не успела, не то что позвать на помощь. Ухнула, будто в прорубь! В тот момент, когда вонючее болото меня накрыло с головой и я уже приготовилась «склеить ласты»... вдруг что-то или кто-то подтолкнул вверх. Вынырнув, увидела склоненную надо мной ветку дерева. Из последних сил, извиваясь и сопя, потянулась к ней. Дальше помню все смутно...

Пришла в себя на берегу... Вся в засохшей грязи. Куртка и спортивные штаны стояли колом; в носках противно чвякало, кроссовки покрывал слой вонючей слизи; общее состояние вызывало жалость и настоятельное желание немедленно поплакаться в жилетку всем окружающим и получить свою долю сочувствия. Особенно у симпатичного Паши, не глядящего в мою сторону даже при необходимости списать курсовую...

Так вот, дальше и начались странности... Я долго орала, аукала и звала сокурсников, но лес и болото будто вымерли. Ни одной живой души поблизости. Пришлось мобилизовать последние силы и добираться на юг, откуда мы притопали.

Ну и добралась...

— Алисия! — прервал мои воспоминания недовольный оклик господина Бормеля. — Снова куриц пересчитываешь?

— Цыплят, — поправила я, возвращаясь в действительность и скромно опуская глаза, чтобы скрыть свое негативное отношение ко всему происходящему. — Их по осени считают.

— Без сопливых скользко! Знаю! — поощрил меня «царь горы»... не-е, царек таверны. — Гоняй на кухню — одна нога здесь, другая там! — и закажи стряпухе обед на троих.

— Есть, мой генерал! — Взяла «под козырек» и строевым шагом отправилась на кухню, докладывая Магдалене то, что она и без меня прекрасно знала. Ибо ничто не укрывалось от всевидящего ока пронырливой хозяйки кастрюль и очага. Добавлю от

себя: несмотря на свою устрашающую внешность (мадам слегка напоминала мамонта в прыжке), кухарка была добрейшей души женщиной (если вы успевали разглядеть ее душу за центнером сала) и всегда меня тайком подкармливала. Овсянкой. С клюквой. За что я ее особенно любила. И хозяйку, и кашу, и собственно клюкву...

Вообще-то, по секрету, хозяин с кухаркой составляли комичную парочку: два больших румяных колобка на тонких ножках. Видимо, поэтому они друг друга нежно обожали и пламенно любили. Причем любили та-ак, что от их брачных игрищ тряслась вся таверна. Особенно хорошо ощущали их забавы те, кто находился этажом пониже. Два резвящихся бегемотика... это, я вам доложу — страшная разрушительная сила! А уж если кто из половин изволил гневаться... тут те, кто не в бункере, — считаются убитыми! Затопчут ведь, гиппопотамы неуклюжие, и даже не заметят, пройдут спокойно мимо. И новый грустный коврик будет лежать тихо-тихо и не отсвечивать...

— Магдалена... — начала было я, но мне немедленно всучили тяжеленный поднос, уставленный закусками, и слегка пнули в нужном направлении. — Понятно...

— Иди-иди, ягодка моя, — пропела кухарка. — Потом вернешься, тогда и вволю покушаешь свою кашку...

Ядовитая «ягодка» невольно скривилась от одного предвкушения будущей трапезы и покорно потащила свою ношу в зал. По мере моего приближения к жаждущим активно приложиться к местным яствам, у последних как-то странно заблестели глаза. На неформатных откормленных мордах приезжих появилось весьма заинтересованное выражение.

Мне эти видоизменения отчего-то крайне не понравились. Я, конечно, понимаю: на безрыбье и рак рыба, но я была как-то морально не готова попроситься со своей девичьей невинностью в грязном трактире. Да и подозрительно все это. Судя по богатой одежде, господа не из последних, а на трактирную подавальщицу с моей внешностью зарятся... Или идиоты, или извращенцы. Второе более вероятно.

— Милая девушка... — соловьем пропел брюнет лет сорока пяти. Его черты лица можно было бы назвать красивыми, если бы не пренебрежительно-высокомерное выражение физиомордии. Еще возраст знатного господина предательски выдавали волосы: несмотря на обильно нанесенную душистую помаду, они начали редеть на темени. Их острая нехватка уже хорошо просматривалась у пробора.

— А? — Сконструировала на своем лице выражение полнейшей debilки и для подтверждения статуса пустила слюну в ближайшую ко мне кружку с пивом.

Мужчина брезгливо отодвинул посудину, но интересоваться не перестал. Точно говорю, извращенцы! Вместо этого игриво задал вопрос:

— И как зовут такую красавицу?

Мало того, что с придурью, еще и слепой! Я приняла задумчивый вид. Сдвинула глаза к переносице, поковыряла в носу и протянула ту же руку для знакомства:

— Алисия, барин.

И он ее пожал. Двумя пальцами и осторожно, но пожал! Смертельный номер! Может, ему в тарелку плюнуть?

— Весьма рад знакомству, — заверил меня местный любитель экстрима и острых ощущений. Холеные пальцы рассеянно перебирали салфетку, на сытой харе застыло такое довольное выражение, будто он только что выиграл в Спортлото миллион золотых монет.

— А вас как величать? — проявила я чудеса интеллекта, скребя себя в районе затылка.

— Можешь называть меня «господин граф», — милостиво разрешил мужчина, не прекращая шарить шаловливыми глазенками по моему лицу и ниже.

«Ниже» у меня отродясь ничего интересного не было. По меткому определению моей подружки Ани: «Вся доска, два соска». Поэтому поведение графа не просто смущало, оно

стало пугающим.

— А если не могу? — продолжала я совершенствоваться в идиотизме. — Тада что?

— Тада... Тогда, — поправилась личность с дурными наклонностями, — я разрешу тебе называть меня господин Алфонсус... при близком знакомстве...

— Я с мужчинами знаколюся на дальнем расстоянии, — осветила свою жизненную политику. — И, будьте уверены, я девушка приличная, и...

— Заработать хочешь? — перебил меня он, демонстративно поглаживая перстень с во-
оттакенным изумрудом.

— Каким местом? — сразу вырвалось у меня от неожиданности. Странное предложение, очень странное. Вот ни единому слову его не верю!

— Головой, — ответил он, вредно усмехаясь.

— Да? — недоверчиво покачала я тем, чем должна по идее зарабатывать. — А как?

— Просто. — Ухмылочка превратилась в зловещую. — Нужно, чтобы ты поехала с нами...

— О, нет! Песенку про Галю, которую нехорошие дяди в лес заманили и к дереву привязали, мне мама пела часто, — наотрез отказалась я, не собираясь двигаться с насиженного места и тащиться неизвестно куда, непонятно с кем и один бог знает в каком качестве. Поэтому зубасто улыбнулась, присела в реверансе и шустро смылась на кухню от греха подальше.

Естественно, я периодически высовывала оттуда свой любопытный нос, высматривая несостоявшихся работодателей. И вообще! Любопытство не порок, а источник знания!

Пока я припадала к «горячему источнику», попутно размазывая по тарелке кашу, в таверну потянулся народ к вечерней трапезе, и мне хочешь не хочешь пришлось выбираться наружу из облюбованной норки и приступать к прямым обязанностям подавальщицы. Время летело быстро. Я шмыгала от стола к столу, разнося ужин и напитки, а моя троица сидела очень тихо, лишь часто зыркала в мою сторону. Один из постоянных посетителей, добрый великан с усталыми глазами, кузнец Базил, даже пошутил неудачно по этому поводу:

— Ты, Алисия, седня приглянулась господам. Мотри, как бы не украли!

— Типун тебе на язык! — В сердцах шлепнула на стол его заказ, кружку с пенистым элем и сплюнула три раза через левое плечо. Поганец эдакий! Еще сглазит своими карими зенками. Только графского пригляда с похищением мне не хватало! Всю жизнь мечтала!

— А че, — заржал кузнец, нимало не смущаясь, — будешь вся из себя благородная!

Вот чтоб тебя и язык твой неугомонный! Моя тревога и природная подозрительность дружно подняли головы и вздыбили шерсть на загривках, как хорошо дрессированные сторожевые собаки на звук чужих шагов за хозяйским забором.

— Меня и тут неплохо кормят! — отрезала я, стараясь не вспоминать о мерзкой каше.

Вечер шел своим чередом, и вскоре посетители уже достаточно разговелись и захотели зрелищ.

— Алисия, спой! — посыпались со всех сторон просьбы.

Надо сразу оговорить: голоса мне бог не дал, но я брала душевным исполнением и разнообразным репертуаром. А в мире Сегала никто до сего времени не слышал о таких выдающихся песнях, как «Ой, цветет калина...», «Зайка моя» и «Сиреневый туман». На «ура» шли «Мурка» и «Владимирский централ». Мужики утирали скупые слезы и бросали нам мелкие медные монетки, из которых честно заработанной половины мне вполне хватало на оплату комнаты и даже иной раз перепадало на пирожок со стаканом молока или булочку.

Я снимала маленькую каморку у одинокой старушки неподалеку от трактира, потому что

некий жмот заломил несусветную цену за постой для персонала, и мне было гораздо выгодней ночевать в другом месте. Всего только приходилось таскаться каждые утро и вечер туда-сюда километра два, подумаешь... Кого волнует чужое горе!

— Ты готова? — задорно спросил меня Саймон, молодой смазливый музыкант, любимчик всех окрестных девушек.

— Как огурец! Зеленый и с пупырышками! — жизнерадостно заверила я и отправилась в угол огромного зала, где возвышалась небольшая платформа для публичных выступлений.

Саймон последовал за мной. Мы влезли на местный аналог сцены. Красавчик Саймон, усевшись на высокий табурет, тряхнул роскошными блондинистыми кудрями и томно вздохнул, прижимая к себе обожаемую лютню. Вот чем не эльф? И даже уши длинные и почти с кисточками на концах.

— Че поем? — спросила я зал.

— Лиска, про кошку давай! Любимую! — заорал какой-то подвыпивший мужичонка из дальнего угла. — Плачу!

— А я плачу, — пробурчала себе под нос. — Желание клиента — закон для сервиса! — Это в ответ погромче. — Деньги на бочку!

— Не вопрос! — завопили из другой части зала. — Гуляй, рванина!

— И те того же! — пожелала я, заводя: — «Мурка, ты мой муреночек...»

Пока я голосила, выжимая слезы и опустошая чужие карманы, моя троица все время таинственно шушукалась, периодически подзывая хозяина. Трактирщик низко и угодливо кланялся, трепетно прижимал руку к сердцу и каждый раз отвечал на множество вопросов. Ну, прямо викторина «Что? Где? Когда?»! Мне вся эта таинственность не нравилась до ужаса... При виде брюнета на душе скребли когтями черные кошки, нет, даже не кошки — целый отряд боевых пантер! Надвигалось тягостное предчувствие беды и грядущих перемен...

Но вскоре меня отвлекли от бесцельного анализа внутренних ощущений. В таверну ввалилась веселая компашка, вздумавшая отметить другану день рождения (которого он в упор не помнил), День ангела (которого у него отродясь не бывало) и просто задушевно посидеть за чашечкой водки (а вот это уже ближе к теме!). Все это и многие другие ненужные подробности мне рассказал один из корешей именинника, когда, делая заказ, отсыпал немного денег в мою ладошку.

Я поблагодарила, покивала и тут же в благодарность спела «Happy Birthday» и «Многие лета...». Мужикам понравилось. Они забашляли еще, и под чарующие звуки цыганской песни «К нам приехал, к на-а-ам при-и-иехал, Серугундий, да-ара-агой...» отправились праздновать день «граненого стакана», искусно замаскированный под почтенный юбилей.

Мне как-то в жизни везло и не везло одновременно, как будто удача с провалом скорешились и ходили за мной везде под ручку. Родители не подарили мне миловидную кукольную внешность, скорее, я напоминала гуинплена из романа «Человек, который смеется» Гюго, зато мне досталось богатырское здоровье, потрясающая работоспособность, неплохая соображалка и неувядаемое чувство юмора (иногда немного своеобразное, но дареному коню, как говорится, под хвост не заглядывают!).

В конце концов, на что жаловаться?

Я провалилась в болото, но сумела вылезти и даже не чихнула, шатаясь по лесу насквозь промокшая и замерзшая. Да мне даже мало-мальски заваливший хищник на дороге не встретился! Видимо, испугались...

Мокрая и голодная, болталась я по лесу достаточно долго, пока не набрела на лесную поляну с избушкой. Курьи ножки у домика отсутствовали, о чем я немедленно пожалела.

Куриный бульончик пришелся бы донельзя кстати, а чувство такта и вежливости потерялись где-то по дороге, так что я бы с огромным удовольствием отъела у избушки одну из ножек безо всяких угрызений совести. Жадный домик, скорей всего, это почувствовал и лапы поджал заранее, маскируя любимые конечности от таких, как я, неумных желающих. Забегая вперед, скажу: в избушке, в полном соответствии с народной традицией, так жила местная уважаемая Баба-яга, то бишь — знахарка-лекарка. Бабуля преклонных лет, но очень хорошо сохранившаяся (недаром говорят, мол, натуральные консерванты оставляют продукты свежими гораздо дольше, чем искусственные!).

— Алисия! — позвал Базиль, для привлечения моего внимания погрохотав кружкой по столу. — Спой че-нить душевное. Чтоб, значитцца, душу сначала развернуло...

— А потом сплющило! — понятливо хмыкнула я. Напомнила: — Не вопрос. За тобой долг. Три «ворона».

— Ты ж меня знаешь! — гулко хлопнул в необъятную грудь олимпийского атлета кузнец и, подперев мощной дланью буйную головушку, приготовился слушать. Я его действительно хорошо знала и спокойно верила в долг. Базиль рассчитывался честно и без обмана, не то что некоторые чернявые усатые проходимцы. Если я слышала от них: «Мамой клянусь, деньги завтра отдам!» — то уже точно знала — деньги будут, когда рак на горе свистнет. А Базиль заработал отличную репутацию. Должник раз в неделю всегда добросовестно отсыпал оговоренную сумму, еще и обязательно накидывая пару монеток сверху.

Денежная система Сегала меня страшно умиляла. Медные монетки назывались «воронами». Сто «воронов» составляли одного серебряного «ястреба». За десять «ястребов» давали одного золотого «оленья». Скажите мне, где тут логика?

По мне, так я бы называла деньги: медные — «синицами» (они всегда в руках), серебряные — «журавлями» (вечно в небе, и мы их практически никогда не видели. Лично я — один раз и то издали!), а золотые — «курицами» (чтоб сами неслись). Но это мечты, никто меня наверху не ждал и в финансовой системе государства советов не просил. А жалко... Я б им напридумывала...

— «Я не ангел...» — завела я любимую песню кузнеца, который сегодня вечером непременно перепоеет ее жене, чтобы не получить по уху за беспробудное пьянство.

Жену Базиля звали Нюхтусей. Имечко свое, я вам скажу, она оправдывала на все сто! Стоило громадному Базилю хотя бы понюхать пробку, как Нюхтуса бежала с ухватом наперевес — воспитывать своего непутевого муженька. Маленькая, тощая, но страшно жилистая молодка, вполовину меньше супруга-гиганта, держала последнего в «ежовых» рукавицах и почему-то питала ко мне странную слабость. В смысле, если Базиль налакивался под моим присмотром, то вместо обычной лупцовки ухватом или коромыслом по голове и плечам ему доставалось добродушное похлопывание по мягкой точке сковородником и ласковые укоры вполголоса: «Нельзя же так, милый, не то скоро тебе Алисия красавкой покажется...»

Так вот... тогда, когда я вышла к избушке и меня встретила лекарка, колоритно одетая бабуля с характерным платком на голове, мешавшая в чугушке пахучую жидкость, обильно сдабривая ее мухоморами, моей неокрепшей детской психике стало шибко худо (если не высказаться более резко). Потом к дяде Капцу присоединился северный зверь Песец с племянником по имени Гаплык, когда болотная «утопленница» сообразила, что бабулю не понимает абсолютно. Вообще. Ни на каковском языке, а знала я их четыре — неплохо, а с два десятка — в виде начальных общих фраз (все же иняз). Бабушка не «спикала», не «шпыхала» и не «хаблала». Не говорила по-польски, по-фински, на маратхи, урду, арабском или множестве других. Она даже по-русски упорно не разумела!

С большим трудом я выспросила у нее дорогу, больше пользуясь жестами и мимикой, чем полученными институтскими знаниями. Бабуля доброжелательно поглядела, поулыбалась, собрав в уголках добрых глаз лучики морщинок, и пригласила к себе.

Раздела, вытерла мокрую голову полотенцами, снабдила сухой одежкой. Эта святая женщина мне даже хлеба дала с теплым молоком!

Поблагодарив от всего сердца, я уже с комфортом, в чужой одежде потопала в сторону людных мест по указанной болотной тропинке. Очень хотелось успеть на последнюю электричку!

Лес окружал меня красно-желтым сиянием осени, шорохом опавшей листвы и редкими птичьими переключками. Где-то высоко цокала потревоженная белочка. Небо было низким и свинцово-серым. Наверно, в этом году грядет ранняя и холодная зима. Захотелось скорее прийти домой и забраться под теплый шерстяной плед, но я отчетливо понимала: придется еще трюхать и трюхать до электрички, а потом еще немало времени пройдет, пока я доберусь до родных пенатов.

По дороге меня радовали выглядывающие из травы грибы со шляпками всех цветов. Кажется, под листьями было полно белых, подосиновиков и груздей — целые семейства! У меня просто руки от огорчения опускались. Да тут золотой запас! Сухие белые грибы на нашем рынке жутко дорогие, мне не по карману. Жаль, я в грибах хорошо не разбираюсь, да и ножичка с корзинкой под руками нету, а то я бы не посмотрела на позднее время, нагребла себе грибов на всю долгую зиму. Но все же в карманы десятка два крепких боровичков от жадности напихала.

Я шла, жуя горбушку, и все удивлялась, как подобный раритет смог сохраниться в нашем безумном мире (имелась в виду сердобольная старушка).

И тут на дорогу выпрыгнул еще с пяток «раритетов» в разномастных одежках, живописно наверхенных одна на одну, и громадных, будто слоновьи калоши, разбитых башмаках. Если судить по количеству накопленной грязи на угрюмых заросших лицах, то раритетов о-очень древних. На тот же факт указывала и колоритная, местами оборванная и заштопанная разными цветами ниток одежда Средневековья. Кстати, замечу — качественная и довольно дорогая, потому что аутентичная. Во всяком случае, я ни фабричных тканей, ни резиново-пластиковых подошв, ни классически ровных швов, сделанных швейной машинкой, ни у кого из приблудившихся экстремалов мечемахательства не заметила. Все вещи, включая обувь и ножны, дорогой ручной работы. Мамы, девушки или толстые кошельки ролевиков постарались на совесть.

Вот умора! Не поняла, здесь снимают фильм? А камера где?.. Или ребята Толкиеном заигрались до полного умопомрачения?

— Мило, — сообщила я неосторожным толкиенистам. — Только стоило бы все же помыться после болота, а то в общественный транспорт не пустят, а в машине загнетесь от недостатка кислорода.

— Мням-мям! Пух-пах, ой-ей-ей! Кирдык няма! — заявил самый грязный и, грозно помахивая, наставил на меня топор с изъеденным ржавчиной лезвием.

Я подумала, что это местное приветствие суперменов, помешанных на ролевках, и воспроизвела в ответ серию пассов из ушу или каких-то еще восточных единоборств, увиденных по телеку:

— Кирдык-мырдык! Махалай-бахалай! Ассисяй! Маленьких ам низзя! — И погрозила им пальцем.

Мужики задумались. Дружно почесав граблеобразными лапищами засаленные затылки, они спросили с надеждой:

— Каретинус валуциос?

— Какие вы умные слова знаете, ребята, — восхитилась я. — Кто-то из вас медицинский заканчивал? Если да, то откройте страшную тайну, которую я не могу разгадать со времени прочтения в детстве «Пеппи Длинный Чулок»: если болит живот, то нужно лить на себя холодную воду или жевать горячую тряпку?

— Хрым! Няма! — взревел предводитель немытого воинства, приплясывая, словно ему срочно приспичило по-маленькому, а пойти некуда.

— Понятно, — впечатлилась я, идя на попятную. — Звиняйте, хлопцы, больше вас не задерживаю. Поняла уже, что лучше всего на прием к врачу.

— Куся! — завопил кто-то пчелой ужаленный. — Мату уй ату! Няма!

— Не поняла, — честно призналась. — Переведите, пожалуйста. Можно даже с сурдопереводом.

— У-у-у! — запрыгал подстреленным зайчиком бородатый главарь, сильно размахивая топором и делая зверское лицо. Насчет главаря — я так решила, потому что большая ржавая железка была только у него. Остальные обходились кухонными ножиками разной длины и степени наточенности или обломками кос.

— Ага, — поддакнула я, с интересом наблюдая за бесплатным спектаклем. Мне тогда и в голову не могла прийти мысль, что это настоящие разбойники, и они были вполне в состоянии убить или надругаться надо мной, завалив в первых же кустах...

— Алисия! — в который раз прервал воспоминания бас хозяина. — Что застыла столбом? Убираться пора!

Вот ведь! Я отключилась от реальности и даже не заметила, как разошлись... или расплозились последние посетители. Поблагодарив треплющегося с трактирной девкой Элеанусей (на самом деле Нуськой) Саймона и поделившись с ним заработанными деньгами, я ссыпала остальные в мешочек и спрятала за пазуху. Сползла с дощатой сцены, отправляясь выкидывать объедки, мыть и убирать все — от посуды до заплыванного семечками пола. Привычно складывая посуду на поднос и сноровисто сную туда-сюда от стойки к столам, я гнала воспоминания о том, как попала в прямом и переносном смысле... Но они упорно возвращались. Наваяло, видать, что-то...

Пучеглазый главарь разбойников тогда настолько растерялся от нелепости происходящего, что, возможно, впервые в жизни задумался. Мыслительный процесс происходил у него тяжело, со скрипом и интенсивным почесыванием в районе пупка. Допочесывался мужик до того, что у него отвалился тщательно лелеемый пласт грязи. Я с интересом проводила чернозем глазами и тут же краем глаза узрела другого задумавшегося мужика, который тоже почесывался, но уже в районе паха.

— Мужик! — проявила заботу о будущем его детей. — Прекрати, а то вдруг тоже что-то отвалится! — показала пальцем на кучку грязи.

Разбойник из моих слов ничего не понял, но прекрасно ухватил суть жестов и тут же сложил ручки наподобие футболиста, ожидающего в «стенке» пенальти. Только вот болезный забыл поместить нож в специально отведенное для холодного оружия место — ножны. Естественно, прямое несоблюдение техники безопасности привело к порезу в нежной области. Точное место назвать не могу — не видела за толстым слоем чернозема. Травму определила по корчащейся физиономии, согнувшемуся торсу и воплям сплюснутого в норе тушканчика.

— Курва! — заорали скопом мужики, выдав кое-что узнаваемое на всех языках мира.

— Козлы безрогие! — не осталась я в долгу. — Гамадрилы безрукие! Бандерлоги!

Они чему-то жестоко оскорбились и пошли на меня всем гуртом. Слаженно так пошли, и намерения у них были откровенно нехорошие. По голове гладить и пряник в ручки совать никто из них мне явно не собирался. Я шустро развернулась, испуганным зайцем давая стрекача в обратную сторону. Шутки шутками, а оказаться один на один с толпой злющих аборигенов-бомжей с членовредительскими наклонностями мне ну совершенно не улыбалось! Игры в партизанку-разведчицу мне как-то с детства не удавались. Всегда ловили. Пришлось спасаться бегством.

Совместный кросс получился коротким и предельно насыщенным событиями. Носиться по лесу в юбке — занятие, скажу я вам, с непривычки в высшей степени неудобное: спотыкаешься на каждом шагу и цепляешься за ветки и кусты. Забег наш мог бы

закончиться очень плачевно, если бы интуитивно я не вильнула в сторону и не выскочила на полянку, где около костра расположились на отдыхе десять экипированных в начищенное железо мужчин.

— СПАСИТЕ! — вопила я во всю глотку, нарезая «восьмерки» вокруг костра, рыцарей и жарящегося оленя.

Разбойники на автопилоте носились за мной, размахивая своим ужасающе антисанитарным оружием. Злостные хулиганы иногда спотыкались о разложенные где попало кучки железа.

Рыцари, которых мы так брутально потревожили, хранили зловещее молчание, ошалевшими глазами сопровождая наш «паровозик». Наконец кому-то из воинов пришла в голову дельная мысль: отловить «языка». Мужчина протянул бронированную длань и сцапал последнего в круге разбойника, таким образом, лишив того выигрышного приза — меня!

— Мурлин-мурло?! — грозно спросил рыцарь, встряхивая жертву.

— Мурло-мурло! — послушно закивал пойманный, указывая на меня.

— Не слушайте его! — на всякий случай громко предупредила я, выискивая, за кого бы спрятаться и немного перевести дух. Пока думала, моих разбойничков расхватали, и я осталась в одиночестве. — Он не просто мурло — он мегамурло!!!

У рыцарей буквально встали уши торчком. Они сильно удивились.

Я отдышалась и продолжила обличать хулиганов, тыкая пальцем в главаря:

— Чмо и всем мурлам самое мурлистое изо всех мурлей, вот те крест! — истово перекрестилась.

У рыцарей физиономии дружно выразили уже троекратный знак вопроса. Они переглянулись.

Впрочем, одиночество мое продлилось недолго. Меня тоже бережно пригреб к себе высокий рыцарь. Поскольку рост у нас оказался неравный, мужчина уселся на седло и вопросительно на меня уставился, задав непонятный вопрос на неопознаваемом языке:

— Приматус кворитус апорт тудой?

Я взглянула в самые красивые в мире глаза редкого фиолетового оттенка и чуть было не отдала ему (мужчине) сердце, а богу душу...

Но потом решила, что одному еще рано получать такой шикарный подарок, а у второго и так наверняка полный комплект баб. Поэтому взяла себя в руки и, спрятав сердце в пятки (чтобы соблазна не возникало), попыталась объяснить доступными методами:

— Я — шлеп-шлеп, — показала наглядно, как пошла за клюквой и как именно ее собирала.

Во время показа я ошастливила всех окружающих видом своей пятой точки в длинной юбке. Ползание по-пластунски перемежалось моими краткими комментариями. Все мужики, невзирая на степень помытости и антикварности, живо заинтересовались процессом...

Помощники мне не требовались. Поэтому, осознав, что все поняли, как правильно собирать клюкву, я поднялась в вертикальное положение и перешла к следующей части истории. Со словами:

— Буль-буль, го-оп! — изобразила, как тонула в болоте. Особенно достоверно у меня получились судороги и удушье.

Зрители отодвинулись. Реалити-шоу, видимо, показалось им излишне натуралистичным.

— Потом — шлеп-шлеп и ау-ау, — я убедительно продемонстрировала, как именно выползала из болота, держась за хлипкую ветку.

Коллективное молчание, и никакой реакции. Нет, я понимаю, что не актриса из японского театра пантомимы Кабуки, да и работают там только мужики, но все же...

Оглянулась по сторонам — каменные морды и молчаливое ожидание.

Я бойко продолжила повествование, сопровождаемое богатой мимикой, не дождавшись от зрителей честно заслуженных аплодисментов:

— Потом ням-ням и снова шлеп-шлеп, пока эти не хрясть-хрясть — и мы шмыг-шмыг! Понятно? — закончила душещипательную историю.

— Маргенус, — хладнокровно сделал вывод мой спаситель, украдкой (типа я, слепая, не замечу!) оглядываясь на остальных. Те, также украдкой (умники! Чтоб было незаметно, нужно снимать металлические перчатки, иначе очень скрипят, бренчат и выдают с потрохами!), дружно и выразительно крутили пальцами у виска. И усмехались при этом почти по-доброму. Ага! Так я вам и поверила!

— Что? — подняла я брови, прекрасно понимая суть жестов, но совершенно не улавливая дальнейших вражеских планов в отношении хрупкой беспомощной девушки, то бишь меня.

— Мутус ай филатус! Хрымба! — заявил рыцарь. Строго так. Властно. Типа: «Будет так, как я сказал — и точка!» Остальные забегали, меня тут же подвинули к костру, всучив кусок недожаренного мяса с подгоревшей до угольно-черного верха корочкой.

Я задумчиво покрутила в руках щедрые дары леса и робко попыталась откусить оттуда кусочек, не желая расстраивать гостеприимных рыцарей.

Х-хы! Слава богу, что действовала с опаской и не запустила зубы с размаху... Иначе там бы их и оставила. Колоритно бы смотрелся кусок оленины, украшенный моей челюстью. Воистину: бойтесь данайцев, дары приносящих!

— Шпасибо! — поблагодарила я за угощение, проверяя языком наличие зубов. Никак не могла с ходу определить: двадцать восемь — это норма или патология? — Я шыта!

— Лапуся, хлюпус! — отреагировал один из наблюдающих за мной рыцарей (разбойников к тому времени обезвредили и надежно примотали к близлежащим деревьям, создав определенный антураж), протягивая мне рог, наполненный жидкостью.

— Ну, если «лапуся»... — растаяла я. — Тогда давай на брудершафт, красавчик.

Но мужик поскромничал и ретировался раньше, нежели я успела его остановить. Не повезло.

— Вот так всегда! — резюмировала я, грустным взглядом провожая особь противоположного пола, отдавшую предпочтение проверке крепости веревок разбойников общению с милой девушкой. Смертельно обиделась на жизненную несправедливость (столько красивых мужиков, а я, как назло, выгляжу страшнее бомжа!) и горестно отхлебнула из тяжелой, украшенной золотистыми металлическими завитушками посуды.

Так я впервые познакомилась с местным алкоголем... Вино, надо сказать, оказалось чудесным! Фруктовое, пахнущее спелой земляникой и оставляющее чуточку терпкое послевкусие благородной синей сливы. По жилам пробежала волна тепла, жизнь сразу показалась не такой уж мерзкой и беспросветной. В конце концов, я жива-здоровая, относительно сыта, согрета, если не душевным теплом, то костром и сладким вином. Хороший пикничок намечался! В уютной компании. По крайней мере, враждебности ко мне никто не проявлял. Наоборот, вон, даже теплый плащ дали, чтоб немножко пофорсить!

— Мужики, — спросила я, благосклонно поглядывая на молоденького оруженосца, укутывающего меня в шикарный плащ, отделанный черным мехом, — гитара у вас в наличии есть? Как насчет песен около костра?

— Пезни? — переспросил русоголовый оруженосец. — Копыло шварк «пезни»?

— Темнота! — пожалела я бедного. — Песни — это... «Милая моя, солнышко лесное...» — загорланила от души, размахивая рогом.

— Ту-ту уду? — встревоженно подошел к нам один из рыцарей.

Мужественный блондин с синими глазами и ямочкой на подбородке был так хорош, что я застыла на полуслове, но потом опомнилась и снова обиделась:

— Сам ты «ту-ту»!

— О! — обрадовался блондин. — Лапуся хвыр ту-ту!

— Приплыли! — Настроение стремительно падало вниз по причине языкового барьера. Откуда я знала, что в их языке значило «ту-ту» и почему они не говорят по-русски, будучи в нашем, русском же лесу? Может, вражеские диверсанты? Ага, в униформе тевтонских рыцарей! Или завезли каких-то дятлов из глуши по обмену опытом?

А где тогда переводчик? Или толмач в лесу им не нужен? В самом деле, оленям, что ли, переводить? Кто ж знал, что я им на жизненном пути попадусь? Места глухие, разумом не тронутые... пардон, цивилизацией не испорченные. Все же как-то странно. И чем дальше, тем сложнее разобратся. Но должно быть хоть какое-то разумное объяснение? Или нет?

Из моих рук вывалилась и со звоном упала глиняная кружка, разбиваясь на черепки.

— Девка безрукая! — ухватился за новый повод слегка подрать глотку господин Бормель, который вообще иначе как криком обычно не разговаривал. Считал, гм, ниже своего достоинства и вырабатывал командный голос.

Когда-то на заре карьеры, в далекой юности, трактирщик пару месяцев прослужил в армии Сегала наемником, пока его не вытурили за лень и несоблюдение приказов. Зато за весьма короткое время господин Бормель сумел завязать тесные дружеские отношения с интендантом и хорошенько нажиться на продаже фуража и обмундирования. Это по секрету однажды поведала кухарка, когда в очередной раз изливала необъятную душу и открывала мне глаза на неприглядные замашки благоверного. Да-да, трактирщик пользовался немалым спросом у незамужних дам и весьма высоко котировался!

Городок, в котором я обосновалась чуть больше года назад, был маленьким, и практически все жители друг друга знали. Если не по именам, так в лицо. Вот меня уж точно знали все!

Во-первых — потому что рыжая, а это в северных краях редкость. Рыжая масть гораздо чаще встречалась на юге страны, а там, где я сейчас обреталась, моя грива производила впечатление хэллоуинской тыквы. Вроде предмет привычный, но поглазеть все же стоит: вдруг оживет и напугает!

Во-вторых — я пришлая и сумасшедшая. Об этом шептались на всех углах. Даже не скрываясь. Чего уж там стесняться, если нормальная взрослая девка понятия не имеет о местном укладе, законах и ничего не умеет делать? К слову сказать, я пробовала себя на разных работах, в основном — сельскохозяйственных.

Мда-а... после нескольких несчастных случаев на производстве пришлось навсегда забыть о карьере селянки. Мне с трудом удавалось справиться с вилами; я чудом не зарезалась серпом; едва не утопла в колодце, когда наклонилась за ведром и упала вниз; за мной гонялся взбешенный бык, которого я по неопытности приняла за корову и попыталась доить. А я виновата, что было темно и он ко мне задом стоял?

Ну и, в-третьих — я работала в трактире, куда, так или иначе, наведывался весь город. Мужья — за выпивкой и девками, жены за мужьями и за девками (за волосы потаскать для профилактики), приезжие — за комплексным набором услуг: выпивкой, девками и ночлегом. И так далее...

Так что меня знали все не только в городе Фряале (милое название, правда?), но и в

близлежащих селах. А после ярмарки... вспоминать страшно...

— Ты долго еще будешь возиться? — стонал над моей невинной душой мстительный призрак буржуазии в лице господина Бормеля. — Пора спать! — И, чтоб не портить впечатление от своих слов, широко зевал так, что в рот могла залететь не муха, а целый отряд летучих мышей.

— Дык идите, — проскрипела я, прилежно заканчивая бесконечно нудную домашнюю работу. Недоуменно фыркнула: — Кто ж вам мешает?

Такая перебранка у нас случалась всякий раз. Господин Бормель путал прислугу со святым духом: та должна, по его мнению, убирать все по мановению руки и после сего действия бесследно испаряться. Я же необходимыми идеальными качествами не обладала и по воздуху летать не умела, поэтому приходилось по старинке, на своих двоих.

Что же касалось оплаты... здесь он меня существенно повысил и вообще приравнял к Мари... Мори... все забываю ихнего религиозного покровителя. Факт тот, что, по легенде, мужик питался святым духом; и мой хозяин тоже наивно полагал, что платить подавальщице, мойщице посуды и уборщице в моем лице не нужно, а есть мне и вовсе не обязательно — баловство одно, перевод продукта.

— Ты! — повысил громкость трактирщик. — Мне нужно дверь запереть! Убирай все и выматывайся. А стоимость кружки я вычту...

— Эй, придержите коней! Ничего не выйдет, вы мне ни шиша не платите! — напомнила я. — Я за харчи тут тружусь и из любви к искусству.

— Ах, да! — с глубоким внутренним сожалением вспомнил о нашем договоре эксплуататор. Тут же ловко вывернулся: — Тогда придешь завтра на час раньше!

— Так, может, мне вообще не уходить?.. — ненавязчиво поинтересовалась я, прикидывая, стоит ли нынче спорить с работодателем или послать прямым текстом сразу по далекому, но надежному и проверенному маршруту, давно известному каждому русскому товарищу? Решила не рисковать.

Собрала крупные черепки, смела мелкую крошку и, залив грязную посуду мыльной водой, была готова на выход. Трудовой подвиг плавно перешел в отдых, чтобы закончиться не начавшись. На сон мне оставалось около шести часов, включая дорогу к бабушке и обратно. Завтра труба снова протрубит в бой за право выживания под солнцем.

У меня здесь не было отгулов, воскресных и праздничных дней, выходных, больничных и отпускных. Мне приходилось вваливать полной мерой, чтобы обеспечить свое нищенское существование. И впереди ничего не светило. Накопить денег на свой собственный, пусть и маленький, бизнес не представлялось возможным. Замуж меня тоже вряд ли кто возьмет без солидного приданого. Разве уж если только кто-то совсем жадный: на охране экономить. Как говорится: «Сами кобели — и собаку завели!»

Я переобулась из трактирных сабо в уличные, на более толстой подметке. Накинув на плечи пуховую шаль, подаренную мне одной из сердобольных посетительниц (на самом деле, тетка облилась черничным соком и пожалела выбрасывать почти новую вещь), я неохотно потопала к выходу. Было очень жаль себя. Еще я злилась на жадность нанимателя. По дороге добросердечная Магдалена сунула мне горшок с остатками постной похлебки. С благодарностью кивнув, я прижала еще теплую посудину к груди для дополнительного обогрева, зевнула и сонно шагнула в холодную ночь.

Дверь за спиной громко хлопнула, за ней раздалось привычное лязганье металлических засовов в количестве пяти штук. Я весело хихикнула над людской глупостью. Ну не бред? Он входную дверь герметично законопатил, словно люк в подводной лодке, нож в щель не просунуть, зато окна на кухне никогда не закрывались! Магдалена обожала свежий воздух скотного двора. Говорила: дескать, незабываемый аромат скотника напоминает ей беззаботное босоное детство.

Поежившись от ночной прохлады и еле переставляя ноги от усталости, я зашлепала по грязи и лужам привычным маршрутом. Но лишь только миновала ограду трактира и

будет.

— Ой! — раздался удивленный возглас экзекутора. — Гляди-ка, у девчонки голова как горшок!

— На себя посмотри! — оскорбилась я.

— Заршу мне в бок да через колено! У тебя когда-нибудь рот закрывается? — вдруг поинтересовался ушибленный на руку горшком и на мозги богом.

— Да! — радостно призналась я. Радостно — потому что мы стояли, и посудина ко мне не приближалась. — Когда я ем! — процитировала: — «Когда я ем — я глух и нем!»

— А давайте мы ее покормим! — воодушевившись, выдвинул скромное предложение мой собеседник тире похититель.

— Как? — подошел второй похититель, поскрипывая чем-то. Боюсь предположить — своими мозгами.

— А мы дырку около рта прорежем, — выдал восхитительную идею первый.

— Зачем тогда мешок? — озадачился второй, не прекращая назойливое поскрипывание. Мыслительный процесс затянулся?

— Для антуражу! — подсказала я, наслаждаясь отдыхом.

— Не пойдет! — не согласился второй. — Господин граф велели...

— У-у-у! Коварный злодей! Так и зна-ала, что он появился у нас не к добру! — взвыла я, немного отдохнув и набравшись сил. — А-а-а! А... какого рожна этому графу от меня надо?

— Дык нам не докладывают, — честно ответил первый.

— Плохо, — грустила я. — Могли бы и сказать заранее, за что сейчас страдать будете!

— Чей-то? — удивились мужики вдвоем. — Те рази плохо?

— Мне хуже всех! — безапелляционно заявила я.

— Чей-то? — заело пластинку.

— Мне мокро, жарко, душно, холодно, некомфортно и... — начала перечислять факторы неудобств.

— Баба... женщина, — резюмировал первый похититель.

— Девица, — испуганно поправил второй, звучно трюхаясь в седле рядом.

— А что такое? — влезла я с вопросом. — Вы меня не для ЭТОГО сперли?

— НЕТ! — открестились мужики. — Бог с тобой, девка, у нас жены!

— Обломали, значит... — расстроилась. — А я-то обнадежилась...

— Ты это... — замялся второй, — не обижайся, но у нас приказ. Нам ты надо привести к господину графу, а уж он...

— Что?! — не поверила я своему счастью. — Хоть он-то вспылал ко мне неземной страстью?

— Их светлость не сказали... — растерянно доложили мужики, топчась рядом.

— А что сказали? — проявила любопытство.

— Сказали, мол, тебя нада украсть и к нему привезть, — выдал программу-минимум второй похититель.

— И еще что? — продолжала допрос, вися головой вниз.

— Ничаво, — растерялся мужик.

— Совсем? — углублялась в ситуацию.

— Ну, дык... — замялся похититель. — Сказали, дескать, чтоб без мужских, хе-хе, штучек. Сказали — знаю, что ночью все кошки серые, но чтоб ни-ни...

Пропустив вторую, обидную часть мимо ушей и поклявшись себе отомстить графу со страшной силой, я загорелась любопытством выяснить:

— А у вас, значит, мужские штучки есть?

— Дык, есть, — нехотя признались мужики.

— И посмотреть можно, — продолжала я пробираться к сути.

— Че?.. Прям при свете? — испугались мужчины.

— А что, они у вас светобоязливые? Как вампиры? — изумилась я, ухихикиваясь. — Как солнце увидят, так сразу в норку прячутся?

— Че сразу в норку! — жестоко оскорбились похитители. — Просто господин граф предупредили, что ежели что... то он нас — того...

— Чего — «того»? — Мне была интересна моя степень нужности графу.

— Лишит потомства, — с тоскливым вздохом признались мужики, — будущего!

— А-а-а! — прониклась я. — Ясно. Это серьезная причина. Тогда, может, развяжете — и спокойно доедем?

— Ты нас, девка, уж прости, — покаялся второй похититель, — но у нас евойный приказ. Потерпи чуток. Скоро уже будем на месте.

И мы снова запрыгали по дороге. Я и горшок. Под мой несмолкаемый аккомпанемент. В конце концов, у меня получилось хоть немного защитить лицо. Мокрые веревки ослабли от моего ерзания, и мне удалось чуть вытащить одну руку и прикрыть лицо, пригнув голову.

Ехали мы, ехали и наконец приехали... В смысле — наш караван прибыл к месту назначения. Я почувствовала, как бег животного замедлился и жеребчик, или кто там у них был под седлом, вскоре остановился. Меня осторожно сняли, перевернули личиком вверх (вот спасибо, благодетели! Горшок тут же наделся мне на лицо!) и потащили. Тащили минут десять гулками коридорами, поднимаясь по лестницам. Я уж было подумала — задохнусь во цвете лет. Но не успела. Все же донесли.

Меня поставили на ноги и сдернули мешок. Факир был пьян, и фокус не удался! Горшок не улетел с мешком, а плотно оседлал мою голову, наподобие короны. А что? Я у себя в душе всегда королева!

— Почему она мокрая? — раздался мерзкий голос графа. — Что это?

— Это слезы! — радостно заявила я, щурясь на свет одним глазом, потому что второй открываться не хотел. Мир виделся сквозь неясную радужную пелену, меня мутило и качало. От моего костюма несло, будто от помойного ведра — прокисшей похлебкой, конским потом и еще черт знает чем. Внутри термоядерным комом опять начала разгораться лютая обида и злость.

— Так много? — поразился Алфонсус.

— А то! — возгордилась я. — И сейчас я немедленно кое-кому продемонстрирую, как именно страдала!

— Не надо! — протянул руки в жесте отрицания подтопанный граф. — Давай по...

Я перебила:

— Надо, Фоня, надо! — настойчиво уговаривала его, стягивая с головы горшок и начиная постукивать по доньшку наподобие тамтама. Ух-х! Ритм войны.

Граф отодвинулся, расширенными глазами глядя на приближающееся чудо, подтанцовывающее в нервной судороге.

Я обвела всех присутствующих безумным взглядом, запоминая дислокацию. Но Алфсуслик подстраховался и, кроме нас двоих, в кабинете никого не было.

— Аг-га! — обрадовалась я, умело отсекая мужика от двери.

— Алисия! — предупреждающе прикрикнул их светлость. Впрочем, очень неуверенно прикрикнул. Без огонька.

Я воодушевилась и метнула в него родной горшок, напевая:

— «В тропическом лесу купил я дачу, Она была без окон, без дверей. И дали мне в придачу к этой даче Красавицу Мальвину без ушей».

— Алисия, прекрати! — начал более мягко увещевать меня барин, шустро отпрыгивая и ловко уворачиваясь от летящих в него тяжелых подручных предметов.

— Я еще не все спела! — проурчала я. А что вы хотите? Похищенная женщина — это вам не шутка! — Тебе, зайчик мой, не нравится, как я пою?..

— Нравится! Очень нравится, — расцвел слащавой улыбкой граф, усиленно подлизываясь, что меня насторожило и обозлило еще больше. Когда такие, как он, вдруг подлизываются — жди для себя большой армагеддец! — Только присядь, золотко мое, давай поговорим.

Нетушки. «Эту песню не задушишь, не убьешь!» Нас не подкупить такой фальшивой монетой.

— Щас! Непременно! — согласилась я, примериваясь к метательному снаряду системы канделябр. — Как токо допою — так сразу и поговорим. Подробно. Если от тебя что-то останется, пряткий ты мой!

Метнула, промазала и провыла:

«Одна нога была у ней короче, Другая деревянная была, Один глаз был фанерой заколочен, Другим совсем не видела она».

— Девушка! — грозно заорал их светлость, который уже больше своей хитро... мудрой головушкой на фоне обоев не отсвечивал и благоразумно предпочитал отсиживаться в засаде под столом, пока гибло его бесценное родовое имущество. — Это может плохо кончиться!

А я продолжила развлекаться.

— Для тебя, мой птенчик, — точно! — парировала его угрозу.

— Почему для меня? — высунул любопытную голову граф из-под стола и тут же спрятался обратно, увидев фурию, вальяжно разлегшуюся на столешнице и поигрывающую ножом для вскрывания писем. — Я могу позвать слуг!

— Можешь, — не стала отрицать я очевидного. Зачем? — И они даже придут. И меня, как ни прискорбно, скрутят мигом... Вот только вот ТЫ потом всю жизнь будешь кричать очень тонким голосом и при желании сможешь выступать сопрано в хоре мальчиков. Это как раз я успею!

— Стерва! — обиделся Алфонсус.

— Суслик! — не осталась я в долгу.

— Деревенщина!

— Эксплуататор!

— Вот и поговорили, — надулся граф. Пустил «замануху»: — А у меня к тебе есть деловое предложение...

— Да-а? — проявила я необъяснимую склонность к милосердию. Как говорится, «только для вас и только сейчас — скидка на беседы с похитителями по цене два в одном!». — Ладно. Объявляю временное перемирие. Вылезай на переговоры.

Противник пока не решался. Умничка. Так и запишем: не по годам умен, легко поддается дрессуре.

Я обвела удовлетворенным взглядом разгромленную комнату, скромно заметив:

— Кабинет был обделан в лучших традициях!

И насладилась скорбным стоном графа, созерцавшего разруху.

— Все так плохо? — решила для разнообразия побыть добренькой.

— Это был мой любимый кабинет... — грустно сообщил мне Алфонсус и высморкался в необъятный носовой платок с монограммой.

— Мда-а? — скромно устыдилась я. — А зачем в дорогое гостей пускаешь? Не все, как я, смиренные, могут порой и в глаз дать.

— Лучше бы в глаз, — вздохнул мужчина и посмотрел на меня исподлобья, как будто прицениваясь: если меня продать, то покроет ли прибыль понесенные им убытки? От его пронизывающего взгляда засвербело в носу. Захотелось почесаться и заверить, что нет. За меня много не дадут!

— Дать? — вернулась к теме разговора.

— Чего? — как-то насторожился, даже скорее — испугался граф, незаметно отодвигаясь.

— В глаз, — невинно напомнила ему о его пожелании, надувая губы и делая их похожими на большой сковородник.

— Не надо, вот уж обойдусь без этого счастья, — отмахнулся господин, усаживаясь в кресло и предварительно смахнув на пол осколки антикварных статуэток, по которым я устроила стендовую стрельбу не менее антикварными тяжелыми бронзовыми подсвечниками. — Давай лучше поговорим о наших делах.

— Давайте поговорим... о ваших делах, — беззаботно согласилась с оратором, все еще сидя на столе и счищая с единственного платья прилипшую вареную репку. При этом во все глаза (второй глаз к тому времени открылся) пялилась на своего похитителя.

Напротив меня величественно восседал высокий худощавый мужчина в роскошном бархатном костюме а-ля «Генрих Восьмой».

На вид мозгляк, хотя его подбитые ватином плечи и широкие рукава частично скрыли этот довольно-таки существенный для мужского пола недостаток. Лицо породистое, узкое. Хитрые, близко посаженные глазки темно-карего цвета, маленькие и блестящие, вместе с узким подбородком и большим горбатым носом создавали картину мелкого грызуна. Ну, пасюка такого молоденького или мышши-переростка. На лице застывшее выражение ехидства.

Когда слегка ехидная усмешка сползает, открывая истинное лицо графа, то наружу мельком иногда выплывает глубинная суть этого человека. А суть... глянешь — полночи икаться будет. Не приведи Господи! Как говорят: «Глаза — зеркало души»? Ну так выражение глаз графа в определенные моменты становится расчетливым, жестоким и холодным. Как зеркало в потемках — ничего не видно, но очень страшно. Душа убийцы. Такому палец в рот не клади. Зарежет маму с папой и не поморщится.

— Милая, ответь на один интересный вопрос...

Всего только один? Многозначительное начало. От такого жди грандиозных пакостей.

Я зажмурила глаза и сразу приготовилась решительно отказываться от заманчивого предложения стать чьей-то любовницей.

— ...Как ты смотришь на замужество? — вкрадчиво поинтересовался Алфонсус, одним глазом присматривая за мной, а вторым любуясь на красивый зеленый камень в кольце на указательном пальце. Он на него даже подышал благоговейно и вытер потом о камзол.

С трудом подавив в себе порыв попросить разрешения тоже вытереть грязные руки о его камзол... И вообще — использовать его одежду вместо носового платка... Я быстро передумала: слишком много золотой вышивки — моську на камзоле оставишь и лишишь человека последней привлекательности. Представляете графа с моей физиономией спереди вместо ордена? Жуть!

Моя интуиция ожидала от Альфика пакостей? — она была права! От «радостного» известия мои глаза немедленно широко открылись. Мало того, прямо скажем — их выпучило!

Я поехала от своих мыслей и задумалась:

— Тайм-аут! Беру минуту на размышление! Это серьезный вопрос, требующий вдумчивого рассмотрения... — Следом: — А кто жених?..

— Кто жених, кто жених... Ты вот сначала признайся, как на духу: замуж хочешь? — начал играть со мной в русскую рулетку граф.

С нормальными женщинами играть на «слабо» или проверять интуицию станет только дурак, но графу о подобных тонкостях, по всей видимости, никогда не рассказывали. А я в азартные игры сама не играла и другим не советовала, поэтому срезала его поползновения под корень:

— А поговорить? Жениха показать?..

Граф занервничал.

У меня замельтешило в глазах от резких движений, бликов графских драгоценностей и ярких тканей. Справляясь с приступом головокружения, я расправила широкую юбку и уселась на столе в позу полулотоса. Расставила руки в стороны, сложив колечком указательный и большой пальцы, замычала: «О-ом-м!» — и впала в нирвану.

— Милая, тебе сказочно повезло! Дурнушка вроде тебя и мечтать не смеет о подобной участи! — бесцеремонно влез в мои мантры надоедливый голос графа. Его маразм крепчал: — Ты выйдешь замуж за принца!

Атас! Вздрогнув от неожиданности, я свалилась со стола и крепко приложилась головой об пол. Высокородный прыщ или рехнулся на старости лет, или прокисшими сигарами обкурился. Не иначе.

Или жестоко издевается...

— За ко-ого? — с трудом распутавшись из сложной позы «под столом с ногами узлом», переспросила я и вылезла наружу, демонстративно ковыряясь в ухе.

Мои волосы торчали дыбом, в голове после экстремальной поездки и последующей баталии до сих пор гудело. Я чувствовала себя кикиморой, той, что «из лесу, вестимо!», и, в общем, была абсолютно не расположена к изощренным издевательствам посторонних.

— За принца!!! — патетично воскликнул граф, глядя на меня безумно счастливыми глазами, как будто только что ему отвалили миллион «олений» и гарантированный доступ в рай.

— Мне еще нет тридцати! — уверенно отвергла я заманчивое предложение, твердо памятуя — бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

— При чем тут возраст? — не понял дремучий мужчина.

— Как при чем?! — терпеливо ответила я и старательно запела, слегка кочевряжась: — «Если даже вам немного за тридцать, Есть надежда выйти замуж за принца!» А мне еще далеко до этого благословенного возраста!

Граф замер, глупо моргая.

Наверно, пытался уложить в аристократическом мозгу мою незатейливую девичью логику. Но то ли у него у самого с логикой наблюдался некоторый дефицит, то ли день был критический: Луна не сошлась с Марсом, и Марс ушел к Венере; то ли еще почему... В общем, Алфонсус внезапно активировался и заорал клюнутым в одно место петухом:

— Я сказал, выйдешь — и точка!

— Мне больше нравится запятая... — скромно потупилась я. — У нее хвостик есть, и она оставляет еще много недосказанного пространства!

— МОЛЧАТЬ! — завопил аристократ, показывая свой норов. — Как я сказал, так и будет!

— Ладно, — не стала усугублять я скверное положение и попробовала зайти с другой стороны: — А у вас что, свои принцессы закончились? Кстати, где?

— Нет, — мрачно сказал граф, вздыхая так звучно, что мне стало страшно. Что-то было в этом от рева голодного тигра. После благородный господин чуть-чуть взял себя в руки, успокоился и, поправляя примявшуюся кружевную манжету, нехотя продолжил: — Принцессы в Глеховии не закончились... Она сбежала, зараза такая!

— А я тут при чем? — задала резонный вопрос, совершенно не понимая, чем смогу помочь в данной ситуации.

— При том! — отрезал его светлость. Мужчина снова уселся в кресло и передвинул его, чтобы видеть меня, с удобством устроившуюся на полу. — Ты ее заменишь!

— Кто? Я??! — У меня в голове зашкалило от подобной дурости. Ну вот сколько надо было выхлестать неразбавленной сивухи в том трактире, чтобы до такой глупости додуматься! Он бы еще удумал меня уговаривать феей на полставки подработать! С топором! Вечно у этих барчуков все не как у людей!

— Нет, я! — снова начал пускать ноздрями пар Алфонсус.

— А вам пойдет! — аккуратно подольстилась к нему.

— И ты зараза! — резюмировал граф. — Все рыжие — заразы!

Положим, согласна... Но вслух ему не скажу! Нечего снабжать врагов важной информацией!

— Да? — Я расслабленно задумалась над древним, как мир, генетическим исследованием: «Влияние на характер цвета волосяного покрова». Уже чуть было не попросила бумаги — тезисы записывать, но меня перебили.

— Да! — грозно сдвинув брови, заявил побочный выхлоп аристократии. — Мне нужно выдать принцессу замуж — и я ее выдам!

— Ага — ага!.. — кулацким подпевалой поддакивала моя персона, благоразумно опасаясь справедливого возмездия за погром и непочтительность.

Убить этот графеныш вряд ли убьет, а вот язык может оказаться не самым главным органом... Да и молчаливые принцессы наверняка котируются выше.

— А ты, — в жертву похищения женского пола невежливо ткнули пальцем, — мне поможешь! Если жить хочешь!

Я благоразумно промолчала, хотя на кончике языка крутилось много едких фраз. Но, как говорится: «и жить хорошо, и жизнь хороша!» — и желательно в дальнейшем существовать без свернутой набок шеи.

— Матиас не должен распознать подмену, — цепным кобелем забегал вокруг меня граф,

заставив спрятаться в надежное убежище (под стол) — а то вдруг придавит ненароком аристократической пятой сорок третьего размера? — Он ее только в возрасте трех лет видел.

Я сидела под столом, не отзываясь на заманчивые вражеские лозунги. Еще чего! Я ж ему не курица, чтоб меня топтать!

Граф продолжал прицельными залпами выносить мой мозг:

— Он после того никогда не встречался с Алиссандрой! Принцесса всю свою жизнь просидела в монастыре! Всем известна лишь одна, весьма приметная деталь — принцесса рыжая!

— А как насчет внешности? — вякнула я из укрытия, в глубине души жалея и принцессу, и принца.

— В смысле? — Алфонсус прекратил нарезать круги и заглянул ко мне под стол.

— В СМЫСЛЕ?! — очертила указательным пальцем свое лицо: — Принцессы ТАКИМИ не бывают!!!

— Эт точно, — согласился граф. — Они бывают гораздо... еще хуже! А все внутриродственные браки. Вот и моя племянница...

— Кто-о? — изумилась я, подскакивая и ударяясь многострадальной головой о столешницу. — Племянница?

— Ну да, — скуксилсся аристократ. Недовольно изложил суть проблемы: — Ее родители заключили много лет назад дурацкий договор — или отдают свою дочь в жены принцу, или возвращают богатые земли на границе...

— И что земли? — Это просто так, для поддержания разговора.

— Да мне гораздо легче девку ему найти! Рыжую! — возмутился добрый дядя. — Чем расстаться с таким богатством!

— А-а-а! Да, земли — это круто! — А про себя подумала: «Даже у нас на Земле». — А родители как? Согласны?

— Рад бы спросить их сиятельства... — лицемерно вздохнул Алфонсус и закатил глаза. — Да они пять лет как умерли...

«Ага, а ты пять лет как прибрал к рукам жирную кормушку». Эта умная мысль осталась при мне.

— Скорбите, наверное? — это уже вслух.

— Ужа-асно! Мне очень не хватает моей дорогой сводной сестры! — весьма натуралистично всхлипнул аристократ и пустил крокодилову слезу.

До меня дошло, что прав наследования мужик не имеет и сейчас подрабатывает, скорей всего, регентом или опекуном. Ну, или сразу на две ставки одной попой трудится.

— Хотите знать чистую правду, почему она сбежала?

Граф невольно кивнул. Может, и не хотел знать, просто случайно вышло.

— Наверно, ваша принцесса озверела, — рассеянно выдвинула я предположение, не собираясь утирать мужику лицемерные сопли.

Видно же со стороны! Если и самолично родственников в могилу не свел, то, весьма вероятно, активно в том поучаствовал. Ну там колеса салом смазал... или коней за хвосты подергал... Или, возможно, от одного его присутствия внезапно отравились все съедобные продукты... Предположения просто роились в моей голове, активно готовясь свить гнезда и произвести потомство в виде новых вторичных версий...

— С чего бы?.. — не понял моей кристальной логики граф.

— Так всю жизнь в монастыре за решеткой сиднем сидеть и псалмы петь — любая озверевает и начнет на людей кидаться! — заверила его я.

— Всего-то жалких восемь лет! — возмутился Алфонсус. — Могла бы и потерпеть!

— Так у вас принцесса совсем дите? — Я собралась на страшный бой — отстаивать права бедного ребенка.

— Ничего себе, дите! — уставился на меня обиженный аристократ, изящно потирая виски.

Его жесты вызвали у меня произвольный смех. Да такому талантливому актеру в нашем мире не было бы цены. Его бы сплошь и рядом приглашали бы играть в комедиях Мольера. Аристократические жесты сопровождались такой мимикой...

Ну не верю я, что он и в самом деле тот самый потомственный аристократ. Чувствовалось, в моем собеседнике пропадает недюжинный талант пародиста. Неужели он за собой его не замечает? Может, он бастард? Или на детях гениев природа отдыхает?

— Да она перестарок! Восемнадцать лет дылде! У другой уже было бы четверо детей. Или пятеро...

— Ага, — задумалась я, почесывая многострадальный нос. Графская логика была на грани фантастики. — А почему тогда всю жизнь? По моим скромным подсчетам... — Я продемонстрировала ему загнутые пальцы: — Она туда в десять лет должна была попасть!

— Разве это жизнь?.. — совсем нелогично и крайне загогулисто ответил вопросом на вопрос граф.

Видимо, у него в прапрапрадедушках числился некто Моисей. Тот тоже любил ходить извилистыми тропами. Часто и долго.

— И еще! — Мужчина поизучал мои кулачки, вздохнул облегченно и страшно обрадовался: — Ты умеешь считать!

— И писать! — тут же встряла я. И кто меня дернул за язык? Не могла смолчать, спрашивается?

О, дела! Граф зацвел и заблагоухал, словно куст персидской сирени в начале июня. Махровой. Как будто я ему на день рождения пряник подарила и беспроводной Интернет с телевидением, по которому эротический канал день и ночь крутят. Анлимитед!

— Еще я петь умею и крестиком вышивать... на нервах, — нескромно похвасталась я богатством талантов.

— А музицировать на лютне? — Ну вот оно ему надо? Меня — на лютне?! Наи-и-ивный! А беруши ты с собой взял? Комнату коврами в три слоя, включая потолок, обвесил? Остальных из зоны поражения вывел?

Категорически:

— Нет! — Я не враг своим пальцам и чужим нервам. Мне пожить хочется.

Судя по лицу, прочие украшения обликоморале его рыжей протезе графа не заинтересовали. Жаль-жаль... А я еще про химию и физику не упоминала. И про — бр-р-р! — тригонометрию с тангенсами и котангенсами. Или арктангенсами?.. Уй!

А про культурологию, философию и педагогику я даже под пыткой говорить не стану. Самой страшно. Как раз на втором курсе в конце года должна была сдавать. Это средневековым схоластикам не решать в многолюдном собрании ужасно актуальный вопрос, сколько ангелов поместится на кончике иглы! Как вспомню, сколько мне предстояло заучивать и конспектировать ночами... сразу вздрогну. Травматично для неокрепших мозгов.

— Чу-удесно! — восхищенно пропел Алфонсус и захотел слинять из нашего убежища. Ну

да! Кто ж такому даст?

— Куда?! — одернула его за камзол, возвращая на историческую родину. — Мы еще недоговорили. Пошто бедную девку, вашу племянницу, восемь лет в монастыре гноили?

И в самом деле, интересно же, чем она всем настолько насолила, чтобы урожденную принцессу упекли в монастырь? Не верю я, что девочка была настолько уж плоха. Может, она от рождения дебилка или психически больная? Вряд ли... Скорее всего, дело тут в другом. А вот в чем?

Граф тяжело вздохнул, скривился, как среда на пятницу, но пояснил:

— Сначала ее на исправление туда отдали — очень характер был своевольный и неуживчивый... Что ни слово — все поперек. Сколько голодом ни морили, сколько розгами задницу не мочалили — не помогало.

Какой аргумент! Я в отпаде. Они рабыню или герцогиню себе воспитывали?

Оправдываясь, мой «инопланетянин Альф» расширил картину жизнеописания несчастной:

— А потом, после смерти родителей — забыли забрать. Да она вроде и не жаловалась...

Хорошенькое себе «не жаловалась!». Кому? Тебе, Кощей Бессмертный? Или тем, кто ее задницу розгами мочалил?! Невзирая на высокий статус.

Посмотрела на «честное» лицо ее дяди... Ну да, ну да... Была б на то твоя воля, ты бедную девку навечно бы там законопатил! Без права на амнистию. Но, судя по всему, ихнему принцу срочно приспичило жениться. И тут вспомнили про эту... как там ее... Алисандру. Залог богатых пограничных земель, где наш графеныш уж который год безнаказанно греет руки.

— А че принцу так пригорело на себя ярмо надеть? — опомнившись, задала я следующий вопрос. Попыталась разобраться, куда вляпалась и насколько сильно это пованивает. — Он так детей любит? Семейственный, значит?

— Детей он терпеть не может! — отбрил граф. — У принца совершеннолетие на носу, а на трон имеет право вступить лишь женатый правитель, — нехотя объяснил мужчина, всем унылым видом показывая — мол, по этому поводу он сожрал тазик лимонов, и бедные цитрусовые были уничтожены с кожурой и косточками.

— Ага. — Наконец-то расстановка сил прояснилась. Уже дышать легче.

— Принцессы не говорят «ага», — автоматически сделал мне замечание граф и стукнулся головой о столешницу.

— Ага, — согласно кивнула я немойтой головой, витая в далеких эмпиреях. Ухмыльнулась: — А я и не принцесса!

— Уже принцесса! — нахраписто начал убеждать меня в новой родословной мерзкий аристократ. — С этой минуты.

— Каким таким местом? — задала я свой любимый вопрос. Не специально, просто вырвалось.

— Всеми! — злорадно рявкнул граф, горделиво выпрямляясь и отряхивая с груди пылинки, точнее — залежи подстольной пыли. — И тебе придется с этим свыкнуться, милочка! Если хочешь жить... — И его глазки зажглись опасными огоньками.

Во! Снова-здорово! Заело мужика. Прямо клинический ротмистр Держиморда. «... Фельдфебеля в Волтеры дам, Он в три шеренги вас построит, А пикните, так миглом успокоит...»

— А Ты! — аристократ выдернул меня наружу. — Посидишь до утра и смиришься с отведенной тебе ролью. И учти... — последовала обязательная пауза злодея, во время которой я должна была бы проникнуться, испугаться и ослабеть коленками. Желательно

еще пасть ниц.

Не подействовало.

Граф меня с одного взгляда раскусил и принялся нагнетать страсти:

— Я тебя в бараний рог согну!

Ух ты, какие познания в животноводстве! Интересно, а он хоть раз этот пресловутый рог видел? Там и гнуть нечего, правильнее было бы сказать — «заверну», но с уточнениями лезть себе дороже.

— В темнице сгною!

Зато полный пансион с бесплатным проживанием и питанием! Отдохну от тяжелой работы, на кровати поваляюсь, в потолок поплюю. А уж если и люди вокруг интересные сидят — вообще заманчиво! Пионерлагерь смешанного типа.

— Мужикам на потеху отдам!

А с этого места можно поподробнее? Такие заманчивые перспективы... Может, наконец мужские штучки увижу и в руках подержу, а то, как назло, все стесняются показать...

— А потом повешу!

Эх-х! Нечестно. Весь кайф поломал. А как все хорошо начиналось!

— Эй, кто там за дверью! Сюда, бездельники! Живо! — завопил во всю мощь легких Алфонсус.

Тишина.

Тогда он принялся истерически дергать шнур, очевидно, со звонком на том конце. Не прошло и десяти минут, как в графский кабинет ввалилась давешняя парочка стражничков и застыла на пороге, преданно глядя на хозяина... Чуть не сказала — «вилая хвостиками»...

— Отвести нашу... гм, гостью в отведенную ей комнату и глаз с нее не спускать! — скомандовал барин.

— С гостью или с комнаты?.. — не утерпела я и влезла с уточнениями. Ну да, признаю: язык мой — враг мой!

Аристократ скрипнул зубами и злобно уставился на конвой, не желая ввязываться в безнадежно проигранную заранее дискуссию.

Ребятки крикнули, поклонились и, подхватив меня под белы ручки с темными разводами грязи, резво потащили по коридору. Хм... остается только запеть: «Владимирский централ...»

Собралась было помитинговать в защиту своей свободы и поорать: «Руки прочь от личного достояния!» — как меня втокнули в комнату и лязгнули замком. Осмотрев «тюремную камеру», я воспряла духом и пришла в очень благодушное настроение.

— А граф не такой уже и жлоб! — порадовалась, обходя вокруг шикарной двуспальной кровати, застеленной чистым, похрустывающим крахмалом бельем.

На взбитых подушках и теплом шерстяном одеяле (я специально пощупала, чем простегали) топорщились кружева наволочек и пододеяльника. Над всем этим великолепием нависал красивый балдахин из узорчатого бежевого муара.

— Благодетель! — немножко расчувствовалась, потому что уже давно позабыла, что такое отдельная цивилизованная кровать с мягким матрасом. Мне все больше как спальное место предлагалась печная лежанка и тулуп вместо одеяла. И это в самом лучшем случае!

Осмотрев постельное белье, шнуры и балдахин, я пошла обживать комнатку дальше.

Помимо кровати, мне предоставили столик с кувшином и тазиком, сундук с навесным запертым замком (замок я немедленно поковыряла), изящный столик с тремя стульями.

Окно забрано фигурными решетками, поэтому вариант «Кавказская пленница» отпадает. Мдя... не сбежишь... а куда бежать-то? Ни денег, ни дома...

Мои тоскливые размышления на тему: «свобода — это хорошо, а что дальше?» — были прерваны приходом миловидной горничной с подносом в руках. Дева скромно сделала книксен, покачала накрахмаленным чепчиком и пискнула:

— Ваше высочество, вы сначала кушать изволите или купаться?

У меня от этой обходительности глаза на лоб полезли. Я даже оглянулась, невольно пытаюсь сообразить, куда они принцессу засунули: в сундук или под кровать?

Но поскольку девушка преданно таращилась на меня и не ожидала подвоха, то пришлось признать, что высочество — это я. Но все же не утерпела:

— Стесняюсь спросить, а у вас принцессы всегда ВОТ ТАК выглядят?

Девушка покраснела, потом побурела, потом побелела. Закланялась:

— Ах, умоляю простить, ваше высочество! Господин граф сказали, что на вас напали разбойники, и мы не успели привести вас в должный вид! — Дева присела еще ниже, удерживая тяжелый поднос. Вот это выучка! И фантазия!

— Ага... Понятно. — Я начала входить в роль, на которую еще не заключила контракта. Ладненько. Гулять, так гулять. — Сначала мыться, потом — пробовать, чего Вышний послал.

— Слушаюсь! — Служанка резво пробежала к столику, аккуратно установила на него поднос и так же ходко занялась моей чумазой персоной.

Лохмотья были брезгливо отброшены в угол, меня протерли тряпочкой. Захотелось попросить, чтобы заодно и отполировали... еле сдержалась.

После помывки в тазу, где я стояла и мерзла, а меня поливали сверху мизерным количеством воды, служанка принесла на вытянутых руках простыню. Промокнув мое сине-скукоженное величество, натянула батистовую ночную рубашку, сшитую с размахом (еще для троих таких же тощих), сверху накинула шикарный бархатный халат цвета бордо, отороченный коричневым мехом, и бережно усадила за столик. Мне стало даже немного страшно — вдруг привыкну? К хорошему человек быстро привыкает.

Вышний изволил мне послать сегодня скромный аристократический ужин: жареную оленину в соусе с гарниром из овощей, фаршированных перепелов, миндального печенья, взбитых сливок, смородинового желе и красного вина с фруктами.

Я легонько перекусила, после чего, тяжело дыша и отдуваясь, вползла на мягкую перину. Это вам не овсяная кашка и супчик из репки! Отяжелевшая и сонная, я отключилась...

Дальше мне приснился кошмар. Осьминог со щупальцами схватил меня за ногу и тащил под воду. Проснулась из-за того, что кто-то шибко прыткий меня всю щупал. Спросонья путая сон с реальностью, поначалу я жутко испугалась. В темноте нахала было не видно, и я успела принять судьбоносное решение: без боя не сдамся! Быстренько сообразила, где у меня нога, выпутала найденное из одеяла и пнула, куда глаза глядели... то есть куда смогла попасть! А глядели они невысоко...

Раздался стон, яростные проклятия, потом кровать скрипнула — и кто-то начал шариться по комнате. Я уже морально приготовилась орать благим матом, как затеплилась свеча, выхватывая из темноты вечно недовольное лицо графа.

— «А оно — зеленое, пахучее, противное — Прыгало по комнате, ходило ходуном. А потом послышалось пенье заунывное — И виденье оказалось грубым мужиком!»

— процитировала любимые строчки из «Сказки про джинна» Высоцкого.

— Я тебе не мужик! — глубоко оскорбился Алфонсус, возвращаясь к кровати.

— А зачем тогда пришел? — резонно поинтересовалась я, забираясь в дальний угол ложа и баррикадируясь подушками.

— Забыл спросить тебя об одной немаловажной детали, — объяснил причину своего позднего визита аристократ и уселся поближе, поблескивая масляными глазенками.

— Это какой? — У меня опять проснулась махровая подозрительность. Я приготовилась ожидать подвоха, который не замедлил последовать.

— Ты — девица? — выродил аристократ замечательный вопрос.

Я заглянула за ворот ночной рубашки, в очередной раз удостоверилась и убежденно заявила:

— Еще вечером точно была! А что, уже не видно?

— Я спрашиваю про непорочность! — открытым текстом изложил граф свои грязные сомнения.

Слушая под монотонное ночное пение сверчков барские глупости, я пришла к выводу, что безумие заразно. Вредные миазмы этого места уже серьезно повредили мозги графа и добираются до моих.

— А-а-а, — дошло до меня. — Это действительно важная вещь, и узнавать ее нужно именно ночью!

— Так да или нет?! — продолжал напирать Алфонсус.

— А если нет, то устроишь художественную штопку? — пробило меня на «хи-хи». Глупее ситуации я еще не видела.

— Убью! — тихо пообещал граф.

— И кто тут будет принцессой прикидываться? — выдвинула свой аргумент.

— Тебе трудно сказать?! — выверился мужчина. — Признавайся, а то сам проверю!

— Давай! — согласилась я. — Это будет последнее, что ты сделаешь в этой жизни!

— Почему? — растерялся он.

— Удавлю между ног! — честно обрадовала его я.

— Значит, девушка, — удовлетворенно заметил Алфонсус, вставая и идя к выходу. Граф приоткрыл дверь и вылетел из моего убежища в обнимку с подушкой, которой я ему задулила вослед. Вот хотела бы я знать, с чего такие выводы?

— Звиздец! — подвела я черту под ночным визитом некоторых умственно нестабильных личностей и завалилась спать.

Сон почему-то не приходил, и память унесла меня в далекое прошлое...

Там, сидя у костра в окружении рыцарей, я поняла одну простую и ужасно печальную вещь: как женщина, я котируюсь только среди разбойников. Потому что никто из нормальных мужиков в мою сторону не кинул хотя бы один заинтересованный взгляд. А я за этим бдила зорко!

Мужчины обо мне трогательно позаботились: накормили, согрели и... все, больше приبلудная девица их не интересовала. Мало того, разобравшись, что я ничегошеньки не понимаю из их абракадабры, меня сплавил... опять знахарке. Взяли под ручки, посадили на коня (блондин благородничал) и отвезли бабуле, передав с рук на руки. Как конверт, блин!

— Хлюпус каретинус! — нежно сказал на прощанье рыцарь на белом коне, и бабушка погладила меня по голове, суя под нос сладкий корешок.

Потом я уже узнала: «Каретинус» — юродивая на местном диалекте. Правда, очень красноречиво? Мрак!

Когда рыцари уехали, честно пыталась расспросить у старушки — в какую сторону мне идти домой, но она лишь разводила руками. Утром следующего дня я попробовала найти дорогу, но проблуждала по лесу несколько часов, пока меня не нашли охотники, изъясняющиеся таким же непонятным языком, и не привели к знахарке обратно.

И тут в моих мозгах задрезжал первый звоночек. Сложив два и два, я начала прозревать, что рыцари, разбойники, охотники, жуткий лес с буреломом — это не постановочный спектакль, рассчитанный на одного зрителя, — это другой мир.

Господин Капец с месье Песцом пригласили в гости сеньора Трындеца и устроили дружескую попойку, волнуя мой детский неокрепший организм. Я поняла: я сошла с ума! Потому что так на самом деле не бывает!

Мало того, меня в этом мире никто не ждал!

Представляете, я была никому не нужна! Не требовалось им спасти мир от злодеев. Без надобности тут девы-воительницы с фантастическими способностями. И артефакты нигде не пылились в ожидании попаданки с магическими супервозможностями! Нельзя сказать, что мне этого сильно хотелось бы, но тогда был хотя бы какой-то смысл, какое-то объяснение...

Нет, все оказалось гораздо прозаичнее... Просто-напросто, утонув в болоте, я переместилась в другое измерение. Я попала в мир, чуждый мне, и я тут, не нужная этому миру. Вполне справедливый расклад. Я хотела домой, и, честно говоря, в то время у меня была надежда только на один выход. Я решила снова утонуть в болоте и вернуться обратно.

Три раза я ходила топиться. И три раза меня спасали! Это наваждение какое-то! Ну нельзя так над человеком издеваться! Вот отчего бы им просто не оставить меня в покое?! Не-е-ет, местный лесничий просто прописался около болота и настырно меня оттуда вытаскивал, ругаясь нехорошими словами и отводя к знахарке, которая меня мыла, сушила и давала сладкий корешок. На третий раз до меня дошло, что это судьба, и я уже больше не стремилась устроить себе скоростной лифт.

Да что там об этом! Вскоре вся окрестность, включая разбойников, знала — в лесу появился новый страшный «зверь» Алисия, которая успокаивается либо в болоте, либо от сладкого корешка! О-о-о! Теперь местные ходили в лес, держа в кармане эту гадость! Мало того, что мне под каждым кустом совали здешнее лакомство, так еще и дулю показывали! Я уже в лес стала бояться ходить! Особенно после одного случая...

Прошло несколько месяцев со времени моего перемещения. Землю запорошил первый снежок, сменившийся слякотью. Потом грянули морозы, и ледяную корку занесло свежим снегом. За это время я уже начала потихоньку разбирать местный язык. Говорила плохо, но, как та собака, все понимала.

Так вот... Пошла я в ближайшую деревню за мукой для хлебушка. Знахарка Марьяда попросила. А мне не тяжело за гостеприимство оплатить славной бабушке. Натянула теплые штаны, надела тулуп, засупонила платком, захватила рукавицы и отправилась в путь.

Где-то на середине дороги мне наперерез выскочили четыре косматых мужичка, и — как обычно! — снова разной степени немывтости! Они что, в грязи валяются в свободное от работы время?

— Кошелек или жизнь! — грозно рыкнул главарь, сдвинув кустистые брови и дыша вплотную сивушным перегаром. Вообще, наверно, каждому фэнтезийному разбойнику просто положены страшные мохнатые брови. Этот персонаж тоже свято соблюдал общепринятую традицию...

— Нету! — развела я руками.

— Тогда честь! — поменял решение главарь, почесывая в бороде, на которой обнаружился прошлогодний завтрак. Тулуп, лапти и прочие атрибуты пейзажника тоже имелись в наличии.

— Прямо тут? — удивилась я. — Прямо тут честь отдавать, да?

— А че такое? — изумился главарь и победно оглядел остальную шайку. — Мамзель не по вкусу?

— Холодно! — У мужиков, видимо, мозги крепко приморозило, если они собрались лишать меня чести на снегу с голым задом.

— И че? — не понял меня главарь.

— А то! — не уступала я. — Холодно!

— Аха-а! Ужо я тебя! — рассердился мужик и показал мне топор, похоже, доставшийся по наследству от предыдущего главаря — такой же ржавый. — А та-ак?

— Холодно! — непримиримо не сдавала позиции и тянула время нищая приживалка знахарки. Временами, свистя, по земле кружила поземка. Солнце ушло за темно-серые тучи, обещая вскоре новый снегопад, из-за чего в лесу стремительно потемнело. Свежий ветерок с пролетающими искорками инея даже на бегу пробирал до самых костей, а мы стояли и торговались, как ненормальные.

— Марш в кусты! — скомандовал вожак и показал мне все свои зубы: три сверху и два снизу.

— В какие? — огляделась я вокруг, потому что кустов-то было много, и все стояли одинаково голые. Зима как-никак!

— Туда! — ткнул корявым пальцем мужик. Остальные участники массовки вообще стояли молча, сопели в две дырочки и подтанцовывали от холода.

— Ту-уда? — проследила я за направлением толстого корявого пальца и увидела одинокий кустик рядом с большим сугробом. Быть белым медведем в объятиях полярника мне не улыбалось, и я нагло заявила: — За «туда» пять золотых монет!

— Че-е? — У главаря, словно у рака-отшельника, появились из бороды наружу карие глаза.

— Шесть! — твердо сказала я. Оглядела будущее место происшествия. — Нет! Восемь...

— Юродивая... — дошло до мужика, и мне тут же всучили четыре сладких корешка. По голове не гладили — и слава богу! — а то я бы их покусала.

Больше на меня разбойники уже не выскакивали, только от меня... Со мной по лесу вполне безопасно стало ходить. Даже купцы пару раз нанимали... пугалом работать.

У Марьяды я прожила до весны. Помогала по хозяйству, разбирала травы и методично изучала туземный язык. В оттепель бегала в село и училась писать и читать у местного грамотея за те деньги, что удавалось заработать как проводнику-наморднику... Упс! Охраннику. Кстати, селянам очень приглянулись отпугивающие амулеты с прядью моих волос. Но продавали мы их дорого, потому что я отказывалась бриться налысо...

Когда наступила весна, знахарка собрала мои скромные пожитки и безжалостно выставила меня за порог, отправляя в село с напутственными словами:

— Надо тебе свой путь искать, дочка.

Страшно не хотелось покидать насиженное место и славную бабулю, принявшую меня как родную, в чем я ей честно созналась. Но сердечная старушка взяла меня за руку, перевернула ладонью вверх и, подслеповато шурясь, поводила теплым сухим пальчиком по линиям моей руки. Уронила:

— Все, как я и думала... никакой ошибки.

— И как моя ладошка? — влезла я с законным любопытством.

И получила мягкий отпор. Марьяда тихо сказала:

— Иди, милая! Иди! Я вчера ночью смотрела на небо и загадывала на твое будущее, деточка, — тебя дорога уведит далеко отсюда.

— Да уж! — не стала я далее спорить понапрасну. Видно же, что бабулю не уломать...

За воспоминаниями и не заметила, как уснула.

— Ваше высочество! — По сомкнутым векам ударил солнечный свет. — Пора вставать!

— Уже? — разлепила я глаза и увидела давешнюю деву. Только теперь на ярком свете смогла рассмотреть ее повнимательней. Горничная — примерно моя ровесница. Натуральная блондинка с большими оленьими глазами и утяжеленной челюстью, которая несколько портила ее, в остальном вполне симпатичное лицо. Коса толщиной в руку спускалась почти до щиколоток. На голове чепчик с задорно торчащими оборочками, украшенными белым шитьем. Поверх строгого шерстяного платья цвета корицы — белоснежный передник со множеством карманов.

Девушка в услужение мне попала рослая, почти как я. Сильная, жилистая и крепкого телосложения. Должно быть, крестьянская дочь, которую отдали в прислугу ради лучшей доли.

— Тебя как зовут? — поинтересовалась я, сладко потягиваясь.

— Ларис-с-с-са, госпожа, — присела горничная, высвистывая свое имя, как змея-наг из «Рикки-тикки-тави». И почему мне кажется, что эти многочисленные «с-с-с» она прилепила самостоятельно?

— Лариса?! — повторила я.

— Ларис-с-с-са, — поправила меня пригожая дева, слегка покраснев. — С четырьмя «с». Для длинноты и благозвучности.

— Лапа моя, — я представила себе, как сто раз на дню обращаюсь к этой самой деве, каждый раз высчитывая, сколько «с» произнести — и мне враз поплохело, — можно, по-простому — Лара, а?

Девушка зарделась уже от удовольствия и восторженно закивала, выживая мое высочество из-под одеяла. Мне предложили умыться, что я с радостью и проделала.

У них был даже зубной порошок из толченого мела! Неописуемая роскошь! Да-а... я начинаю склоняться к мысли — побыть принцессой...

Потом последовал обильный завтрак, состоявший из обалденно пахнущих свежесдобитых булочек с джемом, душистого травяного отвара в красивой чашке и парочки яиц, сваренных в «мешочек».

А вот дальше... В комнату вломилась штук десять лакеев, неся туалетный столик, кучу манекенов с платьями и еще какие-то орудия пыток. В отведенном мне и свободном до того пространстве стало жутко тесно.

Лара посадила меня перед зеркалом и с добрый час дергала за волосы, сооружая прическу и вколачивая мне в череп шпильки.

— Ларочка, — деликатно позвала я после пятого или шестого удара, достигшего мозга. — Ты мне прическу хочешь намертво прибить? С ней меня и похороним?

— Простите! — пискнула дева, побелев и рухнув на колени. — Простите меня, косорукую, не велите казнить!

— Велю миловать, — благодушно пробурчала я, включаясь в игру. — Давай дальше... Удобрый мое серое вещество железом, только осторожно.

Закончив с таким важным делом, как укладка волос, припудрив мне носик, подведя глаза и намазюкав розовой помадой губы, Лара сдернула меня с пуфика и начала облачать.

Сначала шла тонкая сорочка и смешные штанишки панталончиками (мать моя — с оборочками!!! Внизу! Хорошо, что меня никто из однокурсников не видел! А то умерла бы от стыда и сгорела синим пламенем).

Следом на меня надели кучу крахмальных плоеных юбок. Возникла стойкая ассоциация с вилок капусты. После юбок пришла очередь корсета. Заставив обхватить столбик кровати и выдохнуть, горничная, садистки крякнув, уперлась ногой мне в поясницу и мертвой хваткой затянула на мне сбрую, полностью перекрыв доступ кислорода. Зато откуда-то появилась грудь. Видимо, легкие вылезли наружу, чтобы подышать...

Пока я старалась вдохнуть хоть каким-то органом столь остро необходимый глоток воздуха, Лара радостно приволокла железную юбку. Это «железная дева» или «пояс верности», что ли?.. Оказалось, нет. Лучше бы пояс верности! То были фижмы. Так вот, мне на талии закрепили кучу железных обручей... и я поняла, что вот в этом жить нельзя! Категорически!

Люди добрые, я так не играю! Когда смотрела исторические художественные фильмы про благородных дам в таких вот костюмчиках с кринолинами, те дамы почему-то очень споро рысачили в своих юбках. За милую душу! Не знаю, кто как — лично я могла только стоять, и то — с помощью Лары... Наверно, тем барышням эту гадость из пластмассы делали, на заказ. Или из тех облегченных сплавов, что в космической отрасли применяют.

Горничная, радостно поскакав вокруг резвым зайчиком, попросила поднять руки и, взобравшись на кровать, обрушила на меня сверху водопад из бархата и кружев. Я покачнулась, но устояла, уныло сознавая: сидеть, лежать и дышать мне противопоказано до самого вечера. Попробуй присядь, когда тебе в мягкое место впиваются железные дуги, а на желудок давит корсет! Про «лежать» я вообще молчу. Мне из положения лежа никогда не встать самостоятельно. А! Я знаю: это все вражеские происки мужиков. Чтобы дама не сбежала раньше времени. Личный капкан для баб!

— Теперь я понимаю, почему аристократки не работают! — выпалила, задыхаясь, жертва средневекового произвола, пока горничная расправляла кружева на моей груди, подпертой рвущимися на волю легкими. Я уже с трудом мысленно уговаривала их посидеть дома.

— Почему, ваше высочество? — спросила Лара, бережно одергивая подол.

— А они в этом, — руки ниже талии не опускались, а просто лежали параллельно полу, — работать не смогут! В этом даже дышать трудно! И жить!

— Ваше высочество, это вы просто в монастыре поотвыкли, — искренне сопереживала дева, разглаживая мой платочек, кокетливо повязанный на шее, и рукава-«фонарики». — Пара недель — и будете чувствовать себя нормально, как и все благородные дамы. Красиво же!

— И для здоровья опасно! — закивала я, но тут же прекратила это занятие. Голова странно кренилась и назад возвращалась с трудом.

Следом пришла очередь туфель. Обувь мне предложили весьма удобную и симпатичную, из мягкой кожи, на среднем каблучке. Но возникала одна загвоздка: как эти туфли надеть? У меня голова пошла кругом. Присесть я побоялась. Да что там! Я даже ногу опасалась от пола отрывать, чтобы не украсить пол килограммами бархата и мною в качестве начинки.

Но я напрасно волновалась: технология была продумана заранее. Заставив меня обхватить тот самый угловой столбик, уже основательно залапанный моими руками, и поднимать ноги по одной, опытная (от слова «пытка») горничная старательно запиховала будущую благородную даму в туфельки. Вот это эквилибристика!

Наконец последние оборки и кружева были расправлены, подол одернут, прическа

поправлена, и я оказалась полностью готова к выходу в свет. Легко сказать! На меня навертели как минимум два пуда тряпок и металла, а во мне всего весу три пуда. И как теперь быть?..

Судорожно вцепившись в руку горничной, я сделала первый неустойчивый шаг по наборному паркету. Пирамида со мной внутри заколыхалась и пришла в движение. Ей-богу, карандаш в стакане!

Смотрите и запоминайте, первый и последний раз проездом через ваш город: цирк шапито! Начинающий канатоходец под куполом цирка!

Мы ползли по коридору со скоростью беременной улитки, отягощенной ревматизмом и остеохондрозом. Розовая мечта незамужней девицы побыть настоящей принцессой горестно таяла в туманной дымке, жестоко расплющенная корсетом и задавленная фижмами.

Когда мы доползли до кабинета графа, Лара вежливо постучала в дверь, присела в почтительном книксене и, с трудом высвободив свою руку, на которой отчетливо проступали лиловеющие следы моих пальцев, испарилась в неизвестном направлении. Предательница!

Я обессиленно прислонилась к косяку, чтобы немножко отдышаться. Через минуту дверь распахнулась, и передо мной предстал господин граф во всей своей незатейливой мужской красе. Кожа лица была бледно-зеленой. Ввалившиеся глаза красноречиво изобличали его непристойные ночные похождения. Мне даже померещился легкий тремор графских пальцев. Так ему и надо! Будет знать, как по ночам порядочных девушек пугать!

Мужчина окинул меня одобрительным взглядом с головы до ног, удовлетворенно крякнул и протянул руку со словами:

— Прекрасно выглядишь. Цвет лица просто восхитительный!

— Красный небось! — злорадно пропыхтела я, принимая руку и вваливаясь в кабинет.

— «Небось» — слово малоподходящее для уст принцессы, — не удержался и сделал замечание граф.

Я стояла на ходулях в чудесном платье и неуверенно покачивалась. Аристократ фигов! Вот один раз промолчать не мог!

Барин подтащил меня к креслу:

— Садись!

— Я лучше постою! — со всей возможной скоростью отказалась от новой попытки. Скорости, к глубочайшему сожалению, не хватило. Меня никто не слушал и, применив дурную мужскую силу, Алфонсус затолкал мое высочество в кресло.

Упс! Подлянка не замедлила последовать. Юбка встала «колоколом», закрыв обзор. В задницу вонзились обручи, а корсет впился острым мыском в место... гм, необходимое для брака.

— Вина? — не заметил моего плачевного состояния граф.

— Яду! — прошипела я, барахтаясь перевернутой черепахой.

— Уверена? — насмешливо удивился «дядюшка», отодвигая подол и заглядывая мне в лицо.

— Уверена! — рявкнула я. — И себя не забудь!

— Я не люблю вино с пряностями, — категорически заявил этот нахал и налил два бокала красного сухого.

За действиями «дядюшки» я опасливо наблюдала через амбразуру из-за бруствера подола.

Подойдя ко мне, граф (чтоб его черти в аду заставляли вместо меня в таком прикиде ходить!) галантно протянул мне один из бокалов:

— Прошу, ваше высочество, — издевательским тоном.

Выпростав руку из пены кружев, сграбастала фужер и утащила себе в «норку». Снова возник насущный вопрос: желудок категорически отказывался принимать предложенное угощение. Жидкость застряла где-то на полдороге в пищеводе и нежно побулькивала, гуляя туда-сюда. Класс! И куда мне худеть? Хотя... есть еще и отрицательные числа.

— Итак, — начал Алфонсус, присаживаясь в кресло напротив и элегантно жестом закидывая ногу на ногу, — твоё преобразование началось. Ты выглядишь вполне аристократично...

— А чувствую себя вполне дерьмово! — высунулась я из окопа, злобно сверкая глазами и с трудом удерживая винный поток в горле.

«Дядюшка» брезгливо поморщился:

— Хм... Необходимо привить тебе подобающие манеры...

— Я отказываюсь от подобной чести! — пробулькала, из последних сил состязаясь с винным фонтаном.

— Кто тебя особенно спрашивает! — сдвинул брови граф и даже притопнул ногой. — Смерти захотела?!

Вот уж чего и даром не надо! Но вредная натура просто перла изнутри. И корсет не помогал:

— Разве ж это жизнь?.. Ты сам когда-нибудь пробовал ЭТО носить?

— Зачем? — возмущенный грязным предположением, поднял тонкие брови аристократ (у него они работали как ставни: то сдвигались, то раздвигались). — Я мужчина!

— Докажи! — вякнула и прикусила язык.

«Родственник» как-то нехорошо хихикнул и заверил:

— Потом... после свадьбы... возможно.

Размечтался один такой! Я грабли по комнате раскидаю и капканы на кровати расставлю! Медвежьи!

— Итак, — снова завел шарманку довольный граф, — обучение начнем прямо сейчас! У нас есть месяц, чтобы привить тебе благородные манеры и научить дворцовому этикету. Познакомься со своими учителями! — Мужчина хлопнул в ладоши.

Чуть погода в кабинет робко вошли трое: двое мужчин и одна засушенная гримза женского пола.

— Ваше высочество, позвольте представить... господина Андре Шалуся, учителя танцев. — Маленький стройный блондин с водянистыми серо-голубыми, весьма томными глазками склонился в изысканном поклоне, хрустя серебряным позументом на бирюзовом камзоле и куртуазно отставив ножку в серо-синем трико. И все бы хорошо, но на лбу огромная печать: «бабник»!

Я высокомерно кивнула в юбочном подполье, благоразумно не открывая рот и усердно приминая юбки руками, чтобы хоть что-то видеть.

— ...Господина Занука Училу преподавателя истории и прочих наук. — Среднего роста полноватый старик в свободном темном костюме небрежно расшаркался и строго на меня посмотрел через монокль. Кивнула ему, яростно воюя с платьем.

— ...Мадам Люлю Домулю...

Граф мне по благу подогнал настоящую вобл... классную даму, чтобы наводить ужас на

подопечную. Просто классика жанра! Злющие глазенки неопределенного янтарно-желтого оттенка глянули на меня оценивающе с бесцветного вытянутого личика. Узкие губы в обрамлении темных усиков были стянуты заранее в укор, как будто изображали вживе плохо ощипанную куриную гузку. Дама была светлой шатенкой и в молодости даже вполне могла слыть красивой, если бы не типично ханжеское выражение «мы голодные, но благородные и гордые».

По опыту знаю: у людей с подобным демонстративно постным пуританским выражением на личике не бывает ни первого, ни второго, ни третьего. Они используют все виды подхалимажа к тем, кто выше их по должности, и яростно мстят за все обиды мира, мнимые или настоящие, всем несчастным, кому не повезло попасть в подчинение к подобным монстрам. Так что насчет «бедных и благородных» — все чистая туфта. Мало ли... вдруг кто поверит и купится?

Новая ученица не купилась, и тетка это заметила. Глаза «училки» блеснули потаенной угрозой. Похоже, дама опытным глазом только что занесла меня в обновленный список жертв. Вот это она зря. Не настолько я беззуба и беспомощна.

— ...Великолепного знатока этикета. — Грымза в унылом сером наряде присела в книксене и опять метнула мне та-а-а-кой взгляд...

Вино провалилось в желудок само, как будто его ершиком туда пропихнули. Я кивнула, глядя на нее затравленным зайцем и соображая: а у Карлсона была такая же «домомучительница»? Или мне усовершенствованный образец биодроида достался?

— Ну вот, господа и дамы, перед вами ваша будущая прилежная ученица, ее высочество принцесса Алиссандра, которая находилась в монастыре до последнего времени, — продолжал заливаться сладкоголосым соловьем граф, варварски выдергивая меня из кресла. — Прошу обучить ее всему необходимому...

— Я смотрю, тебе кабинет в порядок привели, — многозначительно прошептала «родственничку» на ухо. — Так я вернусь... позднее...

На этом весьма красноречивом обещании попыталась отклеиться от «дядюшки» и сделать самостоятельный шаг. Но когда я, отважно прикрыв глаза, шагнула в неизвестность, размышляя вполне логично: ежели что, юбки выполнят роль подушек безопасности, то... меня тут же сграбастали в гостеприимные объятия.

Приоткрыв один глаз, я с удивлением уставилась на синеглазого «спасателя Малибу». Интересно, а что в таких случаях делают аристократки? Я так понимаю, кричать: «Пиастры, пиастры!» — на манер горячо любимого мною попугая одноногого пирата Сильвера нынче неприлично, и в рожу когтями вцепиться тоже неаристократично выглядит... Почему у меня в голове «пиастры»? А деньги никогда лишними не бывают...

— Ваше высочество, — записедал со мною вместе мужчина, — дозволейте сопроводить вас в танцевальный зал.

«Силен мужик!» — восхитилась я. И вслух сказала томным голосом прижатой в дверях кошки:

— Дозволяю!

И мы отправились пешком в танцзал. Вообще-то, кто пошел — а кто и поехал! Лично я воспользовалась благоприятным моментом и всеми своими бархатными кружевами обрушилась на любителя острых ощущений. Иначе бы он просто не согласился меня учить! Или его не предупредили? И мужик сейчас в неведении, какая замечательная ученица ему досталась? Главное, последняя в его жизни.

И я не преувеличиваю! Ничуть. В третьем классе при попытке научить меня простейшей польке наша учительница музыки благополучно оставила танцевально-музыкальную карьеру и прописалась в доме инвалидов. Навсегда.

Да нет, слава богу, не в качестве пациентки! А то меня бы совесть заела. Наша «До-ре-ми» там нянечкой работала. Помогала людям реабилитироваться и не совершать больше таких необдуманных поступков, как обучение Алисы танцам.

Признаюсь честно: просто в танце у меня напрочь отсутствовало чувство ритма. Я выкидывала коленца, когда их никто не ждал, по своей, никому не ведомой методике! И страшно этим гордилась!

Учитель допыхтел до зала со мной в объятиях и ужасно обрадовался финишу! Как я его понимаю! Еще больше парень обрадуется, когда урок закончится и он останется в своем рассудке... надеюсь. Ибо по природе своей я была девушкой не злой и к людским бедам очень даже отзывчивой. Всегда искренне жалела пострадавших от меня людей... на достаточном расстоянии, чтобы самой в ответ не прилетело.

— Ваше высочество, мы начнем с самого простого танца — польки...

У меня округлились глаза и открылся рот. Это надо же так попасть в масть! Только я вспомнила о своем предыдущем опыте, как мне его тут же предлагают повторить. Но мне блондинчик пока ничего плохого не сделал, зачем же над ним сознательно так жестоко измываться?

— Господин Шалусь, — с перепугу сразу вспомнила я его фамилию. Слезно попросила: — Умоляю, давайте начнем с чего-то другого...

— Тогда позвольте обучить вас контрдансу Фейе — весьма модному при дворе в последнее время, — легко и свободно согласился учитель. Люблю иметь дело с умными людьми!

— Не вопрос... — начала я и поправилась: — Прошу вас оказать мне такую любезность.

— Итак, — начал мужчина. — Все пары, начиная со стоящей в «голове», рассчитываются на первые и вторые. После каждого повторения каждая первая пара спускается вниз по залу, меняясь со стоящей за ней второй парой, а каждая вторая пара поднимается вверх по залу. Первая пара, дошедшая до конца колонны, пропускает одно повторение музыки и становится второй парой. Вторая пара, дошедшая до головы колонны, пропускает одно повторение и становится первой парой.

— Помедленнее, пожалуйста, — жалобно взмолилась я и чуть не добавила: «я записываю», — копируя Шурика из «Кавказской пленницы». — Мне не совсем понятно, что я должна делать в момент, когда пары начинают меняться.

И почему в голове навязчиво крутится откуда-то взявшийся термин «свингерство» и присутствует неутолимое желание послать все это к едреной бабушке?

— Ваше высочество, — снова склонился в поклоне учитель. — Все очень просто... Смотрите, такт первый: дама и кавалер подают друг другу правые руки...

Я подала правую руку...

— ...Такт второй: дама и кавалер подают друг другу левые руки...

— Зачем? — не сдержавшись, ляпнула я. — Им правыми держаться неудобно?

Милейший блондинчик даже зубами не заскрипел. Вот это выдержка у человека! Я перед ним преклоняюсь!

— Это такая фигура танца, — терпеливо продолжил господин Шалусь. — Далее, такты третий и четвертый: дама и кавалер делают два «флеретс» и меняются правыми плечами местами. В конце такта опускают руки, — повторил демонстрацию начала танца за кавалера и за даму.

— Что они делают? — подавила я сильное желание почесать в затылке. Остановила лишь невозможность добраться до затылка под толстой подушкой из уложенных своих и чужих волос.

— Они делают фигуру танца «флеретс», — мирно объяснил мужчина и заскакал по залу подстреленным кроликом, то приседая в прыжке, то выпрямляясь.

— Вы хотите, чтобы я ВОТ ЭТО повторила? — спросила, весьма сомневаясь в своих скромных возможностях.

Нет, за прошедшее время я как-то притерпелась к своему карандашно-стаканному состоянию, но прыгать! Ну что ж... господин граф, видимо, стремится обновить должным образом интерьер и собирается раскошелиться на ремонт?! И мой долг ему в этом помочь!

— Желательно повторить, ваше высочество, практика — великая вещь, — вдохновенно ответил учитель, приближаясь.

— Вы хорошо подумали?! — Второе «китайское» предупреждение.

Вместо ответа господин Шалусь протянул мне правую руку, и мы с ним начали с первого такта. На третьем я честно пыталась попрыгать... с грацией беременной бегемотихи с тремя детьми на шее. По бальному паркету. В буквальном смысле. Да! И господин учитель меня усердно ловил, когда я старательно пыталась провалить зеркально-гладкий пол, следующий за ним потолок и вдумчиво исследовать пространство под нами.

Так что когда в зал ввалилась гримза с гримасой улыбки, маскирующей давнюю зубную боль на засушенном жизнью лице, учитель танцев с та-аким облегчением сдал меня ей с рук на руки, что мне стало ужасно обидно.

— Я вам завтра обязательно покажу танцы своей родины, — мстительно пообещала я. — Такого вы еще не видели! — имея в виду ламбаду.

— Следуйте за мной, ваше высочество, — проскрипела родственница несмазанной телеги и, развернувшись на каблуках, легко выпорхнула из зала. Мне сильно захотелось посмотреть, как она это делает. На самом деле. У нее какие-то другие фижмы? Или она, атлетически выжимая каждый день определенный вес, просто не воспринимает их как якорь?

Также мне очень захотелось упасть на пол, немного отдохнуть и передвигаться дальше только по-пластунски, убив сразу двух зайцев: заглянуть домохозяйнице под юбку (в чисто познавательных целях) и отдохнуть.

По пути я перебрала в уме всех родственников графа по обеим линиям, соединила их с родственниками гримзы, отполировала генотипом Шалуся... И тут развлечение закончилось: мы добрались до столовой. На празднично накрытом столе, поблескивающим начищенным серебром и посверкивающим горами хрусталя, стояли аппетитные блюда, испускающие умопомрачительные ароматы.

Вид сказочного изобилия растревожил мой несчастный удушенный желудок, и он радостно взревел, напрыгивая с разбегу на ребра и готовясь при помощи «тройного тулупа» выскочить наружу, чтобы в случае отказа хоть чем-нибудь съестным поживиться.

Я пригорюнилась. Есть хотелось, но как? Вряд ли меня станут в приличном обществе за столом ширмой загораживать, чтобы я могла пропихивать блюда за пазуху или под подол, а потом сладко ими по-свински почавкивать, невзирая на корсет и прочие прелести средневековой инквизиции.

— Прошу садиться, ваше высочество, — пропела мадам Домуля, становясь около кресла во главе стола и указывая на него веером, который возник у нее в руке просто из ниоткуда, словно чертик из табакерки.

— Может быть, я лучше постою? — робко отозвалась фальшивая принцесса. Предложенная честь мне была не по зубам, а гораздо выше, словно вода в бассейне. Так и утонуть недолго.

— Ваше высочество! — Мадам Люлю сморщилась и стала похожа на печеное яблоко, причем яблоко, долго лежавшее и, кажется, немного подпорченное сухостью и червяками. — Прекратите капризничать и садитесь!

Пришлось честно признаться:

— Не могу — боюсь потом не встать!

Мадам похлопала на меня остатками ресниц, надменно смерила взглядом мое

долговязое высочество и самоуверенно заявила:

— Во-первых, есть лакеи...

Ага, и для лакеев нужна бесплатная развлекауха в моем лице!

— Во-вторых, садиться нужно, чуть приподняв платье...

Оп-па! А совсем его снять нельзя? Вместе с корсетом? Пообедать, так сказать, в неглиже, в интимной обстановке, а потом снова к инквизитора... ой, простите — цивилизаторам в лапы?

— ...Приподнимать платье нужно очень осторожно. — Грымза потянула вверх подол, показывая, как следует действовать в стандартных ситуациях. — Стараясь не показать мужчинам больше положенного — то есть не выше щиколотки, и в то же время...

Да я им все покажу, ей-богу! И бесплатно! Только снимите с меня ЭТО и дайте нормально поесть!

— ...Крайне аккуратно присесть на краешек кресла между вторым и третьим обручем...

О-о-о! Я вам что — снайпер? Нет, я хуже! Как я с непривычки мягким местом буду ощущать второй и третий обручи? Чем мне их считать?! Щупальца там отрастить?

— Пробуйте, принцесса! — Мадам уселась и теперь ждала повторения сего подвига от меня. Я попробовала. Домомучительница взвизгнула:

— Как вы можете! — показывая на мои лодыжки.

— А что такое? — удивилась я.

— Вы уже опозорены! — просветила меня грымза. — Будь на моем месте мужчина...

— Что, увидев мои лодыжки, он бы сразу на меня набросился со всей страстью? — почесала я нос в задумчивости. Вот ведь! И чего ж я раньше не додумалась всем ноги показывать? Может, потому, что никто на подавальщицу и смотреть не хотел? Тем более — хех, компрометировать...

Помню, господин Бормель в самом начале нашего сотрудничества пытался соблазнить меня карьерой трактирной девки... Ага. Так их мамаша ему даже изрядно доплатила, чтобы он больше рот на эту тему не открывал!

— Еще раз! — хлопнула мадам Люлю по столу веером.

Надувшись и топорно изобразив на лице крайнюю степень истощенности и высшую стадию гламурности, я медленно потащила вверх юбку.

— Достаточно! — последовала команда личного фельдфебеля. — Теперь садитесь.

Примерилась к стулу и уселась. Как велено — на краешек, все остальное сиденье было занято моим платьем. Видимо, платье здесь в большом авторитете. Идут впереди хозяйки, сидят вразвалку...

— Прекрасно! — обрадовала меня тетка и с удовольствием оторвалась на бедной беззащитной девушке: — Еще раз!

Встали-сели, сели-встали, чтоб вас черти поломали! Взять бы эту тетку Люлю и запхать на дно кастрюли!

Наконец мадам удовлетворилась результатом и скомандовала обслуживать наш стол лакеям, до того стоявшим в отдалении лицом к стенке — наверное, чтобы не травмировать свою нежную психику видом моих лодыжек и выпирающих из декольте косточек отсутствующей груди.

Странно, правда? Когда грудь на изготовку и почти в полном доступе — это нормально, и никто даже зенки на ней (вы только подумайте!) не разложит, а вот если ногу покажешь — дак то неопиcуемый ужас и невероятный позор. Будто валериана для котов. Сразу

мужики набегут и под подол всем скопом полезут!

— Ваше высочество! — снова постучала по столу веером мадам. — Прошу вашего высочайшего внимания! Перед вами сейчас королевский куверт.

— Кто? — ошарашенно заозиралась я по сторонам. — Где?.. Я графскую почту не трогала! Чес-слово!

Дама сдвинула узкие выщипанные бровки и с треском сложила веер.

— Куверт — термин, обозначающий полный набор столовых приборов для одного человека на накрытом столе, — зашипела гримза и, вскочив с места, довольно резво для ее преклонного возраста забегала вокруг стола. Завизжала противным голосом: — Как вы можете быть настолько безграмотны? Чему вас учили в монастыре?

— Все больше жизни и послушанию, — честно призналась я, на полном серьезе раздумывая, можно ли даже с самой большой натяжкой трактир назвать монастырем?

— Сидите прямо! — вдруг последовал довольно ощутимый удар по лопаткам все тем же веером. Эта женская фитюлька стремительно становилась моим врагом номер один, и ее уничтожение было уже делом чести. — Не горбитесь!

— Куда уж прямее! — буркнула я.

— Ваши лопатки должны, если по-простому, касаться друг друга, как бы стараясь почесать... Это даже не лопатки, это ваши крылья... — воспарила мадам в неведомые и далекие эмпирей.

Вместо крыльев почему-то зачесались рога...

Но об этом вопиющем нарушении этикета я мадам докладывать не стала. Ведь можно дожждаться появления копыт и хвоста и уж тогда обрадовать оную гувернантку сразу всем комплектом.

А та измывалась надо мной по пятому кругу:

— Запомните, ваше высочество, что ложки бывают столовые, десертные, мокко, с длинной ручкой для охлажденных напитков. Специальные ложки существуют для супа и бульона. Попрошу не путать! Ложкой для грейпфрутов ни в коем случае нельзя кушать маслины. Ложка для яиц не годится для икры! Запомнили?

— Ну, как бы... — задумалась я, глядя на громадное разнообразие ложек и соображая — чем все же ложка для икры отличается от остальных?

Дальше мне прочитали лекцию обо всех присутствующих на столе приборах Ага! Когда дело дошло до практики, то мадам поступила с особой жестокостью: если мне подавали блюдо и я хваталась не за тот прибор — блюдо уносили. В результате я вышла из-за стола несолоно хлебавши. Мне достался лишь травяной отвар.

Злющая и жутко голодная «принцесса» отправилась на урок по дворцовому этикету и истории, четко печатая мелкий шаг за лакеем, данным в провожатые. Меня уже не волновал вес платья и прочие неудобства. Я была злая, голодная и очень опасная.

В класс я, можно сказать, влетела на тех самых крыльях, что мне предписывалось иметь. И с заметным ускорением, приданным злобной гадюкой, которая не дала мне за целый день поесть даже куска хлеба.

— Приветствую, ваше высочество! — уважительно поклонился господин Занук. — Сегодняшний урок я хочу начать экскурсом в историю вашего будущего государства. Вам, как грядущей властительнице, следует знать некоторые вещи.

— Слушаю вас внимательно! — буркнула в унисон с голодным желудком и, правильно подтянув юбку, уселась в кресло с гордо выпрямленной спиной. Отрепетированным жестом скрестила ноги.

— Итак, — заунывно начал господин «ботаник». — Письменная история айлонского

государства началась в девятом году от восшествия Марая. В том году славный Армитий, князь племени хайрусков, одержал победу в Зевбургском Лесу над тремя сурминскими легионами под командованием Зара Гневливого.

От тепла горящего камина, монотонного голоса и откровенно скучного текста меня начало плавно клонить ко сну. Но поначалу я еще сопротивлялась.

— Вскоре на территории, принадлежащей местным племенам айлонов, хайрусков и враждебным им таренедов, усилиями великого государя Кавла Святого было создано государство Хайрандия. Среди выдающихся явлений того времени особенное место занимает великий Сегальский орден и созданное главой ордена впоследствии в Хайрандии государство Сегал.

Меня начало развозить. А мой личный дятел не умолкал:

— История нашего мира не знала второй подобной уникальной ситуации, которая привела бы к превращению рыцарского ордена в полноценное государство. Члены Сегальского ордена подчинялись суровым законам военного братства, лишенным рваческого себялюбия и эгоизма. Они образовали четкую военную структуру, мужчины-граждане которой с момента совершеннолетия обязаны следовать лишь своему рыцарскому обету: «Чистота помыслов, верность церкви, абсолютное подчинение главе ордена». Заметьте, даже не королю! — главе ордена!

Я стала тихонько посапывать.

— Бу-бу-бу, бу-бу-бу... Чего только стоило героическое покорение острова Буяна?! — патетически взвизгнул Занук Учила.

Меня подкинуло.

— Начиная с десятого века от восшествия Марая и заканчивая нынешним, восемнадцатым, религиозное государство в ущерб иным союзам сохраняло верность одной-единственной основной идее. Удержанию и расширению всеми средствами — и военными, и политическими — своей территории, — сурово утверждал мой педагог, бурно жестикулируя длинными, словно у пугала, руками.

Я сонно встрепенулась. Так я иду под венец с военизированным государством? Мой муж — глава религиозной хунты, то есть действующего ордена? Как же его называть-то? Хунтяра? Хунтор? Тьфу! МАМА!!!

А Занук бубнил как заведенный:

— Объединение хайрандских дворян в мужскую общину, их верность идее, сочетавшей в себе долг перед Создателем и служению государству, политическая воля, целиком направленная на достижение высшей цели, — вот чем прославилось небольшое, но грозное королевство Сегал. А их первым королем стал глава ордена, впоследствии названный святым, Блаженный Ор. Ор Лелунд.

Дальше я впала в транс. Он плавно перешел в дремоту и вскоре превратился в полноценный здоровый сон. Так что всю ту чушь, которая касалась географии и политического положения государства Сегал на данный момент, я благополучно пропустила.

— Ваше высочество! — ввинтился голос профессора в мой мирный и приятный сон. В нем я безмятежно лопала громадное пирожное со сливками и вволю заливалась кисло-сладким морсом.

Обиженно вздрогнув и быстренько запихав в себя остатки пирожного, я открыла глаза и уставилась на Занука как на врага всего трудового народа:

— Да-а?

— С вами все в порядке? — деликатно поинтересовался мужчина.

— Здоровье в порядке, спасибо зарядке! — бодро отрапортовала я, комфортно потягиваясь. — Благодарю, все было более чем познавательно!

— И что вы запомнили? — поинтересовался профессор, внимательно рассматривая одну заspanную особу через монокль.

— Начиная с десятого века от восшествия Марая и заканчивая нынешним, восемнадцатым, религиозное государство Сегал в ущерб иным союзам сохраняло верность одной-единственной основной идее: удержанию и расширению всеми средствами — и военными, и политическими — своей территории, — преданно глядя на него, повторила я слово в слово.

Не удержавшись, добавила:

— А мне, значит, хунтенок достался. Будем вместе нести военную обязанность, не смыкая глаз.

Господин Занук расплылся в довольной улыбке:

— Ваше высочество! Я даже не смел надеяться на подобное усвоение сложного материала! А уж ваши прекрасные намерения! Они в высшей степени похвальны. Мало какая женщина стремится настолько полно разделить обязанности мужа, и уж далеко не всякая из дам способна объять своим слабым умом, как это важно!

Мне было безумно приятно хоть от одного из учителей получить лестную оценку. Стремясь продемонстрировать свое весьма благожелательное отношение, я сцепила руки в «замок» и потрясла ими с одной и другой стороны лица.

— Что это за странный жест? — изумился ученый муж.

— Это значит: все «о'кей» и «в Багдаде все спокойно!» — вырвалось по недоразумению. — Ой, извините, неточно выразилась. Это новый жест, привезенный мной из далеких странствий, означающий: «Мне приятно слышать вашу похвалу и я постараюсь ее оправдать!»

— Как мило! — просиял профессор. — А вы не могли бы еще раз повторить?

— Да, пожалуйста! — Для хорошего человека и снега зимой не жалко!

В общем, господин Занук остался тренировать полученные навыки, а я на цыпочках, гремя обручами и шурша юбками, удалилась за дверь, где и попала в гостеприимно расставленные объятия Лары.

— Ваше высоч... — начала горничная, приседая.

— Можно короче? — простонала я, прислоняясь к стене. — Сегодня был безумный день!

— Ужин в вашей комнате! — по-военному коротко отрапортовала дева, исправно поедая начальство глазами умильной преданности.

— Молодец! — оживилась я. — Веди меня, мой друг, скорей, и мне бокал вина налей!

— Прошу следовать за мной, — как-то странно посмотрела на меня горничная и порысачила по лестницам и пустынным коридорам в направлении моей спальни мимо бесконечных запертых дверей, многочисленных портретов чьих-то предков и железных останков рыцарей с щитами.

Не понимаю, а куда остальные люди девались? Ни слуг в громадном доме, ни гостей, ни хозяев. Будто повымерли. Только внизу у входа громыхает стража.

— Эй, не так быстро! — пыхтела я в своих юбках сзади.

Лара сбавила темп, и мы уже образцово-степенно прошагали в нужном направлении. По приходу ловкая горничная уверенно стащила с меня обмундирование, нацепила ночную рубашку с халатом и так же шустро сервировала ужин.

— Теперь я знаю, почему правящих особ кругом обвешивают орденами, — простонала я от невыразимого счастья, ощупывая целостность своего организма. — Им не просто награды нужно выдавать, а еще и молоко за вредность! Двойную пайку!

— Кушайте-кушайте, — вилась вокруг меня Лара, подкладывая лакомые кусочки. — Вы такая худенькая...

Да уж, намек, тонкий до безобразия!

— Ты считаешь, мужики не собаки — на кости не бросаются? — прочавкала я. — Что ж мужиков тогда «кобелями» называют?

— Э-э-э... — Горничная не нашлась что ответить на провокационный вопрос и налила мне бокал вина.

После сытного ужина служанка предложила мне почитать книжку, но я настолько устала, что заползла под нагретое одеяло и мгновенно отрубилась.

Уже засыпая, ощутила приятное расслабление от мягкого массажа, исполненного умелыми руками горничной. Этот приятный ежевечерний ритуал исполнялся ею неукоснительно весь месяц. Мало того, впредь она старалась не доводить меня до полубморочного состояния, и я получала массаж немножко раньше, чем успевала рухнуть и заснуть. Горничная баловала также будущую аристократку и всевозможными ароматическими маслами. Меня, словно одалиску, на полном серьезе готовили к объятиям султана, чтоб ему полжизни икалось.

Утром следующего дня я настояла на прогулке. Скромно одетую, словно простолюдинку, меня сопровождали толстый лакей и моя горничная. Вопрос необходимости променадов утрясали Лара с Зануком Училой. Не знаю, что они там графу наплели, чем острую нужду в лесных вылазках аргументировали, но меня стали выпускать наружу попросту... э-э-э, погулять.

Когда горизонт перестали загораживать спины челяди, я удивленно осмотрела свое бывшее жилище со стороны. Что могу сказать: все это время я жила в средневековом замке! Настоящем. А это значит, что он стоял на отшибе, одиноко высился на крутой горе, был... не то чтобы огромный и очень, очень мрачный. Круглый донжон серого камня, почти без окон, был присоединен квадратным строением, похожим на галерею, к высокой квадратной башне с многочисленными готическими узкими окошками.

Все здание замка было украшено массивными каменными зубцами и множеством налепленных, будто ласточкины гнезда, башенок поменьше. Вокруг замка пламенели листьями кусты дрока и другие кустарники, скрывая подножие здания. Красота.

Очевидно, когда-то это была настоящая военная крепость, приграничный форт на стратегически важном месте. Но... время шло, и теперь в нем дрессируют будущих принцесс для соседнего государства. Я хихикнула. Знали бы аристократы, каким местом я «принцесса», на подвязках бы удавились!

Мы мирно побродили где-то часа два-три, насобирали грибов, половину которых (мою!) кухарка потом отправила на помойку с характеристиками «бледная поганка», «ведьмин гриб» и «грызлево полотенце». И вернулись домой в отличном настроении. Мое внутреннее угнетение сошло на нет, даже дышать стало легче.

Мы еще не раз отправляли на кухню с помощью Лары алые плоды боярышника и шиповника, почти спелые орешки лещины и прочие дары леса. Несколько раз набирали полный передник и корзины груздей и опят. Частые прогулки придали румянец моим щекам и не дали угробить здоровье замковой затхлой сыростью, гуляя каждый день на свежем воздухе, я оттаяла всей душой, прочувствовала себя настоящей принцессой и наслаждалась тем единственным преимуществом, которое смогла реально получить от нынешнего неопределенного статуса: иллюзией свободы.

Почти две с лишним недели мы мирно прогуливались перед занятиями, дышали свежим воздухом и расслаблялись от жесткой муштры.

Как я ни приглядывалась к тропинкам и окрестностям, сбежать не было никакой возможности. Нас с черного хода прямо из замка выпускали в лес по узкой тропинке. Провожатые стерегли меня зорко, и мы никогда не отходили далеко от графского жилища.

Но все равно, было очень приятно. Мини-путешествия многое дали в плане душевного

спокойствия.

А потом, как обычно, меня нашли неприятности. В одну из прогулок на нас напали трое грабителей, замотанных с головы до ног в плащи с глубокими капюшонами. Лакея ударили по темечку. Лару небрежно отшвырнули прочь, а меня в очередной раз умело снабдили кляпом и мешком на голову. Мешок поверху спеленали веревкой и вместе с содержимым поволокли куда-то.

К счастью, волокли недолго... минут пять.

Наверное, из-за духоты или от ужаса мне почудился речитатив, напеваемый знакомым голосом Занука Училы. Внезапно воздух прорезал глухой звук грома. Польшнуло ярким светом даже сквозь мешок. Поначалу я подумала — молния, но какая может быть молния среди бела дня при отсутствии дождя?!

Плечо, на котором я возлежала, накренилось, мой мешок облили чем-то густым и теплым. Я шумно грохнулась на кучу листьев и, несколько раз перекатившись, застыла. Надо мной вскипела короткая, но жаркая схватка.

Ура! Пара вскриков, звуки борьбы — и меня быстро освободили. Я огляделась: три неподвижных тела выделялись серым нагромождением на фоне ярко-желтой палой листвы, обагреной капельками крови.

Оказывается, за нами всегда присматривал егерь с помощниками и специально обученными молчаливыми громадными собаками. В тот день они всего только немножко запоздали. Огромные псы песочной масти, каждый размером с теленка, походили на догов и носили вдоль хребта странную темную отметину — полосу шерсти, растущую в противоположном направлении. Признаюсь, людоедские кобели напугали меня гораздо больше всех разбойников, вместе взятых.

При воспоминании о живых персонажах сказки «Огниво» идея побега из графского замка у меня стала возникать гораздо реже, практически сошла на нет. Зубастые, хищно оскаленные морды; жуткие зенки, светящиеся желто-зеленым демоническим огнем, будто адские площадки! Ужас!

Нет, я не мазохистка, на себе охранные качества этих песиков проверять!

На этом утренние прогулки бесславно закончились.

С чем связано похищение моей персоны — граф пояснить даже не пытался, а Занук с остальными что-то неуверенно блеял насчет любвеобильных похитителей женщин и высокой ценности рыжих волос. Блеяли они настолько неслаженно и неправдоподобно, что поверить в это не было никакой возможности. Но своих версий у меня тоже не нашлось.

Поэтому по обоюдному молчаливому согласию мы замяли это дело. Хотя я трижды пыталась допросить с особым пристрастием Занука, что это был за речитатив и чем там польхнуло. Занук смотрел на меня, как на слабоумную дурочку, и откровенно недоумевал. Устав от бесцельных расспросов, я пришла к выводу: померещилось. И впрямь, мало ли что почудится под мешком в такой ситуации?

Все последующие дни походили один на другой. Подъем, завтрак, долгое прилежное одевание придворной сбруи — и бесконечная зубрежка и муштра. Дошло до того, что я просыпалась среди ночи и с закрытыми глазами шла танцевать или двигала в столовую учить этикет.

Судите сами, что с моей головой творилось!

...Ригодон — произошел от бранля, исполняется по кругу (хоровод) или по линии в быстром темпе и веселом, темпераментном характере...

...Закусочный прибор — подают к холодным блюдам и закускам всех видов и некоторым горячим закускам...

...Граф не может идти впереди герцога...

...Аллеманда — относится к массовым «низким», беспрыжковым танцам...

...Рыбный прибор — используют при употреблении горячих рыбных блюд...

...Герцогская корона насчитывает одиннадцать зубцов...

...Мореска — неперенный атрибут любого значительного придворного праздника...

...Длина столового ножа примерно равна диаметру столовой тарелки, длина вилки и ложки несколько меньше...

...Никто не может притронуться к королю и королеве без их разрешения...

Теперь я точно знала, что при мазурке нельзя ткнуть герцога в мягкое место рыбным ножом по причине тупости последнего! А ложка для яиц не годится для отношений с графом при прыжках в сарабанде, гораздо проще достать ногой. И виконты прекрасно отличают вилки для крабов от вилок для устриц, танцуя па-де-де втроем...

Безусловно, присутствовали и отдельные положительные моменты. Например, граф самоустранился и под ногами не путался. Первые дни я видела его лишь издали, а потом он вообще скрылся с глаз подальше. Очевидно, решал какие-то хитрые подковерные дела, отчаянно интригуя и подыскивая, кому бы еще подложить огромную свинью в кровать. Так что я могла сосредоточиться на обучении и не отвлекаться на партизанские действия.

Лара поддалась на мои уговоры и расставила платья в боках. Теперь мой корсет не был так сильно затянут, и я даже могла дышать через раз и что-то кушать, не дожидаясь, пока снимут парадную одежду.

Господин Шалусь получил великолепный и незабываемый опыт от новых танцев. Два дня учитель провалялся в постели с холодной тряпкой на лбу после красочного исполнения мной ламбады.

Да, а потом еще его неделю отпаивали сердечными и успокоительными каплями, когда я уселась на шпагат и осчастливила его пикантным видом своих кружевных панталон. Потому что юбка выгнулась «парашютом» вверх и скрыла от обзора все неосновное. Пришлось несчастному звать на помощь домомучительницу и выковыривать меня обратно, хватая за недозволенные места. Ожил бедолага лишь после моих заверений — мол, я не чувствую себя опозоренной и заживо кожу с него сдирать за оскорбление не собираюсь!

А! И еще после ядовитых заверений мадам Люлю, что он мне не пара и жениться, прикрывая грех, не придется!

Грымза тоже морально пострадала, когда я подралась с лакеем. Подумаешь, забрала у того нетронутое блюдо и нахально лопала рыбу с ножа, помогая себе руками?! И что такого? Здесь же все свои... Но мадам закатила глаза и свалилась в обморок, специально подгадав момент, чтобы упасть на руки пришедшему за мной профессору.

Господин Занук долго рассматривал через монокль доставшееся ему неожиданно-негаданно богатство, пока я не посоветовала ему сдать мусор в утильсырье. Мадам тут же немедленно очнулась и, высказав мне много чего интересного насчет непочтительности и жуткого воспитания, ускакала пережевывать оскорбление, громко хлопнув дверью на прощание.

С господином Умником мы славно подружились на ниве науки. К тому же нас объединяла любовь к пирожным со взбитыми сливками. Так что мы, как два законспирированных сладкоежки, по вечерам пиروвали — тайком объедались сладким и беседовали обо всем на свете. Наверное, он был единственным человеком в этом мире, которому я была интересна сама по себе, а не мои «тителы» или необычность. По крайней мере, мы проявляли взаимное уважение...

«Ну, наконец настал тот час, Когда я здесь и вижу вас В слепом неведении томлюсь Я беспороден — это минус, Но благороден — это плюс!»

— мурлыкала я себе под нос, когда мне дорогу заступил господин граф с мерзкой

ухмылкой на тонких губах и выражением Карабаса Барабаса на холеной физиономии.

— Вижу, вы обретаетесь в прекрасном настроении, принцесса, — гадко захихикал «дядюшка», готовясь достать из бархатного рукава, подобно фокуснику, очередную пакость.

— Обреталась, — кивнула я с достоинством, озираясь по сторонам в поисках запасных путей к бегству. — Пока не встретила вас!

— Тогда прошу пожаловать в мой кабинет! — обрадовал меня «родственничек». — Следуйте за мной!

И что мне оставалось? Нет, чисто теоретически я могла сбежать, предварительно пнув кое-кого под зад и придав ощутимое ускорение. И, возможно, этот «кое-кто» с графским титулом расквасил бы себе аристократический нос. А дальше? Куда бежать? Кому я нужна по большому счету? Да и по маленькому — тоже!

Собственно, я уже про это думала. Меня сейчас охраняют почище золотого запаса России. Со мной постоянно кто-то рядом, ни минуты без присмотра. Комнату на ночь запирают — благо «удобства» в широком доступе — под кроватью!

Кстати, о туалете... Так вот, без посторонней помощи сходить туда, куда цари пешком ходят — просто невозможно! Мне поначалу было ужасно стыдно, но потом, когда уже совсем пригорело, я решила: пусть лучше лопнет моя совесть, чем мочевого пузыря! И согласилась...

Вай-вай! Прodelывать эту сложную операцию нужно втроем (третий — кому приспичило, но можно его и исключить). Одна из горничных держит платье на уровне пояса, а вторая снимает панталончики и регулирует — куда поставить горшок... Кошмар! Научись, как собака, терпеть, пока не выгуляют, в смысле — пока не затынут в корсет: утром и вечером...

— Ну пошли, Иван Сусанин! — обреченно согласилась я, взирая на него исподлобья и нежным взглядом обещая графу все прелести совместного общения мужчины и женщины, как то: прямое использование молотка для отбивных, душевное фехтование скалкой, пропускание через мясорубку, шинковка помельче тупым ножом, поджаривание на медленном огне и еще кучу милых женскому сердцу способов выражения любви к навязчивому кавалеру.

Граф, видимо, подумал, что мой пламенный взгляд революционерки направлен к нему в виде призыва на ответную симпатию, и радостно воссиял сиятельными частями организма. Я в ответ не менее радостно оскалилась, и «родственничек» сразу потух, как свечка под водой.

— Следуйте за мной, принцесса, — процедил обманутый в светлых чувствах Алфуслик и, резко развернувшись, бодро потопал вперед по коридору. Пришлось трусить за ним, еле удерживая на кончике языка невинное замечание: «Хочешь большой и чистой любви — помой слона и целуй его в лобик!»

Мы дошли до кабинета, и граф усадил меня в кресло, на краешек; как истинный конспиратор, подкрался на цыпочках к двери, выглянул наружу, в чем-то удостоверился и запер дверь на ключ.

— Листовки будем писать? — удивилась я, пощелкивая веером. Странные ужимки Альфонсуса меня нервировали.

— Что? — взъерошился Альф. Видимо, через пару минут до него дошло — слово не крамольное: — Нет. Нам нужно серьезно поговорить...

— Валяй, ваше сиятельство! — разрешила я приступить к дебатам и подвинулась вместе с креслом к хрустальному графину. Слава Жириновского не давала мне спокойно спать по ночам...

Граф уселся за свой стол, развалился в кресле, красноречиво сложил руки в «замок» и сообщил мне радостную весть:

— Завтра мы выезжаем в столицу, а послезавтра твоя свадьба!

— Это как?! — подняла я брови, пораженная новостью в сердце и мозг. — А познакомиться с женихом, поговорить, за ручки подержаться, в кустах потискаться?

— Все это ни к чему! — лишил меня Алфонсус мелких девичьих радостей. — Свадьба — дело решенное. Нечего kota за хвост тянуть!

— Естественно! — Некоторое время я потратила на раздумья: принять kota на свой счет или переправить принцу? — Лучше тянуть его за яйца.

— Так вот... — проигнорировал мой ядовитый выпад граф. — Мне от тебя нужен наследник, а потом уже будем смотреть по обстоятельствам...

— Обстоятельствам?! Каким? — Подозрительность — это мое второе «я»!

— Разным... Будешь себя хорошо вести — останешься на троне, — стал сверлить меня глазенками местный Макиавелли.

— А если не буду? — Я прикрыла лицо веером, пряча охвативший меня невольный ужас. Незачем акуле свежую кровь демонстрировать. Они, акулы, от нее еще злее становятся!

— Тогда я найду способ лишить страну будущей королевы и сделать правителя вдовцом! — зловеще раскрыл тайны прямой потомок Марии Медичи.

— Угу... — донельзя «обрадовалась» я. — Значит, ты хочешь, чтобы я уложила принца в постель, сделала ему ребенка, а потом ты будешь смотреть на мое поведение?... С ума сойти, до чего ж заманчивое предложение! — Встала и зашагала по комнате, раздумывая над патовой ситуацией. Куда ни кинь — везде клин!

— Да! — не стал скрывать коварных намерений Алфонсус. — Ты — никто. Искать тебя некому, а здесь есть хороший шанс устроиться в жизни. Но если ты не будешь делать, что я тебе прикажу, то быстро распрощаешься, — зловещая пауза, — и с прекрасной возможностью устроиться в жизни, и, собственно, с этой самой жизнью...

У меня поднялась такая волна злобы, что просто смертоносной стеной поперла наружу, требуя выхода. А «родственничек» подстраховался, спрятав все тяжелые предметы себе за спину! Но одного гаденыш не учел... Я теперь была оружием сама по себе!

Изобразив на лице крайнюю благодарность благодетелю — чтоб ему черти в аду вместо туризма иммиграцию устроили! — подошла поближе и запрыгнула на стол. Ну, вроде как посидеть немножко, отдохнуть там от трудов праведных, поближе к начальству.

Йес! Нижний обруч фижм поднялся и врезал «графину» по зубам!

Странно, но «дядя» почему-то не слишком порадовался нежданному подарку и схватился за ушибленную челюсть. Наверное, она (челюсть) была очень дорога ему. Как память.

— Фто ты тфоришь?! — завопил истинный ариец с еврейскими корнями и начал вылезать, протискиваясь между спинкой кресла и моим подолом с явно нехорошими намерениями.

— А нечего угрожать слабой девушке! — заявила я, подвигаясь поближе и готовясь войти в клинч. — Я, понимаешь, даже сдачи дать не могу!

— Ты?! — весьма эмоционально выпалил граф, сочетая выдаваемую информацию с красноречивым невербальным посланием: дескать, удушью, заразу!

— Я! — не стала отрицать очевидное. На его пантомиму отчеканила: — Руки коротки!

— Убью! — пригрозил граф, щелкая челюстью.

— Но-но! — обиделась я на убийственное непонимание моей тонкой душевной организации. — Несмотря на свою хрупкость и женскую беззащитность, целостность организма буду защищать до последнего мосла и кружки крови! — Почесала нос и добавила: — Твоей!

— Это как? — внезапно заинтересовался «родственник», становясь на стезю ликвидации безграмотности.

— Тебе в подробностях? — деловито полюбопытствовала я, прогоняя в уме, какие еще пакости я могу сотворить «не отходя от кассы».

— Желательно! — В глазах Алфонсуса зажегся огонек знаний, угрожая превратиться в пожар и спалить все к чертям собачим.

— Например... — вспоминала я «пугалки». — Ага!

— Прекрати говорить «ага»! — взвился граф. — Ты — принцесса!

— Липовая! — не осталась в долгу.

— Да хоть осиновая! — завопил мужчина, выкарабкиваясь из-под подола.

— А ты — дубина стоеросовая! — сделала ответный комплимент и, угрожаяще наклонившись к аристократическому лицу, прошипела: — Один раз — между глаз, второй раз — прямо в глаз, третий раз — и ты Фантомас! Стра-а-ашно? — продемонстрировала костлявый кулачок, утяжеленный бронзовой «промокашкой».

— Кто такой «Фантомас»? — растерялся граф, не в силах объективно оценить угрозу, а следовательно — проникнуться ею.

Как этому дубоголовому феодалу рассказать внятно, кто такой Фантомас? Я тоже немного растерялась. Но включила природную смекалку и вовремя спохватилась:

— Мужик такой... синий, лысый и ну о-очень несчастный, — постаралась доходчиво объяснить.

— Почему синий? — Гляделки Алфонсуса стремительно увеличивались в размерах и сигнализировали о помощи.

— Потому... — Я задумалась, как бы повразумительней донести до слушателя. — Потому что мужик страдает вредными привычками: пьет, курит и волочит за дамами!

— Ик! — Граф обалдел, поскрипел мозгами и выдал: — Так теперь и не жить, что ли?

— Да! — закивала головой с умным видом. — Нужно вести правильный образ жизни и не допускать крамольных мыслей об убийстве других — это портит карму и закрывает чакры!

— Эть... чего там закрывает??! — недопонял моей умной сентенции аристократ. — Оружие?.. Как? Каким образом?!

— Тьфу! — огорчилась я, сползая со стола и устраиваясь в кресле. — Всю интеллектуальную беседу к железкам свел! Ты с мечом, случайно, в обнимку не спишь?

— Зачем?! — У нас просто вечер ответов и вопросов. «Что? Где? Когда?». А главный приз — принц или жизнь?

Я голосую за второе, ибо без принца прожить вполне можно, и очень даже неплохо... В конце концов, на нашем пути гораздо чаще встречаются кони...

— Для экзотики, и чтоб не расслабляться, — пожала плечами. Разговор затягивался и превращался в полный абсурд.

— Так-так, — забарабанил граф по столу пальцами. — А почему несчастный?

— Господи! — закатила я глаза. Вот клиент тугой попался! — Да не любит его никто! — С воодушевлением ткнула в графа пальцем: — Вот ты бы смог полюбить лысого синего мужика?

— Нет, конечно! — открестился Алфонсус. — Я вообще мужчин не люблю!

— Что и требовалось доказать! — удовлетворенно улыбнулась я.

Господин граф подумал, поскреб в затылке и потом еще раз подумал. Выпил бокал вина, заел куском сыра и снова поскрипел шестеренками. А потом вызверился:

— Не заговаривай мне зубы!

Ясненько, человек ни рожна не понял и теперь злится на собственную, тщательно скрываемую тупость...

— А есть чего заговаривать? — Это уже просто так, для культурного поддержания светской беседы.

— Есть! — рыкнул аристократ, принимая важную позу, наподобие Бонапарта на поле боя. Может, стоит тихонько намекнуть про то, как печально Наполеон закончил свои дни? Нет, все же думаю — не стоит... Если я скажу ему, что Наполеон Буонапарт умер на Святой Елене, то следом еще долго придется графу втолковывать, что имелся в виду именно остров, а не любимая женщина.

— Ты уразумела, что должна меня во всем слушаться и обо всем докладывать? — продолжал распинаться граф.

— Шпионить приказываете, барин? — прищурилась я, обмахиваясь веером.

— Бдить! — поднял аристократ вверх указательный палец...

И мне тут же завьюжило гаденышу сей перст сломать на фиг! Ну просто руки зачесались!

— Пфе! — прикрылась я веером (очень удобная штучка оказалась! А если еще на металлической основе, то по рукам или мордасам лупить — самое то!). — Я не могу так опозорить свою страну!

— Ты о чем? — У графа уже голова шла кругом. А кто его просил мне козни строить и угрожать?

— Я о несанкционированном отравлении атмосферы в людном месте, — на полном серьезе ответила я, добавляя тумана. Пришлось кусать губы, чтоб не заржать, как конь Пржевальского.

Оппонент прочистил горло:

— Издеваешься? — О! И года не прошло, как доперло!

— Похоже?.. — Не одни графья тут могут вопросом на вопрос отвечать.

— Молчать! — стукнул Алфонсус по столу кулаком. — Отвечать!

— Ты уж определись, противоречивый мой, — любезно посоветовала я, провожая рассеянным взглядом жалобно дзенькнувший графин, свалившийся со стола и закончивший существование на дубовом паркете. — Или молчать, или отвечать. Третьего не дано.

— Все! Мое терпение закончилось! — бросился ко мне аристократ, растеряв весь аристократический лоск по пути. — Ты сделаешь так, как я сказал, или закончишь свои дни безымянной могилкой на погосте!

Я прилично обиделась на мужской шовинизм и неспособность к пониманию. Встала, почесала нос и строго высказалась:

— Значит, так! Будешь на меня бочку катить, я тебя бульдозером в блин раскатаю!

Не подействовало. Граф прискакал и навис надо мной гневной Немезидой, стараясь обкапать слюной, брызжущей из перекошенного рта. Отодвинулась. Он за мной. Да еще и руки протянул. Шлепнула веером по конечностям и грозно предупредила:

— Еще раз протянешь ко мне свои немытые лапы, я тебя прокляну болезнью гексакосиоигексек онтагексапараскаведекатриафобии!

Граф попятился.

— Ик! Гекса... гекса... триафобии? Надеюсь, это не очень заразно? — взволнованно спросил он. — Взял в себя в руки: — Учти, ведьма! У меня лучшие лекари в провинции!

— Ну какая же я ведьма, — мурлыкнула. — Всего лишь юродивая... то бишь сумасшедшая... А таких любит Вышний! И людям рядом с ними приходит удача! — Особенно напирала на последнее... Не улыбалось мне однажды почувствовать запах паленой шерсти из своих волос. Ну, не считая плойки для волос на углях...

— Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела! — прорычал граф. В сердцах высказался: — Связался на свою голову с придурочной! — Алфонсус отодвинулся и принялся меня изучать. Поработав натуралистом, снова хлопнул по столу, но уже ладонью, и тихо сказал: — У тебя нет выхода. Вернее — есть. Два: замуж и меня, как Вышнего в храме, слушаться, или отдохнуть на кладбище. Какой выбираешь?

Да уж! Выбор, надо сказать, весьма небогатый... Его и выбором-то по-хорошему не назовешь. Вот что тут теперь скажешь?

— Замуж, — приняла трагическое решение.

— И?

— И буду слушаться, — скрестила пальцы за спиной.

— Вот и чудно! — возрадовался шантажист. — Ты свободна, завтра выезжаем!

— Чтоб ты слюной подавился, капиталист проклятый! — оставила я последнее слово за собой и выскочила за дверь, как следует хлопнув ею напоследок. Ну, это я просто хотела выскочить... на самом деле степенно проплыла, цепляясь юбкой за всю мебель по дороге и снося напольные вазы.

Когда доползла до комнаты и смогла помыться и переодеться, меланхолично отказалась от ужина: кусок в горло не лез. Совсем.

Всю ночь пробежала я из угла в угол, подолгу простаивая у окна и глядя на полную луну. Сегодня была моя последняя ночь под этой крышей, и завтра я должна была шагнуть в новую жизнь. Новая жизнь... Хотела ли я ее? Наверное, нет. Все, чего я хотела — попасть домой, обнять родителей, вернуться в любимый институт. Согласна была даже, чтобы меня дразнили «морковкой» и мало-мальски симпатичные мальчишки по-прежнему не обращали на меня внимания...

Все-все отдала бы, чтобы сбежать отсюда! Но, к сожалению, не знала — как. Я даже боялась кому-то сказать о своей проблеме! В этом мире стоило только заикнуться, что я из другого — и гореть бы мне на костре как ведьме!

Не зря знахарка, провожая меня в дорогу, предупредила:

— Не обращай внимания, ежели юродивой звать будут. Это хорошо — безопасно. Юродивых любят и ценят, а необычных, особенно приезжих, — на костер волокут...

Мне такого рода обогрев показался слишком экстремальным, и я со всей серьезностью и вниманием приняла совет бабушки. И не прогадала... Меня признали разговаривающей с богом и не трогали. Иногда даже подкармливали вкусеньким и давали денюжку...

Могла ли я что-то изменить? Нет. Не думаю. Кто я против высокого аристократа, которому даже за доказанное убийство простолюдинки просто-напросто ничего не будет, разве что относительно небольшой штраф?! Против человека, у которого власть и деньги? Да никто...

Деньги! Проклятые деньги, дающие свободу и независимость! Деньги и титул... Соглашаясь с правилами навязанной игры, я, собственно, чудесным взмахом волшебной палочки обретала и то, и другое, но насколько же все это шатко и эфемерно! Игра вслепую по чужим правилам, где чет и нечет по хлопку меняются местами. Где жернова неведомой силы перемелют любого. И между ними я... Непрочная конструкция, основанная на лжи, грозила развалиться в любую минуту, как карточный домик, от

дуновения легчайшего сквозняка.

Если ложь откроется, спасет ли меня будущий король-муж? Или недрогнувшей рукой отправит на плаху, сберегая чистоту рода? Будет ли гипотетический ребенок признан законным? О чем я?! Какой ребенок? Я ни за что не сделаю крошечный комочек, частицу самое себя, заложником страшной судьбы. Неужели мне придется плясать под графскую дудку и работать ручной крысой? Ужасно. Я не хочу такого. Как, как же мне этого избежать?

Тысячи вопросов теснились в моей голове, но пока я не видела ответа ни на один из них. Одно лишь знала точно: никогда, ни при каких обстоятельствах, не расскажу никому, кто я и откуда. Если откроется правда насчет принцессы, то, возможно, я смогу как-то оправдаться тем, что меня заставили силой, под угрозой смерти, приказали, а вот если открою рот про иной мир — то гореть мне синим пламенем. И это после того, как надо мной поработают королевские или храмовые палачи...

И кто сможет уснуть от подобных переживаний?

Серое промозглое утро встретило меня белым инеем на траве, осенней туманной прохладой, как в известной песне, — звуками просыпающегося замка и все теми же нерешенными вопросами.

— Ваше высочество! — пропела Лара, входя в комнату. — О, вы уже встали...

— Да, — повернулась я к ней, отрывая невидящий взор от окна.

— Что с вами? — забегала вокруг курицей-наседкой горничная. — Плохо себя чувствуете? Заболели?

— Волнуюсь я. Невестам положено нервничать перед свадьбой. Обычное дело. — И ведь ничуть не соврала. Только не добавила, что за свою жизнь, а не за благополучное супружество или мифическую честь.

— Дак это ж счастье! — всплеснула руками Лара. — Давайте я вам на личико компрессик сделаю, а то у вас глазки воспаленные...

— Давай, — махнула я рукой.

Горничная подсуетилась и уложила меня в кровать с теплым мокрым полотенцем на лице, спасая мою неземную красоту. Отмокала я долго. Лара три раза меняла компрессы, каждый раз шлепая новый с другим запахом. Через какое-то время мне это надоело, и я поинтересовалась:

— Ларочка, как ты думаешь, я уже насквозь пропиталась отваром?

— Не знаю, — честно ответила горничная, снимая с моего лица полотенце и открывая обзор.

— Может, тогда меня сразу в бочку законопатить? — спросила я, потягиваясь. — А что? — польза двойная: сразу и снаружи компресс, и вовнутрь неизбежно попадет...

— Ваше высочество, — Лара опустила глазки и нервно затеребила передник, — у нас не так много времени, после завтрака мы уезжаем.

— Мы? — вытаращилась на нее. — Ты тоже едешь?

— Конечно, ваше высочество, — присела в низком книксене служанка. — Я ваша личная горничная, пока вы не соизволите мне дать расчет и найти кого-то другого...

— Вот и славненько, — обрадовалась я. Хоть одно человеческое знакомое лицо будет рядом, кроме хари горячо любимого (чтоб его куры заклевали!) «дядюшки». — Нет-нет, я очень довольна! И какой у нас распорядок дня?

Лара еще немного поприседала, тихо радуясь, что я у нее такая добрая и богом обцелованная (последнее приравнилось к слабоумию и вслух не говорилось, но явно ощущалось в подтексте).

— Сейчас вы покушаете, оденетесь, и мы уедем в столицу, — пустилась в объяснения горничная, ловко сервируя завтрак. — Большого я не знаю...

— Понятно. — Я с отвращением откусила кусок свежайшей булочки. Аппетит, видимо, ушел в самоволку и возвращаться не торопился.

— Что ж вы не кушаете, ваше высочество, — расстроилась дева. — Дорога дальняя, а трактирная еда...

О, да! Трактирная еда — это что-то с чем-то! Хотя... зависит от повара и как хорошо заказ постояльцем оплачивается. Магдалена, например, очень вкусно готовила!

После того как я размазала по тарелке масло и джем, покрошив сверху хлеб, и с трудом запахнула в себя... от силы, может быть, пару кусочков, горничная притащила дорожную одежду и начала меня облачать. Могу сказать: дамы того времени все же полными идиотками не были! Или мужики себе в дороге задачу упрощали?

К дорожному костюму немаркого коричневого цвета из толстого сукна с золотой вышивкой, закрытому под горло, прилагался укороченный облегченный корсет. И — та-да-да-да! — полностью отсутствовали фижмы!

Осознав подобное счастье, я была готова путешествовать семь дней в неделю! Хоть в пустыню Гоби, хоть на Северный полюс! Одно только чуточку омрачало мою незамутненную радость: мне на макушку плюхнули пудовую шляпку с кучей перьев, цветов и прочих излишеств и закрепили ее метровыми шпильками. Довольно поправив все аксессуары, чтобы висели как нужно и веяли туда, куда надо, Лара опустила мне на физиономию достаточно плотную вуаль.

— Это чтобы я окрестный люд не пугала? — поинтересовалась я, наполовину ослепнув. Сейчас я видела окружающую действительность как что-то из разряда «небо в клеточку и друзья в линейку... тоже в клеточку».

— Ваше высочество, — почему-то жестоко оскорбилась за меня горничная. — Вы о-очень красивая! Такая нарядная... а вуаль... она положена по этикету, чтобы вас всякий сброд не рассматривал!

Точно! Я ж така красивая, как корова сивая, а коровы сивые — все, говорят, красивые!

— Понятно! — расчувствовалась я от сомнительного комплимента. Нет, безусловно, от постоянных косметических процедур, хорошего питания и полноценного сна я посвежела и немножко похорошела, но до красавицы мне... как от Америки до Китая на животе ползти.

— Ну, что, — обвела я глазами комнату, давшую мне прибежище на целый месяц. — Спасибо этому дому, пойдем к другому! — И смело шагнула за порог навстречу весьма сомнительному семейному счастью!

Наконец-то мне удалось изменить привычный в последнее время маршрут «комната — танцевальный зал — столовая» и торжественно выбраться наружу через центральный вход! Раньше нас выпускали только черным ходом.

В сопровождении горничной и огромного лакея я вышла на свежий воздух, чтобы сесть в карету, которая ожидала меня на довольно просторном дворе. При виде этого средства передвижения я испуганно икнула и присела.

Да-а-а... это только в сказках существуют изящные, округлые экипажи, запряженные тонконогими лошадьми... Здесь к перевозке царственного тела относились со всей основательностью и ответственностью. Мне предлагался прямоугольный «гроб» на колесах и шестерка монстров, которых скакунами язык не поворачивался назвать...

Что-то огромное, лохматое и со злыми глазами, горящими дьявольским огнем. Эти «годзилы» мотали здоровенными башками и грызли чего-то там, засунутое между зубов. Не знаю, как эта хрень называется, но похоже на металлическую палочку. И крайний ко мне «коняшка» эту палочку уже дожевывал...

— Нравится? — подошел сзади граф.

— Впечатляет, — не стала отрицать. А чего скрывать, если меня от их вида кидает в дрожь? — Угробить меня мечтаешь?

— Ни в коем разе! — открестился «добрый родственник». Расплылся довольной улыбкой:
— У меня на тебя большие планы!

Зашить бы ему рот суровой ниткой, как бы хорошо жилось окружающим!

— Настолько большие, что ты меня решил сначала удивить видом лошадей, а потом где-то по дороге им скормить? — кивнула я в сторону монстриков. — Очень дальновидно...

— Что ты понимаешь! — надулся Алфонсус. — Это специально выведенные для королевских конюшен...

— Людоеды, — подсказала я.

— Да! — машинально согласился «дядюшка», но тут же опомнился: — Нет! Это гурзацы!

— Хорошо, что не абзацы, — пробормотала себе под нос, тихо радуясь, что ни седлать, ни распрягать, ни кормить мне ВОТ ЭТО не придется.

— Прошу. — Граф галантно предложил мне руку.

Я покривилась, но деваться было некуда, если только не собиралась изображать Джеймса Бонда и штурмовать в юбках крепостные стены. Зачем мужикам бесплатный цирк показывать? Вдруг за чистую монету примут и в труппу пригласят? О! Тогда же гонорары посыплются... Нет, все же в плохом всегда есть что-то хорошее, главное, его вовремя разглядеть и выковырять!

Маленько поломавшись для приличия, подала «родственнику» затянутую в лайковую перчатку руку и потопала смиренной овцой к рыдвану.

Кстати, внутри эта похоронная коробочка оказалась очень даже ничего. Обитые темно-синим атласом стены, мягкие удобные скамейки со спинками. Под ними была даже жаровня на углях, представляете! Видимо, чтоб зимой в дороге не мерзнуть. А! И в стенах страховочные ремешки, за которые полагалось по пути держаться. Чем-то напомнило родные «Жигули».

Меня посадили на сиденье и покинули в одиночестве. И скатертью дорожка! Воздух будет гораздо чище! А то тут некоторые заменяют собой целый комплекс химзаводов по производству нервнопаралитических газов.

Спустя какое-то время дверца распахнулась. В карету залезла гримза, не к ночи будь помянута. Училка разоделась по такому случаю в болотного цвета дорожный костюм с кружевным жабо, приколоченном к блузе монструозной брошкой размером почти с малый щит пехотинца.

— А вы куда едете? — вырвалось у меня, пока я с изумлением рассматривала спутницу.

— Ваше высочество! — проскрипела мадам Люлю, усаживаясь напротив и расправляя юбки. — Вы плохо занимались на моих уроках! Незамужняя дама не может путешествовать в одиночку в обществе мужчин. Ей необходима компаньонка.

— Мадам Домуля, вы противоречите сами себе! — Будет хоть чем заняться в дороге... мозги прокомпостировать — это святое! — Путешествовать в одиночку в компании — это взаимоисключающие понятия...

— Дама должна быть под присмотром более старшей дамы или родственницы! — отрезала «сушеная вобла» и добавила: — Предвосхищая ваши вопросы, отвечу — я еду с вами в качестве дуэньи!

— Мадам, может, не стоит себя так утруждать? — сделала я попытку отвертеться от подобной чести. Слишком от нее дурно пахло.

— Стоит! — отрезала мадам, устраиваясь поудобнее и предвкушая садистские удовольствия. — Вам не пристало ехать одной! Заодно по дороге повторим этикет и

правила поведения при дворе.

Я закатила глаза и попыталась изобразить обморок. Получилось не слишком убедительно, хотя я старалась. К тому же у мымры оказался с собой стратегический запас баночек и флаконов с нюхательными солями, и спустя минут пять после обоняния сих дивных ароматов я была согласна день и ночь учить этикет, лишь бы не нюхать это амбре. Я потом не могла прочихаться. Вскоре экипаж тронулся с места, и мы поехали.

Когда мы бодро миновали внутренний двор, во внешнем к нам присоединилось еще несколько карет, десятков повозок и где-то сотня всадников, добавлю — среди них, кроме десяти рыцарей, множество военизированных конников. Ну не знаю я, как называется, когда мужик на лошади весь в шипованной и обитой бляшками коже... (кто сказал — извращенец?) и железе.

На выезде со двора карета остановилась, и в нее тихонечко, словно мышка-норушка, проскользнула Лара в накинутом на голову дорожном коричневом плаще, прижимая к себе объемистую корзинку. Горничная сразу же забилась в угол, с испугом глядя на гюрзу в жабо.

— Лара, иди сюда, — позвала я, приходя на помощь.

Девушка вздрогнула и послушно подвинулась ко мне.

— Это неприлично, — завела надоевшую шарманку мадам, сжимая свою «куриную гузку» и трепыхая облезлыми перьями шляпы. Как бы ей намекнуть тактично о сахарной эпиляции? Что уж на самом деле неприлично — так это культурной женщине в наше время такими черными усами на лице щеголять.

— Зато удобно! — отрезала я, отнимая корзинку у горничной и запихивая под сиденье.

— Ваше высочество, вы не можете... — начала привычную нотацию занудная тетка, разглаживая свое жабо.

— Молчать! — уже зверея, рявкнула я. — Приказываю открывать рот только по моей команде!

Мадам подавилась остатком фразы и заткнулась, опасливо косясь в мою сторону. И дальше сидела молча! Все же иногда хорошо быть принцессой!

К дверце кареты на кауром жеребце подъехал граф. Свесившись с седла, склонился к окошку и радостно сообщил:

— Выезжаем! К вечеру будем в Ардене, где переночуем и справим свадьбу...

— Стоять! — гаркнула королевская невеста, окончательно запутавшись. — Арден — не столица!

— О! — восхитился аристократ. — Моя племянница уже выучила географию!

— Порадовался? — набычилась я и, дождавшись кивка, продолжила: — Что мы забыли в Ардене?

— Собор, — ответил граф, явно издеваясь.

— Что «собор»? — У меня в мозгах началось короткое замыкание... Главное, чтоб не выбило пробки, а то всем хана! — Это игра такая? «Угадай мелодию»?

— В Ардене находится старинный собор, в котором венчались все сегальские монархи, — соизволил объяснить Алфонсус. — Вы тоже не станете исключением.

— Угу, — кивнула я, начиная понимать расклад событий. — А потом?

— Принцессы не говорят «угу», — в два голоса дружно выпалили граф и гримза.

— Вы всегда твердили — принцессы не говорят «ага»! Про «угу» речи не было, — немедленно отыгралась я. — Так что засуньте свои замечания в... за пазухи и ответьте на мой простой вопрос — что дальше?

— Дальше... вы, дражайшая родственница, став принцессой Сегала и проведя брачную ночь, на которую я возлагаю огромные надежды... — тут у графа начался нервный тик, призванный изображать игривое подмигивание, — проследуете вместе с мужем в столицу и там примете помазание, становясь королевой.

— Завтра-послезавтра?.. — с ужасом воззрилась я на торжествующего «дядюшку». — Так скоро?

— Да. — Граф висел около окна довольной спелой грушей. Уронить, что ли? — Принцу Матиасу на прошлой неделе исполнилось двадцать пять — возраст вступления на престол, если правящий король выражает готовность уступить власть. А его отец, король Амадин, согласен передать сыну бразды правления и удалиться на покой...

— Понятно, — почесала я нос, ударившись в глубокую задумчивость. Понятного было мало, и требовалось время для осознания и раскладывания по полочкам, поэтому я вопросы задавать перестала, опасаясь, что сторит «материнская плата»... Отодвинулась от окошка, показывая своим видом окончание разговора.

Граф тонкий намек понял и, выпрямившись в седле, дал команду:

— Поехали!

Тоже мне, Гагарин доморощенный! «Он сказал: „Поехали!“ Он взмахнул рукой».

Аристократ действительно взмахнул рукой. О, блин! У меня проснулся провидческий дар? А если я вспомню первую строку из песни: «Знаете, каким он парнем был...» — граф тут же скопытится? Хорошо бы...

Не повезло... Ускакал вперед и даже не чихнул. Жалость какая...

Наш кортеж неспешно тронулся в путь. Мы медленно проехали главные ворота, попрыгали по вымощенному камнем мосту и выкатились наружу.

Цок-цок, бум-цок! Скрип-скрип... цок-бум!

Спустя пару часов лицезрения идиллически однообразного пейзажа мои глаза начали уставать, и потянуло в сон. Тем более что я прилично недобрала этой ночью.

В самом деле, буколические квадратики полей, невысокие холмы, небольшие, но быстрые реки, несущие чистую влагу горных ледяных вершин, навевали сонное умиротворение... Иногда по обеим сторонам дороги возникали темно-зеленые островки хвойного леса, опустевшие сады или ровные ряды виноградников. Кое-где виднелись крестьяне, собирающие урожай и складывающие тяжелые кисти винограда в корзины, которые навесили на серых приземистых осликов. Сельский рай!

Я так хорошо задремала, удобно устроившись на мягком сиденье.

Снился мне родной дом... Меня обнимала мама, прижимал к себе папа, и почему-то здесь же присутствовал рыцарь с фиолетовыми глазами...

Резко запахло чем-то неприятным и вонючим. Я вдыхала какую-то ядовитую дрянь, от нее даже во сне кружилась голова, она облепила рот и нос, жгла легкие...

Рыцарь прижал меня к себе покрепче.

В моем сне где-то на заднем фоне опять зазвучал странный речитатив. Словно мягкие белые снежинки облепляли наши тела, даря невесомую защиту, мягкую поддержку, приподнимая над землей...

Напевный речитатив, похожий на латынь, набирал силу, звучал все громче, противостоя низкому ведьминскому вою. Снежинки закрутились быстро-быстро и выстроились в непонятное слово «Ворратос» и...

Крак! Рыцарь внезапно оторвал меня от папы и резко бросил на пол, плюхнувшись сверху всей тяжестью.

Только я хотела сказать: мол, если он хочет ко мне приставать, то желательно в

отсутствие родителей... а доспехи, как и лыжи, обязательно снимать до, а не в процессе, как... проснулась.

Я сначала не разобралась, где и почему нахожусь. В ушах все еще звучал странный текст, голос Занука Училы срывался на крик, а ведьма Люля Домуля завывала дурниной... Тряхнула головой: наснитса же такое! Еще и добряка-учителя в сон приплела!

Главное, на мне кто-то сидел и пихал мне под ребра увесистый локоть, а в районе мягкого места ощущалась чья-то активно пинающаяся нога. Лицом же я уткнулась в подушку.

Впрочем, Люля Домуля и впрямь завывала. От страха.

— Фто... Тьфу! — Выплюнула, попавшую в рот кисточку и попыталась отодвинуть перья шляпы, тоже нахально стремившиеся в мой желудок. — Что происходит?

— У кареты что-то сломалось, наверное — ось, или соскочило колесо! — просипела гримза, неловко сползая с моего царственного тела.

В карете резко пахло всевозможными лекарствами. Под ногами хрустели осколки аптекарских склянок, валялись вперемешку горсти различных порошков и пакетики облаток. Видимо, вывалились из несессера Люли Домулю. Там же белел ее платок, пропитанный таким же лекарственным амбре.

— Ваше высочество, позвольте вам помочь! — заворчалась где-то сзади Лара. Голос сонный-сонный. По всей видимости, тоже задремала.

— Все целы? — О! Граф легок на помине!

— Не знаю, — честно призналась, выпутываясь из юбок, кружев и перьев. Помахала рукой, разгоняя ядучие флюиды Люлиных испарений.

— Отвяжись, худая жизнь, привяжись — хорошая! — заявила я, осторожно пытаюсь собрать себя по частям (и чтобы при этом лишних запчастей не оставалось!).

— Закончишь капризничать — выходи. Будем чинить экипаж, — заявил истинный мужчина, прямой сын нехорошего человека Василия Алибабаевича. «Графин» сбежал, бросив напоследок заманчивое предложение: — Заодно перекусим!

Вот это правильно! Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда!

С трудом разобравшись, где чьи конечности, и вернув их владельцам, мы вывалились наружу. Признаюсь, воспользовалась моментом и под шумок отвесила гримзе пару смачных пинков...

И, естественно, тут же вляпались в дорожную грязь! У меня даже начали закрадываться сомнения: может быть, я переместилась в прошлое? Очень уж все напоминает русские дороги, дожившие во многих местах в первозданном состоянии со времени своего создания от князей Рюриковичей до настоящей поры...

Приподняв юбки на положенную высоту, я уныло прошлепала, меся чвякающую грязь элегантными узконосыми сапожками с вышивкой и декоративными швами на боку, к обочине дороги, где слуги уже устроили место отдыха, раскатав ковер и разбросав по нему подушки. Тут же стояли несколько корзин со съестным.

Лара следовала за мной и тащила нашу корзину. Горничная, дойдя до места, засуетилась и быстренько распаковала объемную корзинку с «чем Вышний послал». На развернутой поверх ковра скатерти словно по мановению волшебной палочки появились тарелки, вилки, бокалы, бутылка вина, жареная дичь, хлеб, сыр и фрукты.

Выглядела еда свежей и аппетитной. Я сглотнула набежавшую голодную слюну, «истребителем» приземляясь рядом с жареной курицей.

— Ну-с... — «Боингом» — нет, бомбовозом! — тут же рядом уселся граф.

Но вот желать ему мягкой посадки отчаянно не хотелось. Тоже мне, аэродром нашел!

Гад чуть не испортил мне аппетит и пищеварительный процесс. Пришлось отвернуться и, медленно прожевывая пищу, рассеянно поизучать окрестности.

В отдалении рыцари и слуги бодро грызли каждый свою пайку. Мадам Домулю, видимо, с некоторых пор отлученная от хозяйского стола (как я слыхала краем уха, ее основной контракт на днях подошел к концу), сидела на невысоком стульчике, выпрямив спину и сделав на лице выражение о-очень голодной горгульи. Теперь я точно поняла, кого она мне напоминает...

И... рядом прогуливался мой профессор.

— Учитель! — позвала я, спешно проглотив недожеванное, и помахала рукой, приглашая к нам.

Господин Занук выглядел потрепанным и несколько... усталым. Но, заслышав мой призыв, степенно подошел и склонился в поклоне сначала передо мной, потом перед графом.

— Присаживайтесь! — радушно заангажировала я любимого учителя и краем глаза увидела, как перекосило моего драгоценного «дядюшку». Клево! Кого бы еще позвать?

— Ваше высочество... — начал пожилой учитель, поглядывая на графа.

— Я так хочу! — надула губы. — Принцесса я или нет? — Это уже к «родственнику» с явным намеком на толстые обстоятельства.

Аристократ намек понял и кивнул сначала мне, потом профессору. Последний аккуратно присел напротив меня и спросил:

— Что бы вы хотели узнать, ваше высочество?

Подвинув к нему блюдо с едой, ответила со всем гостеприимством, теплом и дружелюбием:

— Что бы вы хотели поесть?

И пока учитель думал, смастрячила бутерброд с курицей и всучила Ларе. Тут уж обалдели все! Просто немая сценка. Принцесса собственноручно готовит для горничной?! Шок, позор и нарушение устоев. Их история такого еще не знала.

Хех! Естественно! Она же меня на своем жизненном пути не встречала!

— Что смотришь, ешь давай! — Это испуганной горничной.

Для всех остальных:

— Вот так и готовят иноземное блюдо «бутерброды»! Еще можно добавить листок салата, свежих овощей и капнуть майонеза или кетчупа. — Лично к горничной, наставительно: — Запомнила? Сможешь повторить? Может, еще раз показать, как готовить это сложное и изысканное великосветское лакомство?!

Все были в ауте. У графа даже слов не нашлось.

— Учитель, вы собрались до завтра думать? Зря! Все к тому времени смолотит один прожорливый аристократ! — И кусок хлеба с куриной грудкой в руки профессора.

— Не спеши! — ласково похлопала по спине подавившегося от моей неслыханной дерзости Алфонсуса.

— Не спи — работай челюстями! — досталось окаменевшей Ларе.

Вроде бы ЦУ всем раздала... можно и отдохнуть от трудов праведных на свежем воздухе...

— Господин граф, — подбежал один из лакеев и бодренько закланялся, — небольшая

задержка! Колесо сменили, но кони упрямятся...

— Не идут? — влезла я в разговор.

— Нет, ваше высочество, — мотнул головой слуга, кланяясь уже мне.

— Карбюратор смотрели? — на полном серьезе полюбопытствовала я. В конце концов, хлеба уже налопалась. Теперь хотелось зрелищ...

— Ась? — открыл рот лакей.

— Заткнись! — прошипел «дядюшка» и вскочил с места, будто его слепень ужалил за крайне неудобное место.

— Слушаюсь и повинуюсь! — издевательски пропела я и обернулась к профессору: — Многоуважаемый учитель, вы не могли бы поехать со мной в одной карете? Пожалуйста! Мне еще столько хочется всего узнать! — И побольше умильности во взоре.

— Но... как же приличия... этикет, — растерялся господин Занук.

— Хм, — почесала я нос (никак не могу избавиться от этой привычки!). — А мы скажем, что собрались компрометировать не меня, а мадам Люлю...

— Ваше высочество, я чем-то вас обидел? — гневно воззрился на меня через монокль побагровевший Занук Учила.

— Шучу, — тут же поправилась я. — Мадам Люля поедет с нами и проследит, чтобы я к вам сильно не приставала.

— Хорошо, — согласился ученый и, пользуясь отсутствием графа, сграбастал яблоко и грушу. Похоже, он голоден гораздо сильнее, чем осмеливается показывать.

— Прошу всех садиться! — заорал граф, стоя около гарцующей упряжки.

Учитель встал и галантно помог подняться мне и Ларе. Мы медленно направились к починенной карете, пока горничная собирала остатки продуктов в корзину.

Алфонсус плюхнул на голову шляпу, которую до этого держал в руках, и попал пыльным пером по морде одного из монстриков. Конь немедленно заинтересовался: кто ж там такой смелый? Подняв голову, животное увидело качающиеся перед носом зеленые перья и, скорей всего, решило, что пришла пора обедать. Жеребец звучно фыркнул и зажевал графский головной убор.

Граф заподозрил что-то неладное слишком поздно, когда уже большая половина перьев была благополучно пережевана. Мне, честно говоря, было прикольно наблюдать за разыгрывающимся спектаклем, а учителю... тому вообще кроме науки все побоку... Господин Занук с легким интересом отстраненно пронаблюдал, как граф играет с конем в распространенную игру «перетяни шляпу», и заявил:

— Гурзацы всегда отличались всеядностью и неразборчивостью в пище, это ставит их выше других пород...

— Профессор, — задумчиво перебила я, с удовольствием наблюдая, как славный конь мирно дожевал шляпу и присматривается к камзолу, тоже зеленому, — а мясо они едят?

— Нет, — поправил монокль господин Занук, — гурзацы животные травоядные.

— Жаль, очень жаль... — расстроилась я и полезла в карету. Вслед за мной молодецкато запрыгнул профессор. За ним заползла гримза и уселась в уголочке, надув губы и жутко переживая о чем-то своем, девичьем и невостребованном. Вскоре к нам присоединилась запыхавшаяся горничная с корзинкой. Еще через пару минут в окно заглянул слегка обслюнявленный граф без шляпы и по головам пересчитал присутствующих.

Вскоре кортеж тронулся с места и продолжил путь.

По дороге мы с профессором обсуждали лингвистические тонкости языка. У меня уже случались прецеденты, и я с удовольствием делилась своими знаниями. Помню, как на

одной вечеринке общалась со «знатоком» английского языка, который на полном серьезе убеждал меня, что:

«Let's have a party» — давайте организуем партию.

«Can You hear me» — ты можешь меня здесь.

«Undressed custom mode» — голая таможенная модель.

«Manicure» — деньги печат.

Остальное я в трезвом виде не воспроизведу, а в пьяном... мне столько не выпить... А досконально не запомнила я чужие перлы потому, что тогда полегла от хохота замертво и оказалась временно нетрудоспособна по причине похрюкивания и икания.

Время за интересной беседой пролетело незаметно. Солнце уже плавно двигалось к закату, когда в отдалении раздалось дикое гиканье и топот копыт.

— Что это? — попыталась высунуть свой любопытный носик из кареты. Но мне его тут же прищемили этикетом. Грымза впервые за несколько часов разжала временно заржавевшие челюсти и просветила:

— Граница. Друзья жениха встречают невесту.

— Ух ты! — Меня так и тянуло посмотреть на свежие лица.

— А вам, ваше высочество, нужно сидеть за занавесками кареты скромно и тихо! — злобно продолжала мадам Люля. — Вас ни в коем случае до свадьбы не должны увидеть посторонние!

— Это что за конспирация? — изумилась я.

— Это обычай, освященный веками! — отрезала родственница горгульи.

— Какие же королям Сегала доставались невесты, что их даже до свадьбы показывать боялись! — искренне посочувствовала я бедным мужикам.

В карете воцарилась тишина. Каждый думал о своем...

Кстати, как только появились новые персонажи, карету окружили наши рыцари и соорудили из своих тел бронированный заслон. Чувство возникло такое, будто я в танке или в бронетранспортере... Может, попробовать вылезти и речь толкнуть? Типа, Ленин на броненосце?

Вот таким макаром мы доехали до места, где нам полагалось ночевать. Ничего в окошко я не видела, потому что меня оттуда постоянно оттаскивали в четыре руки. Да и кроме конских боков, сапог и железяк нереально было чего-нибудь разглядеть.

Колеса прогрохотали по брусчатке, потом по камню и... остановились.

Мадам Люлю откуда-то вытащила кусок плотной ткани, и они вдвоем с Ларой эту... извиняюсь, байду намотали мне на голову, полностью лишив возможности что-либо видеть!

— И как я пойду на улицу? — глухо высказала им свои сомнения брачная жертва.

— Не беспокойтесь, ваше высочество, — заверила меня грымза. — Все предусмотрено!

И точно... как только я при поддержке Лары сделала шаг из кареты на что-то твердое, как это твердое поднялось и поплыло...

Я громко завизжала от неожиданности и страха! Платформа подо мной дрогнула. В целях спасения собственной жизни я все-таки приглушила громкость и в мыслях решила вволю поорать позже, когда окажусь на земле, или полу, или траве. В общем, на том, что не едет и не качается...

Хорошо хоть под руками ощущалась перекладина! Можно было предположить — это

нечто вроде помоста или повозки. Меня ж руками трогать ни-ни! А теперь и глазеть низзя!

Ткань на мне белая, приехали мы в сумерках, и тут же возникли интересные ассоциации... Крепко задумалась: а если немного помахать руками и повить — примут за привидение или по шее накостылят? О! А меня же никак низзя! Красота!

Меня, ослепшую, словно крот, куда-то злодейски затащили и аккуратно поставили на твердую поверхность. Спустя какое-то время прискакала довольная как слон Лара и с оживленным щебетанием начала разматывать тряпку на моей голове. Наконец я смогла увидеть, куда же меня доставили.

Мы находились в уютной комнате, похожей на мою прежнюю спальню по размеру и стилю. Отличие заключалось лишь в том, что здесь присутствовало большое зеркало во весь рост.

— Ваше высочество! — заскакала вокруг меня горничная в полном экстазе (как будто это ей сейчас предстояло выходить замуж за принца, а не мне). — Отпустите меня пораньше, пожалуйста, нужно ваше свадебное платье как следует отгладить и подготовить!

— Да, конечно, — рассеянно отмахнулась я. — Иди, если надо...

— И еще... — Лара присела в книксене. — Тут к вам просится на аудиенцию маркиза Мордебуль с дочерьми.

— Это кто? — удивилась. — Не знаю сию даму. Что ей от меня нужно?

— Это хозяйка замка, которой выпало редкое счастье и великая честь вас принимать! — объяснила служанка, сноровисто меня разнуздывая.

Что редкое — поверю! Как-никак, короли Сегала не каждый осенний сезон в их соборе женятся.

Как всегда, мне перепала необъятная фланелевая ночная рубашка с оборочками, огромный, бронированный ватином чепчик, в котором голову не сможет застудить даже Гаргантюа, и теплый халат, отороченный мехом.

— Ну, если хозяйка... — задумалась я и разрешила: — Пускай приходит. Дозволяю!

В конце концов, нужно же поглядеть на верных поклонниц: «Нашлись добрые люди... Подогрели, обобрали. То есть подобрали, обогрели...»

Лара выскочила за дверь, и минут через двадцать ко мне вежливо постучались. Я вспомнила уроки гримзы, плюхнулась в кресло и надменно произнесла:

— Войдите!

Дверь в комнату распахнулась. Вовнутрь заплыли белыми лебедями (а также черными воронами) три разновозрастные дамы.

Впереди процессию лобызания моего царственного зада... ой, тела! — возглавляла сухопарая дама лет сорока с каштановыми волосами, уложенными в сложную прическу. Шедевр куаферского искусства милосердно разбавили фальшивыми накладными локонами, кокетливо ниспадающими вниз.

Пронзительно голубые глаза мадам Мордебуль смотрели на окружающий мир с глубоким презрением, а на меня — с неопишным подобострастием. Было заметно, что устоявшееся каждодневное выражение ее все еще красивого лица — надменно-высокомерное, лишь для меня эта особа сделала кратковременное дозированное исключение.

Обретя величественную монархиню, сидящую в кресле орлицей в родном гнезде, мадам расплылась в улыбке, подобрала двумя пальчиками подол голубого муарового платья и присела в низком реверансе:

— Прощу простить нас, ваше высочество, за столь поздний визит!

Интересно, а если не прощу — свалит из вежливости или нахально останется?

За мадам заприседали чередой в реверансах глубоко декольтированные мамзельки Мордебуль, одетые в розовое и желтое платья. Прямо цветник! И я в своем коричневом халате среди них... в качестве... гм, удобрения...

— Прощаю! — величественно кивнула и небрежно взмахнула рукой. — Прощу присаживаться. Будьте любезны объяснить, чем обязана вашему визиту.

Маркиза выпрямилась:

— Благодарю вас, ваше высочество! Позвольте представиться: маркиза Омаль Мордебуль Катецкая и мои дочери — Лавандия...

Шатенка в розовом снова присела в реверансе, окончательно вываливая при том и так донельзя обнаженную грудь. Я даже позавидовала!

— ...и Сирения!

Рыжеватая блондинка повторила гимнастический этюд сестры.

— Принцесса Алиссандра, — представилась я в ответ, не утруждая себя перечислением всех трехкилометровых титулов, которых полностью, если по-честному, и не знала. — Присаживайтесь!

Дамы чинно расселись в креслах, благовоспитанно сложили ручки на коленях и... замолчали. И зачем, спрашивается, пришли? Тело отпевать?

— Так чем обязана? — повторила свой вопрос.

— Мы пришли поддержать вас перед свадьбой, ваше высочество, — мужественно ответила маркиза. — Плакать вашу юность!

— Очень приятно, — заверила их я. — Поддерживаться и плакать на сухую будем или как?..

Хозяйка хлопнула в ладоши, и вскоре слуги снабдили нас чаем с пирожными. Мдя... сладко, но мои нервы не лечит.

— А покрепче... ничего не будет? — поинтересовалась, разглядывая накрытый стол.

Маркиза подняла брови, но скромно воздержалась от высказываний в адрес царского алкоголизма, лишь снова хлопнула в ладоши и распорядилась принести бутылку вина и бокалы.

Вот это по-нашему! И стресс снимет, и настроение подымет, и женский коллектив сплотит!

Вино вскоре доставили и разлили по бокалам.

— Давайте выпьем за встречу! — подняла я первый тост. Дамы пригубили.

— До дна! — строго сказала я. — А то обижусь!

Дальше дело пошло более-менее гладко. Тосты сыпались из меня, как горох. После третьей бутылки мы поделились друг с другом сокровенным: все мужчины — ужасные обманщики! После пятой пришли к умной мысли: без мужиков можно вполне прожить, но с ними все же лучше! После седьмой маркиза закручинилась и перечислила наизусть всех любовниц мужа по именам и параметрам. Мы ей посочувствовали и решили пойти выяснять отношения с каждой! И пошли! Но по дороге передумали и отправились осматривать местные достопримечательности.

Ночь прошла радостно и весело... и еще почему-то было безумно щекотно от приятного и легкого ощущения снежинок, падающих вокруг меня, которые не студили воздух, не морозили и не охладили, а ласково танцевали бесконечный хоровод вокруг моего

разгоряченного тела.

— Ваше высочество, ваше высочество, — бессовестно затормошили меня с утра. — Ой!
И снова...

— Ваше высочество, пора вставать!

Я дернула ногой, наотрез отказываясь поддаваться гнусному призыву, но сон уже уходил, спугнутый настойчивыми домогательствами. Зато лежать стало неудобно и что-то кололо...

Села и попыталась сообразить: кто я и где нахожусь.

— Что ты себе позволяешь? — завизжал над ухом граф противным голосом.

Я чуть до потолка не подскочила. С его голосом только в туалете по ночам сидеть и одиноких страждущих пугать!

— Да как ты!..

У-у-у! Шарманка испорченная! Да чтоб у тебя все пружинки наружу повылазили!

Открыла глаза и злобно уставилась на расфуфыренного нарушителя спокойствия, прыгающего около кровати, словно привидение замка Моррисвиль, и брызжущего ядовитой гадючьей слюной.

— Че те надобно, старче? — проскрипела, ощущая всем организмом пустыню Гоби. Правильно говорят: «С вечера хорошо — а утром головка „бо-бо“, во рту „ка-ка“, а денюжки „тю-тю“!» Ну, хоть развлеклась за чужой счет! Сколько ж мы вчера выпили?

— Что это? — начал яростно тыкать в меня пальцем невоспитанный «родственник».

— Это я, если ненароком ослеп и не узнал, — сообщила близорукому графу.

— Вижу, что ты! — завопил он еще громче раненым подсвинком. — А на шее у тебя что?

— На шее? — Я пощупала и обнаружила источник колючести. Сняла. Им оказался миленький еловый веночек с ленточками... черными.

— Что это?! Я тебя спрашиваю! — бесновался Алфонсус.

— Букет невесты, я думаю! — невинно ответила я, покрутила в руках венки и отложила в сторону.

— Это похоронный венки! — взорвался «дядюшка».

— Да? — изумилась я, держась за голову. — То-то мне показалось, что для парка грядок многовато...

— Что ты делала на кладбище ночью, ненормальная? — не желал успокаиваться буйный граф. И что ж ему так приспичило?!

— Гуляла! — ответила, мучительно морщась от головной боли. В мечтах сияла бутылка запотевшей от прохлады минералки и пачка благословенного аспирина. Вышний, я девочка скромная и не требую от тебя «Алкозельтцер», но умоляю: ниспошли мне пачку аспирина. Здесь! Сейчас! И бутылку с газировкой. Бутылка, всего одна бутылка — и я навек твоя!!!

Горничная во время нашего диалога заглядывала в комнату раз двадцать и так же быстро испарялась. На двадцатом скоростном посещении она взяла себе в подмогу еще десяток таких же, как она. Это нас с Альфом сильно нервировало.

— Зачем? — Ну чего он такой приставучий? Кто ж с похмелья такие сложные вопросы задает?

— Место присматривала. — На! Отвяжись!

— Хм... себе? — Ядом Алфонсуса можно было снабдить всю фармацевтическую промышленность его страны.

— Зачем же? — Кряхтя, я слезла с кровати и отправилась на поиски любой жидкости. — Мне еще рано, но у меня есть родственники!

— Стерва! — хлопнул дверью граф-холерик от слова «холера» и вышел под звон разлетающихся стекол и шум обваливающейся штукатурки.

— Есть в кого! — не осталась в долгу я и щедро отхлебнула прохладной водички из кувшина для умывания. Человек в крайности и не на такое способен!

В дверь виновато просочилась Лара и деловито захлопотала, сервируя завтрак. Не знаю, как там насчет «Не хлебом единым», а у меня в таких случаях лозунг «Не дай себе засохнуть!» стоит на первом месте! После пары чашек лечебного травяного отвара я расцвела, воспряла духом и наконец заметила мающуюся зачатками совести горничную.

— Хочешь что-то спросить?

— Ваше высочество, — деликатно замялась Лара, — а зачем маркиза притащила в замок статую ангела?

Опс! То-очно! Омаль настойчиво искала — с кем бы наставить мужу рога. И нашла. Здоровенного мужика. С крыльями. Кажется, мы его дружной компанией выкорчевывали и таранили на своих плечах в замок, потому что он, дескать, бедный, на улице замерз. И маркиза возжелала его согреть. Помню, надпись там была крайне занятная и весьма поучительная: «Незабвенному шерифу от благодарных разбойников!»

— На реставрацию! — А что я могла еще ответить?

— А? — Лара была девушкой воспитанной и не выспрашивала дотошно значение мудреных слов. — А почему ночью?

— Днем, наверное, занята была. — На этом разговор увял.

Утро покатило по накатанной плоскости. Снова тавтология! Но кто может спрашивать большего с несчастной девушки, мучающейся с похмелья?

Меня крутили, словно куклу, в разные стороны: причесывали, подкрашивали, наряжали. Финалом стало облачение в свадебное платье из белого бархата, расшитого серебряной нитью и со вставками из белоснежной парчи. Красиво, воздушно, блестяще...

А настроения абсолютно никакого. Совершенно не хотелось вертеться перед зеркалом, радостно щебетать о свалившемся счастье и делиться с подружками планами на будущее. Не всплакнет на моей свадьбе мама, не вытрет украдкой набежавшую слезу отец... Мда... невесело...

Я так расстроилась, что даже не возмутилась, когда меня закутали в достаточно плотную вуаль. Восприняла все одновалентно...

На той же ноте меня проводили к карете, и мы отбыли из гостеприимного замка.

Мысли текли плавно и безрадостно... Отвлек меня от одного из главных грехов местной религии — уныния — бодрый профессор:

— Перед вами один из красивейших городов нашего мира, знаменитый Арден, — сказал господин Учила и тепло улыбнулся своим мыслям. Завел привычную лекцию: — Бытует мнение, что государство Сегал трижды родилось за всю его долгую и кровопролитную историю. Первый раз — когда Ор Лелунд Первый создал великое орденское государство Сегал...

Горничная всхрапнула, и я ненадолго отвлеклась. Но неутомимого педагога ничто мирское не могло отвлечь от нравоучительной лекции.

— ...Вторично — когда на этом самом месте, — господин Занук кивнул на предместья Ардена, — два столетия спустя Алгрий-Храбрец, пятый наследник от Ора Святого, перед

лицом вражеских полчищ Золотой орды поклялся беречь свою страну и любым способом защитить ее жителей, после чего впервые венчался со страной по полному обряду, словно с женщиной...

Я слушала его вполуха, больше с любопытством пялясь за окно. А там было на что посмотреть! Мы въезжали в Арден сверху, со стороны вершины холма, и весь городок был как на ладони.

Меня умиляли ряды хорошеньких черепичных крыш, узкие улочки, оббитые плющом симпатичные здания с цветными оконными наличниками. Целые улицы домов шли в одном цвете: я заметила улицу васильково-синюю, розовую и светло-соломенную. Еще была лазурная, цвета вишни и темно-фиолетовая.

Все такое... такое миниатюрное, уютное и очень живописное. И при этом никакого архитектурного безобразия или смешения разных стилей! Все скромно и так провинциально! В хорошем смысле слова. Конечно, я допускаю, что для современников-иномирцев — это шик, модерн и блеск прогресса. Но я — не они. И я тихо наслаждалась чистотой и безлюдьем местных улиц.

— Третий — когда Хольдин-пустынник в четырнадцатом веке от восшествия Марая поднял народ против второй волны ордынского нашествия и впоследствии возвел на престол Сегала молодого Лелунда Второго по прозвищу Справедливый, который и стал родоначальником нынешней династии королей.

Когда колеса загрохотали по мощеной мостовой, горничная и компаньонка проснулись и с интересом устремились к окнам.

— С тех незапамятных времен все сегальские монархи традиционно венчаются только в арденском соборе, — буднично завершил первую часть лекции Учила. — Только брак, заключенный в его стенах, позволяет претендовать избраннику на престол. Хоронят великих королей тоже здесь. В боковом притворе...

Горничная восхищенно охнула.

— Есть мрачная легенда, — торопился вычерпать побольше из кладезя своей мудрости профессор, — о том, что архитектор, который создал это чудо, заключил сделку с врагом Марая, Падшим. За воссоздание своей мечты архитектор пообещал тому свою душу. Но когда пришло время платить по счетам, Великий Отец наш Вышний за столь преданное и истовое поклонение своему образу забрал душу архитектора на небо. В ярости Падший на сороковой день после смерти архитектора устроил землетрясение. Главная башня собора рухнула, и семьдесят лет понадобилось жителям благословенного Ардена, чтобы восстановить утраченное...

А мы уже вплотную приблизились к месту грядущей казни... прошу прощения — венчания. Подозрительная тишина царапала нервы, а полное безлюдье путало пуще банды разбойников.

Впрочем, что до безлюдья — я погорячилась... Когда под радостный рев толпы мы въехали на кафедральную площадь, нас встречали цветами тысячи людей! Казалось, весь город собрался, чтобы приветствовать жениха и невесту!

Горничная встрепенулась, достала из шкатулки терновый венец и, не слушая никаких возражений, нахлобучила мне на уши. Оказывается, то был венок из флердоранжа...

К моей карете подошел граф и, подождав, когда слуга откроет дверцу, церемонно предложил мне руку. Я вышла из кареты. Величественно, как и подобает принцессе. Мне даже удалось не наступить на длинный трен платья. «Родственник», одетый по этому знаменательному случаю в алый, расшитый красным галуном и золотой тесьмой камзол, повел меня к месту венчания.

Еще издали я прикипела взглядом к знаменитому собору. Что я могу сказать... зрелище необыкновенное. Тонкой иглой, устремленной в небо, сиял золотой главный шпиль удлиненного купола. В лучах солнца горели яркими цветами окна витражей. Просвечивали наружу и бесчисленные огоньки-светильники, уютно зажженные внутри церкви. Величественный собор казался центром, сердцем города, его жизненным

средоточием.

Серый и высокий, словно скала, храм мерещился сотканным из арок воздушного жемчужно-серого фантастического кружева. Границ между ярусами почти не существовало. Один этаж незаметно перетекал во второй. Второй — в третий, который колот небо иглами шпилей.

Если снаружи собор показался мне большим, то внутри — просто гигантским! Я в этот храм влюбилась до конца времен! В него поместился весь город, все сколько-то сотен обывателей, которые пришли на свадьбу нынешнего наследника престола.

Стрельчатые арки легко поддерживали высокие своды. Бесчисленные светильники с желто-оранжевыми огнями свечей приближали безумно высокие потолки, делая храм не только небесно-величественным, но и сердечно-уютным.

Гулкое эхо разносило громкие и звучные голоса священников. Они начали литанию, пока мы с принцем медленно и торжественно двигались с разных сторон боковых проходов к алтарю.

Сквозь плотную вуаль я хорошо разглядела высокий рост, красивую мужскую фигуру с рельефно-мускулистыми мышцами воина, выигрышность которых особо подчеркивал облегающий парадный костюм белого цвета, обшитый золотым галуном.

Меня вел под руку граф. Принц шел сам, немного позади него следовал сияющий, как лампа Ильича, сверстник — по всей видимости, его главный свидетель. Под вяжуще-бархатную органную музыку мы молча двигались вперед мимо бесконечных, слабо освещенных альковов, порталов и ниш со скульптурными изображениями святых. А над алтарем загадочно сиял красно-синий витраж со сценой вознесения Марая, который навевал возвышенные мысли о дороге в вечность.

По пути я едва не запнулась, засмотревшись немножко на красочное полотно с изображением святой Иргизии, образчика подражания для местных дам. Эта гм-гм... дева, которую должны были отдать в жены соседнему королю (замечу, обычный династический брак!), не смогла придумать ничего лучшего, как потребовать у родителя и жениха трех лет девичества и тысячи дам сопровождающих, после чего стала развезжать по окрестным странам с рекламой подобного религиозного образа жизни.

Как и следовало ожидать, ничем хорошим это не закончилось: жертвы пропаганды феминизма нарвались на большой отряд врагов. Что с ними потом случилось — никто точно не ведает. Официальная история вещает, что они были трагически убиты, и за то их причислили к лику святых, а народная молва твердит — дескать, для молодых девушек все устроилось самым наилучшим образом. Что в этом деянии святого — не знаю. Но кто ж этих иномирян без бутылки разберет?..

Два нефа в западной части пересекались в форме креста, как бы образуя третий, алтарный, возникший на их слиянии. Именно к главному алтарю мы и направились.

Напротив алтаря поджидала группа дворян, возглавляемая женихом.

Принц пошел ко мне и по заведенной традиции откинул вуаль, чтобы я стояла перед богом с открытым лицом. Я подняла опущенный до этого момента взгляд и... пропала! На меня смотрели самые красивые в мире глаза редкого фиолетового оттенка...

Матиаса отличали правильные, довольно симпатичные, но в остальном вполне обычные черты лица. Благородные очертания лепных скул, несколько заостренный аристократический подбородок, делающий владельца моложе, чем он есть...

Его слегка вьющиеся волосы цвета густого каштана были настолько сильно стянуты черной шелковой лентой в тугий низкий хвост, что спереди возникало обманчивое впечатление короткой стрижки, хотя сам по себе хвост спускался по спине ниже пояса.

ОН — БУДУЩИЙ КОРОЛЬ? И ЭТО ЕМУ Я ДОЛЖНА КОЗНИ СТРОИТЬ? МАМА!!!

Принц смотрел на свою невесту недовольно-строго, я бы даже сказала — мрачно, и меня совсем не узнавал...

Было о чем задуматься... Да-а-а... такого я не ожидала!

Начался обряд. Гулко падали слова вычурного церковного языка. При огромном стечении народа мы давали необходимые ответы и подтверждали клятвы.

Это хорошо. Правильно. Чтобы при случае не отвертеться!

Священнослужитель, облаченный в богато изукрашенные драгоценными камнями одежды, соединил наши руки и повел за собой. Вместе с женихом нас обвели вокруг храма целых три раза. Это помогло мне рассмотреть сооружение во всех подробностях.

Храм сочетал в себе легкомысленно-женственное изящество и чисто мужскую монументальность. По периметру ажурного строения, в многочисленных готических башенках, надстройках и нишах, стояли фигуры королей, святых и прочих мифологических персонажей, которые были для меня по причине религиозной малограмотности неизвестны. Я припомнила: вроде бы Учила говорил, что на одном только фасаде собора установлено около двух с половиной тысяч фигур. Ага! Из них пятьдесят восемь крупных каменных монархов.

Башенки и надстройки, в свою очередь, создатели храма укутали шалью тончайшего каменного кружева. Я шла, потрясенная до глубины души архитектурным дивом.

Наконец мы остановили свадебный забег на высоком каменном крыльце, и священник объявил нас мужем и женой. Раздались громкие крики радости, поздравления. Подножие храма усеяли цветами и зерном.

Мой теперь уже муж наклонился и прикоснулся к моим губам. Хм, типа поцеловал. Холодно так, отстраненно...

На нервной почве захотелось посоветовать ему потренироваться на лягушках, а потом уж принцессам свой ледяной темперамент демонстрировать! Сдержалась. А зря...

На мою надутую физиономию принц не отреагировал, сделал морду «кирпичом» и начал всем благосклонно кивать. Дескать, спасибо вам, дорогие подданные! Как я счастлив, что женился! Жену вот куда-нибудь пристрою — и опять к вам! Дела-заботы, где уж тут до семейного счастья!..

Подумала и решила не отставать от царственного лицемера. Тоже заулыбалась зазывно: «Я с вами, драгоценные мои! Счас муж свалит — и я ваша навеки! Вы только подождите, не разбегайтесь сразу!»

Матиас на меня довольно странно покосился, но смолчал. И правильно! Меня сейчас трогать нельзя! Я сейчас как обезьяна с гранатой! Вроде что-то в руках есть, а что делать — не знаю! И когда рванет — тоже не знаю! Знаю только, что рванет обязательно! Потому как: или я — или меня! Лучше я! Для здоровья безопасней!

Муженьку, видимо, надоели мои зверские гримасы, до смерти пугающие честной народ. Он вцепился в свою свеженазначенную женушку и потащил по ступенькам вниз. Подобрала юбку другой рукой и запрыгала на прицепе бешеной козой, ибо мой благоверный летел, как бомбочки с пятого этажа. С чернилами.

Может, у новобрачного тоже скрытые дефекты имеются? Ладно, тогда я погожу его безоглядно любить, пока не протестирую! Или у них использованный товар обмена не подлежит?

Слетев со ступенек, мы застопорились, потому что кто-то стоял на моем четырехметровом шлейфе! И этот кто-то был местный священник. Но об этом я мужу не сказала!

Когда супруг понял, что дальше тянуть нельзя — он мне разве только руку оторвет, то заинтересовался весьма недовольно:

— Что случилось?

— Шлейф застрял. — И невинными глазками хлоп-хлоп!

Долго разбираться Матиас не стал. Не царское это дело! Нагнулся и ка-ак дернул материал со всей дури! Дури было много. Священнослужителя просто снесло!

Блямс! — и наше молодое, только-только сформировавшееся семейство пополнилось еще одним членом! Которого, собственно, никто не приглашал, но очень тепло приняли! На руки! К мужу!

Народ просто замер от головокружительного кульбита, проделанного священником. Мужчина взлетел «ласточкой» и приземлился на Матиаса (я скромно отодвинулась). Последний продемонстрировал чудеса воинской выучки и поймал дяденьку, не дав смести себя с ног и устроить кучу-малу.

Жаль... А то я бы поучаствовала...

— С прибавлением! — радостно поздравила благоверного, пока два мужика друг на друга глазели в шоке от случившегося.

— Спасибо! — машинально ответил принц.

— А теперь, пожалуйста, немедленно поставьте его на землю и будьте любезны объяснить мне, как вы могли так со мной поступить при всем народе! — закатила глаза.

— Вы о чем? — не понял муж, но священника из объятий выпустил.

— Как? Вы не понимаете? — изумилась я. — Вы обнимались с мужчиной прилюдно!

— Он священник! — отрезал Матиас, но на всякий случай отодвинулся от мужика.

— Я — священнослужитель! — пришел в себя и до глубины души оскорбился второй, тоже опасливо отодвигаясь.

— И от этого вы перестали быть мужчиной? — задала я им коварный вопрос.

Оба переглянулись и крепко задумались.

— Понятно... — оглядела две замороженные статуи. — Может, вынесем этот вопрос на Дворянское собрание?

— Какой? — не подумав, ляпнул муж.

— Может ли священник считаться мужчиной, если его шупал наследник престола? — выдвинула предложение.

— Замолчи! — взвинулся Матиас, нервно оглядываясь. — Услышит кто-нибудь!

— А что такое? — удивилась, глядя на принца необыкновенно честными глазами. — Слово не воробей — догони и добей!

— Кого? — не догадался воспользоваться умным советом муж. Глаза у него стали квадратные. — Кого убить?

— Того, кто слышал, разумеется! — пояснила я, продолжая мило скалиться по сторонам.

Наследник внимательно на меня посмотрел, подумал о чем-то своем, мужском, грубом и brutальном, еще раз посмотрел и... промолчал. Лишь предложил мне руку, и мы величаво поплыли к карете. Священнослужитель благоразумно нас благословил... на дальнем расстоянии... и бегом ушилсЯ вовнутрь, чтобы еще как-то себя не скомпрометировать.

Медленно двигаясь по проходу, выложенному красным бархатом, мы благосклонно кивали и улыбались в ответ на пожелания здоровья, счастья и долгих лет в супружестве...

Они что, наивные, историю и статистику королевских браков не помнят? Свою же собственную! У них же вечно кто-то из супругов так сильно и горячо любил другого, что подсыпал своей половине ядовитых специй или там шкурки от бананов на лестнице раскладывал... Или, кто позатейливей, целый полк мужиков в спальню присылали: на,

дорогая супруга, наслаждайся... тебе недолго осталось! И пока дама балдела от подвалившего счастья, мужики выясняли отношения: кто первый. А когда не получалось по-хорошему договориться, то резали насмерть виновницу разлада. «Так не доставайся ж ты никому!» На манер Карандышева из «Бесприданницы» Островского.

— Слава принцу и принцессе! — вопил и завывал народ в экстазе, в воздух летели шляпы и чепчики. Новобрачных по пути осыпали мелким жемчугом и рисом, впереди шли две хорошенькие белокурые девочки в розовом и голубом атласных платьицах и устилали наш путь нежными лепестками роз. — Долгих лет!

— Хорошо, что наша принцесса рыжая! — О, как! Хоть кому-то моя грива колом в глазах не стоит.

— И чем им так потрафил мой цвет волос? — склонилась к супругу и спросила шепотом.

— Говорят, рыжие приносят в дом благоденствие и счастье! — так же тихо просветили меня.

— А мне можно от этого счастья хоть кусочек? А то в пору «лямур-лямур паси труа» орать и требовать продолжения банкета!

Принц еще более внимательно на меня глянул, но опять позорно смолчал.

Подойдя к экипажу, меня элегантно закинули в недра нового, обильно позолоченного монстра, выстланного белым бархатом (спасибо, что пинка не дали!), запихали туда же мой шлейф и свалили. Нет, я понимаю... после меня и длинного «хвоста» место осталось только на верхней полке... И что?! Подумаешь! Что это за мужчина, которого пугают сущие мелочи? Ладно, когда на моей улице будет праздник, я устрою кое-кому Хеллоуин!

В общем, сильно разобиделась и пропустила и дорогу, и свой торжественный (ха!) въезд в замок.

Ну вот, прикатили! Мой рыдван остановился. Дверь распахнулась, нарисовался мужчина моей мечты. Ага, по теме — «мечты, мечты, где ваша сладость... мечты ушли, осталась...». Ай, ладно! Что осталось, то и пришло...

— Прошу вас, ваше высочество! — От вежливости хочется минимум — удавиться на трене платья, максимум — удавить его! О! Можно задействовать чулки!

— Благодарю вас! — И «ноль внимания, фунт презрения»! Мы тоже умеем играть в великосветские игры! Сами с усами!

И снова по давно известному сценарию: вползание в замок, шествие по коридорам, рис в волосах, жемчуг в туфлях, стратегические запасы того и другого за пазухой... Нет чтобы бриллиантов покрупнее и золотых монет рядом с молодоженами на дороге накидать... на «черный день», так сказать! Жлобье!

— Ваши высочества, какая честь для замка Морлезонь! Мы невероятно рады видеть вас! — расплылись елеем хозяева нового замка. И откуда они взялись? Я даже не успела заметить. Наверное, на грядке выросли.

— Мы тоже счастливы одарить ваши земли своим присутствием, — изысканно загнул в ответ мой супружник. Двинул меня локтем под ребро и прошипел в мою сторону, не разжимая губ: — Герцог и герцогиня Лутрийские!

— Да-да, нам очень приятно! — злой гадюкой сладко прошипела я в ответ.

В дверях парадного зала нашу царственную пару (чуть не сказала — «тусовку»!) встретил церемониймейстер и минут десять выкрикивал и вышепетывал положенные по статусу титулы. И на фига козе баян, спрашивается? Да, так вот, пока кубический усатый дядечка (категория «что поставишь, что положишь — высота куба не меняется!») зычным голосом упражнялся в логопедии, я жутко устала и дико проголодалась... Хорошо хоть шлейф у меня отцепили, а то вся замковая пыль была бы моя!

Наконец у церемониймейстера устал язык. Я невероятно возрадовалась, вздохнула

свободнее и приготовилась ползти до кресел и отдохнуть спокойно. Ну-ну... Не тут-то было!

Мужчина заткнулся на мгновение, сделал эффектную паузу и выдал:

— Павана!

Нет, ну молодец, а? Вместо того чтобы накормить, напоить, спать положить... нет, с последним пока можно повременить... нас тут плясать заставляют!

Павана — медленный торжественный танец. Хорош тем, что позволяет рассмотреть танцующих во всех подробностях и ракурсах. Можно сказать — это шествие по залу под музыку.

На меня та-а-а-ак глазели! Если не прекратят мое высочество глазами мозолить, придется побираться по миру на заплатки! Ибо до косметических операций тут еще не додумались. Вернее, не так — додумались! И называются они мордбой. Лучше всего получается рихтовка носа и исправление прикуса...

После танца, который мы исполняли в гордом одиночестве, все гости еще раз покричали про семейное счастье... Особенно надрывался один очень древний мужчина: он колотил тростью по паркету и, безбожно картавя, громогласно орал о детях в большом количестве, и как это здорово — участвовать в процессе их появления.

Интересно знать, это он сам еще помнит или с чужих слов излагает?

У меня терпение стремилось к нулю, и ему (терпению) это удавалось! В корсете рис уже давал ростки: тепло и влажно, что еще нужно этому неприхотливому растению? В туфлях сильно мешались жемчуг, тот же рис, зерно и камушки. И, кажется, они там все между собой передрались! С волос и свадебного флердоранжевого венка тоже что-то при каждом движении сыпалось.

С тревогой вспоминала сказку о Василисе Премудрой, как она там рукавами махала... Ой-ей! Как бы у меня тоже чего-нибудь... не вылетело! До сих пор страшно думать, что же у нее в платье завалилось, если оттуда лебеди проклюнулись!

Наступило время вручения подарков. Хороший обычай, мне нравится. Одно «но»! Почему никто не подумал о том, что я устала и проголодалась?

Восседали мы с благоверным в центре зала и кивали всем, кому приспичило нас одарить. А приспичило всем! Кто ж откажется показаться перед наследником престола и засвидетельствовать свое почтение?

Одного дяденьку я запомнила особо! Этот садюга подарил нам золотой набор столовых приборов на двоих в количестве двухсот сорока трех предметов, о чем несколько раз упомянул! Я с содроганием вспомнила уроки мадам Люли, меня подкинуло, и только своевременное вмешательство принца спасло толстопуза от метания этих приборов в его объемную мишень!

Я было собралась вздремнуть и некоторое время раздумывала, выбирая для этого плацдарм и колеблясь между плечом супруга и подголовником кресла. Подголовник казался мягче и гораздо приветливей!

Но тут церемониймейстер объявил следующего дарителя, оказавшегося гостем из дружественной державы Орегондии.

Чернявый мужчина своеобразной наружности, про которых у нас дома говорят, что они не любят розовый цвет, но зато обожают голубой, оказался отзывчив к долгу родине. Он торжественно поправил воротник черной батистовой рубашки под белым камзолом и выпятил грудь так, что из глубокого декольте... ой, я хотела сказать: расстегнутой до живота рубашки! — стало заметно серебряное колечко в соске. Еще оттуда выглядывали две дюжины цепочек и множество тату, способных вогнать в краску и более искушенного зрителя (про ...надцать сережек в ухе я скромно умалчиваю!).

Посол счастливо улыбнулся и поплыл по паркету в нашу сторону.

Я ошалела.

Поблескивая в сторону принца игривыми черными глазенками прирожденного шкодника, посол с бородкой а-ля «козел-дроздобород» приблизился к нам и закудаhtал:

— Ваши высочества, поздравляю вас со знаменательным событием!

Мы сонно кивнули. Смазливый тип любезно продолжил:

— ...И хочу преподнести подарок принцессе!

Да? С чего вдруг? Может, он мне мышку хочет подарить и, пока я стану бегать от нее по залу и орать, собрался занять мое место и пообщаться с принцем? Так попроси по-хорошему, сама уступлю! Я отвлеклась на его подведенные черно-серыми тенями веки и чуть не пропустила главное:

— Поскольку наша держава граничит с морем... (Конечно, граничит! Можно сказать, море омывает полуостров со всех сторон, и мало кто из держав, даже учитывая их мелкие размеры, с морем не граничит.) То спешу преподнести новомодные фижмы...

Убью заразу! С особой жестокостью!

— ...Облегченного образца из уса морского зверя...

С криком:

— Спаситель! — Я вылетела из кресла и повисла у мужика на шее, болтая ногами от благодарности.

— Что вы себе позволяете! — вскочил из кресла супруг и начал меня отдирать от остолбеневшего дружественного гостя. Я сжала руки посильнее. Мужик закашлялся и немного посинел.

— Не мешайте мне выражать мои чувства, — обиделась я. — Вам не дано понять, ЧТО ТАКОЕ носить железные фижмы!

— Вы хотите, чтобы я попробовал? — саркастически выдал муж, снисходительно улыбаясь, но, по крайней мере, оттаскивать меня от скользкого господина перестал.

— Я? Нет! — отказалась, живо себе представив, как этот двухметровый шкаф с антресолями отбирает у меня облегченный вариант фижм, потому что ему не понравились обычные! Нонсенс, безусловно, но моя жизнь в последние годы сильно смахивала на комедию абсурда, щедро приправленную трагедией и политой сверху слезами мелодрамы!

— Благодарю вас! — Голос просто сочился ядом. Ах, так?!

— Не за что, ваше высочество! — пропела я, нагло глядя в глаза мужа. — Вдруг вам понравится!

— Это дамский вариант! — влез друг из Орегондии.

Я на чернявенького рассердилась: ну вот кто тебя, представителя сексменьшинства, в разгар теплой супружеской беседы спрашивает? А потом до притупленного голодом и жаждой разума дошел смысл сказанного.

— Мужские тоже бывают? — радостно заинтересовалась я. Тут же деловито осведомилась: — Сколько стоят и где купить?

— Зачем? — Принц и гость тарацились на меня с крайним изумлением.

— Чтоб было, — пожалала я плечами, исподтишка ухмыляясь и потирая руки в перчатках. — На всякий случай...

— Какой случай? — оторопел благоверный. — Какой такой может быть случай?

— Случаи разные бывают! — добродушно заверила его я, со знанием дела

переглядываясь с «дроздобородом».

— Сумасшедший дом! — выпалил наследник, хватаясь за голову.

— Правда? — подняла я брови в фальшивом изумлении. — А с виду вполне приличный, и люди повсюду такие милые попадаются...

— Вы дадите себе труд замолчать? — У Матиаса скоро пена изо рта пойдет.

— Вообще-то я белая и пушистая, — немедленно отозвалась моя царственная персона, — но сейчас рыжая и колючая... И вообще: от труда сбежит и рыбка из пруда! — У меня еще многое заготовлено сказать.

— Кто, рыбка? — У принца начал подергиваться правый глаз. — Куда сбежит?

— Не я же, — заверила его я. — Я-то никуда бежать не собираюсь!

— А вы кто? — Классное выяснение! Да еще после того, как нас обвенчали!

— Может, все же стоит спрашивать имя жены до свадьбы, а не после сего знаменательного события?..

— А-а-а... Э-э-э... О-о-о... — Это все, что я услышала в ответ.

Негусто. В принципе, я прекрасно понимаю: здешние принцы в наших университетах не обучались и всех примочек знать не могли, но чувство юмора должно быть? Или принцам его не положено по статусу? Тогда будем развивать! Иногда насильно!

— Герцог Пойдувыйдуль! — взвыл над ухом церемониймейстер.

Куда выйду?

— ...С семейством! — добавил голосистый рупор царской династии.

Понятно... Глядя в упор на герцогское ошеломительно неприглядное семейство, выйдешь даже в закрытую дверь!

Мурыжили нас мучительно долго. Часы давно пробили полночь, шел первый час ночи, а воз был и ныне там.

Церемония вручения подарков продолжалась без эксцессов, потому что впредь никто из поздравляющих ничего такого вроде бронированных подштанников принцу или кружевных корсетов его супруге не дарил. Лично я по этому поводу шибко не переживала. Сидела вся из себя счастливая, вцепившись в коробку с заветным подарком из дружественной Орегондии (уж я об этом позабочусь!), и не желала расставаться с чудной вещицей! Отобрали ее лишь с клятвенно твердым обещанием отнести мне в комнату. Я отдала... с трудом, но пообещала проверить самолично и если... то... и в разных позах... и через кандибобер. Особенно слуг почему-то впечатлил кандибобер. Странно...

— Мареска! — неожиданно взвизгнул церемониймейстер. Меня чуть Кондратий не хватил. Ага, тот самый. От неожиданности я подпрыгнула на месте и попала прямо, так сказать, в объятия к мужу. Тот не растерялся и повел меня в быстром танце. Мы немножко поскакали, похороводили, позвенели бубенцами, как стадо овец на выпасе, и, наконец, угомонились...

Мужик-распорядитель выкрикнул:

— Гости приглашаются на торжественный ужин по случаю бракосочетания принца Матиаса и принцессы Алисандры!

Вдохновленная этим своевременным объявлением, я ломанулась на запах съестного, как лось в период гона. Но меня мигом остановили.

— А вы куда?.. — ехидно осведомился принц, небрежно перекатываясь с носка на пятку. Издевается, гад!

— Туда! — показала подбородком на вожделенные двери в пиршественный зал, куда задом пятились присутствующие, не забывая мести шляпами пол и приседать в мою сторону. Дескать, про меня не забыли. Я еще тут, и они это помнят и ценят.

М-да... не одна я сильно есть захотела. Вон как народ в празднично украшенную фонариками столовую подтянулся... будто железные опилки к магниту! Конечно, соблюдая старшинство и ранг, переговариваясь и временами чинно кланяясь между собой, но в остальном кушать приглашенные двинули довольно-таки резво. Мне от входа было отлично видно, как благородные кавалеры отодвигают стулья и усаживают дам. Те кокетливо чирикали что-то любезное в ответ.

Голодные спазмы не заставили себя ждать. Да и жажда замучила, губы пересохли, во рту все просто опухло. Горло драло, словно наждаком. Я невольно шевельнула плечом, чтобы обойти назойливую помеху в виде супруга-переростка и сделать прорыв на означенную территорию.

Не тут-то было! Матиас встал как скала — бульдозером не сдвинешь!

— А вам туда не надо! — с довольным видом заверил свежее испеченный супруг молодую женушку. Замечу, слишком ласково мне высказал, чтобы это не было пакостью.

— Почему? — легко попалась я на коварно расставленную удочку.

— У вас сухой пост! — отыгрался благоверный и всучил меня куче придворных дам. — Отведите принцессу в ее покои! — И слинял в очередь за жратвой.

Сволочь! Эксплуататор! Счас вспомню историю и соберу народ на раскулачивание!

Мечты не сбылись. И, окруженная дамами, я отбыла на закланье в заключение строгого режима. На брачное ложе...

Меня водворили в комнату, обитую жизнерадостными розовыми шпалерами, громаднейшее по размеру пустое помещение, где из всей мебели стояла широченная кровать и несколько кресел. Честно говоря, мне было непонятно, почему для спальни отвели подобное помещение, и кто тут мучается болезнью гигантомании. Ну да, если задаться целью, то в салочки можно гонять долго... до самого утра... Камин нам не выделили, заменили парой жаровен, но они положение не спасали. Вокруг царили промозглость и холод.

— Ваше высочество! — бросилась ко мне Лара, полыхая восторженным сиянием, словно новогодняя электрическая гирлянда.

Эй, я не поняла: кто из нас двоих замуж выходил? Я поморгала глазами на это чудо в праздничном кружевном переднике и чепце. Откуда столько счастья?

— Поздравляю вас! — Служанка попыталась пасть на колени и облизывать мне подол.

— Но-но! — одернула горничную. — Без излишеств!

Дамы-конвойные многозначительно переглянулись и засуетились вокруг новобрачной, снимая тряпочку за тряпочкой. Жаль, принца не было! Еще неизвестно, как скоро ему вновь повезет увидеть меня во время исполнения столь долгого стриптиза! Когда дело дошло до сорочки, я уже покрылась гусиной кожей, посинела и лягала зубами похлеще Серого волка...

Лара откинула одеяло, приглашая меня в кровать, и... замерла. Я подошла — и тоже превратилась в соляной столб. В брачной постели рядом в мешках лежали живые, но туго спеленутые веревками животные: петух, свинья и баран. Морды квартирантов плотно завернули тканью во избежание шума. Поэтому мы их раньше и не слышали.

— Эт-т-то к-к-кто? — От зоологического сюрприза у меня началось заикание.

— Животные, — подсказала горничная.

— Вижу, — заверила ее взбудораженная новобрачная. — А почему они в кровати?

— Греются... наверное, — испуганно прошептала Лара, поднимая на меня полностью обалдевшие глаза.

— А может, на что-то намекают? — не менее обалдело сморозила я.

— На что?.. — Горничная забыла о своем статусе и общалась со мной на равных.

— Вообще-то, — строго посмотрела я на нее, — свинья в кровати, даже чисто вымытая, все же остается подложенной свиньей. А подложить свинью в брачную ночь... даже для меня как-то многовато, ты не находишь?

Горничная кивнула, соглашаясь.

— Дамы, — я решительно прибегла к посторонней помощи, — это что за подселенцы?

— Символы супружеской жизни! — подлетели к ложу многочисленные помощницы, у меня прямо зарябило в глазах от разноцветных платьев и обилия драгоценностей.

— Вы хотите сказать, что кто-то из этих несчастных животных символизирует меня и принца? — попыталась прояснить ситуацию. Задала логичный вопрос: — Кто тогда свинья?.. — Пару секунд помолчала и сама себе ответила: — Хотя кто — я уже знаю...

— Ну что вы, ваше высочество, — запротестовала старшая дама, сухопарая седовласая женщина лет сорока.

Остальные затараторили наперебой, объясняя:

— Петух — символ плодovitости!

— Свинья — богатства...

— Баран — ума, — тоскливо закончила я логическую цепочку.

— Не совсем, — смутились женщины. — Баран — символ домашнего очага!

— Похоже, — заверила их. — Просто одно лицо с домашним очагом. Смотрю — и прямо нахожу знакомые черты. И что мне с этим плодovитым домашним богатством делать, пока оно у меня в кровати не нагадило?..

— Вам нужно выбрать любое животное и своими руками дать ему свободу, — рассказали дамы. — Расставить приоритеты!

— Всего одно? — удивилась я. — Так мало?

Все присутствующие в комнате замолчали и как-то странно на меня посмотрели. Блин, как дети малые!

Я сноровисто засучила рукава кружевной сорочки, сунула петуха под мышку, развязала свинью и барана и пинками выгнала оккупантов из постели. Также, не обращая внимания на визги и охи дам, я подхватила палку для зашторивания окон и умело направила очумевших животных к двери из спальни. Пришлось немного помучиться, потому что свинка и баран норовили разбежаться в разные стороны, но кто они против меня с моим опытом?

В результате я вытурила символы за дверь и тут углядела идущего по коридору мужа в компании молодых людей. Все такие сытые, довольные и слегка пьяные! Мой голодный желудок отозвался на жгучую зависть хозяйки утробным урчанием... Все!

Печатая твердый шаг, я подошла к удивленной нашей встречей в неурочном месте компании и со словами:

— Для плодородия! — вручила принцу петуха.

Потом развернулась и пошлепала обратно, деликатно поддерживая подол рубашки двумя оттопыренными пальчиками. В дверях обернулась и злорадно добавила:

— Тут еще свинка с бараном бегают... так это вам не нужно... Ага, это все уже у вас есть!

И хлопнула дверь об косяк! Гордо и со смыслом! Вот такие мы: бедные, но страшно гордые, как одна очень маленькая птЫчка!

Мои спальные дамы слегка восстановили поврежденные нервным шоком файлы системы, перезагрузились и активировались в попытках записать меня в кровать, где до того почивал скотный двор. Щас! Я, может быть, и бедная, но брезгливая! Поэтому, нимало не смущаясь, своей властью принцессы приказала сменить постельное белье в целях гигиены.

Придворные кукушки сморщили аристократические носики и попытались мне возразить. Мне! Голодной, похмельной, усталой и злой.

А бедной невесте еще, между прочим, супружескую повинность отрабатывать предстоит! На рудниках! В четыре руки!

Э-э-э... с этим, пожалуй, переборщила. Тут бабушка надвое сказала... Мне сейчас не до любви. Я бы с большим удовольствием порубила кого-то на колбасу! Кровяную! Со шпиком! С чесноком! Копченую! Ням-ням! Тьфу! Прости мне, Господи, крамольные мысли! Честное слово, не со зла, а только для порядка и уважения!

— А ну быстро сменить постель! — низко рыкнула я, подбоченившись и следя, чтобы дам звуковой волной смело именно к кровати, а не в другую сторону. Ибо нечего филонить в мою первую брачную ночь!

Дамки, простите — дамы, зело впечатлились. О, как! Вспомнилась любимая детская игра в шашки: «Чапаев». Я потеряла руки. Сейчас поиграем. Дамок у меня навалом...

— Куда ты лезешь в грязной обуви! — сделала я строгое предупреждение одной беспардонной мамзели, которая старательно елозила по постели своим бюстом. Должно быть, примерялась к моей роли.

— Не отлынивай! Под кровать ты не влезешь! — это второй неудачнице. Мадам тянула угол простыни вниз. Ха! Эту корову бы к нам в харчевню в горячую смену! Хотела бы я на эту дистрофичку посмотреть!

— Лара, научи! — Мне надоело мерзнуть.

Горничная взяла дело в свои умелые руки, и вскоре я уже возвышалась на пуховой перине. Мне под спину подпихнули пару подушек и сейчас пытались на скорую руку слепить из меня *femme fatale*, для чего третий раз кряду перераспределяли чисто символические кружева на том, что поручик Ржевский искал везде. Я, кстати, тоже всегда искала и нашла вот только после того, как меня стали затягивать в корсет. И то... я не уверена, что это она. В смысле — грудь, если кто не понял.

Вообще, утопая в пене белоснежных кружев, я себе казалась вишней во взбитых сливках. Только прошу учесть — консервированной вишней! — свежесть от меня требовать было уже бесполезно и крайне опасно. Тем более что замковые куранты пробили уже два часа ночи.

Тут в дверь деликатно постучали. Не иначе как сапогом. Да... мужикам понадобилось немало времени, чтобы очухаться от дивного видения в моем лице. Или они символы ловили? А зачем?

Сухопарая дама поплыла к двери и, распахнув оную, растопырилась в проеме своими юбками, загораживая весь обзор.

— Добро пожаловать, ваше высочество! — Дама пошла поливать мимоезжих елеем и медом. В смысле, подкармливать эго.

— Смотри, не приклейся где-то по дороге, — доброжелательно пробурчала себе под нос злоющая невеста.

За юбками что-то звякнуло, и дама попятилась назад, пропуская в комнату пятерых мужиков, включая моего ненаглядного мужа. Чтоб он куриной ножкой подавился, окаянный! Нет, если он мне пожрать принес, то я ему многое прощу... Но не все.

«Два метра сухостоя» повернулась ко мне передом, и я с возмущением узрела: моя статс-дама держала в руках громадный кошелек с монограммой принца. Это что еще за новость! Если тут платят за отношения, то почему не мне? Непорядок.

— Быстро вернула на родину! — прошипела я даме, пока мужики раздевали супруга в дальнем углу. Видно все равно было весьма плохо. Оставалось посражаться за семейное достояние.

У придворной задрожали губы, но кошелек она отдала. Я спрятала мешочек под перину и пообещала:

— Потом рассчитаюсь, когда выясню, сколько должна за услуги. И чаевые тоже включу!

И мне не стыдно! Я больше года недоедала, питалась объедками, за гроши пахала как проклятая... А тут за то, что мне уголок сорочки подержали — кучу золота дают?! Где справедливость, я вас спрашиваю? Что она, последнее доедает? Да у нее на физиономии крупными буквами написано, что мадама на завтрак, обед и ужин жрет отнюдь не овсянку!

В этот момент к нам подвели мужа, облаченного в та-акую милую белую рубашечку... Особенно умилили рюши. Я себе все губы искусала, пока его рядом укладывали. Начала уже давиться слезами дикого смеха, чтобы невзначай не прокомментировать, как он сексуально смотрелся в сем одеянии и какие чувства во мне будоражили его голые ноги... Но, должна заметить, сравнения у меня были все больше гастрономические...

Лежали мы рядом, будто два манекена при переучете магазина. Ну, я-то ладно — ни опыта, ни инструкций... А он что, тоже в первый раз? Где тут большая вилка для макарон?

— Всем спасибо! — ласково поблагодарила, чтобы разрядить нервную тишину.

Дамы склонились в реверансах, мужчины отвесили поклоны и... вальяжно уселись в кресла, словно в планетарии.

— Это что за номер? — У меня натурально отвисла челюсть.

Матиас покосился на меня и тихо сказал:

— Это свидетели.

— Че-его? — У меня глаза из круглых стремительно превращались в овальные.

— Свершившегося брака, — добил меня супруг.

— Т-т-то есть они должны присутствовать, к-когда... ну... в общем... — У меня просто не осталось слов.

— Да! — прошипел муж, не пылая счастьем.

— Какой кошмар! — ужаснулась я. — Это новый вид изврата? А как в вашей стране с развлечениями? Может, вам просто кино и театра не хватает? Или праздников мало?

Супруг побурел — от гнева или стыда, судить не берусь.

— Это обычай! — не глядя в мою сторону, ответил принц. — Освященный веками! Не нами он начат...

— Но нами сейчас будет закончен! — заявила я и решительно выбралась из кровати.

Теперь овальными глазами смогли похвастаться остальные зрители и участники шоу.

— Быстро взяли ноги в руки и покинули помещение! — встала я перед ними, уперев руки в бока. — Считаю до трех, потом начну казнить! Прямо тут и с особым цинизмом!

Слово «цинизм» произвело нужное впечатление.

Кавалеры начали поглядывать мне за плечо, отыскивая законопатившегося среди

подушек предводителя.

От кровати донеслись придавленные всхлипы и знойные подвывания.

— Что смотрите! — рывкнула во весь голос. — Нам посторонняя помощь не нужна! Мы и сами в состоянии и поддержать, и поддержать, если нужно!

Подвывания усилились и разнообразились характерными повизгиваниями.

— Это нервное! — заверила я друзей принца, бросившихся к нему на помощь. — Видите, до чего вы мне мужа довели?!

Соратники благоверного попробовали мне культурно не поверить на слово. Дамы — те после предыдущего опыта общения с принцессой сразу прониклись и устремились к выходу.

— ТА-АК! — сделала я «козью морду». — Мое терпение на исходе! И если кто-нибудь слово вякнет...

Договорить мне, к счастью, не дали (я просто угрозу до конца не продумала), и незваные гости чудесным образом вымелись за дверь, устроив при этом небольшую давку в проеме. Я бдительно следила за тем, чтобы вышли все и никакого несанкционированного свидетеля случайно в углу не завалилось.

— Х-ху-у! Все! — Облегченно вздохнула, заложила на двери засов и ускоренным шагом отправилась в кровать — отогреть замерзшие ноги.

Но весь плацдарм занял один очень эмоционально вздрюченный товарищ, закопавшийся в подушках и трящийся всем немаленьким телом. Это у него наследственные истерики или просто жизнь на нем основательно потопталась?

Постояла рядом, размышляя и переминаясь с ноги на ногу. Потом плюнула на все генетически обоснованные гипотезы и полезла в кровать под одеяло, не обращая внимания на некоторых несознательных элементов, не желающих подвинуться.

Улеглась с краю, подумала и ткнула дергающегося супруга кулаком в бок:

— Эй, у вас там все в порядке? Медицинское вмешательство не требуется?

— А? — поднял принц взлохмаченную голову и снова заржал: — Скажи, а «особый цинизм» в чем выражается?

— В чем? — почесала я под своей шевелюрой. — А в этом! — и сунула под него свои ледяные ноги.

Как истинный мужчина и воин, закаленный в чем-то вроде сражений, каких — я уточнять не буду, потому что, по моим сведениям, последние двадцать лет эта страна войн не вела, принц вздрогнул, сморщился, но промолчал. Зато ржать перестал! Вывод: если нет холодного душа, то можно использовать холодные ноги, если у кого есть запасные!

— Замерзла? — У принца проснулось что-то человеческое.

— Не видно? — ответила вопросом на вопрос и потянула на себя одеяло.

— Нет, — иронично улыбнулся Матиас. — Все такое мелкое!

Это я-то мелкое? «Верста коломенская» — для него мелкое? Дылда! Чурбан стоеросовый!

После чего все светлое, доброе и человеческое уснуло. У меня.

— А ты поищи повнимательней, — ехидно посоветовала я. — Глядишь, ночь с пользой пройдет.

— Лень, — честно ответил царственный засранец и улегся поудобнее, вольготно заложив руки за голову.

Я надулась. Безобразие! Почему я должна брать инициативу в свои руки? Чисто теоретически я примерно представляла, что делать. Все же в моем возрасте в России только слепоглухонемые не знают, что делают мужчина и женщина, оставаясь вдвоем в постели. Правда, некоторые особо продвинутые считают, что они в шахматы играют...

Так вот, теоретически я примерно представляла... а вот с практикой дело обстояло намного хуже. Если взять за основу парочку подсмотренных мной с чисто познавательной целью в Интернете порнофильмов и применить все, что там вытворяли, по отношению к принцу, то интересно, как он все это воспримет? С радостью? Гм... или, скорей, сбежит... Ах, простите! Мужчины не бегают — они гордо и с достоинством быстро удаляются!

Мда-а-а, дилемма...

Мои размышления о смысле жизни прервал куда-то полезший через меня муж. Тихим сапом пополз, уклоненец!

— Взятся за грудь — скажи что-нибудь! — выдала я ему. Матиас от неожиданности застрял на полдороге к желанной свободе. Кстати, полдороги — это как раз на мне. Но это я так, к слову...

— Что?! — вытаращил на меня свои красивые гляделки принц.

— Что сказать или просто «что»? — Уточнила, решая одну весьма непростую задачу — или выползти из-под этой тяжести, или сразу пустить тело в дело?

— А-а-а, нет! — Вот это ответ! Ничего непонятно, но зато умное сказал! — Есть хочешь?

— Что ж ты раньше молчал, ушастый гад в короне? — выпалила я, сбрасывая с себя дополнительный утеплитель и яростно дрыгая ногами. — Где? Где здесь кормят?!!!

— Да не лягайся ты так! — посетовал муж и полез копаться в изголовье. Пошуршав и понажимав потайные панели, он выудил из недр открывшегося шкафчика блюдо пирожных и бутылку вина.

С сияющими незамутненным счастьем глазами, я алчно метнулась к еде, будто кобра за мышью, и отобрала блюдо в единоличное пользование. А чтобы ни у кого не возникало соблазна, вообще слинула с кровати в дальнее кресло! В конце концов, я супругу бутылку оставила. Кто счастье заедает, а кому и горе запить нужно!

Я стянула с кресла теплое покрывало — шкуру какого-то экзотического пятнистого зверя — и укуталась ею. Неплохо вышло, жаль, шкурка получилась коротковата, до пяток не доставала. В новомодном вигваме было тепло и уютно. Будь зверь покрупнее — можно б там и заночевать. Заразительно чавкая сладостями и чувствуя, как мой желудок радостно скачет внутри (лучше бы он радостно лежал, ибо как-то оно некомфортно), я бдительно следила за супругом, чтобы остановить его, если вдруг возникнет необходимость, на дальних подступах, и не отдать врагу самое дорогое, что у меня сейчас было: еду!

К его счастью и моему облегчению, Матиас и не посягал. Принц, развалившись на кровати, медленно тянул красное вино из высокого бокала и о чем-то напряженно думал. Надо бы пойти выяснить — о чем! Но еда казалась важнее.

Наслаждались каждый своим: я — лакомствами, он — винными размышлениями, мы довольно долго. Наверное, добрых минут сорок. Доев последний кусочек, я томно вздохнула и двинула в постель. Не то чтобы мне туда очень хотелось, но слишком замерзли ноги без тапочек. И спать страшно тянуло после перекуса.

Лишь только я умиротворенно взобралась на деревянный сексодром, как супруг рыбкой нырнул под кровать. И зашуршал, удаляясь по-пластунски.

— Эй, если ты решил там отсиживаться — то зря! — заверила его я. — Я не кусаюсь! И на твою мужскую честь не посягаю! Зуб даю!

К моему удивлению, дезертир вернулся обратно, держа в руках склянку с чем-то красным.

— Не шевелись! — велел принц и откупорил пузырек. Запахло чем-то неуловимо знакомым. Такой легкий металлический запах... кровь!

— Это еще зачем? — подозрительно спросила я. — Что за странная прелюдия к супружескому процессу? Ты мужик или людоед? — Но на всякий случай замерла.

Муж, сосредоточенно закусив губу, красочно поливал меня и кровать, не пожалев простыней, рубашки и багряного продукта. От души, так сказать!

Я скептически оглядела плоды его подрывной деятельности и рассудительно заметила:

— Я, конечно, прошу прощения, но мне кажется, что тут кого-то резали!

— А? — с настоящим творческим экстазом обозревал плоды своих художественных усилий Матиас.

— В смысле, меня тут не одну чести лишали, — попыталась объяснить более доступно. — Тут как будто в очередь девушек с десятков стояло, гигант ты наш!

— Много — не мало! — заверил меня принц и попытался вылить остатки.

Я вовремя отобрала склянку и пообещала:

— Не угомонишься — на тебя вылью, и доказывай потом — кто кого!

Поддействовало! Супруг приподнял бровь, обозрел лежавшее на кровати личное «счастье» и пошел к двери. Постоял немного около нее, потоптался, потом вдруг повернулся ко мне, игриво подмигнул и с криком:

— Свершилось! — впустил вовнутрь целую толпу вражеских туристов.

Я аж ногти в ладонь вонзила, чтобы не закричать «Эврика!» и не утопить его в ванне! Кровавой! А что? Чем я хуже?!

Принца начали поздравлять жутко довольные мужики, хлопая его по плечам и радостно делясь своим опытом. Лучше бы инструкцию выдали! По эксплуатации жены! По-моему, принц в ней остро нуждается!

Ко мне же подскочили женщины и замерли в ужасе. Как я их понимаю...

— Ваше высочество, — тихо прошептала Лара, становясь рядом с постелью на колени. Бедняжка побелела. — С вами все в порядке?

— Да! — заверила я единственного реально беспокоящегося обо мне человека. А что я могла еще сказать? Это был бурный оргазм?.. Мра-а-ак! «Дядя» сделает себе харакири, а мне секир-башка, потому что такими темпами ему наследника придется ждать всю оставшуюся жизнь!

— Так много крови! — потрясенно заметила горничная, не отрывая взгляда от кровавых пятен на мне и простыне.

— У меня еще и носом кровь пошла, — неумело соврала я.

Лара изумленно на меня посмотрела, смерила расстояние от носа до подола, свела губы в нитку и ничего не сказала. А что тут скажешь? Водопад...

Матиас оторвался от друганов, принесших ему черный халат с золотой вышивкой, подошел ко мне, взял за руку и проникновенно сказал чарующим голосом с сексуальной хрипотцой:

— Спасибо вам, моя дражайшая супруга, за доставленное удовольствие! — целуя мне кончики пальцев.

Это он о чем? А-а-а, это о том, что я до него грязно не домогалась... Так все еще впереди!

— Обращайтесь! — заверила его я, скромно опустив глаза.

Принца уволокли куда-то. Наверно, валерианой отпаивать. А меня бережно, можно сказать — с пиететом, подняли из кровати. Я что теперь — инвалид? Судя по всему, присутствующие здесь дамы считают, что да! Угу! Прокол всего организма!

Мое изувеченное мужем высочество бережно отмывали, долго квасили и мариновали в особом настое. Простыню умыкнули на сувениры, сорочку — тоже.

Новобрачную одели в милое светлое платьице из нежно-зеленой органзы. Волосы мне переуложили в высокую прическу. Под конец утомительно долгой процедуры нацепили на молодую драгоценности и бережно повели наружу.

Горничная, красуясь полуобморочной прозеленью на лице — как раз в тон моего нового платья! — осталась возиться с моими вещами.

Я свеживала зевки в кулак и покорно плелась, куда тащили. В голове гудело. Шел где-то пятый час утра. Еще не рассвело, а перед рассветом мне обычно спать хотелось больше всего.

По дороге женская свита бурно обменивалась сплетнями:

— Ах! Никогда бы не подумала, что мужественность их высочества может вот так...

Это за моей спиной, но я-то все слышала. И угорала.

Под завистливое:

— Представляешь, ка-акой он! — У меня на всю физиономию нарисовалась ехидная улыбка.

— Нет, даже боюсь!

Мои плечи начали подрагивать!

— Ой, а мне бы хотелось посмотреть!

— А попробовать? — повернулась я на звук голоса.

Дамы присели в реверансе, а одна особо впечатлительная украсила собой каменный пол замка, грохнувшись в обморок.

А-а, вот она, чрезмерно любопытствующая красавица! Я не поняла — чужой обморок надо понимать как «нет» или «да»? По принципу «молчание — знак согласия»...

— Представила, что ли? — склонилась я над ней. — Так я не настаиваю. Но если передумаешь, то обговорим условия «на посмотреть»...

— Ваше высочество! — Смущенные придворные дамы умоляюще на меня зырили и о чем-то красноречиво сигнализировали.

— Да? — позволила я слово молвить.

— Мы на ранний завтрак опаздываем, — сказала статс-дама.

— Ой, что ж вы раньше молчали! — подобрала я юбки и приготовилась к спринтерскому забегу с призом в виде завтрака.

Дамы встали на изготовку в одну стартовую линию со мной.

В это время мне приспичило поинтересоваться одним обстоятельством:

— А после завтрака?

— После завтрака вы выезжаете в столицу, ваше высочество! — просветили меня по поводу распорядка дня.

— То есть в спальню мы больше не вернемся? — уточнила, прищуриваясь.

Дамы залопотали что-то утвердительное.

Получив подтверждающий кивок от строгой статс-дамы, я решительно развернулась и потопала назад, велел придворным:

— Очередь мне там займите и проследите, уж будьте любезны, чтобы мою порцию не стрескали, а я сейчас вернусь! — Развернулась на каблуках, покачала новомодными фижмами (низкий поклон дружественной Орегондии!) и весело порысила обратно. У меня там золотой запас остался!

Я влетела в спальню и до смерти напугала Лару, которая копошилась около открытого сундука.

— Ваше высочество, — подпрыгнула служанка. — Что-то случилось?

— У меня тут заначка! — честно ответила я, запуская руки под перины и обшаривая в поисках заветного мешочка.

— Вам помочь? — робко спросила девушка, видя, как я в нетерпении сбрасываю на пол подушки и одеяла.

— Не надо! — увидала я кошелек и возрадовалась ему, как бонусу дополнительной жизни в любимой компьютерной игрушке. — Я нашла!

Теперь возникла дополнительная проблема: куда этот кошелек пристроить? Карманы в платье были, но мелкие. В них поместится лишь сложенный носовой платок. Подразумевалось — для утирания розовых соплей или капающих слюней при взгляде на принца. Ни в том, ни в другом я замечена не была, и слава богу!

Так куда девать заначку? В карман не спрячешь — выпадет. В сундук не положишь — сопрут. Оставался только один, самый надежный сейф всех времен и народов! И я засунула кошелек за корсаж. Ровно распределив золото по груди и существенно увеличив свою привлекательность в районе бюста, я счастливо вздохнула, кивнула Ларе и выплыла за дверь, нежно позванивая при каждом шаге. Как же мне нравился звук моих денег!

Нет, ну вот нахалки! А еду кто караулить будет?

В коридоре уже столпились мои «дамки» и, отталкивая друг друга локтями, поочередно подглядывали в заветную замочную скважину.

— Налюбовались? — нахмурилась я.

Дамы заалели стыдливым румянцем, пойманные с поличным на месте преступления.

— Понятно! — сделала вывод. — За излишнее любопытство — штраф! Пять золотых монет! При повторном нарушении неприкосновенности моей частной жизни, а особенно при подглядывании в спальню — штрафные санкции удваиваются! Усекли?

Все закивали прическами, дружно достали платочки и зашмыгали носами.

— Деньги сдавать мне! — не повелась я на жалость. — И где тут кормят?

Меня под конвоем повели в столовую, или как там называется помещение со столом, стулом и горячей едой.

Когда мы дошли, а меня от усталости уж ветром качало, за накрытым белоснежной скатертью столом обнаружился благоверный. Принц сидел в одиночестве и поигрывал серебряным ножом.

— Намекаешь или готовишься? — задала вопрос, усаживаясь напротив.

Супруг галантно встал, подвинул мой стул и, низко склонившись к самому моему уху, тихо ответил:

— В зависимости от обстоятельств.

— Сурово, — пробормотала я. — Но честно. Уважаю.

— Спасибо, дорогая! — «обрадовался» Матиас и, видимо, в порыве пламенных чувств задвинул стул вместе со мной еще дальше.

— Ак! — вырвалось у меня, зажатой между спинкой стула и столешницей.

Дзинь! — сказали монетки.

— Что это? — недоуменно спросил принц, подозрительно оглядывая супругу и окрестности стола.

— Показалось! — настойчиво уверила его я и отъехала на стуле назад, попутно прищемив чью-то маленькую ногу сорок шестого (навскидку) размера.

— Холера! — злобно выдал муж и похромал к своему месту.

— Кишечная палочка, — осторожно поправила его я.

— Почему? — изумился ненаглядный, усаживаясь на свое место.

— А ее труднее уничтожить, — непринужденно пояснила, оглядывая пустой стол. — Где завтрак?

— А вас кроме еды еще что-то волнует? — поинтересовался Матиас.

— Безусловно! — заверила его я, расправляя на коленях салфетку.

— Например?

Я задумалась:

— Много еды! — открыла страшную тайну.

— А... — начал было выяснять подробности один весьма любопытный родственник пресловутой Варвары.

Но тут раздался оглушающий вопль:

— Королевский завтрак!

Я подпрыгнула на стуле, совершенно не ожидая подобной торжественности. Бюст волновался и звенел. Думала, по-тихому покормят и спровадят, но нет! Обязательно нужно всяческие церемонии разводить! Делать им больше нечего!

В зал набежала вереница лакеев с большими серебряными блюдами, закрытыми крышками. Лакеи выстроились в две линии: одна около меня, другая около принца.

Мажордом надулся от важности. Еще бы! Получить право однажды кормить царственных особ! Может, предложить ему покормить принца с ложечки? А что? Память на всю жизнь! Мелочь, а приятно!

— Первая перемена! — новый вопль.

— Ваш завтрак, ваше высочество! — вякнул мажордом после того, как мужу принесли хорошо прожаренный кусок мяса с та-аким умопомрачительным запахом...

— Прошу вас. — Я в нетерпении глотала голодную слюну. Слуга откинул крышку, и я в изумлении уставилась на... одиноко лежащее на специальной подставке яйцо в листьях салата.

«Алиса — это завтрак. Завтрак — это Алиса! Унесите завтрак!» Чудесно!

— Это что? — отмерла я, переводя недоуменный взгляд со своего убого декорированного яичка на сочный бифштекс, украшенный всем приличествующим грилю набором — как то помидоры, огурцы, зелень, дольки жареных овощей, похожих на баклажаны. Рядом стояло четыре вида соуса, один из которых ореховый, лепешки, тосты, кровяные колбаски, сыр...

— Завтрак, ваше высочество, — пропищал лакей, отодвигаясь. Думает, я его покусаяю? Правильно думает! В одном только ошибается — покусаяю, но не только его!

Но перед тем как устраивать скандал, я вежливо (о, каких мне усилий это стоило!) спросила:

— Что на остальных блюдах?

Слуги приподняли крышки и явили моему голодному взору тостик с тоненьким слоем масла, пол-апельсина, почищенного и красиво уложенного дольками, и, как завершающий этап — тонкий ломтик безбожно сухого бисквита. Как сухарик. Я даже потрогала — точно, сухарь!

— Это все? — У меня еще получалось не орать, но зубы уже скрипели и, кажется, начали крошиться.

— Да, ваше высочество! — заверил меня мажордом. — Это настоящий завтрак королев!

— Ну, я еще не королева... — плотоядно заверила его я и резко встала, звеня бюстом. Окружающие замерли и следили, как ее высочество принцесса, лично, подхватив свое блюдо с завтраком, прошлепала до мужа и нагло поменяла тарелки местами, вырвав у благоверного половину мяса чуть ли не изо рта.

— Принцесса! — возмущенно начал Матиас, бледнея и раздувая ноздри в безудержном гневе. Хе, ну это он, наверно, так думает. Здесь не знает удержу только один человек, когда голоден. И это я!

Я нагнулась и очень ласково перебила, ставя перед ним блюдо с яичком:

— Видишь?

Принц машинально кивнул.

— Еще одно слово — и здесь будет еще одно яйцо! Твое. Хочешь?

Муж решил не испытывать судьбу и заодно, как частный случай — не провоцировать опасно оголодавшую женщину. Просто щелкнул пальцами, и ему подали булочки с кремом и налили горячий отвар в изящную чашку. Матиас поблагодарил кивком и до-олго смотрел на меня, увлеченно жуящую бифштексы, криво усмехаясь и о чем-то напряженно думая...

Да-а-а, скоро молва о страшном звере «Алисии» доползет и до королевских покоев, немного подкорректированная обстановкой. Теперь мне вместо сладких корешков и дули в кармане будут совать колбасу и бифштексы, а в придачу — пирожные со взбитыми сливками!

Закончив с мясом, я поманила пальчиком лакея вражеского лагеря и вежливо попросила:

— Мне того же, что и принцу... в двойном размере.

— Гм... прошу прощения, мадам, а вам плохо не будет? — хмыкнул объедаемый супруг, попивая отвар и пристально разглядывая весьма прожорливую супругу.

— После столь бурной ночи мне нужно много кушать, — невинно заявила я, с одобрением разглядывая появившееся передо мной огромное фарфоровое блюдо с булочками. — Нервы, знаете ли...

Принц поперхнулся, откашлялся и согласился. Молча. Нет, ну какой мужчина — золото! Ни слова поперек!

Завтрак прошел очень хорошо: насыщенно для меня и плодотворно для мужа. Голодным никто не ушел.

После моего обжо... насыщения, супруг решил проявить к моей сильно... накушавшейся особе еще чуточку внимания и галантно выудил меня из-за стола.

— Спасибо! — поблагодарила я, лишний раз не нарываясь. Желудок тянуло поспать. И меня в связи в этом обстоятельстве тоже тянуло вниз и в сон.

— Ну что вы, — иронично улыбнулся Матиас, следя, как я деликатно прикрываю ладонью очередной душераздирающий зевок. — Один вопрос, дорогая...

Если тебя называют «дорогой» — значит, хотят обобрать! Надо быть начеку!

— В ваших монастырях столь строгий пост, что вы никак наесться не можете?

Так и знала, что сейчас что-то эдакое с подковыркой спросит! Откуда я знаю, как там кормят?! Я же никогда не была в монастыре!

— Нет, у меня был индивидуальный обет! — патетично закатила глаза. Кстати, при этом очень неудобно рассматривать собеседника искоса. Так что строчка из песни «Подмосковные вечера»: «Что ж ты, милая, смотришь искоса, Низко голову наклоня?» — протестирована мной и подтверждена. Вторая половина куплета: «Трудно высказать и не высказать, Всё, что на сердце у меня», — вообще звучит взаимоисключающе! Мужик мечется, как загнанный заяц: «Высказать?» Потом подумал хорошенько: «Нет, не буду, а то ка-ак даст!» Еще подумал: «Это хорошо, если даст! Скажу!» При дальнейшем размышлении: «А если в глаз даст?» И так далее, в том же духе...

— Это какой же, позвольте спросить? — настаивал принц, не отпуская мою руку и волоча за собой из зала.

— Дорогой супруг! — вернула подачу на его половину поля. — Вы вторгаетесь в интимную сферу! — Другими словами — «отстань, противный, я сама не знаю!».

— Но я же ваш муж... — продолжила настаивать противная липучка.

— Да? — удивилась я, всеми силами увиливая от ответа. — А я, простите, этого не заметила...

— Неужели? — безмятежно, по-крокодильи, улыбнулся Матиас. — Жаль-жаль... Я так старался!

— Странно, — пробурчала я. — Всегда думала, что супружеские отношения выглядят как-то иначе.

— Да что вы говорите?! — Не видела бы смешинки в фиолетовых глазах, честное слово — поверила!

— Не говорю — констатирую, — надулась, понимая, что мне его не переговорить. У него в таких пикировках тренинг гораздо больше! Задавит массой.

— Так какой у вас, драгоценная, был обет? — «Вот оно тебе надо, чтобы я врала?»

— Я обещала есть только овсяную кашу, пока не соединю с вами свою судьбу! — «раскололась», сделав умильное выражение лица и часто хлопая ресницами. Вдруг поверит, если сыграю экзальтированную дурочку?

— Как это трогательно... — заметил принц, сдерживая смех.

«Трогательно» для ума или в общем? А тебе, зараза коронованная, я все припомню при случае! А уж брачную ночь — так сто процентов никогда не забуду! На звание «Мисс Вселенная» я никогда не претендовала, но и до Квазимодо мне тоже далеко! Так что: «Не подходи ко мне — я обиделась, я обиделась раз и навсегда! Не подходи ко мне — я обиделась, я обиделась! Больше никогда не подходи». А то как засандалю я тебе с ноги!

— Теперь вот думаю — с обетом погорячилась! — заверила его, чтоб сильно нос не задирали. Пожала плечами: — Я же не знала, что вы будете так долго жениться!

— А то что? — заинтересовался супруг.

— А то овсяную кашу ели бы уже вы! Или в вашей почивальне завелось зловерное привидение умершей от голода принцессы Алисандры! — выпалила и прикусила губу. Да-а, все же нужно научиться сдерживать «души прекрасные порывы», а то спалюсь на

фиг!

Мы пришли в большой зал, похоже — приемный, в котором маялись затяжным бездельем кавалеры принца и мои дамы. Плюс там еще ползала пара-тройка гостей, видимо, забытых с вечера. И чуть в стороне стоял мой ненаглядный «дядюшка» и эдак придиричиво будущую королеву разглядывал. И все почему-то нижнюю часть моего живота. У меня аж пища колом там встала. Может, у него глаз как рентген? И он вместо УЗИ тут подвизается?

Матиас вывел меня на середину зала, отцепился, сделав шаг в сторону, и небрежно протянул руку. Один из кавалеров тут же подскочил к нам и вложил в протянутую руку плоскую коробку, обтянутую сафьяном. А парнишка-то оказался тем мужественным блондинчиком из леса! Э-эх, может, разрешат поменяться?

Пока я глазела на других мужиков, то про себя прикидывала: здесь все такие своеобразные, или все же нормальные есть? «Нормальные», наверное, все же были — иначе откуда бы взялись дети?

Так вот, пока я раздумывала о проблемах царской демографии, принц откинул крышку коробки и явил моему взору бриллиантово-изумрудное великолепие. «Лепилось» все это богатство диадемой на голову, ожерельем на шею, ну и по мелочи на разные части тела — пара аграфов, жалкие браслетики, колечки, еще что-то блескучее... Не было только кольца в нос и браслетов на щиколотки. Комплект неполный. Абыдно. Зажал, наверно.

— В честь нашего свершившегося брака примите мою благодарность! — Принц церемонно протянул мне футляр.

Ну, это уже совсем другое дело! Взятки благосклонно принимаем; назад не возвращаем — гарантий не даем!

Я так растрогалась при виде подарка, что пропустила момент, когда коварный супруг ко мне наклонился и... с чувством чмокнул в лобик! Нет, вы представляете? МЕНЯ! Свою молодую жену! В ЛОБИК!!!

Будущему королю сильно повезло в этой жизни. Тренированный! Он пружиной успел отскочить в сторону! Я бы надела ему этот футляр на голову. Правда, предварительно вытащив оттуда драгоценности. И надевала бы раз за разом, беспокоясь о замерзающих ушах и непокрытой голове!

Гоняться за ним по залу и устраивать бесплатный цирк для приезжих мне показалось нерациональным. Вот если бы можно было продавать билеты... тогда и побегала бы.

Дзинь! Дзи-и-инь! — ходил ходуном от возмущения мой сейф и беспокоил своим мелодичным звоном чуткий слух окружающих! Я женственно прижала руки к груди, успокаивая гуляющий из стороны в сторону кошелек.

— Поздравляю тебя, племянница! — Раскинув руки в стороны, ко мне приближался граф, гипнотизируя глазами голодного Каа.

Может, его футляром стукнуть, чтобы запал даром не пропал? Так ведь неправильно поймут...

— Че те надобно, старче? — заявила я, входя в роль золотой рыбки и готовясь подсунуть кое-кому разухабистое разбитое корыто. — Ступай себе в синее море.

— Веди себя прилично! — прошипел «родственник», применяя захват с удушением... Ой! — обнимая меня в жарких семейных объятиях.

— А че такое? — Я высвободилась, возмущенно позвенела бюстом и привлекла его внимание. — Здесь вроде все свои!

— Здесь — да, а ты чужая! — зашипел Алфонсус. Но и я не Маугли. Со всякими пресмыкающимися ручкаться не обязана!

Вкрадчиво задала вопрос:

— Хочешь об этом всем рассказать? — Главное в нашем деле — что? Правильно! Спровоцировать, довести до «белого каления» и элегантно свалить в кусты.

— Нет! — отверг мою бескорыстную помощь аристократ и нацелился одним глазком заглянуть в футляр. — Хочу узнать, как прошла ваша брачная ночь.

— У тебя с сексом так плохо, что ты у других интересуешься?.. — Быстро захлопнула заветную «коробочку» и отодвинула подальше, давая понять — еще раз свои глаза на мое положит, там и оставит!

— Прекрати! — «Дядю» крючило в конвульсиях, так ему, обделенному, интересно было. Но улыбался исправно.

Я тоже от него не отставала — скалилась, испуская флюиды семейного счастья. А что? Пусть завидуют! Мне не жалко...

— Еще скажи «Убью!» — нежно посоветовала графу, чем довела его до полубморочного состояния.

— Убью! — прошептал «дядя». И громко словесно высморкался: — Как я счастлив тебя видеть, Алиссандра!

— Неубедительно, — усомнилась я ему в ответ. И тут же на весь зал: — А уж я-то как! Спасибо вам огромное, граф, за такое исключительное замужество! — Тихо: — Чтоб над тобой так всю жизнь издевались!

— Так плохо?.. — мне на ухо. Вслух громко: — Все для твоего счастья делаю, дорогая племянница!

— Куда уж хуже! — прошипела я, заводясь. — Они на еде для будущей королевы жестоко экономят! — И опять громко, для слушателей: — Вовек вашей доброты не забуду! Благодетель! Всю жизнь свечки буду ставить! — Тихонько: — За упокой!

— Убью! — Вот, уже верю! Чувство так и прет наружу, пробивая себе путь локтями!

— Так о чем мы? — сменила тему, не желая давать пищу для сплетен. А то вдруг кто спросит: «Что это ваш дядюшка такой красный и со скрюченными руками?» Соврать: «рад до смерти» — не поверят, если только не уточню — до моей смерти. Можно еще сказать, что это его обычное состояние в последнее время — страдает по съеденной шляпе. А вдруг ему новую шляпу на бедность подарят? Как потом опять отбрезиваться? Фасон не подошел?

— Я о-очень хочу знать, как прошла ваша брачная ночь! — Граф уже хрипел.

— Великолепно! — утешила его я. — Конструктивно! Меня покормили!

— О-о-о! — тихо взвыл Алфонсус и схватил меня за плечи. — Ты уже понесла?

— Чего? — У меня не хватило фантазии понять его инсинуации.

— Ребенка! — И у кого из нас плохо с мозгами? Как он вообще дожил до своих лет, настолько отсталый и плохо в физиологии брачных отношений подкованный?

— С первого раза?! — просто уточнила для порядка.

— Да! — взорвался «родственник» и тут же поправился, потому что на нас стали обращать внимание. — Как я рад! Как я рад!

«Что поеду в Ленинград!» Экскурсию ему, что ли, заказать? Питер не обещаю, сама бы не отказалась домой попасть, а вот по местам заключения этапом — это пожалуйста! От всей широкой русской души! Главное — не накладно! Потому что «все включено» будет от казны!

— Ты с ума сошел? — придвинулась я к нему. — Как я это определю?

Граф порывался мне рассказать, как нужно определять беременность (не иначе, на себе опробовал!), но тут вернулся принц. Подойдя к нам, Матиас легким движением оттер в

сторону нового родственника, походя высокомерно ему кивнул и повернулся ко мне со словами:

— Надеюсь, мадам, вам понравился подарок?

Еще бы! Но особенно мне понравился поцелуй! В думательную часть головы...

— О, конечно. Сердечно благодарю! Спасибо! — Может, заодно на шею намотаться? Или не стоит мужчину так пугать? Вдруг не перенесет подобного счастья и от радости окочурится?

— У вас есть еще какие-то пожелания? — расщедрился благоверный на подарки.

Ой, что-то в нашем лесу сдохло! Большое-большое. Размером с дракона.

— Есть! — быстро выпалила я, с намеком глядя на Алфонсуса. «Дядя» сморщился, стремительно увял и скрылся в неизвестном направлении.

— Какие? — Принц всем видом сигнализировал, что ему безумно некогда — дела, дела... но он все же, так и быть, уделит мне толику своего высочайшего внимания.

Денег попросить?.. Не поймет. У меня своих выше крыши должно быть. Цацки? Та же история... О! Придумала!

— Можно моей статс-дамой назначить маркизу Мордебуль? — Будем дружить против графа, тем более что Омаль его терпеть не может. Он ее мужа в молодости по бабам водил... В общем, я в тот раз не уточняла — кто кого и куда водил, но осадок все равно остался!

— Маркизу? — удивленно поднял брови принц. — Вы предлагаете мне сместить герцогиню Криворузку и заменить ее какой-то маркизой?

— Это вы мне предлагаете, — томным шепотом поправила его я и включила в глаза любовь. Осветив собеседника фарами дальнего света, подтолкнула к правильному решению: — А то вдруг я проговорюсь о чем-то ненароком... посплетничаю...

— Вы меня шантажируете? — В скупающих фиалковых глазах зажегся огонек определенного интереса. Насчет хорошего или нет — врать не буду, не скажу...

— Ну что вы, как можно! — кокетливо играя глазами и веером, открестилась от столь неприглядного действия. Закрыла веер, изогнула шею лебедем и уставилась в пол. Этакая скромная монастырская воспитанница. Шепнула еще тише: — Пока просто предупреждаю...

— И вы настаиваете? — прозвучало как последняя попытка утопающего. Но я была гомо сапиенс, а не дельфином или спасателем, потому не уступила. «Чужой земли мы не хотим не пяди, но и своей врагу не отдадим!»

— Рекомендую. — К фарам прибавилась большущая пожарная мигалка.

— Хорошо! В конце концов, это ваше полное право — выбирать себе фрейлин по вкусу, — неохотно признал муж. Но сразу предупредил: — Учтите, мадам, вы наживаете себе серьезных врагов в лице рода Криворузких!

Хоть криворуких, хоть мохноногих... Зачем мне статс-дама, которая, вместо того чтобы блюсти МОИ интересы, будет, как вчера, отчаянно заискивать перед принцами, герцогами, «дядьями» и прочими непонятными персонажами?

Да и вражду Криворыльских я, кажется, все равно нажила. Как говорится среди студентов: «Поздняк метаться!» Так что одним врагом больше, одним меньше... Нам такое счастье не нужно. Плюс-минус пара десятков — существенной роли не играет! Да и травить врагов легче скопом. Ну, там крыску голодную в постель подложить или кактус в тапочек... можно еще пива в ночной горшок подлить... для ароматизации помещения, тэк скэ-эть... Способов изведения вражин придумано великое множество. Главное — только начать, а там уж...

— Когда бы вы хотели, чтобы маркиза приступила к своим обязанностям? — Матиас с любопытством следил за моей приободренной отличным известием шустрой мыследеятельностью.

— Прямо сейчас! — обрадовалась я. — Можно?.. — Это уже сугубо для проформы.

Ясно же: или будет по-моему, или чуть-чуть надавим — и будет... по-моему.

— Немедленно доставьте к принцессе маркизу Мордебуль! — с поистине королевским апломбом приказал наследник. — Срочно!

Я даже залюбовалась. Настоящий вельможа, такой весь из себя грозный — просто прелесть. От желания угодить подчиненные просто теряют голову! Я чуть слюной от восторженной зависти не истекла. Вздохнула: хорошо уметь быть важным, особенно когда не ты под прицелом.

— Я бы хотела спросить... — начала фразу.

Меня ласково перебили:

— Дорогая, хотите пирожных?

Началось...

— Хочу. В карету пусть запакуют корзинку с едой, — не стала отказываться. — Но все же, я бы хотела бы узнать...

— Мур-р-р... Со взбитыми сливками? — сладко мурлыкнул злокозненный муженек, продолжая меня соблазнять. А вот заткнуть жене рот и сбежать у него не получалось!

Угу. Если только вместе со мной или без рукава. Потому что я на рукаве у него бульдогом висела и отпускать не собиралась! Теперь моя очередь шпильку подпустить:

— Да, со сливками и с кремом. — Умильно заглянула ему в глаза: — Вы так хорошо в них разбираетесь... Сами печь будете?

— Нет. — Будущий король изумился несказанно. — Что навело вас на подобную абсурдную мысль?

— Да ваши же слова, — пожала плечами, упорно не отцепляясь. — Вы так внимательно выспрашивали... будто профессиональный кондитер.

— У вас странный ход мыслей, принцесса, — неловко признался супруг, целеустремленно и почти ненавязчиво отгибая мои пальчики, которые я тут же сгибала на бархатном рукаве обратно, впиваясь в последний отросшими за месяц ногтями, словно кошка.

— У меня мысли не ходят, — смиренно поделилась я с ним животрепещущей проблемой. Только мой благоверный насторожил уши и приготовился проехать на эту тему как закончила: — Они бегают! И очень шустро. Догонять не советую. Падете смертью храбрых на финише.

После моего чистосердечного признания мысли у принца Матиаса тоже, видать, убежали вдогонку за словами. Ничего, он мне молчаливый гораздо больше нравится!

— Так вот! — вспомнила я о деле, не терпящем отлагательства. — Со мной приехала одна гримза недовыленная, мадам Домулю. Предупреждаю — особо опасная террористка, разыскивается за садизм и проявленную жестокость на территории пяти сопредельных государств. Я бы хотела оставить ее где-то здесь. Вроде как потерять. Случайно забыть ее в замке нереально — обязательно найдется и намертво прилипнет к подолу. Можете помочь?

— Учительница по этикету? — дружески подмигнул мне принц, продолжая аккуратные попытки вырваться на свободу.

— Как вы догадались? — пришла моя очередь удивляться, не отцепляя рук. Рвись — не рвись, а от меня еще вот так запросто никто не уходил!

— Кого еще можно так люто ненавидеть? — пожал широкими плечами Матиас. Принц небрежно присовокупил: — У меня было такое же чувство по отношению к своему учителю. Я ненавидел его до слез, до боли! Мстил ему всеми способами. — В глазах зажегся лукавый огонек: — До сих пор я бы скорее приветил у себя дома палача или разбойника, нежели этого многолетнего мучителя.

— Да? Как мы в этом похожи! — бурно возразилась я. — Так что? Поможете?..

— Конечно, — солнечно улыбнулся принц. — Для моей дорогой супруги — все, что угодно. А тут такая мелочь!

— Учтите, — предупредила я. — «Мелочь» кусачая и очень опасная!

— Я учту! — Матиас, оторвавшись с боем от жены-клеща, элегантно поцеловал мне кончики пальцев. Культурно попрощался: — А сейчас извините, дорогая, мне пора выезжать. Встретимся в столице! — И быстро скрылся, пока я не увязалась за ним.

А вот надо было! Как там говорят? «Жена следуй за мужем, как нитка за иголкой?» Хотя можно поспорить, кто из нас ежик. Но с принцем более безопасно: он дядю шугает и с гримзой помочь обещал.

И тут я вовремя сообразила одну немаловажную вещь.

— Стой! — дико заорала я. Высоко подобрав юбки, рванула за Матиасом что есть сил, сшибая по дороге слуг и придворных.

Моя свита углядела: охраняемый объект весьма шустро удирает от их пристального надзора! И всей толпой бросилась вдогонку. Зрелище — во! Можно брать сто баксов за просмотр. Асфальтоукладчик в фижмах! Раскатали тонким слоем всех, кто осмелился встать у нас на дороге.

Догнала я мужа уже во дворе, куда меня вывели испуганные обитатели замка. Один из них даже героически рискнул своей жизнью и бежал впереди, крича во все горло:

— Поберегись!

Матиас вдел ногу в стремя, собираясь вскочить на белого коня (ей-богу — прынц!), как его настигло божественное провидение в моем лице с добавкой из фрейлин.

— Ваше высочество, постойте! С-с-стоять!!! — издала клич команчей и припустила к супругу.

Матиас спешил и развернулся в мою сторону, положив руку на эфес меча.

— Мадам? Что случилось?! — Наследник начал успокаивать шарахнувшегося в сторону жеребца и злиться понемногу.

— Ничего! — выпалила я.

— Если «ничего», к чему такое представление для черни? — съязвил один такой умный и одарил меня жестким взглядом глаза в глаза.

Глядя в фиолетовые радужки мужа, потемневшие, словно перед бурей, я подумала: «Ого! Вот это характерец! Хорошо, что я жена, а не прислуга. Прислугу он бы за такое зверски шашкой зарубал... наверно».

Но смущаться не стала.

— Дайте мне сказать! — рыкнула я, пытаюсь отдышаться и прийти в себя.

— Так вы же молчите! — Кто-то никак не мог заткнуться и переждать грозу? Пусть потом не сетует, что молния в одно место шандарахнула!

— Молчать! Не перебивайте меня!!! — рявкнула еще громче, отчего муженек, ухмыляясь уголком рта, дозволил своим бровям вопросительно изогнуться.

— Кто донесет до сведения сиятельной герцогини, — я ткнула пальцем в сухопарую леди,

стоящую неподалеку (почтенная Криворузская, скрючившись и упираясь руками в бедра, будто марафонец после финиша, сипела и хрипела, пытаясь отойти после коллективного забега), — что корона в ее услугах больше не нуждается и на место моей статс-дамы уже назначена другая персона?

— Поздравляю! Вы вполне успешно сделали это сами, — мягко заметил принц и обратился к замершей мадам Криворузкой: — Простите, но таково желание моей жены. Впрочем, по ее же просьбе, — тут на меня ТАК выразительно взглянули (я сочла за благо опустить глаза и поковырять туфлей землю), — мы назначаем вас смотрительницей королевских покоев.

Чего она будет смотреть? Подушки пересчитывать и простыни? Кастелянша?

— Спасибо, ваше высочество! — радостно заулыбалась бывшая статс-дама. Наверно, обрадовалась со страшной силой, что я ей больше не начальница.

Я открыла рот... чтобы поблагодарить супруга. А вы как думали? Я могу не только ругаться, но и вполне прилично разговаривать. Понимаю, сразу не видно, но в процессе общения обычно выясняется одна незамысловатая истина: я очень добрая и сердобольная, просто иногда сама об этом не подозреваю.

Мое хорошее начинание не дали претворить в жизнь. Раздался топот копыт, и во двор вломились стражники в количестве десяти боевых конных единиц. Причем у переднего вояки поперек седла жалкой тряпкой болталась невменяемая маркиза в полуобморочном состоянии.

— Это как понимать? — Вместо благодарности меня с ходу потянуло на семейный скандал. — Почему моя подруга в таком жутком виде? Это новое веяние? Так теперь путешествуют обер-фрейлины?!

— Вы же хотели побыстрее воссоединиться с маркизой... — с насмешливой искоркой в глазах ответил мне принц и все же залез на коня, сияя дорогими позолоченными шпорами и пряжками на ботфортах. Наверное, решил под шумок смыться от меня подальше. Ничего, если мне будет нужно, я и лошадь догоню и перегоню!

Тьфу на тебя! Слов просто не хватает! Таки смылся. Эффектно продемонстрировал дамам хвост своей лошади и ускакал. И даже без воздушного поцелуя.

Решив не тратить на некоторых дубоголовых свое высочайшее внимание, я повернулась к отъезжающему супругу тылом, давая понять — разговор окончен. Царственно кивнув спешившейся страже, приказала:

— Осторожно снимайте маркизу!

Омаль сняли, но маркиза стоять на своих двоих не могла, постоянно норовя сползти в обморок. Какие все в этом мире дохлые и слабонервные! В нашем мире тетка в ярости бы настучала стражникам по каскам авоськой за такое мерзкое отношение, отдала бы пару ног каблуками, насыпала бы пудры в глаза и проделала бы еще кучу всяческих мелких изошренных издевательств...

— Омаль! Открой глаза! — потрясла я жертву обстоятельств. — Возьми себя в руки, встряхнись и прекрати сползать вниз!

Маркиза послушалась командного гласа, трубящего над ухом, приоткрыла очи с предсмертной поволокой и, увидев меня... снова сползла в обморок со словами:

— Пощадите! Не велите казнить! Умоляю!

Ну, я так не играю! Еще бы выдала: «Сгинь, нечистая сила!» или риторически спросила «За что?!». Я бы тогда с чистой совестью ответила ей известным: «А просто так!» Хоть посмеялись бы потом вместе!

— Омаль! — заорала я. — Заканчивай валяться у всех на виду! Тут пол грязный и под ногами паразиты стадами шастают!

Разноцветная кучка у моих царственных стоп не отреагировала. Тогда я повернулась к

фрейлинам:

— У кого-то из вас нюхательные соли есть?

Эта дрянь оказалась у всех. Какие у меня девчонки, однако, запасливые. Молодцы! Какая-никакая польза, а все же имеется!

— Привести маркизу в чувство! — приказала я, отходя в сторонку. Фрейлины наперебой кинулись к лежащей в глубоком обмороке даме и сунули ей под нос с десяток флакончиков. Вот это настоящий садизм! Уважаю! Надо взять на вооружение!

От бьющих в нос смешанных резких ароматов женщина подскочила ошпаренной кошкой и недоуменно обвела мутными глазами двор. Углядела мою скромную персону и со всех ног бросилась ко мне. О! Таки очухалась!

В финале краткого забега маркиза не нашла ничего лучшего, как пасть на колени, вцепиться в мой подол и зашептать:

— Ваше высочество, пощадите!

— Не поняла? — озадачилось мое высочество, прикусывая губу. — Ты не хочешь быть моей статс-дамой?

— Кем?! — вытаращилась на меня Омаль. — Статс-дамой? Статс-дамой вашего высочества?!!

— А ты хотела занять должность конюха, главного садовника или охотника? Или тут еще какие-то высочества шастают? — на полном серьезе поинтересовалась я. — Извини, но для тебя вакантна только главная фрейлина!

— Статс-дамой?!! — Мордебуль потрясла мой подол со слезами неземной радости на опухшем лице.

— Сколько можно повторять одно и то же? — Я настойчиво отбирала юбку из жадных рук обалдевшей от эйфории маркизы.

Омаль все же пришла в себя. Женщина поднялась, чинно поправила платье и присела передо мной в глубоком реверансе:

— Благодарю вас, ваше высочество, за оказанную честь! Я не подведу!

— Надеюсь, — заверила ее я, облегченно вздыхая. — Приступайте к вашим обязанностям, маркиза!

— Одну минуточку, если позволит ваше высочество. — Маркиза посмотрела на меня умоляюще: — Я бы хотела покончить с одним важным делом!

— Пожалуйста, — с наслаждением почесала я нос и принялась с любопытством следить, что же за незаконченное дело у моей новой статс-дамы.

Омаль еще раз присела, потом шустро развернулась на каблуках и гордо посеменила в сторону переговаривающихся стражников. Выбрав для приватной беседы десятника отряда, маркиза смерила того уничижительным взглядом, достала веер и как пошла охаживать мужика под аккомпанемент собственных воплей!

— Как ты посмел, скотина, меня пугать? — И бац-бац веером по голове! — Как ты смел сказать мне!.. МНЕ! Статс-даме ее величества! Что меня хотят казнить! — И хлоп-хлоп по плечам!

Я зааплодировала. Фрейлины меня дружно поддержали. Даже простые служанки отвлеклись от своих насущных дел, с округлившимся ртом наблюдая за карательной акцией и вендеттой в одном флаконе. А там было на что посмотреть! Гоняла Мордебулиха его знатно. Маркиза бы легко сдала экзамен на черный пояс по какому-нибудь джет-кун-до с веером! Высший пилотаж! Опытный воин удирал от нее испуганным зайцем и не успевал, огребая по всем выступающим частям разом! Ай да маркиза! Браво! Блеск! Вот это выучка!

— Я не говорил подобного, мадам! — наконец попробовал оправдаться десятник.

— Да? — остановила Мордебуль показательную экзекуцию. — А твое: «Собирайтесь, мадам, и ничего с собой не берите: вас желает видеть принц!» — как понимать? Знаешь, куда без вещей ездят?

— К принцессе в гости? — робко предположил мужчина, вытянув шею и лукаво кося округлым глазом наподобие гусака. Вот плут!

— На плаху, болван! — припечатала Омаль. — Я чуть ума не лишилась от ужаса!

— Было бы чего лишаться! — дерзко пробормотал десятник и чрезвычайно быстро отскочил подальше, пока снова по шее не наkostenяли.

— Хам! — сообщила ему маркиза. — Безголовый хам! — Немного подумала и сделала логичный вывод. — Впрочем, как многие мужчины! Где им понять тонкую женскую натуру?

Я уже ржать не могла, просто тихо повизгивала, вися на ближайшей фрейлине, которая сама угорала, смахивая слезу.

— Омаль, ты неподражаема в гневе, — выдавила из себя, когда маркиза вернулась в строй к женскому коллективу.

— Правда? — обрадовалась женщина. — Может, мне тогда все мужу повторить?

— На «бис»? — Мне от смеха уже икалось.

— Да нет, просто так. Для профилактики, и чтоб себя не забывал, — заявила маркиза. — А то он, негодяй, меня стражникам с та-а-акой радостью отдал...

— Не тужи, теперь отыграешься, — утешила я ее, доставая носовой платок и вытирая слезы.

— Теперь — да! — Омаль горделиво выпрямилась и, бдительно оглядев своих новых подопечных, скомандовала: — Что стоите, как курицы? Рот разинули и пялитесь на мужиков, будто в своей жизни штанов не видели! Вы дамы или зеваки уличные?! Быстро привели ее высочество в порядок! — И подмигнула мне.

Фрейлины цветным хороводом засуетились вокруг меня, усиленно поправляя платье и прическу. Даже духами опять обрызгали и подрисовали макияж. Походная парикмахерская, блин! В это время к нам подошел новый персонаж: смутно знакомый блондин. Откуда я его знаю, интересно? Вроде бы в нашей таверне не появлялся... О! Тот рыцарь!

Мужчина склонился передо мной в низком поклоне и коротко представился:

— Рауль, герцог Силвермэн, начальник вашей охраны.

— Очень приятно, — кивнула я ему, любясь красивой внешностью. И действительно, приятно. Красота Рауля была не слащавой, а такой... Я бы сказала — мужественной... трудно подобрать определение.

Красивые, четко очерченные скулы. Пронзительно синие глаза, ровный нос, высокий лоб, перечеркнутый легкой морщинкой... Ничего лишнего, и в то же время взгляд не оторвать.

— Пошлите за вещами маркизы, пожалуйста, — попросила, когда смогла говорить, отойдя от приятного сюрприза.

— Как прикажет ваше высочество, — снова склонился в поклоне Рауль. — Будут еще какие-то пожелания или приказания?

— Пока нет. Спасибо! — улыбнулась я серьезному красавчику в темно-синем камзоле с серебряным галуном. — Если появятся, то я вам непременно сообщу.

— Всегда к услугам вашего высочества. — Мне показалось, или он посмотрел на меня с

искренней симпатией?

Мы вежливо распрощались, и мне подали карету. Компания у меня собралась приятная: кроме меня, еще Омаль, профессор и Лара. Правда, к нам пытался в честь чего-то (видимо, дракон, сдохнувший ранее, начал испускать миазмы!) присоединиться «дядюшка».

Но мне даже вмешиваться не пришлось. Ага, маркиза та-а-а-ак многозначительно на графа посмотрела и поиграла веером, что Алфонсус мигом испарился, не доводя благородных дам до греха рукоприкладства.

Наш кортеж отправился в путь. «Монстры» бежали ни шатко, ни валко, довольно ровно. По обеим сторонам дороги шли террасы — клочки убранных полей; карликовые сады; все еще зеленые, даже осенью, пастбища, на которых паслись темно-шоколадные или пестрые миниатюрные коровки. По мере продвижения в глубь страны вдаль стали видны горы. Темной громадой нависали они, сияя белоснежными верхушками ледников.

Несмотря на окружающую красоту и благолепие, глаза у меня слипались. Извинившись перед всеми присутствующими, я устроилась спать на широкой скамейке, благо размер кареты позволял туда напихать еще минимум человека три. Ко мне подседа горничная, и я удобно уснула на ее коленях, предварительно подложив под голову уютную «думочку».

Проснулась я в прекрасном настроении и хорошо отдохнувшей. Мне даже фижмы выпастись не помешали! Кстати, о птичках...

— Омаль, — обратилась я к своей статс-даме, увлеченно беседующей с профессором Зануком, — ты не в курсе, почему меня вовремя не переодели в соответствующий дорожный костюм? Разве нормально путешествовать в полном парадном облачении?

— Нет... — растерялась маркиза. — Это из ряда вон выходящее явление. Так не принято, и это совершенно неудобно.

— Можно мне сказать? — робко пискнула Лара, сильно смущаясь нашего высокородного общества.

— Говори, — кивнула я, снедаемая любопытством.

— Ваши дамы говорили, что это распоряжение герцогини, — тихонько прошептала Лара. Еще тише добавила: — Она обиделась за выкуп и решила таким образом мелко отомстить.

О, как! Я мстю, и мстя моя страшна?! Как же! Она еще просто не сталкивалась со среднестатистической студенткой, прочитавшей кучу литературы про королевские козни, в том числе и на иностранных языках в оригинале. У меня образовался приличный багаж знаний по аристократическим интригам и мелким пакостям. Герцогине Кривоножской еще предстоит проверить это на своей нежной шкурке! И если мадам в процессе облезет и побреется, то это будет не моя вина, а чисто ее заслуга! Хорошо я загнула? Учусь быть королевой!

— Девочки, — почесала я нос. Посмотрела на присутствующих девочек и извинилась перед учителем: — Профессор, извините, но тут чисто женская мстя! Вам оно не надо.

— Согласен, — закивал господин Умник и устроился подремать, правильно поняв мой намек.

— Итак, девочки, — поманила я пальчиком маркизу, приглашая пересесть поближе. — Я предлагаю организовать орден для женской солидарности и чтобы дать достойный отпор врагам. Как вам идея?

— Хорошая, — обрадовалась Омаль. — А можно мы начнем с моего мужа?

— Не переживай! — Как я понимала Мордебуль! — До него очередь обязательно дойдет. Кстати, Омаль, а какая у тебя девичья фамилия?

— Я урожденная баронесса Омаль Гортензия Паоланика, — гордо сообщила мне подруга.

— Ага! Так Мордебулиной ты стала после замужества? — догадалась я, продемонстрировав недюжинный ум и сообразительность. — Если то, что ты рассказывала про своего мужа — правда, то его фамилия отражает его истинное лицо.

— Скажи лучше сразу — «морду», — зло хмыкнула маркиза. — Уж поверь, ты меня этим не обидишь.

— Не вопрос, — улыбнулась я. — Может, поменяем фамилию? При случае?..

— Да пожалуйста! — не стала жаться Омаль. — Вот дочерей замуж выдам — а там хоть трава не расти! Вот только Хмыляро мне развод не даст...

— Кто ж его спросит? — удивилась я. — По доброй воле не захочет — есть традиционные цивилизованные способы убеждения: мухоморы на завтрак, рыба кость в булочку, травяной чай из волчьей ягоды...

— Какая ты добрая... — расчувствовалась маркиза. — Жаль только, на моего муженька это не подействует. — Возмущенно высказалась в его адрес: — Он десять лет жрет на обед салат из заячьей капусты — и хоть бы чихнул, мерзавец!

— О-о-о! — уважительно посмотрела я на Мордебуль. — Ну, ты, мать, сильна!

— Стараюсь, — скромно опустила искрящиеся смехом глаза маркиза.

— А ты что молчишь? — потрясла я Лару, застывшую «свечкой» и старающуюся даже не дышать лишней раз.

— Мне по статусу не положено! — выдохнула служанка. — Я простая горничная...

— Хорошо, — махнула я рукой. — Если будешь старшей горничной, перестанешь чушь нести?

— Нет! — взвизгнула Лара. — Мне все равно не положено!

— Ла-ара, — укоризненно посмотрела я в испуганные глаза горничной. — Ты меня бросаешь?

— Нет! — снова повторила девушка. — Но мне не положено!

— Значит, слушай меня сюда, — заявила я, начав сердиться. — Все, что не положено, то покладено, а если не покладено — то брошено и растоптано! Все растоптанное — уже вмято и брошено, покладено и положено. Мысль ясна?

— Нет! — потрясла головой служанка. — Но смысл почти понятен. Слушаюсь и повинуюсь, ваше высочество. — Кинулась на колени и вздумала мне целовать руки, я еле ее от себя отогнала. — Я ваша всей душой и телом. Сделаю, что скажете, и не выдам, даже если станут резать на куски.

— Молодец! Но резать тебя никому не понадобится. Я особа добропорядочная и в глобальные и важные дела государства вмешиваться не собираюсь, — обрадовалась, тщетно пытаясь сообразить, чего я только что словесно наворотила. Все же софистика — великая наука!

— А теперь, дамы, я буду думать, — заявило мое высочество и уставилось в окно. Экипаж двигался плавно. Выглянула из окна, разглядывая дорогу. Как интересно!

Саму дорогу по большей части замостили черно-красным тесаным камнем, вдоль дороги на одинаковом расстоянии высились полосатые черно-белые... верстовые? километровые? еще какие? — столбы. Кое-где попадались деревянные настилы или большие каменные плиты с затертыми от долгого употребления непонятными иероглифами, рисунками и знаками, и совсем редко встречались нам маленькие участки грунтовой дороги.

В общем, вполне цивилизованно. Что удивительно — каменотесы постарались на славу, никакого сравнения с нашей дореволюционной мостовой и экстремальной ездой по ней. Дорога, конечно, была по ощущению не автобан, но и не ухабистая. Уложили плиты и

камень практически идеально. Видимо, по отработанной технологии. Так что копыта цокали, но карету не трясло и не подбрасывало.

Необычные плиты чаще всего встречались в тех местах, где дорога шла под большими подвесными акведуками.

— Учитель, это что за странные камни? — поинтересовалась я, когда они мне в первый раз попались на глаза.

— Это части более древних сооружений давно исчезнувшей могучей цивилизации люртинов, — поведал Занук Учила и тут же прочитал мне обширную лекцию, которую я пропустила мимо ушей, занятая собственными невеселыми мыслями. Одно уже хорошо: команда «АЛО» была готова к боевым действиям!

К карете подъехал Рауль и, свесившись с седла, протянул мне два небольших букета полевых цветов.

— Если мне позволит ваше высочество, — тепло улыбнулся мужчина, — то эти скромные цветы мне бы хотелось преподнести двум прекрасным дамам.

— Спасибо, — улыбнулась я в ответ, передавая один букет расцветшей от мужского внимания маркизе. — Но у нас здесь три дамы!

— Оу, — смутился герцог Силвермэн. — Ваше высочество, умоляю меня простить за оплошность и закрыть глаза на мою ужасную невоспитанность.

Он ненадолго пропал из виду и вскоре вернулся с третьим букетом, который галантно передал красной, как рак, горничной. И, заметьте, никаких вам рассусоливаний на тему: «Слуги не люди, а горничные — не дамы!» Его принцесса сказала: «Дам три!» — пожалста, примите и распишитесь — вот вам третий букет. И все это без омерзительных масляных взглядов в чью-либо сторону, без визуального ощупывания дамских прелестей, выпуклостей и впадин. Какое воспитание у мужика! Его бы к нам в институт, девки от восторга на клочки бы разорвали!

— Ваше высочество, я прощен? — кивнул галантный рыцарь.

— Отчасти, — покраснелась я от удовольствия. — Полностью прощу, если ответите на один вопрос... Где мой муж?

— Его высочество присоединится к нам в крепости Капейлар, где мы заночуем, — поведал мне о планах принца начальник королевского кортежа.

— Благодарю вас! — уткнулась я носом в цветы, сладко пахнущие медом и вольным ветром.

Рауль поклонился и отбыл по делам, напрямую связанным с его нынешними обязанностями. Я слышала, как он распекал простых охранников и отдавал указания суровым рыцарям.

А я пристала к маркизе:

— Омаль, расскажи мне о королевской семье.

Мадам Мордебуль воззрилась на меня с таким неописуемым удивлением, что пришлось выдвинуть весомую причину:

— Я в монастыре на уроках большей частью дрыхла.

— А-а-а, — понятливо закивала подруга и начала докладывать последние сплетни: — Как ты знаешь, сейчас правит король Амадин. Ему в этом году исполнилось семьдесят лет, и он спит и видит, как бы передать корону сыну...

На пенсию, следовательно, старик захотел. Понятно. Устал трудиться на государственном поприще. Пора и на пляже с коктейлем полежать, и на моделек поглазеть, и деньгами пошвыряться. А то в семьдесят все это можно и не успеть...

— ...Его первая жена и мать принца Матиаса, королева Лилиана, умерла десять лет

назад от неизвестной болезни. Сгорела за трое суток от скоропостижной злокачественной лихорадки...

Оп-па! Если я правильно помню, то диагноз «неизвестная болезнь» или «скоропостижная злокачественная лихорадка» ставился при отравлении каким-нибудь редким ядом. Не может доктор найти причину или противоядие и, чтобы не загреметь на плаху, отделяется симпатичным диагнозом: типа, бог его знает, отчего больной скончался — сие науке не известно. Угу. «Скоропостижная лихорадка» — и взятки гладки!

— ...Спустя три года король Амадин женился на принцессе Омелле, нынешней королеве. Ей в следующем месяце исполнится тридцать четыре...

Такая разница в возрасте? Хрен тебе, свекр, с такой женой, а не на моделек пялиться! Она тебе глазки живо повыковыривает и на заборе сушиться развесит!

— И как королева реагирует на смену власти? — заинтересовалась я, пытаюсь просчитать политическую ситуацию.

— Плохо, — призналась Омаль. — Доходят слухи, что королева весьма недовольна грядущим отстранением царственной четы от престола. И вообще... Собственно, я давно при дворе не была и точно не знаю...

— Да говори уж. — Я махнула рукой на политесы.

— В общем, говорят, будто королева Омелла предлагала пирожные твоему мужу! — выпалила маркиза и уставилась на меня. Лара охнула и прижала руку к губам.

Я пожала плечами, ничего не поняв. Что такого в этом страшного? Может, баба на диете? А у короля сахар повышенный или зубы болят. Вот и подсовывала принцу как молодому представителю семьи сладкое, чтобы добро не пропадало.

— И что он? Съел? — полюбопытствовала я, подогревая общение.

— Кто ж его знает? — с сожалением ответила маркиза и вдруг встрепенулась: — Ты не поняла?

— Что именно? — подняла я брови.

— Она. Предлагала. Пирожные. Твоему. Мужу, — отдельно, с нажимом, словно глухой, повторила Омаль.

— Я слышала. И что? — снова не поняла я.

— Выражение «предложить пирожные» в современном куртуазном языке означает завуалированное предложение посещения ложа лицом противоположного пола, — внес окончательные пояснения господин профессор, прислушавшись к нашему разговору.

— Чего? — До меня сегодня все доходило с перебоями.

— Королева лезла в постель к вашему мужу, — расшифровала мне суть Лара, жарко прошептав на ухо.

— Вот оно как! — Ошеломительное послание нашло своего адресата. — Спасибо! — эмоционально поблагодарила за предоставленную информацию. — Мне нужно опять подумать!

И я подумала. Долго и с разнообразными сценами умерщвления соперницы. Так красочно себе представила, что даже душа возрадовалась, и запела: «Мы наш, мы новый мир построим...»

Я для себя выработала линию поведения, успокоилась и уставилась в окно.

Вскоре начали все чаще попадаться мелкие безлюдные селения с красными черепичными крышами.

Смешные собачки — меховые шарики с торчащими вверх миниатюрными стоячими

ушками, звонко лая и виляя хвостиками бубликом, на дороге практически бросались под карету, чтобы самоотверженно предупредить хозяев о появлении чужаков. Подобная самоотверженность умиляла и трогала сердце. Если у меня будет нормальное пристанище, обязательно попрошу себя щенка этой породы. Он маленький, никого не обьест. Дома мне не разрешали заводить животное, а так хочется иметь по-настоящему преданного и любящего друга, который не продаст тебя ни за кошелек золота, ни за корону. Ни даже за смачное кольцо колбасы... Ой, что-то на грустное потянуло. Не иначе, сильно проголодалась.

Мы все ехали, а у меня появилась странное щекотное чувство. Сначала — будто меня гладят по коже кусочком меха. Ощущения нарастали — и вот уже мех превратился в мягкие иголки. Вскоре иголки стали колоть сильнее, потом отлетели от меня и закружились плотным шлейфом колюче-упругих снежинок. Их нежные тела разгонялись, превращаясь в метель. Я уже не могла понять — сплю я или не сплю. Мягкие невидимые иголки снежинок тихо шуршали, облепляя со всех сторон, завораживая, усыпляя. Опять зазвучал странный речитатив. Он медленно нарастал и вскоре перешел в крик. «Гурта! Алунебис ГУРТА! Лелунд квао! — И на одной ноте: — СИИН!»

Мне почудился треск. Вдруг карета остановилась, и я проснулась.

— Что случилось? — высунулась из окошка кареты маркиза, закупорив юбками весь обзор. Раздался топот копыт, и кто-то очень неразборчиво начал говорить снаружи. Кажется, кучер или стражник беседовали с кем-то посторонним.

— Что он говорит? — подергала я за юбку аристократки, но безуспешно. Маркиза увлеклась интересной беседой и возжелала навеки закупорить собой окно. Блин, разведчик в кружевах!

Тут дверца с противоположной стороны отворилась, и возник Рауль, обратившийся ко мне:

— Ваше высочество, прошу простить мою настойчивость, но нам перегородили дорогу.

— Кто посмел? — удивилась я.

— Это члены городского совета близлежащего города Мимоездиня с выражением почтения.

— И что им нужно? — Мне точно нужно выписать таблетки для ума или от ума. Нет, от ума еще рано...

— Они хотят вручить вам подарок, — объяснил герцог, — а поскольку принц отсутствует, то не могли бы вы заменить его на время и поприветствовать своих подданных?

— Конечно, — согласилась я и, опираясь на предложенную руку, вылезла из кареты. Лара выскочила за мной. Служанка приладила мне на голову шляпу, накинула плащ и расправила платье.

Моя странная кожная чувствительность или внезапно возникшая склонность к галлюцинациям дала себя знать. Опять вокруг меня носился веселый рой снежинок, выпевая неслышную никому, кроме меня, мелодию. Снова в ушах грохотал, то на два тона понижаясь, то взлетая вверх, речитатив. Я еще раз на всякий случай оглянулась, чтобы проверить свои догадки.

И грустно покачала головой: «Поздравляю, Алиса! Теперь ты настоящая дипломированная сумасшедшая! Тебе всюду мерещится голос Занука?» — так вот же он! И его рот — обалденная новость! — закрыт. Это не мог твердить Занук.

А снежинки уже чудили вовсю — вокруг меня вращался настоящий буран. Искрились в лучах солнца бриллиантовые грани крошечных кристалликов, вокруг тела все толще и толще налипал мягкий уютный ком, который ассоциировался у меня с поддержкой и ласковой защитой.

Я проследила за перемещениями многоуважаемого учителя повторно. И...

Профессор тоже решил поучаствовать в культурном мероприятии и пополнить собственную коллекцию знаний. Он, бодро ковыляя, вылез из кареты. А поскольку маркиза все еще торчала в окне, то экипаж стал клониться на ее сторону.

Бум-бум-бум! — стучали невидимые барабаны. Напев перешел в крещендо.

— Черт! — заметила я надвигающуюся катастрофу и рванула на всех парах к карете.

Если сейчас маркизу придавит, то ее ни один доктор не спасет. Спасать будет просто нечего! Вряд ли доктор будет рассматривать в качестве пациента лепешку из аристократки.

Снежинки пели, ластились и толкали к действию.

Успела я вовремя. Пока наше транспортное средство раздумывало: сразу ему падать или немного покобениться, я повисла всем весом на дверце. Но силы были неравны. Омаль кормили лучше, и ее комплекция все же перевешивала. Красиво я сказала! Только что мне с того?

Я уж было собралась завизжать, как рядом со мной на дверце повисли Рауль и Лара.

В звуках речитатива появилось торжество. Снежинки... они будто радовались, что у нас никто не погиб.

У меня вырвался вздох облегчения.

Оказалось, преждевременно. Карета хорошенько подумала и... склонилась в нашу сторону. Ну, прям ей нейдет! Не может на месте постоять! Застоялась она, видите ли...

В это самое неподходящее время маркиза решила прекратить базарить и вернуться вовнутрь. Замечательное решение! Вот только нас она (маркиза) не предупредила, и экипаж накренился еще больше, но уже грозя погрести под собою нас.

Бум-бум-бум! Опять в моих ушах загрохотало совсем близко. Невидимый голос с натугой произносил одно только слово: «ДАЛТ! ДАЛТ!»

— Мама! — закрыла я глаза, прощаясь с жизнью. Только я могла избрать столь экзотический способ отбытия на тот свет. И чем им не нравилось болото?

Все внезапно стихло. Умолкли потусторонние звуки, снежинки исчезли, растворились в прозрачной вышине. Неужели они меня бросили?

К счастью, на том свете опасались заполучить меня в гости и одарили кое-кого из присутствующих исправно работающими мозгами и отменной реакцией. Герцог быстро сориентировался и попытался бережно отцепить мое высочество от кареты!

Ага! Как же! Сейчас!

У меня настолько свело пальцы от страха, что никакая сила в мире не смогла бы меня сейчас заставить их разжать. Карета продолжала крениться. Раулю не оставалось ничего другого, как схватить меня в охапку и с силой дернуть.

Теперь мы стояли втроем: он, я и дверца... и смотрели в окошко, как из проема выглядывает ошарашенная маркиза.

Только теперь в окружающую нас ватную тишину ворвались посторонние звуки.

— Ваше высочество, ваше высочество! — истошно вопил Занук Учила.

Еще что-то наперебой восклицали слуги, кучеры, охранники и рыцари, отправляясь в нашу сторону кто пешком строем, а кто и конным. Еще немного — и нас окружит толпа.

— Что случилось? — Голос Омаль перекрылся чудовищным треском, и карета здорово осела на один бок.

— Племянница! — не своим голосом заорал где-то сбоку Алфонсус. Мы с герцогом

повернулись в его сторону и весьма строго посмотрели на него в окно.

— Да? — поинтересовалась я, сдувая перья шляпы со взмокшего лица.

— Что случилось? — Этот вопрос уже выиграл приз и стал главным вопросом дня.

— Не знаю, — честно призналась я. — Кажется, что-то сломалось. Подержите, пожалуйста. — Я вежливо протянула «дяде» дверцу.

Удивленный граф дверцу взял, покрутил в руках и глубокомысленно сообщил:

— Похоже, там что-то сломалось.

— Вы потрясающе умны! — заметила я, заговорщицки переглядываясь с Раулем. — Никто из нас так и не догадался!

— Всегда кто-то должен взять на себя самое тяжелое! — поднял Алфонсус вверх указательный перст.

Это он имеет в виду меня? Так мне и на руках у герцога не кисло.

— Слуги! — завизжал «родственник». — Быстро сюда! Немедленно починить карету принцессы!

Понятно... Ну, кто-то должен и рукамиразводителем поработать... за неумением остального.

Герцог осторожно спустил меня с рук и тут же отошел в сторону, давая дорогу ломанувшимся ко мне горничной, маркизе и прискакавшим на шум фрейлинам. Дамы метались и прыгали вокруг меня, ощупывая, проверяя и удостоверяясь, что от принцессы ни одна деталь не отвалилась. Одна особо ретивая даже под юбку заглянуть умудрилась. Интересно, что она там искала? Заржавевший пояс верности с амбарным замком? Или террориста с бомбой в засаде? Причем полузадушенного террориста — ибо в корсете и таком слое юбок могу выжить только я и другие несчастные женщины. Мужчине это недоступно физически.

— Господин герцог, — пробила я себе путь локтями на свет божий, — вы что-то говорили о встрече на дороге?

— Да, нас ожидают члены городского совета, — подтвердил Рауль. — Но позвольте спросить: ваше высочество, вы в порядке? — Решительно тряхнул головой: — Если не так...

— Все в полном порядке, я ничуть не ушиблась, — поспешно успокоила серьезного красавчика, желая всем исстрадавшимся организмом вырваться из непомерно горячих и тесных объятий придворных дам, которые душили меня своей заботой похлеще анаконды.

Герцог поклонился и почтительно предложил руку, на которую я с благодарностью оперлась. Мы неторопливо пошли к голове кортежа, беседуя по дороге.

— Господин Рауль, подскажите мне, в чем заключаются мои обязанности, — попросила я, не желая попасть впросак и опозорить нацию.

— О, это несложно, — подбодрил меня мужчина. — Вы с легкостью справитесь. Просто примите у ратманов их дары и, отломив, отведайте чуть-чуть хлеба с солью и отпейте глоток вина. Этой оказанной милости будет довольно, чтобы городские жители чувствовали себя счастливыми.

— Хорошо. — Обязанности мне показались несложными, и я надеялась с ними без проблем справиться.

— Ваше высочество, могу ли я задать вам один не слишком тактичный вопрос? — произнес вдруг Рауль, искоса поглядывая на мою реакцию.

Я мысленно поежилась от чужой непредсказуемости, но что мне оставалось делать? Накладывать на всех обет молчания? А так хоть буду знать, какие брожения происходят

в народных массах.

— Попробуйте, — кивнула, про себя ожидая худшего. И дождалась.

— Ваше высочество, а этот звон от вас — это новая мода Глеховии? — немножко стесняясь и явно чувствуя себя неловко, спросил герцог.

А-а-а... э-э-э... если скажу — «да», к вечеру все звенеть начнут? И мне на стены лезть от бесконечного звона? А если «нет», то какой дурой буду выглядеть? Спаси господи!

— Это мои дары главному храму столицы, — выпалила я. — Пообещала, что доставлю на своей груди.

— Преклоняюсь перед вашим благочестием, — восхитился герцог, видимо, открыв во мне новые горизонты.

Вот тебе! Чтоб глупости не спрашивал! А то придумал, тоже мне. Может, еще демонстрацию белья... заграничного... всяким любопытным вроде нахального белобрысика устраивать? Чтоб слюной захлебнулся и помер. Впрочем, это уже не про меня. От Алисии в неглиже умирают только со смеху. Гарантированный способ убийства.

К счастью, отвечать герцогу не потребовалось — мы уже пришли к месту знакомства городских аборигенов с их будущей королевой.

Выглядело это... как забастовка рабочих на Восьмое марта с требованиями улучшить условия труда женщинам и увеличить зарплату мужчинам, то есть абсурдно.

Мало того что нам попросту нагло перегородили дорогу (вместо «ежей» горожане поставили телеги с волами), так еще и выглядело это... будто шоу по рекламе натуральных шуб. мех был везде: в качестве опушки камзолов и кафтанов, на оторочке плащей, на головных уборах... Мне стало жарко за всех горожан, вместе взятых.

В общем, меня встретила толпа горожан. Среди них резко выделялись священники в длинных рясах и почтенные бюргеры-ратманы, члены городского совета, одетые в широкие кафтаны средней длины (до колена) и штаны. Их одеяния из благородного бархата подчёркнуто скромных тонов — темно-коричневого, черного, серого, глубокого оттенка бордо весьма контрастировали с толстыми золотыми цепями на их плечах толщиной в мою руку и прочими золотыми веригами.

Всего ратманов было семь, включая главу. С ними же стояли судья и судебные приставы. Правда, без таких цепей, но в остальном одетые не менее торжественно. Все мужики относительно пожилые, за сорок пять, бородатые и с короткой стрижкой. Все с благородной сединой, сытые, лоснящиеся и... встревоженные. Непонятный страх и тревогу ратманы умело скрывали за усиленным подбострастием и слащавостью. Интересно, у них недостача обнаружилась? Или чем вызван такой страх?

Сначала после короткой паузы толстый ратман, местный глава Совета, вручил мне позолоченный ключ от города, не забыв задвинуть спич минут на десять (он хотел дольше, но кто ж ему дал!). Я не нанималась эту пудовую железяку на вытянутых руках держать.

Мне гантели всегда нравились лишь как средство остановки особо ретивых особей — бывало, уронишь на ногу в спортзале... И уже никто никуда не идет! Обычно после этого едут в больницу, в травму... с больной ногой и прикушенным языком. Но что-то я отвлеклась, а ведь хорошая мысль в голову зашла!

— Дорогой граф, — позвала я вездесущего родственника, даже не сомневаясь в его наличии и удивительной хм... «отзывчивости».

— Да, ваше высочество, — немедленно вылез вперед Алфонсус.

— У вас так хорошо получалось мне помогать, драгоценный родственник, — шкодливо улыбнулась я и церемонно всучила ему ключ. После этого благосклонно кивнула бургомистру и сказала: — Как изысканна ваша речь и благолепен язык, уважаемый! Продолжайте, я вся — внимание.

И началось... Бородатый бурдюк на тонких ножках обладал немалым даром красноречия. Его физия излучала золото фальшивой преданности, узкие губы изрыгали верноподданнические дифирамбы, а темно-карие, глубоко посаженные глазки горели фанатичным огнем царелюбия. Я аж умилилась: да такого бы в политруки в советское время — вся Европа давно лежала бы под нами!

Толпа встречала его перлы риторики торжественными возгласами. Я радостно кивала, украдкой поглядывая на краснеющего от натуги «дядю». Рауль прятал усмешку, наблюдая за нами. Все прекрасно провели время.

Потом ко мне с хорошо пропеченным караваем и серебряной солонкой на вышитом полотенце подступил красивый юноша в атласе и парче. Он сверкал подведенными глазами, извивался всем телом и так ко мне лип, что я уже испугалась: вдруг ночью сей «подарочек» обнаружится перевязанным праздничной ленточкой и голым в моей постели?

Меня вдруг пробило на «хи-хи». В некоторых странах принято на свадьбу дарить предметы из секс-шопа, как бы символизируя страстную семейную жизнь. Если это — средневековый заменитель вибратора, то я сейчас скончаюсь в конвульсиях от смеха.

Представляю себе картину:

— Принц, вы сегодня в настроении? — врываюсь в спальню я в пеньюаре.

— Нет, дорогая, у меня сегодня рыцарский матч по футболу, — заявляет супруг.

— Хорошо, дорогой, тогда я воспользуюсь подарком, — и выживаю из-под кровати скользкое сокровище. Интересно, благоверный меня сразу грохнет или сначала сам от удивления коньки отбросит?.. И хана футболу...

Мне так живо представилась эта картинка, что я чуть не опозорилась, заржав во все горло и потребовав сертификат качества на проверку работоспособности и стерильности.

Спасли только чересчур вонючие духи дарильщика. Я все же решила каравай взять, а прочее оставить на месте. А вдруг подсунут некондиционное? В таком важном деле следует сначала с мужем посоветоваться...

— Ваше высочество, примите от всего города этот каравай в знак нашей верноподданности! — орал бургомистр. — Всепокорнейше умоляем: не отвергайте наши дары! — И мне всучили ковригу, от тяжести которой я чуть не присела. Ни фига се, хлебушек!

Если честно, мне настолько заморочили голову, а свежеспеченный хлеб издавал столь дивный аромат, что я не выдержала и запустила зубы в пропеченную хрустящую золотистую корочку.

Лязг! И мои зубы попытались сменить место жительства — иммигрировать в каравай. Как-то я не ожидала найти внутри хлеба что-то круглое и металлическое. То ли у меня глаза на каравай вылезли, то ли зубы лязгнули очень громко, но мне на помощь поспешил герцог и освободил мое попавшее в капкан высочество.

— Кафой штранный флеб, — схватилась я за ушибленную челюсть.

— Ваше высочество, — наклонился ко мне Рауль, — это не хлеб, а специальный дар с золотом внутри. Его не кусают, а просто отламывают кусочек и демонстрируют щедрость города.

А раньше этого сказать было нельзя?! Я посмотрела на Силвермэна мягким укоряющим взглядом великомученицы и горестно промолчала. Но он и так все понял.

— Прошу прощения, — выступил вперед мой симпатичный сопровождающий, — ее высочество, принцесса Алиссандра, устали и хотят удалиться.

Пока Рауль спасал мое уставшее высочество, я продолжила разглядывать толпу.

Горожане одевались кто во что горазд. По большей части простой люд наряжался в

темные, приглушенные тона. Впрочем, были исключения. Богатые горожане и горожанки купеческого сословия, а также дворяне, напротив — били в глаза пышным великолепием. Прически, одежды, головные уборы — «кто в лес, кто по дрова». Столько экзотики, что одним заходом даже не опишешь. Скажу только: я вконец ошалела от этого разнотравья и еле вытерпела, когда вся эта привилегированная толпа получила доступ к телу и поочередно поспешила мне представиться, поклониться и элегантно приложиться к ручке, благодаря за оказанную честь и внимание.

— Скажите, герцог, это весь город ко мне приложился или мы еще кого-то забыли? — стенала я на обратной дороге, разглядывая зацелованную вусмерть припухшую конечность.

— Умоляю вас простить меня, ваше высочество, — винил себя Рауль. — Просто вас видят в первый раз и поэтому спешат выразить почтение будущей королеве. В следующий раз они, возможно, будут иметь счастье лицезреть вас лишь через несколько лет. Так что для них это большой праздник.

— Да? — мрачно удивилась я. — А для кого-то — суровые будни! И руку свою я больше не дам. В следующий раз поставьте государственный флаг рядом, пусть его целуют.

— Всенепременно, ваше высочество, — улыбнулся герцог, и меня чуть не ослепило его солнечной улыбкой.

Вот так за интересной беседой мы скоротали дорогу к моей карете. Экипаж стоял ровно, но вокруг столпились прочие члены нашего кортежа, которые за нами к горожанам не ходили.

— Что случилось? — задал вопрос дня герцог, вступая в ряды участвующих в лотерее — кто чаще задаст этот навязчивый вопрос в течение суток. Пока лидировала маркиза.

Один из рыцарей отвлекся от бессмысленного разглядывания моей перевозки, низко поклонился моей персоне и обратился к Раулю. Через меня!

— Ваше высочество, разрешите сообщить герцогу Силвермэну о том, что карета вашего высочества имеет явные следы попытки навредить вашему высочеству. Одна из осей была специально подпилена с целью лишить жизни ваше высочество. Да простит мне ваше высочество такую дерзость...

— Фразу откорректировать, повторы — вычеркнуть, — пробурчала я вполголоса.

На самом деле, к концу речи я озверела от «высочеств» и готова была приложить к вояке пострадавшую от любви горожан руку, чтобы, соответственно, тоже эстафетой передать ему, то бишь рыцарю, всенародную любовь во всей ее полноте.

Но только я открыла рот для произнесения второй части пожелания вслух, как нарисовался мой «дядя» с ключом и бургомистром на прицепе. Бургомистр умолял Алфонсуса вернуть ключ городу, а граф убедительно изображал глухонемого и пытался запрятать кусок металла куда подальше. Это у нас действительно семейное — ныкать все блестящее и дорогое?

— Граф! — (Ноль внимания.) — Милый дядюшка, ну зачем, зачем вам ключ? — вновь обратилась я к нему, отловив «родственника» на четвертом круге преследования.

— Это чистое золото! — трагически прошептал мне Алфонсус.

О, как! Это уже интересно! Да здесь минимум килограммов десять-двенадцать! И горожане это всем подержать дают? Наивные... тут вот такие забывчивые графы, понимаешь, шастают...

С трудом подавив алчное желание вступить в долю и потребовать себе девяносто процентов за «крышу», я велела:

— Дорогой дядя! Прошу, не позорьтесь и верните ключ городу.

Граф поломался, скорбно повздыхал, но аргумент во внимание принял и ключ обратно вернул, хоть и со слезами на глазах. Бургомистр по сему случаю возликовал неопишимо

и собрался вновь облобызать мою августейшую ручку. Я спряталась за подошедшего герцога и отмахнулась:

— Пустяки! Не стоит благодарности... но если о-чень хотите, то можете моего дядю, уважаемого графа, поцеловать за меня.

Бургомистр все принял за чистую монету и сгреб Алфонсуса в горячие объятия, выражая пламенную благодарность и какие-то еще, не менее жаркие, чувства... Кажется, верноподданнические. В общем, граф оказался занят на некоторое время.

— Итак, герцог. — Злая и утомленная принцесса вернулась к карете. — Если я правильно поняла, то кто-то испортил мой экипаж преднамеренно?

— Совершенно правильно, ваше высочество, — подтвердил Рауль. — И меня это весьма беспокоит. Если на этот счет нет возражений, то я займусь расследованием данного из ряда вон выходящего происшествия. Слава богу, вы не пострадали!

— Верите ли, я тоже рада этому обстоятельству, — заверила я герцога и полезла в карету. Ко мне тут же запихались все остальные, но приставать не решились. Видимо, уж очень у меня вид был отсутствующий...

Кортеж еще немного пошумел, поволновался и тронулся в дорогу. Наше путешествие продолжилось. За окном проплывали пастбища с сочной травой. Множество раз мы видели отары, которые без пастуха охранялись огромными пастушескими собаками. Но они смотрели на нас спокойно, с легким оттенком флегмы, и никогда не гонялись за королевским кортежем. Овцы для них важнее. Мохнатые «коврики» стерегут будущие шерстяные ковры. Идиллия!

Пару раз наш путь пресекали груженные воловь упряжки, мимо которых мы проносились вихрем. Один раз нас догнал фельдъегерь с каким-то важным поручением. Передал пакет Раулю и смылся.

Герцог внимательно изучил послание и подъехал к дверце (ее, слава богу, приладили на место!):

— Ваше высочество, мы немного изменим наши планы и заночуем не в крепости Капейлар, а в королевском замке города Купивода. Ваш муж присоединится к вам на месте.

— Замечательно, — порадовалась я. — А почему у города такое странное название?

— Ничего странного, — улыбнулся Рауль в ответ на мое удивление. — Это один из больших торговых городов. Существует поверье, что уроженцы это города могут продать даже воду.

— Продать можно, но кто ж купит? — пробурчала я.

— Уж такие они, ваше высочество, у них — купят! — заверил меня герцог Силвермэн и снова отъехал решать какие-то насущные дела.

День, достаточно насыщенный событиями, клонился к вечеру. Несколько раз мне предлагали остановиться и поесть, но мой аппетит где-то спрятался. Я ограничилась парой бутербродов с мясом, скормив остаток содержимого корзинки своим спутникам.

На закате наш кортеж подъехал к городским воротам. Стражников, видимо, уже предупредили о моем визите, и они стояли во фронт, сверкая начищенными доспехами. Сами ворота пестрели лентами, цветами и яркими полотнищами ткани.

Миновав въезд в город, мы покатали по колоритным средневековым улочкам и улицам. А вот тут нужно сказать особо. Когда я увидела столь знакомые по фотографиям старинной части Голландии, Германии и Бельгии сооружения, я долго вспоминала, как же называются эти дома.

Вспомнила! Фахверк.

Очень красивые и удивительно гармоничные фахверковые дома, где, на мой

современный взгляд, — все наоборот. Толстые деревянные балки, прямые и наклонные, видны снаружи, первый этаж по площади меньше последующих. Много высоких узких готических окошек с красивыми наличниками и со стеклами, иногда разноцветными, оплетенными мелкой свинцовой решеткой.

Как правило, неподалеку от таких городишек, которые располагались у подножия горы или холма, на вершине этого самого холма высились серые громады замков, в которых люди могли укрыться в случае опасности, оставляя врагу на разграбление свое нажитое имущество и жилища, но зато спасая жизнь.

И мои исторические знания не подвели. Чуть погода вся наша компания подъезжала к серому монументальному замку на горе. На самой высокой башне активизировался глашатай и пронзительно затрубил, оповещая замковый люд о нашем прибытии.

— Теперь все местные бездельники в курсе, что мы прибыли, — проворчала я, разминая затекшие конечности и морщась от несмолкаемого бреха псин всех размеров и мастей.

— Когда приезжает король, королева или их наследники, все обитатели замка должны быть оповещены сигналом трубача. Так положено, — сообщила мне маркиза, подавая знак Ларе начинать укутывать мое высочество в плащ. — И в королевском замке вас обязан у порога кареты встретить управляющий.

Наконец все приличия были соблюдены, и я вывалилась из кареты, опираясь на руку вовремя подоспевшего герцога. Перед тем из окна я увидела, как герцог что-то раздраженно втолковывал незнакомому мужчине в черном: возможно, тому самому только что упомянутому управляющему. Тот хмурился, роняя слова скупно и озлобленно, словно отчаянно обороняясь.

На минуту мне показалось, будто на заднем плане слуги пронесли кого-то в портшезе. Какой странный замок, однако... больше полевой военный лагерь напоминает. Холодный ветерок дурного предчувствия обдал мою спину.

Да... заманчивой эту обитель не назовешь.

— Рад вас приветствовать, ваше высочество! — бодро отрапортовал управляющий, действительно ожидающий меня прямо у кареты. Красивый тридцатипятилетний мужчина с бородкой, кареглазый шатен немалого роста с мелодичным голосом. — Меня зовут Адлен Кусюкюсяр, виконт Тулийский.

— Титул вежливости, — шепнула мне на ухо маркиза. — Он младший сын, на земли претендовать не может.

С ума сойти! Еще один образчик породы. Они что, две тыщи лет селекцию проводили, чтоб разводить подобные экземпляры? Дайте мне отщипнуть кусочек!

У виконта на руке блеснуло кольцо, и я немного успокоилась. Он женат, наверно.

Управляющий отдал распоряжения слугам, а сам вежливо, но непреклонно повлек нас через мощный камень плац к центральному входу. Занук отстал и смиренно последовал на большом отдалении, а потом и вовсе... свернул к черному ходу и скрылся.

— Скажите, господа, — поинтересовалась я, меланхолично разглядывая пристанище на одну ночь, — почему нас не встречает мой супруг?

Ш-ш-ш... — опять внезапно отдаленно погладило меня что-то вдоль позвоночника. МАМА! Неужели снова?! Но снежинки, или предчувствие, замолчали.

— Возможно, он еще не прибыл, — попробовал выгородить сюзерена Силвермэн. Управляющий отвел глаза, но смолчал.

— А мне кажется — кто-то меня обманывает, — насмешливо хмыкнула я и кивком головы указала на конюха, выгуливающего белого жеребца принца.

Управляющий подавился очередной куртуазной фразой. Герцог немного смутился:

— Вероятно, вашего супруга задержали какие-то важные дела.

Управляющий опять промолчал.

— Тогда войдем и посмотрим, какие столь важные дела могли задержать моего мужа и заставили забыть о правилах приличия.

Я собиралась поиграть в интересную и захватывающую игру «Кто не спрятался, я не виновата!».

В просторном холле нас встретил важный дворецкий, склонившийся в подобострастном поклоне, и целая когорта слуг, замерших в почтительном ожидании.

Пройдя вдоль шеренги и милостиво покивав основным фигурам хозяйственной части: шеф-повару, экономке, старшей горничной, главному конюху, еще кому-то... тоже главному, я задала управляющему интересующий меня вопрос напрямую:

— Благодарю за радушный прием. А теперь не подскажите, где мой супруг?

Мне показалось или дядечка вновь смутился? О, как! Однако славно мой благоверный отдыхает от трудов праведных, пользуясь отсутствием супруги.

— Не желаете ли освежиться с дороги, ваше высочество? — влез в разговор Рауль. Управляющий воззрился на герцога, как на последнего спасителя человечества. Даже дышать перестал.

— Успею еще. Спасибо за трогательную заботу, герцог, — сощурила я глаза, отчетливо давая понять — отвлекающий маневр замечен.

— Итак, — повернулась снова к пытаемому, — где мой супруг? Я хочу его видеть.

— В кабинете, — засмутился управляющий и снова поменял окрас. Просто хамелеон какой-то!

— Ведите, — непреклонно сказала я, скидывая на руки подросшим горничным плащ. Отмахнулась от Лары, пытавшейся пригрести себе мою шляпу. Мне это как раз сейчас было невыгодно, потому что в этом фетровом сооружении с перьями я смотрелась выше и солиднее.

И меня повели по лабиринтам переходов местные Сусанины. Каблочки цок-цок, перья — прыг-прыг, все монотонно куда-то движется. И движется. И движется...

Что могу сказать... Только одно! Рассеянность — враг мой. На восьмом повороте я все-таки заподозрила неладное. Доспехи, стоящие рядами в гулком пустынном коридоре, все были на одну, простите, морду. Как и гигантские напольные вазы, понатыканные, где попало.

Но вот картинки на стенах висели разные! Ага.

Проплывая третий раз мимо одного и того же бородатого дяденьки впечатляющей наружности, завернутого в мохнатую шкуру животного, задала один насущный вопрос, который не преминула вынести на всеобщее обсуждение:

— Почему мы петляем, как вусмерть пьяная змея? Или вы решили меня заодно и выгулять?

— Ну что вы, ваше высочество, — попробовал увильнуть от заслуженной расправы Кусикусяр, нервно передергиваясь и вихляя всем телом. — Мы следуем в кабинет...

— Серьезно? — подняла я брови. И удовлетворенно улыбнулась, словно хищница, играющая с предметом охоты: — Тогда почему мы это делаем через столицу?

— Ну что вы, ваше высочество, — не ко времени взыграла мужская солидарность у Рауля. — Просто...

— Просто тут кто-то очень много нагло врет! — отрезала я.

И пристально посмотрела на Рауля, отчего он отвел глаза и сосредоточенно начал разглядывать окружающий нас интерьер. Вот гад! А еще таким симпатичным казался...

Обратилась к маркизе:

— Омаль, сколько раз ты видела этот портрет?

— Два... или три раза, — засомневалась статс-дама. — Но я не уверена...

— Больше, чем один? — перебила я ее.

— Да! — уже не сомневаясь, твердо и уверенно. Настоящий солдат моя Омаль, куда там некоторым.

— Замечательно! — удовлетворенно кивнула, создав перьями освежающий ветерок. — А лично мне этот мужчина вообще уже как родной!

— Безусловно... Теперь — родной! — попытался увести разговор в сторону герцог. — Это же один из основателей династии!

— То-то я смотрю, как на принца, моего супруга, похож, — сладко пришепетывая, перебила я Рауля, цепко разглядывая маленькие глазки и нос крючком на половину физиономии. — Прямо одно лицо!

Омаль закашлялась, мужики стыдливо потупили глаза.

Я победно улыбнулась. Еще бы! Физиономия та, скажу я вам... харя — три дня на тракторе не объедешь. И если взять за основу, что живописцы обычно льстили своим венценосным моделям, то как же этот мужик при жизни выглядел? Жуть небритая!

Потом все почему-то уставились на портрет, мучительно выискивая знакомые черты, и как-то по-особенному взгрустнули. Не поняла? Им вот этот амбал нравится??! Мдя-я-я... над развитием вкусов средневековых гомо сапиенсов мне еще работать и работать!

— Итак, господа хорошие! — решительно прервала затянувшуюся паузу. — Где здесь кабинет? Предупреждаю! Сами не покажете — приму крайние меры, которые действительно будут крайними... но без края!

Угу! Внушительно получилось! Особенно вкупе с разбитой вазой, по которой я кулачком звезданула в подтверждение своих серьезных намерений. Забыла, что в ручке металлический веер зажат и кольца вместо кастета на всех пальцах.

Кто ж знал, что этот хрупкий предмет искусства возьмет и развалится на куски, пропев мелодичное «Дзинь!».

Господин Кусюксяр душераздирающе вздохнул, страдальчески понурил голову и без дальнейших возражений провел меня в кабинет, оказавшийся в нескольких шагах. Благоразумный Рауль туда даже не сунулся. Маркиза тоже, видимо, решила погодить. Уже на подступах мне послышался игривый женский смех.

Так-так... Чем бы мне придать себе солидности?

Осмотрела окрестности. Мне весьма приглянулся симпатичный трезубец на соседней стенке с портретами и коллекцией оружия. Класс! Два удара — и шесть дырок гарантированы! Какая экономия труда!

Естественно, мимо такой изящной и остро полезной в хозяйстве вещицы я спокойно пройти не могла. Резная костяная рукоятка удобно легла в ладонь. Правда, немного пострадала старинная дубовая панель, из которой я трезубец варварски выковыривала, и сами крепления, но то уже ерунда. Мелочи жизни.

Управляющий поднял руку, чтобы постучать, но я строго покачала головой, выразительно поигрывая новым приобретением. Видимо, глаза у меня светились нехорошим огнем, потому что мужчина сменил цвет лица на пепельно-серый и поспешно отошел в сторону, повинувшись моему жесту и давая дорогу.

— Здравствуйте, ваше высочество, любимый и дорогой супруг! — пнула я ногой дверь, заваливаясь в кабинет. Матиас, углядев меня всю из себя сказочно добрую, безмерно красивую и еще и в шляпе, спихнул с коленок жгучую брюнетку в шикарном темно-

синем бархатном платье с расшнурованным лифом... И вроде как застеснялся.

— Здравствуйте, ваше высочество, — все же сумел выговорить муж, быстрыми движениями приводя себя в порядок. — Вы уже приехали?

— Как видите, — широко улыбнулась в ответ. — Не представите? — И указала трезубцем на даму топлесс с зеленым от страха лицом. Сегодня все хамелеонят! Это моровое поветрие или вредные погодные условия, что мимикрия вошла в моду?

— Баронесса Сексилия Давалия Поскакунь, — вспомнил о правилах хорошего тона супруг и поднялся, приветствуя меня.

— Как-кое неожиданно приятное знакомство! — пропела я, подходя к столу, накрытому на двоих, и элегантно жестом накалывая одиноко лежащий персик на трезубец.

Зажигательная Давалия — девица с модельным личиком и ярко-алыми призывными губами, тоже слегка очухалась и попыталась сделать глубокий реверанс, приветствуя будущую королеву.

Удалось ей это из рук вон плохо — ноги, скорей всего, были слабоваты в коленях (это и неудивительно. Судя по фамилии, колени у нее встречаются друг с другом довольно редко!). К тому же из корсета выпала грудь. И баронесса попала в двойственное положение. С одной стороны, она не могла встать из реверанса, пока я ей этого не позволю, а с другой — всю светила обнаженной грудью, а это совершенно недопустимо и считалось прямым оскорблением королевской особы.

— Странная при вашем дворе мода... — непритворно удивилась я, снимая персик и указывая трезубцем на даму, готовую провалиться сквозь пол. — Так и простудиться недолго. Хотя... весьма удобно... сразу товар лицом, так сказать. Надо будет попробовать...

— Не вздумайте! Это весьма неприлично, — замечательно в тему высказался принц, продвигаясь к своей фаворитке и пытаясь ее частично прикрыть.

— Вот как? В самом деле?.. Что вы говорите! — удивилась я, небрежно помахивая горячо полюбившимся мне трезубцем. — Надо же! Значит, ваша знакомая сознательно решила меня оскорбить?

— Ваше высочество. — Минуту спустя Матиас вспомнил, что главный тут он, и попытался овладеть ситуацией. — Мы сейчас все обсудим! — И тут же своей фаворитке: — Баронесса, вы свободны.

Мадама подскочила как ошпаренная, мигом запихала все свое обширное богатство обратно и по стеночке, на полусогнутых, удивительно шустро вымелась из кабинета.

— Пока! Свободны. Пока... — оставила я последнее слово за собой, провожая соперницу ласковым до жестокости взглядом.

— Присаживайтесь, — подвинул мне стул принц.

— Как вы радушны к дамам! — едко заметила я, усаживаясь и обмахиваясь трезубцем. Веер он заменял скверно, но заметно поднимал настроение.

— Мадам, поделитесь секретом, где вы это взяли? — проявил некоторый интерес богоданный супруг, наливая вино в два высоких хрустальных бокала и откидываясь на спинку кресла.

— Да тут, неподалеку, — радостно поведала я благоверному, с нескрываемым удовольствием играя роль нежной супруги, которая воодушевлена и гм-гм... исполнена неземным восторгом при виде неверного супруга. — Вот, сувенирчик на память приобрела. Вам нравится?

— Прекрасный выбор, — одобрил Матиас, подавая мне бокал. — Я и сам бы не отказался.

— Надеюсь, бокал чистый? — засомневалась я, подозрительно рассматривая стекло на свет. — А то, знаете ли, в нынешнее время так легко обзавестись чем-то ненужным!

— Не сомневайтесь, — заверил меня принц, — за этим очень строго следят.

— За чем именно? — удивилась я. — За распространением чего-то ненужного и направлением этого в правильную сторону?! Как заботливо!..

— Нет, ваше высочество, за чистотой посуды, — уселся муж в кресло напротив. — Итак, вы хотели со мной поговорить?

— Разве? — продолжала валять ваньку. — Вам показалось...

— Зачем же вы здесь? — не отставал благоверный, попивая вино и разглядывая меня, словно необычное насекомое. Так и виделось в его глазах, как он мечтает прищипить одну неугомонную особу к определенному месту. Но я-то не лыком шита! И булавок у меня припасено гораздо больше!

— В смысле, зачем я помешала вам развлекаться? — спросила напрямую, сощуриив глаза до состояния отверстий амбразур и наведя на цель.

— Можно и так сказать...

Надо же! Бесстыдство просто прет как на дрожжах! Ну, ничего... мое будет сверху.

— А чтоб вам праздник тела испортить и устроить себе праздник души. — И, заметьте, ничуть не соврала!

— Как это мило с вашей стороны, дорогая! — И ручки свои шаловливые к моей шее протянул.

— Безусловно! Я неустанно забочусь о вас, — согласилась я, аккуратно отодвигая трезубцем шаловливую конечность. — Обращайтесь, если что. А сейчас мне пора. Устала очень, нагулялась... по коридорам. Хочется, знаете, с дороги освежиться.

— А раньше не хотелось? — И кто ж тебя, зар-раза, за язык дергал?

— Не посетив перед тем супруга? Как можно?! — Угу. Меня за язык тянул тот же самый зловредный элемент. — Я спокойно существовать не смогу, пока вас покоя не лишу, ваше высочество! — И гордо вышла за дверь, дирижируя себе трезубцем, как жезлом на параде.

А за дверью меня ожидали все те же сопровождающие лица, но с разными выражениями физиономий. У Омаль неопишное — «умри, несчастная паскуда!», у Рауля задумчивое — «куда, куда, вы удалились?», а у Кусюксыра самоубийственное «паду ли я, стрелой пронзенный, иль мимо пролетит она?».

— Тут ненароком никто не пробежал? — на всякий случай поинтересовалась я, мельком оглядев задумчивое трио.

— Хм... (неразборчиво.) Д-дама!!! — прошипела маркиза, кивая в сторону, куда фаворитка удалилась. Ее лицо выражало пламенное и неподдельное желание догнать, наказать, еще раз наказать, потом еще раз... А то, что осталось — отпустить...

— Что ж не пристрелили? — удивилась я. — Разве сезон охоты закончен? В следующий раз разрешаю всяческих трепетных ланей отстреливать без предупреждения!

— А-а-а?.. — неуверенно вступили в разговор мужчины, видимо, все еще удерживая перед глазами трепетный образ полуобнаженной красавицы.

— Господа, проводите меня в мои покои, — приказала, переглянувшись с маркизой и рассудив, что затмить красотку не удастся, даже если мы с Омаль сложим свои прелести вместе.

Управляющий наконец-то вспомнил свои нехитрые обязанности и с видом идущего на эшафот повел нас дальше по коридору. Нас — это меня и маркизу. Рауля мы отлучили от своей августейшей особы и отправили в группу поддержки принца — отвлекать огонь на себя. Маленькая, но приятная месть за обильное слюноотделение.

В отведенной мне спальне, как две капли воды похожей на предыдущие (только мебель

из другой породы дерева! Это жадные аристократы на дизайнере сэкономили. Ага. Взяли одного в складчину. Он им и наделал однотипных проектов!), меня наконец-то разоблачили, помыли и дали пошататься по комнате в сорочке и халате.

— Омаль, — обратилась я к статс-даме шепотом, делая умоляющие глаза, — давай скажем, что я плохо себя чувствую, и поужинаем здесь, а то мне так лень снова на себя это напяливать, куда-то тащиться, улыбаться. Ну, давай!..

— Ваше высочество, — громко сказала маркиза, — как вы себя чувствуете? — И показала мне глазами начинать изображать умирающего леб... воробья.

— О-ой, мне дурно, — простонала я, падая в кресло и прижимая ко лбу тыльную часть ладони. Играла я хорошо, со знанием дела. Со стороны я выглядела похудевшим Карлсоном, умирающим от любви к сладкому.

— Ах, ваше высочество! Ваше высочество... — закудахтали фрейлины, носясь вокруг бестолковой стаей куриц и суетливо мешая друг другу. Так, эти дурищи два раза не донесли до меня воду, столкнувшись. Третий раз донесли — и вылили мне на халат по той же причине! Четвертый... я встала и налила себе воды сама, обведя всех взглядом больной собаки и заявив:

— Я тут немного полежу, пока вы меня заботой не угробили, а вы сообщите его высочеству, что нынче мне нездоровится и мы встретимся только утром за завтраком.

Фрейлины поприседали и вымелись во главе с маркизой — сообщать принцу радостную весть: сегодня царственный супруг меня не увидит! Представляю, как он обрадуется!

С этой мыслью я заползла под одеяла, вытянулась на чистых простынях и тихонько уснула. И уже не слышала, как принесли ужин. Как Лара заботливо поправила мне сбившееся одеяло, а Омаль сделала надо мной отвращающий беду знак. Я спала как младенец...

Шр-р-р! Шр-р-р-р!

— Еть вашу!

Шр-р-р! Шур-р-р! Шр-р-р!

— Епишкин маг!..

Я открыла глаза и сначала не поняла, откуда доносятся разбудившие меня звуки. Села на кровати, потрясла головой, просыпаясь, и прислушалась.

Шр-р-р! Шр-р-р! Шр-р-р! Бу-бу-бу!

Звуки доносились от входной двери. Странно...

Я сползла с кровати, захватила свечу, горевшую на ночном столике, и осторожно, на цыпочках подкралась к двери.

— Какой муда... муж... мученик сделал дверь без ручки? — пробормотал хорошо знакомый бархатистый голос, но... почему-то он слышался в районе пола. Ничего не понимаю!

Пожала плечами, послушала возню за дубовой створкой и... распахнула дверь.

На пороге сидел принц и страстно лапал дверной косяк.

— Ваше высочество, — присела я на корточки, — вы что-то ищете?

— Вы не скажете?.. — задумался Матиас, что он забыл спросить. — Вы не скажете, как...

— Как пройти в библиотеку? — подсказала я и начала прозревать, учуяв ядреный выхлоп алкоголя.

— Да! — обрадовался муж, поднимая на меня абсолютно незамутненные интеллектом глаза, в которых плескалось не меньше пары бутылок крепкого вина. На каждый глаз.

— Поня-ятно, — констатировала я третью степень опьянения. Это когда жене говорят: «Ну, еще по одной пропустим — и пошли по бабам!»

— А зачем мне в биоб... бимл... Черт! Слово какое дли-и-иное! Туда мне зачем? — глубоко задумался муж.

— Не знаю, — уселась я рядом, пристально разглядывая нежданно-негаданно подползшее сокровище и раздумывая, что мне с ним делать. В дело не употребишь... где его спальня — я не знаю... Придется применить валовой метод и докатить мужа до кровати, а то перед всем дворцом опозорит, ручку искавши не в том месте. Потом вдруг ему ножку приспичит поискать... Пусть уж лучше под моим присмотром научные открытия делает, Мичурин!

— «Дай, Джим, на счастье лапу мне», — протянула я руку любезному супругу.

— А? У? — никак не мог взять в толк изрядно «подогретый» Матиас, чего от него хотят. — О! Чего дать?..

— Уже ничего ты дать не можешь. Гм, как и взять... — Открытие предсказуемо, но неприятно.

— Почему это? — бурно оскорбился принц и попытался встать и немедленно доказать обратное. Но, видимо, я по неопытности ошиблась с определением стадии опьянения, потому что мне сейчас наглядно демонстрировали шестую: асфальт вдруг подпрыгивает и больно-больно бьет по лицу. Вместо асфальта здесь был паркет, и Матиасу повезло с заботливой женой. Я метнулась стрелой и принесла подушку, каждый раз шустро подкладывая ее на то место, куда благоверный норовил улечься.

Мы где-то с полчаса поиграли в народную игру «ванька-встанька», пока ненаглядному не надоело. Дальше ему пришло в голову слегка вздремнуть на моем пороге на моей подушке. Мало того, одной подушки ему показалось мало, и он проявил настойчивость. То бишь, не слушая моих протестов, облапил и подтащил к себе, после чего комфортно расположился прямо на моих коленях, посетовав:

— Жестко!

— Сейчас будет жестоко! — не на шутку обиделась я и скинула чью-то разудалую головушку на пол.

— Больно! — потеряла затылок жертва неумеренности и довольно резво поймала меня за ногу.

— Зачем ты меня тащишь? — удивилась я, отпихиваясь второй ногой. Но вторую конечность тоже поймали и все же подтянули к себе и зажали в железном захвате.

— Дать! — ответил принц, сосредоточенно крутя меня в руках. — Или взять?..

Е-мое! Не муж, а прям Гамлет какой-то: «Быть или не быть? Пить или не пить?» За что мне такая судьбинушка, а?

— Определись сначала, жертва виноделия, а потом руки распускай! — Я отчаянно сопротивлялась игре «Кубик Рубика».

— Имею все права! — О, как!

— А где ты был в первую брачную ночь? — вызверилась я, пытаюсь разогнуться и отталкивая руки мужа, который, судя по всему, искал мягкие места, но взамен постоянно кололся о выступающие кости.

— В кровати! — уверил меня благоверный.

— Чудно! — порадовалась я за него. — А что ты там делал? Носки вязал?

— Ничего. — Увлекательная игра в анатомию человека продолжалась. Мы уже изучили скелет и сейчас ускоренным темпом исследовали мышцы и кожный покров.

— Вот, именно, что ничего! — продолжала я злиться на абсурдность ситуации. — А

сейчас я не могу, мне столько не выпить!

— Почему? — изумился Матиас и даже прекратил познавательную экскурсию.

— Почему выпить или зачем выпить? — уточнила, упираясь ему в грудь.

— Зачем, — выбрал муж и легко сломал мое сопротивление.

— Затем, что если ты столько вылакал, чтобы ко мне прийти, то я хочу быть в таком же состоянии, чтобы тебя видеть. — Я уже подумывала прогрызть путь наружу.

— Все настолько плохо?.. — Мне сосредоточенно заглядывали в декольте, кося лиловым глазом.

— Угу, — подтвердила я, высвобождая руки и запахивая ворот ночнушки.

— Я твой муж, — напомнили мне.

— Да ты что! — восторженно гаркнула я, рассерженно глядя на качающего права принца. — Спасибо, что напомнил!

— Пожалуйста, — радушно ответил супруг, уползая со мной вместе в глубь комнаты.

— Прекращай дрейфовать! — Я отчаянно боролась за свою свободу. — Я тебе не полярник, ты не льдина! И я замерзла!

— Ну, видишь, как ты ошиблась, — с ласковым укором заметил супруг, бороздя просторы комнаты и уверенно держа курс к кровати. — Если замерзла, то...

— То ты гибрид ледокола и айсберга! — Терпение никогда не было моей сильной стороной.

— А вот и не угадала! — заржал сегальский жеребец... нет! — лось, и шустро пополз к спальному ложу, прижимая меня к себе, словно обезьяна банан. Я висела на нем, вцепившись всеми четырьмя конечностями, и мечтала о том, чтобы большой и вредный макак превратился в милого пушистого кенгуру с мягкой, а главное — теплой сумкой, в которой можно отогреть мои ледяные ноги.

В конце концов, моему основательно перебравшему супругу надоело ползти на боку, сражаясь со мной и с внешней опасной стихией в виде пушистого ковра, задерживавшего наше перемещение. Он отряхнулся мокрым псом и встал на четвереньки. И закинул меня себе на спину. Это как называется? «Но, моя лошадка?!» «Привет, галюники?!»

Я уселась на широкой спине, сложив ноги по-турецки, и с удовольствием продекламировала:

— «Я люблю свою лошадку, Причешу ей шерстку гладко, Гребешком разглажу хвостик, И верхом поеду в гости».

— Какие гости? — пропыхтел муж, почти достигая кровати и от этого начиная двигаться стремительнее. Ну, конечно — любой конь домой резвее бежит!

— Ты беги-беги, на мелочи не отвлекайся, — посоветовала я, горестно раздумывая о своей непутевой судьбе. Может, стоит кого-то на помощь позвать? Ага. И опозориться самой, и этого алкаша титулованного тоже под монастырь подвести.

— Матиас, — позвала я, отвлекая мужа, в экстазе созерцавшего разобранную постель, но никак в пылу движения не соображающего, как же туда попасть. — Ты в монастырь хочешь?

— Не-ет, — мотнул головой конь мой черногривый.

А, вот! Вспомнила:

«Эх вы, сани, сани! Конь ты мой буланый! Где-то на поляне клен танцует пьяный. Мы к нему подъедем, спросим — что такое? И станцуем вместе под тальянку трое».

И с горя сообразим на троих. Благо нас тут уже трое. Если кто не понял, то третьей — белая горячка моего принца.

— Жалко, — пробормотала я, имея в виду — не подумайте плохого! — монастырь, и с удовольствием перебралась на постель. А муж так и остался на полу. У него овес, наверное, закончился. Или бензин.

— Хочешь, я сделаю тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться? — Эта фраза из «Крестного отца» мне всегда нравилась. Я просто мечтала ее употребить! И вот дождалась своего звездного часа. Правда, собеседник у меня скорее на собутыльника похож, но кто ж обращает внимание на подобную ерунду!

— К-какое? — заинтересовался супруг и засверкал глазами из окопа.

Я даже умилилась. А потом оскорбилась и серьезно разобиделась. Вот такая гремучая смесь получилась. А что, ко мне только подшофе можно приходиться? А трезвым — слабо? Или такие подвиги из категории очень опасных и королевским особам запрещены, потому что приравниваются к самоубийству?

— Вали отсюда! Быстро! — заявила я.

— И это предложение? — обиделся Матиас. — Ты не политик. Это прямая угроза.

— Да хоть кривая, — надула я губы. — Ты чего сюда приперся? Иди куда шел!

— А я забыл, куда шел, — хохотнул муж и вдруг завалился ко мне под бочок. — Да какая разница! Здесь тоже кровать есть, и ты моя жена...

— Ух ты! У-узнал, — съязвила я, выкручиваясь из-под тяжелого тела. Но меня облапили, прижали к себе, сложили на меня еще и необъятные ноги и... мирно захрапели на ухо.

«Дай, Джим, на счастье лапу мне, Таковую лапу не видал я сроду. Давай с тобой полаем при луне На тихую, бесшумную погоду...»

— процитировала я Есенина, «Собаке Качалова», посмотрела в окно, извернув под невозможным углом голову. Углядев луну, вдохнула и завывала от злости и тоски: — У-у-у!

— Не шали, а то не дам косточку, — погладили меня по голове одной рукой и похлопали по копчику другой. Захотелось клацнуть зубами и укусить. И почему мужчины потом удивляются, откуда берутся злобные цепные суки?

Испробовав всевозможные способы борьбы с пьяными мужьями, в неравной схватке сломав два ногтя и безрезультатно перекусав весь камзол, я успокоилась. Спустя какое-то время пригрелась и уснула.

Наутро...

— О-у-у! — раздался жалобный стон у меня над ухом. Я похлопала рукой в направлении звука, ища противный будильник. Рука надела теплый, но больно колющийся объект.

— Прекрати, — заявил мне «будильник», чем привел в сильнейшее изумление. Приоткрыв один глаз, я увидела страдающие фиолетовые очи, вззирающие на меня со всей мукой похмелья. К ним прилагались в комплекте: нежно-салатовое лицо, натуральное воронье гнездо на голове и запекшиеся губы. Ну, про то, что физиономия Матиаса была запухшей, как ведро, я вообще не упоминаю. Само собой. Глазки как щелочки.

— Плохо? — поинтересовалась в порыве сострадания, на минуту забыв о нанесенных мне вчера обидах и даже готовая отправиться на подвиг добывания рассола в столь ранний час на кухне.

— О-очень, — простонал муж. — А как я тут оказался?

Сострадание улетучилось, тончайшей дымкой взмыв к небесам. Зато проснулась злость и уперла руки в бока.

— Сам вчера пришел, — отползла я в сторону и прикрылась одеялом.

— Зачем? — Интересно, удар в глаз лечит от похмелья или только мозги прочищает?

— Откуда я знаю, — фыркнула я, насупив брови. — Ты меня в известность не ставил, когда под дверью подкоп устроил. Пришлось тебя пустить, пока до подвалов не докопался.

— Понятно, — простонал наследник престола и попытался оторвать голову от подушки. Я со скрытым злорадством наблюдала за бесплатным цирком.

— Что тебе понятно? — не удержалась от вопроса, но попыток помочь и облегчить состояние страждущего пока не предпринимала.

— Все, — очень абстрактно ответил супруг, потирая то, что вчера было лицом, взмокшими ладонями.

— Восхитительно! — заверила его я. — А теперь соскребай пропитавшиеся вином мощи с моей постели и уматывай, а то скоро сюда мои фрейлины придут. Не хочу потом краснеть за такого мужа.

— Не могу, — застонал мученик. — Голова чугунная...

— Не вижу проблемы, — не сдавалась я. — Это твое обычное состояние, как выяснилось.

— Злая ты, — пожаловался Матиас.

— Вот и уходи от меня, — держала оборону до последнего патрона.

Муж собрал себя из обломков былой жизнерадостности и кое-как понуро сполз с койки. Пошатываясь, на ходу поправил одежду и вдруг спросил:

— Ты не в курсе, почему я такой... э-э-э... мятый?

— В курсе, — заверила рассерженная супруга. — Я тебя мусолила в порыве страсти!

— О! — Щелочки от удивления приняли почти нормальный размер. И наследник поспешил убраться, но не успел, столкнувшись в дверях с Ларой и Омаль, пришедшими пожелать мне доброго утра.

Девушки переглянулись и присели — кто в книксене, а кто и в реверансе. Матиас кивнул и свалил, стесняясь своего внешнего вида.

— Ваше высочество, — спросила маркиза, когда к ней вернулся дар речи, — а что с вашим мужем?

— Вот так, девочки, выглядят муки совести, — пожала я плечами.

— Очень извиняюсь, — задумчиво сказала Омаль, в то время как Лара помогала мне с умыванием. — Но я никак понять не могу — это муки такие страшные или совесть, раздутая до невозможности?

— Это, солнце мое, ему воочию привиделась жена в роли карающего ангела, — пояснила я свою мысль и занялась чисткой зубов, когда меня настиг следующий вопрос статс-дамы:

— Тебе его совсем не жалко? — «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется, — И нам сочувствие дается, Как нам дается благодать...»

— заявила я, когда откашлялась, подавившись зубным порошком. — На меня пока еще благодать не снизошла — поэтому пусть пощады не ждет!

— Как вы красиво сказали, ваше высочество, — растроганно всхлипнула горничная, подавая мне узорчатое цельнотканное полотенце.

— Про благодать? — уточнила я, утираясь.

— Про пощаду, — еще раз хлюпнула носом Лара. — Это так трогательно и трагично одновременно.

— Лара, не экзальтируй! — предупредила я. — Трогать мы ничего не будем, там мадам Секселия все до нас уже неоднократно потрогала. Хотелось бы сначала удостовериться в чистоте... м-м-м... помыслов.

— Как скажете, ваше высочество. — Горничная начала натягивать на меня симпатичную амазонку глубокого зеленого цвета, с изысканной вышивкой по подолу и золотистым кружевом на рукавах и вырезе. Волосы мне уложили в высокую прическу, скрепив кучей шпилек, припудрили носик и вытащили в коридор.

Там меня уже давно ожидал мой женский батальон, немедленно взявший тело принцессы в окружение и под пристальное наблюдение. В таком благоухающем разными духами, мило щебечущем цветнике я прибыла в столовую, где уже маялся тяжелой головной болью законный супруг, сидя за столом и вяло ковыряясь в тарелке.

Будет знать, как в непотребном виде по коридорам шастать!

— Что у нас на завтрак? — спросила я жизнерадостно, при этом жестами красноречиво намекая супругу, что неплохо бы встать и подвинуть мне стул. Матиас желчно скривился, всем видом демонстрируя, какая я жестокая и бессердечная — заставляю его шевелиться, когда он чуть ли не при смерти. Но потом встал и, скрипя зубами, оказал мне необходимое по этикету внимание.

В этот раз мы в столовой присутствовали не одни. Помимо его кавалеров и моих фрейлин, в зале замерли и ели нас глазами еще несколько придворных. Оу! Среди них оказалась и вчерашняя фаворитка. Я чуть не мякнула от радости. Нарисовался второй кандидат на мое справедливое возмездие.

— Ваше высочество, — тихо спросила я, наклонившись к принцу, — вы когда вчера пили, то случаем ничего не пропили?

— Не понимаю, — отозвался благоверный, стеклянными глазами уныло глядя в тарелку.

— Сейчас объясню доступным вашему пониманию языком, — заверила его я и помахала рукой. Одна из фрейлин резво подскочила к столу и, присев, преподнесла мне трезубец. — Почему я должна терпеть присутствие вашей... гм, дамы?

— Вы о чем? — попытался увильнуть от ответа негодник.

— Ваше высочество, — сдвинула я брови и крепко зажала в кулачке трезубец. — Смиренно прошу вас — не доводите до греха! Я ведь могу и жестами объяснить! А мне всегда отлично удавалось метание предметов в удаленную мишень.

Меня поняли.

— Прошу всех покинуть столовую, — провозгласил Матиас, морщась от боли. — Мы примем всех позднее!

— Вместе! — добавила я, глядя на Секселию и любовно поглаживая трезубец.

— Приема сегодня не будет! — передумал наследник, уловив мой боевой настрой.

— Зря! — ласково пожурела я супруга. — Никогда не откладывай на потом то, что можешь с чистой совестью изгадить сегодня.

— Ваше высочество, давайте завтракать, — страдальчески сморщился Матиас и мрачно уткнулся в свою тарелку. Цвет его лица приближался к белизне батистовой рубашки, выглядывающей из-под темно-синего камзола. Глаза стали огромными, тусклыми и безжизненными.

— Голова болит? — вспомнила я о женской заботливости и сострадательности после того, как утолила первый голод жареным фазаном с овощным ассорти, куском фаршированного кролика с трюфелями и нежным перепелиным паштетом со свежайшими хрустящими хлебцами.

В ответ мне еле-еле кивнули, видимо, опасаясь колыхать бровями и расплескать содержимое головы, перешедшее в жидкое состояние. Если помните физику, то

следующая стадия — газообразное.

— Есть два способа немного улучшить ваше самочувствие, — намазывала я на пушистую пшеничную булочку земляничный джем с маслом и поглядывала на несчастного принца, гоняющего по тарелке лист салата и с кислым видом прихлебывающего травяной отвар.

— Какие? — Муж разжал губы, но смотрел настороженно, ожидая новых пакостей. И правильно делал! Нужно быть готовым ко всему. Тренироваться стоит денно и ночью.

— Первый — слишком радикальный, и я его вам рекомендовать не буду, — заверила я принца, попивая травяной настой и выбирая себе самое вкусное пирожное. — Все же гильотина в вашем возрасте противопоказана...

— Алиссандра! — У принца прорезался грозный писк.

— Молчу-молчу, — заверила я супруга и приказала слуге, пасшемуся неподалеку: — Принесите его высочеству полторы кварты огуречного или капустного рассола.

Слуга поклонился и вмиг вымелся исполнять приказание. Супруг тем временем оживился и решил немножко разнообразить свой рацион — укусить меня:

— Где это вы набрались подобных знаний, дорогая?

— Вы не поверите, драгоценный супруг, — сладко улыбнулась я, прикончив к тому времени третье пирожное и начиная точить зубы на четвертое, — в монастыре. Помню, была у нас лекция сто сорок пять на тему: «Как спасти неразумных тварей». Так вот, как средство первой помощи там упоминался рассол.

— Странный монастырь... — пробурчал муж, но больше спрашивать не стал, справедливо полагая, что в нынешнем состоянии я его сделаю на раз.

— И не говорите, — согласилась я, прислушиваясь к своему организму и мысленно уговаривая его освободить уголок для во-он того вкусенького кусочка торта. — Но зато сколько полезных знаний!

В это время в обеденный зал бережно внесли золотой кубок, украшенный драгоценными камнями. Его до краев наполнили ядреным рассолом, источавшим приятный запах квашеной капусты.

Я прикрылась веером и хихикнула, тихо радуясь про себя, что у нас разные спальни.

Лакей поставил сосуд перед принцем и с поклоном удалился к дверям, из которых украдкой выглядывала вся кухонная челядь во главе с шеф-поваром, если судить по громадному белому накрахмаленному колпаку. Всем было интересно, как его высочество изволит пить напиток простолюдинов.

Странная вещь наблюдалась в государстве Сегал. Аристократы здесь за милую душу трескали в зимнее время года всяческие заготовки и соленья, но никогда, никогда не употребляли рассол. По-моему, они даже не имели понятия, как приготавливаются эти квашеные овощи.

Принц заглянул в кубок, принялся и застыл над посудой роденовским мыслителем.

— Смелее! Пейте, ваше высочество, оно поможет, — подтолкнула я супруга.

Матиас вздохнул, подумал, сравнив головную боль и рассол, еще раз сравнил и... выпил содержимое кубка.

— Умничка! — обрадовалась я, похвалив и его, и себя, потому что у меня созрел коварный план.

— Вы готовы? — громко спросил меня супруг через несколько минут, порозовев лицом. Слава богу, а то я, глядя на него, уже вспоминала детский стишок:

«Вышел дядька на крыльцо, широко раскрыв лицо. Выражает то лицо, чем садятся на крыльцо».

— Всегда готова, — улыбнулась я принцу, вся в предвкушении будущих событий. Осталось лишь позаботиться об одной вещи: мне нужно, чтобы это счастье с фиолетовыми глазами очутилось в карете соперницы, а не в моей. И пусть они там вместе наслаждаются... хоть поэзией, хоть прозой... жизни.

Мы вышли из зала под руку, милостиво кивая придворным. У выхода Матиас бросил пару признательных фраз Кусюкусяру. Управляющий глубоко поклонился, выразил надежду, что угодил будущему королю, и грустно-грустно посмотрел на проплывающий мимо него трезубец, уверенно зажатый в моей руке. С новоприобретением я расставаться не собиралась. Очень удобная оказалась игрушка. Многофункциональная. И как вилку можно использовать, и как вилы...

У выхода мы с мужем привычно замерли, ожидая, пока нам не подадут шляпы и не накинут плащи. Мне в этот раз полагалась кокетливая треуголка с золотым галуном, украшенная сбоку драгоценной пряжкой и зелено-золотистыми страусовыми перьями.

Вокруг меня хлопотала прилежная горничная, а вокруг мужа — невысокий плотный камердинер, которого я видела впервые. Сердобольный седовласый дядечка с выражением бесконечного обожания на лице подал принцу верхнюю одежду, заботливо, словно мамаша-наседка, поправил головной убор будущего короля и с широкой довольной улыбкой отошел в сторонку. Я на секунду загляделась на его круглое лицо, вислые седые усы и добрые светло-карие глаза. Ну хоть одно нормальное человеческое лицо в свите принца попало, кроме Рауля! А то, ей-богу, впечатление, будто я попала в рассадник злобно шипящих гадюк, жалящихся скорпионов и противно квакающих жаб!

На подходе к своей карете я развернулась к благоверному, подняла к нему лицо, искаженное жаркой страстью, прижалась и хрипло прошептала безумно сексуальным голосом:

— Наконец-то мы будем наедине, и нам никто не помешает насладиться друг другом!

У принца сработал стоп-сигнал, и он замер, глядя на меня донельзя расширенными не то от страха, не то от удивления глазами.

А я продолжала:

— Дорогой, это же так романтично — заниматься любовью в карете на полном ходу, часто падая на пол с сиденья и опасаясь, чтобы кто-то не заглянул вовнутрь и не нарушил столь хрупкое единение двух страждущих душ...

— Ваше высочество, — у мужа в глазах загорелся яркий огонек разума, — вы не хотите, чтобы я с вами ехал?

— Очень! Очень хочу, — прижалась я теснее, обвивая его шею руками. Слегка придушила: — Вы, шалун этакий, прошлой ночью сто-олько всего наобещали! Я вся в предвкушении...

Принц начал отчаянно вырываться, но я пока справлялась с ситуацией.

Романтично пришепетывая, я плела:

— Это моя тайная девичья мечта — лишиться девственности в карете...

Принца перекосило.

— Э-э-э... радость моя, меня призывают государственные дела. Я, пожалуй, пойду, — попятился муж, поцеловал мне руку и моментом скрылся в толпе.

Я усмехнулась, прекрасно зная: на лошадь он в таком состоянии не полезет, к моим фрейлинам — тоже, к придворным мужикам — хм... возможно, но маловероятно, а вот к своей Сексии, чтобы пожалели — это запросто! Осталось надеяться на удачу и трезвый расчет...

Мы загрузились вовнутрь в прежнем составе и отбыли по направлению к столице. Профессор начал интереснейший рассказ об истории государства Сегал, и мы все втянулись в дискуссию, оживленно обсуждая различные факты и отчаянно споря, если

что-то казалось не совсем правдоподобным. Например, я категорически отвергала возможность победы одного, пусть и сильно перекачанного, кента над целым городом. Причем этот самый Длинноус Птыц не перекрыл городские источники, не проник в город и не захватил телефон и телеграф! Нет, он поступил мудрее и прозорливее. Птыц вызвал на поединок всех мужчин города одновременно. Всех! Кстати, я сдала свои позиции именно тогда, когда всплыло словечко «одновременно», ибо по одному он вряд ли справился бы со всем мужским населением, если только оно не состояло из пары-тройки дряхлых старичков или образчиков вымирающего вида. Нет, я специально прояснила интересующий меня вопрос: город был с многотысячным населением. Один из самых крупнейших для того времени.

Так вот, когда я услышала, что мужик вызвал на поединок всех сразу... О-о-о! Мне мигом стал понятен коварный замысел завоевателя. Вы когда-нибудь пытались драться в плотной толпе с одним человеком? Тут есть о чем рассказать!

Поверьте, вы скорее накостыляете друзьям, зевакам и соседям, нежели доберетесь до противника. Как следствие, обиженные соседи, друзья и зеваки обязательно накостылят в ответ вам. И в итоге в процессе веселой и познавательной физкультурминки уже никто не вспомнит, из-за чего начался сыр-бор и грандиозный мордобой...

— Стоять! — раздался рядом с каретой грозный окрик, и наш экипаж остановился.

— Сколько мы примерно уже едем? — невинно поинтересовалась я у спутников.

— Часа четыре, — глянул на солнце господин Умник.

Значит, началось... Хочу посмотреть! Очень хочу!!!

Я изъявила желание:

— Если уж мы остановились, давайте пройдемся немного. Разомнем ноги... подышим свежим воздухом.

Профессор согласился, выбрался наружу и, галантно подав нам руку, помог дамам спуститься на землю. Я поблагодарила профа и целенаправленно свернула в сторону одиноко стоящей незнакомой кареты. Что-то мне подсказывало: как раз там и происходит самое интересное! И предчувствия меня не обманули...

Не успела я дойти до выбранного пункта назначения (по дороге постоянно приходилось легкомысленно отвлекаться на бабочек, птичек и цветочки, тщательно вуалируя конечную цель), как дверца дальней кареты распахнулась, и мой супруг вытащил наружу свою дойную корову в бессознательном состоянии.

Сработало! Я чуть было не захлопала в ладоши, но вовремя сдержалась. Напустив на лицо волнение, я приподняла подол и бросилась к мужу на помощь, махнув рукой фрейлинам присоединяться.

— Ваше высочество, что случилось? — задала я навязший в зубах вопрос, участливо разглядывая закатившую воловьих глазки нежно-салатовую фаворитку. В тот момент мне стало ее почти жалко.

— Ничего, — прошипел сквозь зубы благоверный. — Просто дама потеряла сознание.

— Наверное, у Давалии в несессере есть нюхательные соли, — сделала я шаг в сторону кареты.

Но была остановлена грозным приказом принца:

— Стоять!

Угу-угу. Я вообще-то никуда и не собиралась. Я ж не самоубийца! У меня масса тела гораздо меньше, и отравить меня го-ораздо проще. Полтора литра капустного сока и четыре часа поездки в закрытом замкнутом помещении... там же наверняка почти чистый сероводород!

— Почему вы на меня кричите? — возмутилась я, с трудом подавляя рвущийся смехок. — Я искренне хочу помочь!

— Вы уже помогли! — зарычал в ответ супруг, укладывая свою ношу на траву.

— Еще нет, — заверила его я, — но сейчас помогу! — Скомандовала фрейлинам: — Оживить!

Мой цветник активировался и бросился на выручку, выставив наперевес флаконы нюхательных солей всех сортов.

Бедная Сексилия!

Женский батальон, решив во что бы то ни стало выполнить приказ принцессы, вихрем смел на своем пути принца и сейчас деятельно топтался по моей сопернице, пытаясь одновременно сунуть ей под нос все средства для приведения в рассудок. Судя по стонам, рассудок несчастной сопротивлялся и убегал. Вместе с сознанием.

Теперь я могла спать спокойно: моя маленькая, незапланированная, но такая приятная месть свершилась. Я еще могла понять наличие любовницы, но обращаться с собой подобным образом и вытирать об себя ноги я позволить не могла! Допустим, у меня нет столько красоты, зато это восполняется чувством собственного достоинства! И всяким принцам, даже очень красивым и сексуальным, это чувство не перебить! «Нужно уметь драться, чтобы тебя уважали», — сказал кто-то из неизвестных. Могу лишь добавить... от этого, собственно, человечество и погибнет.

Фрейлины энергично теребили фаворитку, попутно затаптывая. Слаженно действуют девочки. Одна за всех... остальные на халяву.

— Уймите своих фрейлин, ваше высочество! — соизволил приказать Матиас после ... надцатой попытки пробиться к пациентке полевого госпиталя.

— Зачем? — поинтересовалась я. — Сейчас вашу даму приведут в надлежащее состояние и вернут вам обратно, если вы, конечно, ее возьмете. Кстати, судя по внешнему виду вашей любовницы, у нее отравление... Могу порекомендовать глубокую очистку организма.

— Вы! — задохнулся муж, от возмущения потеряв дар речи. — Вы!

— Я-а-а? Я-я! — ответила я по-немецки и, подобрав юбки, обошла кучу-малу. Немного полюбовалась и дала отбой: — Дамы, за мной! — Все же я хоть и вредная, но жизни лишать никого не собиралась.

— Куда? — вдруг выдал мне принц, растерянно окидывая взглядом растерзанную и немножко затоптанную фаворитку, так и не пришедшую в себя.

— Пойду погуляю, — призналась я. — Свежим воздухом подышу. А вам желаю «Дас ис фантастиш!».

— Вы о чем? — не понял немецкой фразы благоверный.

Я приблизилась и прошептала ему вольный перевод:

— Если после всего этого она вам даст, то это будет из области фантастики!

— Стерва! — прошипел в ответ супруг.

— Благодарю! — В ответ — легкий реверанс. — Всегда приятно получить комплимент из уст любящего мужа! — И ушла.

Честно говоря, я сильно расстроилась, хотя и старалась не показывать. Все же получить такой ощутимый плевок в лицо не особенно приятно. Потребовалось время прийти в себя и настроиться на оптимистичный лад.

Но сдаваться я не собиралась. Чисто теоретически мне, как и всякой среднестатистической девушке, хотелось большой и чистой любви. Но! Не на сеновале и не с задранной на голову юбкой. Правда, кузнеца под рукой не было, кувалды — тоже, но

из положительных моментов — свою честь я прекрасно могла отстоять и сама!

Ноги понесли на луг, в сторону от кортежа. Женская свита следовала чуть в отдалении, деликатно не досаждая принцессе и не нарушая мое личное пространство. И на том спасибо. Разве я не человек? Имею право на драгоценные минуты одиночества. Изредка я наклонялась и рвала полевые цветы, привлекающие яркими красками. Я не знала названий растений, но было очень приятно держать в руках красочный букет с терпким медовым запахом.

«Из вереска напиток Забыт давным-давно. А был он слаще меда, Пьянее, чем вино...»

— процитировала и уселась в разнотравье. Сделала жест насторожившимся фрейлинам и улеглась на спину, глядя в ясное небо с белыми, уходящими в разные стороны тончайшими перистыми полосками облаков. Там порхала маленькая невзрачная птичка, которая вскоре испустила долгую звонкую трель.

— С тобой все в порядке? — присела рядом Омаль.

— Не совсем, — криво усмехнулась я. — Это временно... «Все пройдет, пройдет и это...» — сказал один очень мудрый и древний царь.

— Как правильно сказал, — согласилась маркиза, укладываясь рядом.

Я невесело усмехнулась и не стала говорить, что у этой фразы есть продолжение: «Ничто не проходит...» Поживем — увидим, пожуюем — узнаем...

— Красиво поет, — нарушила вновь воцарившееся молчание Омаль.

— Душевно, — поддакнула я. — Вот послушай:

«Между небом и землей Песня раздаётся, Неисходною струей Громче, громче льётся. Не видать певца полей, Где поет так громко Над подруженькой своей Жаворонок звонкий».

— Это песня? — чуть помолчав, поинтересовалась маркиза.

— Песня, — кивнула я, садясь и прикусывая зубами сочную травинку. — Только не проси меня спеть — умения не хватит... И голоса — тоже! — оборвала начинающиеся возражения статс-дамы. Почему-то внутренне не поворачивался язык называть ее подчиненной. Омаль... она была для меня, что опытный десятник для молоденького офицера.

У одного — титул, звание и общественное положение, у другого — многолетний опыт. Десятник без офицеришки и солдат своих побережет, не давая головы сложить по глупости, и сам в любом бою при желании выкарабкается. Молодой офицер без опытного десятника — нет!

Меня от философских размышлений отвлекли крики.

— Ваше высочество, ваше высочество! — бежал к нам лакей, размахивая руками. — Ваше высочество, все готово, можно ехать!

— Поехали, — поднялась я, опираясь на руку подруги. Проходя мимо кареты соперницы, краем глаза увидела Сексилию, сидящую у колеса со своей горничной. Девушка обмахивала госпожу одновременно веером и платочком, морща хорошенький носик. Принца поблизости не наблюдалось. Видимо, сбежал зализывать прорехи в чувстве собственного достоинства, упавшего на глазах у дамы.

— Бесстыдница! — рассерженной кошкой прошипела маркиза. За меня она болела гораздо больше, чем за себя.

— Оставь ее, — посоветовала я. — Она, в сущности, несчастна.

— Почему это? — не поняла меня Омаль.

— Потому что игрушка, — грустно пояснила я, не испытывая к фаворитке ничего, кроме усталой брезгливости. — К тому же... согласным на объедки амброзию не предлагают.

Маркиза задумалась, но все же фыркнула и отвернулась, проходя мимо Сексии, опустившей глаза и даже слегка покрасневшей. За статс-дамой ее поочередно обфыркал весь женский батальон.

— Дамы, ведите себя прилично! — сделала я замечание, но внутри немножко оттаяла от женской солидарности. Все же любая поддержка греет раненое сердце. Но вслух строго напомнила: — И нечего громко фыркать, вы не кобылы!

Вдалеке я заметила гарцующего на коне мужа в сопровождении Рауля и еще каких-то кавалеров.

— Вот что значит исцеляющая сила натуропатии и ароматерапии! — бодро пробормотала я, последний раз встряхнулась и полезла в карету.

Дальнейшая дорога проходила без каких-либо происшествий. Все протекало достаточно скучно и рутинно. Мы почти не останавливались по дороге, только для перемены лошадей, но знатные феодалы сами старались встретить нас и чествовать со всей торжественностью хлебом-солью. Вскоре принцу так надоели эти остановки, что мы уже получали многочисленные караванчики чуть ли не на бегу.

А ничего. Прикольно смотрелось... Когда какой-нибудь из отчаявшихся лицезреть королевских особ мелкопоместный дворянин на ходу метал пудовую краюху хлеба в проезжающий кортеж. Иногда увесистая буханка попадала кому-то из стражи по голове или другим частям тела. После таких промашек пострадавшему оказывали первую помощь, а добротой удирал гораздо шустрее, чем перед тем бежал за милостями. Причем мне сильно нравились вопли, с которыми неслись за дарителями стражники:

— Я те покажу, как хлебом швыряться! Нет чтоб в руки дать!

Дни до столицы тянулись однообразно: целый день дорога; вечером остановка в каком-то из королевских замков; поздний ужин с принцем. Вежливые, ни к чему не обязывающие беседы, не дающие ничего ни уму, ни сердцу. Поцелуй руки на прощанье — и разные спальни. Утром совместный завтрак — и снова дорога.

Слава богу, мне хоть фаворитка глаза не мозолила. Не знаю, куда дели даму сердца, но в нашем кортеже ее не было. Я проверяла. Сильно сомневаюсь, что у кого-то проснулась совесть. Скорей разыграло раненое самолюбие.

На седьмой день наше путешествие подошло к завершению. Что мы подъезжаем к столице, можно было понять издали. Сначала в глаза бросилась всевозрастающая роскошь строений и достаток окрестных сел.

«Загородные именья», — просветил меня проф. Вдоль дорог появились аккуратные сады, пустые квадраты огородиков и виноградники. Деревни стали попадаться одна за одной. Но сама столица произвела на меня неизгладимое впечатление. Во всех смыслах!

Начнем с того, что она началась для меня с лобного места. Пусть я и не мазохистка и средневековые ужасы особо не разглядывала, но даже издали я отлично рассмотрела качающиеся на ветру трупы, силуэты преступников, прикованных к столбам, и палачей, орудующих ломиком у колеса и хлыстом на каменном помосте. А еще толпу простого и ясновельможного люда внизу этого самого помоста, с криками и улюлюканьем следящую за мерзким действием.

Хм... «хлеба и зрелищ» на местный лад. Гадость!

— Фу! — отшатнулась от окна. — Зачем это нужно устраивать прямо при въезде?

— Для устрашения всех, кто входит в город с нехорошими намерениями, — ответил господин Занук.

— И что, преступники тут же обретают совесть и отказываются от грешных намерений? — фыркнула я, стараясь не смотреть на это изуверство.

— Нет, конечно, — грустно покачал головой учитель. — Но таким образом власти города предупреждают их.

— И всех остальных тоже, — заметила я и снова выглянула в окно.

Дальше мы быстро подъехали к первой линии обороны города — частоколу из толстых низких бревен, внизу обсаженных терновником и другими колючими кустами.

По узкому подъемному мосту мы пересекли широкий ров и въехали через ворота с массивной подвесной железной решеткой под красочной надвратной башней в сам город, минуя вторую линию обороны — стену с низкими каменными зубцами. За ней сразу еще одну — уже более высокую, облепленную снаружи круглыми и прямоугольными башенками для лучников с высокими узкими бойницами. Хм... «надежно, как в сейфе».

— Офиги-ги-тельно! — высказалась я, глядя на сейф в городском масштабе. Захочешь свалить и... обломаешься. Через столько стен даже тараном не пробьешься, а уж про подкоп и говорить нечего. Всю жизнь со средневековой усовершенствованной техникой под названием «лопата» или «кайло» копать будешь. Глядишь, может, к старости пару-другую стен и пройдешь...

Центральные ворота столицы прельщали безыскусной красотой: снаружи их оснастили не то разноцветной плиткой, не то глазурированными кирпичами — честно говоря, не разглядела, поразили красивые рустикальные мотивы мозаики. Мы промчались воротами под лучами восходящего солнца, и громадные кони зацокали копытами по мощным улицам столицы.

Кроме нескольких центральных площадей и улиц, достаточно широких, чтобы разошлись две кареты, едущие навстречу друг другу, прочие улочки города возмутительно узкие. Годятся для пеших прогулок или верховой езды, но не для широких повозок. На каждом доме вместо номера — прибитый над входом щит с изображением. Были там медведи, зайцы, растения или предметы ремесла со скрытым значением, потому что рядом же чаще всего торчали чугунные вывески.

Мастеровой люд располагался прямо на улице и совмещал приятное с полезным — то бишь дышал свежим воздухом и напряженно трудился. Я видела подпоясанных кожаными передниками сапожников, сучивших дратву и тачающих башмаки, сквозь открытую дверь кузни виден был кузнец у горна, под вывеской-кренделем расположился толстый задорный булочник. Он разложил соблазнительно пахнущие изделия на лотке у самого входа в лавку под навесом и неустанно соблазнял покупателей словом и делом, время от времени на глазах у всех показательно надкусывая и уминая за обе щеки собственную продукцию, громко ее при том нахвалявая. Метод работал, и партия выпечки мгновенно разлетелась, как... как горячие пирожки. Впрочем, кажется, то они и были.

Шум от работы мастеровых разносился по всей улице.

— Динь-динь! Донн! Чвырк-чвырк! А-ах! Купите булочки! Ляп-ляп! — то и дело слышны были звуки средневековых дятлов. Интересно, и как соседи это с утра до ночи выдерживают? Рехнуться можно!

А шум из-за покупателей и торговцев на ярмарочной площади?

Тяжко непривычному уху.

Пару раз нам попадались на глаза студюзусы и преподаватели местного университета. Посреди площади рядом с высоким столбом виднелись ряды клеток, в которых сидели, стиснутые со всех сторон, подозрительные и весьма помятые обезвоженные организмы.

— Пьяницы, — как будто это все объясняло, безразлично заметила маркиза. Это что ж, бедные люди просыпаются похмельными... в клетке? И на жаре вынуждены потешать собою чернь? А что? Одному индивидууму очень бы даже пошло на пользу подобное общественное порицание. Но принцев в такие «хоромы», увы, не сажают. Клетки вообще не для принцев, они — для принцесс, хоть и золотые...

Мне бросились в глаза удивительные чистота и порядок. Фасады домов недавно побелены или покрашены. Медные ручки дверей и окон натерты до блеска. Окна вымыты. На улицах не воняло запахами канавы, никто не лил чего-нибудь проходим на

голову, по кустам не валялся мусор... хотя людей повсюду хватало и по тротуарам шастали толпы народу. И, замечу, не одни только богатые горожане, но и нищие... Как говорится, удивительное — рядом.

Вдохновленный моим замечанием на эту тему, Занук сразу начал что-то бубнить про столичные купальни, премии за чистоту и высокие штрафы на выбрасывание мусора на улицу, про местное достижение — чистые общественные туалеты. И насчет прогрессивной канализации пройтись не забыл... чуть было этапы ее постройки нам объяснить в подробностях не начал.

В общем, невыносимая скука! Широко зевая, я отвернулась от ученого зануды и опять окунулась в экзотический для меня колорит средневековых улиц.

Чем дальше мы ехали (чуть было не выразилась — «продвигались»!) Как танковая дивизия! Я бы кое-кого основательно гусеницами поутюжила. Раздела бы и погладила... как в плохом любовном романе... по голой коже. И по не голой — тоже! С особой жестокостью. Ух! Как я зла!), тем больше мне хотелось пробраться во дворец с черного входа. Забежать в отведенную комнатку, залезть под одеяло и прикинуться ветошью. Страшно было — жуть! Но... все мечты и желания так и останутся мечтами и желаниями... пока.

— Омаль, — обратилась я к маркизе. — Почему так тихо? В прошлый раз нас встречали толпы народа.

— Кучеру не велели ехать по главным улицам, где сейчас толпится народ. Это сделано, чтобы не пугать вас, ваше высочество, — пояснила статс-дама. — К тому же их королевское высочество опасаются возможного нападения. Такое уже бывало раньше.

— Надо же, какой у меня заботливый супруг! — хмыкнула я, прикрывая зевоту веером. И беседа снова затихла. Все глазели в окна.

Возле домов чахлая зелень внизу компенсировалась богатыми зарослями на балконах и на квадратных крышах. Впрочем, дома с квадратными крышами и глухо закрытыми от улиц двориками были только в нескольких кварталах, у нас на Земле их называли бы восточными. Тут жили, по всей видимости, приезжие иноземные купцы, которые исповедовали свои порядки и строго берегли традиционный уклад. Во всяком случае, публика одевалась и вела себя соответственно.

Цок-бум, бум-бум-цок! Гуп! — с характерным топотом мы вломились — иного слова и не подберешь! — через решетчатые ворота в роскошный дворцовый парк. Тут было безумно красиво, на зеленой траве пламенели бордово-фиолетово-алые осенние клумбы, вдали журчали фонтаны. Взгляд манили разнообразные чудеса парково-архитектурного зодчества, но я уже прилично подустала за долгое утро, по самое горло пресытилась свежими впечатлениями и была неспособна воспринимать новое. Поэтому я дремотно закрыла глаза и открыла их лишь тогда, когда карета остановилась, и мы смогли выйти.

— Ваше высочество. — Около кареты нарисовался ненаглядный супруг и протянул мне руку.

Я сначала хотела укусить, но затем решила не позориться и укусить потом, так сказать, — тет-а-тет. Но намерения продемонстрировала ясно, показав в счастливой улыбке двадцать восемь зубов и глубоко сожалея, что здесь нет вставных челюстей, а то бы я вместе с ними улыбнулась!

Королевский дворец Шельгор... потрясал. Даже не знаю, как его правильно обозвать — дворцовый замок? Или замковый дворец?

Белокаменная квадратная громада с закрытым внутренним двором, посреди которого стояло еще одно здание поменьше, опять-таки квадратное со скругленными углами-башнями.

Ну, прям матрешка! Или — «двое в ларцах, все из яйца!». Ой, что-то меня не туда занесло... В общем, шкатулка в шкатулке...

Я вертела головой направо и налево, напрочь позабыв об этикете и правилах приличия. Принц мне не мешал, улыбаясь украдкой и, вероятно, испытывая законное чувство

гордости за собственный дом.

По углам внешнего монументального строения стояли четыре башни. Вот не знаю, как их правильно именовать — донжоны? бастионы? углы? Но зрелище, конечно, поразительное. Как-то вышло, что я за болтовней упустила возможность лицезреть королевский замок издали, а Учила, хвост ему три раза налево, тоже, как назло, вовремя не привлек мое внимание...

Зато теперь разливался соловьем, следуя за нами и устраивая экскурсию маркизе. Хотя... нужно отдать учителю должное — говорил он громко, и я прекрасно слышала спонтанного гида.

— Замок построили согласно лучшим образцам фортификации того времени, — вещал довольный профессор. — Королевский дворец — можно сказать, архитектурный шедевр прошлой эпохи. Длина фасада триста локтей, ширина — двести пятьдесят, в замке четыреста залов и комнат, семьдесят пять лестниц, двести восемьдесят шесть печей и каминов и пятьсот скульптурно украшенных капителей. Еще отдельная огромная библиотека на целый этаж. Толщина внешних стен — почти два локтя, с ходу ее пробить просто невозможно, еще не созданы такие стенобитные машины.

— А что внутри? — взволнованно спросила Лариса. — Где хозяйственные постройки?

Ну да, кому что, а курице просо!

— Лара, — хихикнула я, — зачем тебе хозяйственные постройки? Ты что там хранить собралась?

Принц очнулся и бросил на меня недовольный взгляд. Как же, я вне всех законов этикета разговариваю с прислугой на людях! Где он тут людей увидел? Большая половина здесь свои, а на остальных мне подпрыгнуть и начхать!

— У вас проблемы, ваше высочество? — ласково улыбнулась я. — Может, вам спинку почесать... трезубцем? Вельми удобная вещичка.

— Благодарю вас, дорогая супруга. — В фиолетовых глазах загорелся жестокий огонек. — Вы, как всегда, добры и отзывчивы...

— Безусловно, мой дражайший супруг, — не осталась я в долгу. — Все для вас, чтобы вы улыбались! — И вполголоса добавила: — Пока есть чем!

Принц замолк, переваривая услышанное и, видимо, раздумывая над трудной дилеммой: сначала довести меня до дворца, познакомить с королем и лишь потом уже стать вдовцом или все-таки стать вдовцом сразу?

Видя, как тяжело ворочаются гранитными глыбами идеи чересчур умного стратега-мужа, я хмыкнула и прислушалась к лекции за спиной.

— Внешний корпус — военная казарма и оружейные помещения. Тут несет службу тысяча доверенных воинов и триста рыцарей, — сообщил гордый, как мамонт, Занук Учила. — Там же все хозслужбы. Внутри центрального здания сделали жилые комнаты. Из них состоят шесть этажей. На каждом этаже по четыре квадратных и четыре круглых помещения; четыре коридора соединяют эти залы как будто с четырех сторон света. Внутри главного квадратного холла, в самом центре — двойная лестница.

— Какая занятная архитектура! — вставила я свои «пять копеек».

— О! Вы даже себе не представляете! — еще сильнее воодушевился Занук. — Для нашего времени у здания идеальная защита, вы представляете — И-ДЕ-АЛЬ-НА-Я! Угол стрельбы... угол наклона... возможности нападающих... бу-бу-бу... бу-бу-бу...

Подъездная дорожка закончилась, и мы вышли к довольно-таки короткой лестнице белого мрамора с алыми прожилками, отчего создавалось впечатление, будто здесь пролита кровь. Веселенькое начало! Что мне сразу не понравилось, так это стоящие по обеим сторонам подозрительные дамы с корзинками на изготовку, полными риса, зерна и прочей дряни, обладающей травмоопасной способностью к симбиозу с моими корсетом и туфлями.

Еще раз испытывать незабываемые впечатления от материальных благопожеланий на царственную голову и прочие части тела я не стремилась. Искоса брошенный на мужа взгляд подтвердил обоснованные подозрения в присутствии у благоверного такого же горячего нежелания.

— Бежим? — шепнула я Матиасу, сжав его руку.

Хоть в чем-то мы были единокорны!

Он кивнул, и мы взлетели по ступенькам чуть ли не в мгновение ока. Дамы настолько потеряли голову от нашего стремительного натиска и неподобающего царственной чете поведения, что остались стоять далеко позади с широко открытыми от удивления глазами, а кому показалось мало первой стадии удивления — еще и с открытым от изумления ртом. Лишь одна из полузащитниц сообразила перейти в категорию форвардов, прицельно метнув в закрывающуюся дверь корзинку с криком:

— С возвращением, ваши высочества! С браком вас!

Обернувшись на вопль (все же не каждый день с браком поздравляют!), я увидела летящий в нас предмет и пригнулась, попутно дернув принца за рукав. Снаряд, пушенный достаточно меткой рукой, пролетел над нами и угодил в голову весьма представительному господину в напудренном парике с буклями. Господин мужественно встретил удар из-за двери своим массивным лбом и улегся отдохнуть среди обширного гулкого холла белого мрамора.

— О-у! Как неудачно! — выразил свои чувства Матиас, нависая над устроившим себе незапланированную передышку мужчиной. — Господин Сервалье, вы в порядке?

Я присела рядом с мужем, разглядывая суровое лицо, изборожденное морщинами. Правда, просматривалось оно (лицо, в смысле) плохо из-за зерен сверху, корзинки на голове и разноцветных ленточек, навязанных пучком на ручке.

Никто на помощь господину Сервалье не спешил, и мне стало его по-человечески жалко. Пол мраморный, холодный, возраст у дяди, похоже, солидный. Еще чуть-чуть полежит — и здравствуй, радикулит! Поэтому, отцепившись от мужа, я встала рядом с господином Сервалье на колени и бережно сняла экстравагантное головное украшение. Смахнув рис и пшеницу с лица, легонько похлопала по щекам престарелого царедворца.

Пациент был скорее жив, чем мертв, и на третьем хлопке открыл карие очи с золотыми искорками. Он тихо спросил:

— Вы ангел?

— Похоже?! — почесала я нос. — Крылья-то у меня давно свербят... сзади. (Не уточнять же, что в районе копчика!) А вот нимб у меня отобрали. Говорят, на него шляпу неудобно надевать.

— Ваше высочество, — прозрел мужик в парике и попытался встать. Я, конечно, не врач... и даже не медсестра, и нянечкой тоже отказываюсь сразу без подготовки быть, но после такого удара по затылку во весь рост следовало бы полежать пару дней. Заодно исследовать мозг на сотрясение. Что у него были и мозг, и сотрясение, я почему-то даже не сомневалась.

Матиас пошевелился. Похоже, призвал слуг на помощь. Вот же тормоза прогресса! Как до уток, на третьи сутки доходит! Нет! — как до жирафов-мутантов с увеличенной в два раза для красоты шеей. Ну, кому-то губы надувают, а кому-то и шею вытягивают. Ее хоть показать можно... всем.

Подбежавшие лакеи бережно подняли дядечку и дружно понесли куда-то в глубь дворца.

— Ваши высочества! — Мужчина очень сопротивлялся выносу своего тела и все норовил вернуться обратно. — Ваши высочества! Позвольте мне!.. Окажите мне честь!..

— Ты ему кусок торта пообещал? Или каравай с золотом? Так человек в бой рвется, что смотреть невмочь! — удивилась я.

— Да нет, просто это большая честь — встретить молодоженов королевской крови, — ответил мне муж. — И привилегия. Естественно, господин Сервалье, чья семья служит нашей фамилии уже более четырехсот лет, сильно расстроен...

— Если он сейчас не пойдет и не ляжет в постель, то завтра будет не расстроен, а как минимум расшестерен... от головной боли! — заявила я и потопала к дворецкому. Подойдя к мужчине, взяла его за руку, легонько встряхнула и, проникновенно заглянув в затуманенные болью глаза, сказала:

— Вы не переживайте так! Когда поправитесь, мы еще раз выйдем и войдем, а вы нас встретите. Договорились?

— Ваше высочество, вы точно ангел! — припечатал меня господин Сервалье. Восторженно: — Мне выпала такая честь служить вам! Спасибо вам, ваше высочество!

— Ну что вы, — засмушалась я, чуть покраснев. — Я не ангел, я только учусь быть... — Взгляд упал на нахмурившегося принца. Я почесала лоб веером и не стала уточнять, кем же я учусь быть. До перьев и ободочка мне было невероятно далеко...

— Ваше высочество! — подошел ко мне муж, когда дворецкого утащили лечиться. — Вы возмутительно демократичны!

— А вы возмутительно занудны! — не осталась я в долгу, разглядывая стену за его спиной. На стене кололи глаз многочисленные рога несчастных копытных, по всей видимости, добытых на охоте. Их ряды наводили на определенные размышления.

— Родственники? — кивнула я на трофеи.

Принц резко обернулся и посмотрел за спину:

— Где?

— Да вот же, на стене, — изящно показала я веером. — Вы так похожи!

— Алиссандра!!! — выпустил пар муженек и стал вылитым бизоном, голова которого красовалась в правом углу.

— Если вам не хочется меня знакомить, то могу посмотреть в другую сторону! — фыркнула я и отвернулась, созерцая другую часть зала. По левую руку, в конце длинного холла высился давно нетопленный, но очень красиво оформленный камин. Для чего в прихожей камин — вопрос, конечно, интересный; с другой стороны, тепло — оно и в Африке тепло. Его все любят.

— Вы мне мстите? — прошипел мне на ушко Матиас.

— Есть за что? — выразила я наигранное удивление. — Разве ж я могу? Ведь не за что... подумаешь, мной пренебрегли, оскорбили видом любовницы, притащились в пьяном виде и всю ночь смущали своей близостью, туманя мозги перегаром. Это же сущие мелочи? Не правда ли?

— Значит, мстите, — мрачно удостоверился благоверный в нечистой подоплеке моих действий. Но руку предложил. Все же этикет, впитанный с младых ногтей, даже скальпелем не выковыряешь.

Дальше мы шли молча, и у меня появилась возможность рассмотреть окружающее меня великолепие.

— Если я понадоблюсь вашему высочеству, вы сможете увидеть меня на последнем этаже, в здании книгохранилища, где я с этого дня занимаю должность главного библиотекаря, — напоследок быстро шепнул мне Занук Учила. — Я всегда рад вас видеть!

Своды потолка загибались изящной аркой. Что поражало — пол розового мрамора, все остальное — чистый белый мрамор. И стены, и отделка камина, и боковые арки, и сам потолок. Красиво невероятно, словно зал невест. Зато непрактично... я сразу прикинула, как вот это замахаешься все время надраивать и убирать, и от всей души

посочувствовала слугам.

Пройдя прямоугольный удлиненный холл, мы попали на винтовую лестницу. Про нее следует сказать особо. Тут их на самом деле было две. Умные дяди этот замок планировали. Для того чтобы группы людей, поднимающихся наверх и спускающихся вниз, по пути не сносили друг друга, архитекторы поступили весьма мудро — их разделили в пространстве.

Две лестницы спиралью вращались в одном и том же направлении, нигде не пересекаясь. Перила и балюстраду украшал резной орнамент. Вверху виднелся прозрачный потолок башенки, как впоследствии сказал Учила — маяковой. Сквозь стекло просматривался острый шпиль с королевским штандартом. На лестнице было светло, как днем, не только потому, что свет падал сверху, но и оттого, что вдоль стен шли огромные витражные окна. Экономно. Большую часть суток освещать не придется. Молодцы зодчие! Одобряю!

У меня голова чуть не отвалилась, когда я все это рассматривала. И все равно налюбоваться не дал один очень вредный тип с нахмуренными бровями и грозным выражением на лице. Я поехала. Уж слишком оно напоминало быка, который планирует потыкать в матadora рогами.

— Куда мы так несемся? — любопытствовала, пытаюсь выдернуть руку из железного захвата.

— Наверх! — ответили мне сквозь зубы.

— Краткость — сестра таланта, но я предпочитаю прелюдию! — заявила я, хватаясь второй рукой за перила. Мне, конечно, этого лоса не перебороть, но хоть отдышусь. А то мы тут галопом скачем, словно кони на ипподроме. Или тачанка против белогвардейцев. Мне роль Анки-пулеметчицы никогда не нравилась! Из-за Петьки!

— За мной! — рявкнул отец-командир. И я пожалела, что нет на карте этого мира реки Урал...

Меня дернули с силой. Я подумала: пусть лучше пострадают ноги, чем оторвут руку! — и поскакала за супругом по ступенькам.

Второй этаж, отлично видимый с лестницы, был примечателен своими каменными сводами, многократно украшенными барельефами королевской эмблемы в сопровождении символического изображения шнура в узелках и витой цепи... тоже с шариками, привешенными вдоль оных — а что? Правильно! Трон — это хорошо, но о каторге и виселице тоже не забывай! Часть монограмм исполнили вверх ногами. Наверно, чтобы, если наберешься и сверзишься на пол, итоговый вид сильно не менялся. Ну, как бы привычней ползти по ориентирам.

— А... — начала я конструктивный диалог.

На меня злобно и предупреждающе посмотрели.

— А... — Если не диалог, то, может быть, монолог сгодится?

Еще один прицельный выстрел глазами.

— Уж и спросить нельзя!

Тем временем мы тащились уже на третий этаж, где располагались вождельные апартаменты принца и его супруги. Я облегченно вздохнула: наконец-то моя нога белого человека ступила во внутренние коридоры!

Немного дальше наши с мужем пути разошлись. Он от меня отлип, коротко кивнул и бросил:

— Будьте готовы к вечеру — за вами придут! — удаляясь резвым аллюром налево. Вот и славно! Меньше друг друга видеть — наша обоюдная мечта!

«Черный ворон, черный ворон, Что ты вьешься надо мной? Ты добычи не

добьешься, Черный ворон, я не твой!»

— проорала я вслед обиженно, наплевав на этикет и все остальное. Благо, кроме меня и моих фрейлин во главе с Омаль, рядом никто не околачивался. Свита принца на полпути как-то рассосалась, остался только толстенный уса́тый дядька.

— Куда пойдём? — неуверенно спросила Омаль, останавливаясь.

— Моя интуиция подсказывает, — оторвавшись вволю и послушав эхо под сводами, энергично высказалась я, — что лучше всего — туда! — И ткнула веером в противоположную сторону.

— Ваше высочество! — сладко запел знакомый голос, и к нам из недр коридора выплыла герцогиня Криворужская в подчеркнuto строгом платье черного крепа с экзотичным для меня в этом мире испанским плoеным воротником. Дама присела в реверансе и, пока я на нее отупело взи́рала, церемонно возвестила: — Ваше высочество, прошу покорно следовать за мной.

— Вы тут какими судьбами? — вырвался вопрос, прежде чем я успела прикусить язык. Омаль заботливо поправила мой зелёный дорожный плащ — видимо, чтобы напомнить, кто тут статс-дама и поставить эту гадюку на место.

— Ваше высочество, — герцогиня величавым жестом пригласила меня следовать за ней, — вы, должно быть, позабыли. Ваш супруг — да пребудет он в здравии! — назначил меня смотрительницей королевских покоев...

МАМА! Мне теперь все простыни ядом закапают? Или в постель тропических лягушек подкладывать станут? Боже, спасибо тебе, что здесь не водятся крокодилы! Обнаружить улыбающуюся морду аллигатора перед своим лицом... круто, но слишком экстремально!

Мы с дамами легко процокали запыленными туфельками и башмачками по драгоценному паркету красного дерева, вовсю разглядывая резные панели мореного дуба, большие и малые художественные полотна с видами охоты, разнообразными батальными и бытовыми сценками в обрамлении позолоченных багетов.

Герцогиня дошла с нами почти до конца коридора и, распахнув одну из дверей, присела в реверансе:

— Прошу вас, ваше высочество!

«Прошу к нашему шалашу! А с милым рай и в шалаше, если кто-то отмороженный ваще!» Какой бред мне лезет в голову!

Меня ввели через маленькую приемную комнатку в спальню с прикроватным альковом, богато задрапированным занавесями цвета слоновой кости. Плотную ткань из блестящего дамаска ромбами пересекал орнамент из роскошных алых плетей роз.

Все прикроватное пространство, кроме ковра на полу и белых деревянных панелей, украсили той же тканью. Она спускалась сверху в виде балдахина, служила покрывалом, ею же оббили потолок и стены. Словом, сплошная беседка из роз. С одной стороны — безвкусно, с другой — миленько.

Вот она — страшная месть герцогини! На фоне этого декора я, должно быть, выгляжу пламенеющей морковкой.

— Дамы, — обратилась я к присутствующим, — весь этот красно-белый ужас мы будем срочно менять!

— Прямо сейчас? — растерялась одна из фрейлин, бойкая невысокая хохотушка с ямочками на щеках и вечно растрепанными каштановыми кудряшками. Я к ней давно присматривалась. Мне почему-то казалось: девушка не безнадежна.

— Как зовут? — поинтересовалась я, расстегивая плащ. Ко мне подскочила другая фрейлина, почтительно помогла его снять и положила на спинку пузатого стула с гнутыми ножками.

— Миралисса Кудеяр, дочь графа Солея, — присела фрейлина в реверансе.

Я кивнула в честь знакомства и продолжила:

— Все будем менять кардинально! Этот цвет вызывает у меня несварение желудка!

— Ваше высочество! — влезла герцогиня. — Вы не можете! Это убранство утверждено ее величеством королевой!

Упс! У меня начало постепенно красным заливать глаза. Какая у меня добрая «мамочка»! Прямо ангел! Обо всем позаботилась! Небось точно знала, что я рыжая! Так вот: это — не пройдет!

— Королева будет здесь жить? — нахмурилась я, изучающе глядя на кастеляншу. Та съежилась. Видимо, не ожидала от меня столь явного проявления твердости характера.

— Н-нет... — чуть замедлилась с ответом Криворюзкая. — Но их величество...

— Брысь отсюда! — взбешенно приказала я. — И на глаза мне не показываться, пока сама не велю!

— Но... — посмела было мне возражать герцогиня, нервно комкая в руках черный багистовый платочек. Лицо ее начало заметно кривиться, а руки конвульсивно тот самый платок чуть не разодрали.

— Ну! — с нажимом сказала я ей в тон, и мадам вымелась за дверь.

Проводив ее недобрым многообещающим взглядом, я уселась в кресло, доброжелательно обозрела свой женский батальон и начала командовать:

— Миралисса Кудеяр, во дворце ориентируешься?

— Да, ваше высочество, — снова присела девушка, приминая пышные юбки.

— Тогда так, — начала я военные действия. — Берешь... — улыбнулась тоненькой блондинке с яркими голубыми глазами. Та поймала мой взгляд, низко присела и представилась:

— Каревна Босоркань, дочь графа Арина.

— Так вот, Миралисса, берешь Каревну и топаешь на склад тканей. Знаешь, где такой?

Девушка кивнула, внимательно слушая распоряжение.

— Берете образцы тканей — и бегом сюда! Предпочтение отдавать серому, голубому, зеленому, синему, коричневому, в крайнем случае — фиолетовому. Все понятно? — Я посмотрела на фрейлин.

— Да, ваше высочество, — ответили те и выскочили за дверь.

— Прекрасно, — обрадовалась я и перешла к следующему вопросу: — Кто в курсе, где расположены дворцовые мастерские?

— Я, ваше высочество, — выдвинулась вперед высокая стройная шатенка с шикарными, слегка вьющимися волосами, одетая в элегантное палевое платье, обильно украшенное кружевом. — Вемуля Умятин, дочь маркиза Мередита, к вашим услугам.

— Это хорошо, что к услугам, — улыбнулась я. Мне вообще нравились мои фрейлины. Практически все мои ровесницы, ни у кого в лице стержовинки вроде как не наблюдалось. К тому же предыдущие события показали: девушки всегда действовали слаженно и на моей стороне. Посмотрим...

— Идешь в мастерские и узнаешь, когда и за какое время они могут перетянуть мебель и стены! Желательно за час-два! И остальное безобразия в виде балдахина — тоже, — приказала я.

Вемуля присела в реверансе, поколебалась, но все же спросила:

— А если мне откажут?

— Что?! Что сделают? — изумилась я. — Откажут? Принцессе?! Если этим смертникам так захочется испытать новых ощущений, скажи — я сама к ним приду, но чур потом не жаловаться!

— Слушаюсь, ваше высочество! — обрадовалась Умятин, явно предвкушая, как она будет это излагать.

— Иди, — царственным жестом благословила я ее на ратный подвиг. Перевела внимание на следующую фрейлину. Смуглая юная брюнетка с роскошной фигурой, черными глазами и родинкой у правого уголка пухлых губ присела в реверансе сама и, не дожидаясь вопроса, представилась:

— Мора Ксе, дочь князя Еленка, ваше высочество.

— Морочка, меня интересуют швеи, — озвучила я задание. — Мне нужно новое покрывало и подушки. К тому же я бы хотела еще кое-что у них заказать. Приведи ко мне главную швею.

— К услугам вашего высочества, — пропела девушка, испаряясь в указанном направлении.

В то время, как я раздумывала, что мне еще нужно сделать, в комнату ввалилась Лара с моим багажом, который тащили запыхавшиеся лакеи. Последнего, застрявшего в дверях, моя горничная, кажется, наградила увесистым пинком в пятую точку. По крайней мере, мужичок влетел вовнутрь с заметным ускорением. Стоявшая до этого молча, Омаль активизировалась и принялась руководить процессом, тыкая веером в оставшихся фрейлин.

— Омаль, погоди, — остановила я бурную деятельность. — Прежде чем мы будем тут обживать, я хочу осмотреть свои новые покои. Спальню, ох-хо-хонюшки, я уже видела...

Я встала и твердым шагом направилась к резным дверям, отделявшим спальню от будуара. Интересно, а почему мы вообще вместо гостиной попали сразу в опочивальню? Это теперь так модно? Вваливаешься — и сразу в кровать?.. Чтоб, значит, не отходя от кассы? Да, мечь женщины — страшное оружие... Ра-а-аз — и в дамки!

Когда я распахнула створки, у меня на минуту пропал дар речи... Это... А-а-а... О-о-о... Э-э-э...

— Омаль, — прошептала я, обнимая косяк в состоянии нервного паралича. — У меня галлюцинации? Я сошла с ума?

— А? — уставилась на меня маркиза округлившимися глазами. — Нет. — Пригляделась еще внимательнее: — Точно нет!

— С-с-спасибо... — облегченно вздохнула я. Отлепилась от косяка, набрала воздуха в легкие и заорала: — Все сюда!

Фрейлины протопали вовнутрь и оцепенели. Ха! Не мне же одной страдать, в конце концов.

Достаточно просторный будуар весь был исполнен в режущем глаз оранжевом цвете. «Оранжевое небо, оранжевое море, оранжевая зелень, оранжевый верблюд...» В общем, нет слов! Полный абзац. Пожить тут немного — и никакого яда не потребуется. Я точно рехнусь.

И было отчего...

Блестящая парча апельсинового колера обтягивала стены. Золоченые стулья и кресла поблескивали яркими горяче-желтыми расцветками сидений с красно-апельсиновыми краплениями, причем обивка на всех была разная! Здесь использовали ткань ромбообразной расцветки, там — цветочные мотивы, где-то еще — тканые сельские и городские пейзажи и какие-то другие средневековые ноу-хау...

Оранжевые ромбы в некоторых местах перемежались с пурпурными и желтыми, создавая мельтешение в глазах. Занавеси на окнах мучили эстетическое восприятие нежным салатовым цветом, оттененным ярко-желтой каймой и вышивкой в оранжевых оленях с необыкновенно ветвистыми рогами. Ими же (в смысле — лосями и оленями), в виде терракотовых, деревянных и бронзовых статуэток, картин и даже ваз, были уснащены стены и пол.

Не забыли и натуральные лосиные рога. Они вторично дарили жизнерадостность гостям прямо над входом. Своего рода элегантный дамочлов меч и вечная загадка: «Упадет или не упадет?»

Это намек? Или утверждение? А может, дизайнер перепутал дамский будуар с мужской курительной комнатой?

— Снять! — рявкнула я, трясаясь от белой ярости. — Немедленно! Найти рабочих, и все снять!

Ткнула веером в ближайшую девушку.

— Кристин Пушистис, дочь маркиза Арейского, — присела светлая шатенка с теплыми карими глазами и курносый носиком. Лавандового цвета платье удивительно оттеняло кремовую кожу фрейлины.

— Будь любезна, найди распорядителя по этажу! — Я почти рычала. Еще немного — и начну гавкать и кусаться!

Когда фрейлина убежала, я выбрала следующую жертву и выдавила из себя, захлебываясь словами:

— Останешься здесь, дождешься кого-нибудь и присмотришь, чтобы все это солнечно-рогатое достояние отправилось транзитом на королевскую мусорку!

— Арсайя Цав, дочь маркиза Дареуса. Все будет сделано, ваше высочество, — выпалила пулеметной очередью немного полноватая пышногрудая девушка с большими серыми глазами и длинными черными ресницами.

Мне на данный момент было не до любезностей, но я все же нашла в себе силы ей кивнуть и, собравшись с духом, проследовала в следующую комнату, оказавшуюся гостиной. Дух мне явно понадобился. Весь, без остатка! После ослепительно-апельсинового будуара меня встретила обалденно красная комната. Мы сейчас на корриде и я в роли быка? Мое терпение не выдержало испытания и позорно сбежало при виде красно-бордовых шпалер из корлайлского шелка с алмазным блеском и узкими зеркалами.

А! Забыла дополнить! Когда подняла голову, мне стало совсем дурно — на потолке, множа алые блики, содержимое комнаты весело отражало огромное вогнутое зеркало из составных частей. Кстати, по здешним меркам, оно стоило целое состояние!

Пока изнутри мою термоядерную установку заливало нахлынувшим бешенством, планка давно превысила допустимую отметку, отчего система внутренней безопасности начала аварийный спуск пара ноздрями, следующим этапом готовясь разнести взрывом все к чертовой бабушке. Тут ко мне подскочила и присела в реверансе хорошенькая, совсем юная темная блондинка с ярко-синими глазами:

— Мар Лесная, дочь герцога Ларийского, к услугам вашего высочества. Прикажете все убрать?

— Да!!! — пропыхтела я, нервно помаргивая левым глазом. — Ободрать все! До камня! И если камень тоже красного цвета — то разобрать и перестроить!

— Повинуюсь! — И подчиненная ускакала выполнять распоряжение. Оперативная девочка. Ценю.

После длинной и прочувствованной тирады я сделала «налево кругом» на каблуках и, устало прикрыв глаза, возвратилась в будуар. Чертыхнувшись вполголоса, свернула направо и попала в купальню.

Хм, сильно поизвращаться тут кому-то с железякой на тыкве не дали. Все же выбор цветов в мраморе ограничен, а фантазии на то, чтобы покрасить камень сверху обычной краской, не хватило. Но все равно, и тут попыталась бяку выкинуть дорогая свекровушка, подобрав розовый мрамор для отделки! Но! Поскольку оттенок был бледный, а помещение достаточно большое, то смотрелось все более-менее прилично.

Осталось посбивать несколько излишне вычурных деталей, типа гигантских золотых крюков для одежды, на которых хорошо только вешаться, а не полотенца раскладывать — и жить можно. Купаться — тоже. Впрочем, может, на суицид и был основной расчет? Ну, как бы созерцая такого размера крюк, впасть в задумчивость и бежать намыливать веревку?

Ага! Я намылю, с удовольствием... для нее! И даже по доброте душевной стульчик подвину... в сторону. Услуга «all inclusive» называется. Даже без предоплаты.

Фрейлины, уже не дожидаясь моего вопроса, вытолкнули вперед рыжеватую шатенку в бледно-салатовом платье с серыми вставками, обшитыми мелким речным жемчугом. Та, опустив огромные карие очи, изящно присела:

— Ваше высочество, Надин Миона, дочь князя Коста! — Стрельнула глазками: — Что мне нужно сделать?

— Проследить, чтобы убрали излишества и вазы, — обвела я пространство веером. — Иначе я их все перебью к ноевому дедушке! Причем, заметь — об головы тех, кто тебе не подчинится!

— Слушаюсь, ваше высочество. — Девушка мигом сориентировалась и задала встречный вопрос: — Простите, а можно считать излишним все то, что блестит?

Умная девушка! Ловит идеи на лету.

— Нужно! — заверила ее и пошла прочь. У меня оставалось неосмотренным еще одно помещение. Личная молельня принцессы. Обязательная своего рода малая часовня для знатных аристократок со всеми приличествующими атрибутами в виде икон Марайя, вышитых салфеток, алтарей, исповедальни и прочих прелестей религиозного уединения.

Осторожно, крадучись, я с немалой опаской подошла и отворила резную дверь. Ступила два шага внутрь...

Я думала, что готова ко всему? Так вот: я ошибалась! Готический стиль меня полностью добил и деморализовал окончательно буквально за пару минут.

Представляете, когда входите вовнутрь — и... чернота.

Помните детский ужастик: «в темном-темном лесу, на черной-пречерной поляне, в темном-претемном доме, в черной-пречерной комнате»?.. Ага. И дальше полный вариант истории для пионерлагеря про черную руку? — «отдай свое сердце!!!».

Молельня принцессы — песня из того же репертуара. Какая там богобоязненность! Вы только представьте!

Темень без окон. Все в черно-красном бархате. Лишь несколько одиноких канделябров на полу с тускло горящими свечами, которые не разгоняли окружающий мрак, а только подчеркивали хлипкими оранжевыми соцветиями сгущающийся ужас. Вдали слабо виднелась громада решетчатых коробок исповедален, более похожих на адские клетки для грешников.

И серебристо-облачный, фосфоресцирующий Вышний вверху, на противоположном краю комнаты, нарисованный совсем не в средневековой, а скорее абстрактной манере. Плюс скульптурные оранжево-красные черти рогатые вдоль стен и по углам, как живые, зловеще поблескивают золотом глаз. Больше никаких икон и святых! Лишнее. «А вдоль дороги мертвые с косами стоят... И тишина!»

Зайди сюда без подготовки кто-нибудь другой, с менее закаленной психикой — выносили бы труп!

Еще бы! В моей молельне изобразили ад безо всяких прикрас. Зрелище сугубо на любителя. Найти бы еще этих ваятелей-«любителей» и оставить тут пожить... с денька три. Или два... Чтобы после того окончательно тронуться умом, больше и не потребуется...

— Девушки, — прошептала я полуобморочным голосом, складывая руки на груди. — Помогите мне! У меня сейчас внутренний зверь выйдет вон и пойдет страшно мстить!

— Ваше высочество! — подскочила с правой стороны невысокая зеленоглазая блондинка в светло-коричневом платье с золотистой отделкой. — Мы поможем! Вы только скажите, что нужно сделать?

— Ты кто? — сфокусировалась я на ней.

— Милена Скай, дочь графа Тотоса, ваше высочество, — поддерживая меня за локоть, попыталась проявить вежливость и присесть в реверансе девушка.

— Не шали! — погрозила я ей пальцем, когда меня повело в сторону. Но тут сориентировалась последняя из фрейлин: красивая высокая девушка с тонкими чертами лица и удивительными сиренево-голубыми глазами. Светлая шатенка поддерживала меня за другой локоть и представилась сама:

— Янолга Кирикири, дочь графа Чагэса, ваше высочество! — не рискуя присесть вместе со мной.

— Предложения? — У меня уже просто элементарно отказывали мозги.

— Ломать? — робко спросила Милена.

— Валяйте! — махнула я рукой и потащила обратно в спальню, заботливо сопровождаемая Омаль. Мне срочно было нужно полежать!

— С тобой все в порядке? — наклонилась ко мне по дороге к наименьшему злу — спальне встревоженная маркиза.

Стараясь не смотреть по сторонам и сохранить частично целый рассудок, я ответила, выслушав матерные излияния того же рассудка:

— Отпустите меня в Гималаи, а?

— Где это? — удивилась статс-дама, старательно поддерживая мое увядающее от буйства красок высочество.

— Далеко, — просветила ее я. — И там хорошо... светло... монахи бегают...

— А! Монастырь! — перевела Омаль на свой понятный лад. — Уже нельзя, ты скоро станешь королевой.

— Каникулы королевам полагаются? — деловито спросила я, настраиваясь выслушать параграфы Трудового кодекса и, если придется, то оспорить свои права.

— Не знаю, — пожала плечами статс-дама. — Никто раньше не спрашивал.

— Эксплуататоры! — с чувством высказалась я, бессильно падая в заботливо подставленное кресло в спальне, куда мы все же дошли.

Не успела я перевести дух и отойти от шока, как вернулась одна из фрейлин Кристин Пушистис и привела с собой прохиндейского вида дядечку, у которого на лбу большими буквами мигало: «Беру взятки любым способом!»

— Чем может услужить Валякула Леникулус вашему высочеству? — поклонился лысеющий шатен с залезшими на лысину сзади волосами. Когда он выпрямился, у меня сразу настроение скакнуло вверх, следуя за напوماженной прядкой волос, которая тоже прыгала вверх-вниз.

— Господин Леникулус, — кивнула я в ответ на приветствие. — Я хочу, чтобы вы срочно, в течение пары часов, переделали мои покои!

— Все, что в моих силах, ваше высочество! — снова склонился в поклоне лизоблюд, выражая водянистыми голубыми глазами безмерную преданность и неукротимое желание услужить. — Лишь позвольте спросить: как к этому относится ее величество королева, вложившая столько сил и здоровья в отделку ваших покоев?

— Я передам ей свою неземную благодарность. — Шок начал уходить в никуда под натиском бурлящей злости. С едкой иронией: — А особо — за вложение сил и здоровья! Неоднократно... Но, смею заметить — у нас разные вкусы! Поэтому я настаиваю.

— И все же... — У кого-то слишком слабо развит инстинкт самосохранения.

— А ну стоять — бояться! — рявкнула я, после чего резко поднялась с кресла и выпрямилась, во весь рост нависая над распорядителем. — Ты кому, смерд, противоречить вздумал! Я тебя в порошок сотру и продам оптом в Орегондию. Для опытов!

— Не извольте гневаться, ваше высочество, — струхнул Валякула, поняв, что со мной шутки плохи. — Будет, как вы скажете. Сделаем в лучшем виде!

— Даю время до моего возвращения! — рыкнула в ответ будущая королева, давая знак окончания аудиенции. Распорядитель вымелся наружу задом, не переставая кланяться, и столкнулся в дверях с вернувшимися Миралиссой и Каревной, тащившими кучу образцов тканей.

— Девочки, положите на кровать, — велела я фрейлинам и тут же подбежала смотреть принесенное, не сдержав своего любопытства.

Образцы в общей массе были чудесны. Я отобрала несколько для каждой комнаты, примерно прикидывая, как именно должны выглядеть мои покои для того, чтобы я тут жила, а не мучительно существовала. К сожалению, выбор занял много времени, и я послала Кудеяр и Босоркань встретить и предупредить свиту, чтобы готовились к моему официальному представлению, а все остальное перенесли на завтра.

Отрывать от красивых тканей не хотелось. Омаль с трудом выдрала из моих рук кусочки материала и отправила меня в купальню — смыть дорожную пыль, привести себя в порядок и вообще... Как выразилась маркиза:

— Ты должна напоминать майскую розу после дождя!

— Я бы предпочла кактус, — пробурчала фальшивая принцесса себе под нос, топая в купальню и отчаянно сожалея об отсутствии солнцезащитных очков в этом мире. — Хотя... роза тоже имеет шипы!

В купальне меня ждали неизвестно откуда просочившиеся в покои две служанки во главе с Ларой.

— Это кто? — изумилась я, давая возможность стащить с себя амуницию.

— Помощницы, — ответила моя горничная, воюя с корсетом.

— Откуда? — продолжала я задавать вопросы. Мысленно хихикнув, представила, как Лара мне отвечает: «Из лесу, вестимо».

— Прислали. — Сегодня моя служанка была краткой, как никогда.

Вступая в ароматную теплую воду, я все же соизволила проявить законное любопытство:

— Как они сюда мимо меня попали?

Лара удивилась моей неосведомленности и пояснила:

— Через черный ход в купальне. Из гостиной тоже есть еще одна дверь в коридор.

О, как! Заходи, кто хошь, и бери, что хошь! Следовало бы хоть швабру поставить... на всякий случай. Надо застраховаться от незваных визитеров.

— Проходной двор! — сделала я вывод из услышанного. Дальше меня крутили и вертели,

драили, натирали и смывали. Честно говоря, у меня сняли как минимум три слоя кожи, но, думаю, я могла просчитаться и отдать гораздо больше. Пару раз я даже прикусывала язык, подавляя желание спросить садистов-косметологов со стажем: что они там нашли такого, кроме прошлогодней майки?

Наконец меня выпустили из цепких ручек и поволокли делать прическу и облачать в подобающее случаю платье. Сидеть пришлось в «солнечном» будуаре, отчего я опять начала тихо звереть. Хотя меня и посадили спиной к занавесям, но в зеркале они отражались прекрасно и салативо-оранжевой рогатостью сбивали весь настрой и цветовое восприятие. Через минут двадцать я была уже морально готова наставить королеве таких же красивых развесистых украшений — причем задействуя исключительно подручный, близлежащий (ее усилиями!) материал...

Отвлеклась я от своих жестоких планов тогда, когда мне принесли первое платье. Ничего не поделаешь, просто пришлось от них отвлечься — вынудили. Увидев парадный туалет, я привстала, скрипнула зубами и гневно скрючила руки, отчаянно мечтая придушить кое-кого, не будем тыкать в них пальцем! Почему? Да потому что мне принесли платье из золотой парчи! Мне! Рыжей!! Р-растерзаю!!!

Смертницы быстренько одумались и, с минутку пошущукавшись за дверью и полчаса побегав туда-сюда (я задремала сидя), притащили темно-фиолетовое платье с кринолином и вставками из фиолетово-серебряной парчи. Это я уже восприняла благосклонно и позволила себя в него облачить.

В то время как на меня надевали драгоценности, превращая милую симпатичную принцессу в вульгарную новогоднюю елку... кстати, я рьяно с этим боролась и сразу снимала то, что казалось излишним или неуместным (правда, на меня потом эти украшения, используя всяческие отвлекающие маневры, цепляли опять)... Так вот, в пылу моей освободительной борьбы за высокое качество против убойного количества пришел начальник дворцовых мастерских. Сутулый дядька лет пятидесяти с рябым лошадиным лицом и выступающими вперед крупными зубами ввалился не стучась; бегло, на грани небрежности, поклонился и отрекомендовался:

— Ваше высочество, Малюта Дуитик, виконт Майд, к вашим услугам.

— Виконт, — механически улыбнулась я, думая о своем. По ходу дела стащила с рук пару, на мой взгляд, лишних бриллиантовых браслетов (Лара попыталась их насильно вернуть на родину). — Я хочу поменять в своих покоях интерьер... — Отбилась от увесистых «тюремных» оков. Начался следующий заход на тему подвесок и ожерелий.

Мужчина оценивающе смотрел на меня, мрачно жуя ус. Я начала заводиться по второму кругу. Такое впечатление — он снимает «девочку» на панели, а та слишком заломила цену. Подобный взгляд на Земле и то классифицировался бы как весьма непочтительный.

— И мне нужно ваше содействие.

Новости были встречены звонким «хмык» и таким же невнятным поклоном. Казалось, Дуитик в зеркале кланяется самому себе... ну, чтоб не скучно было.

Я отлично понимала: безусловно, будущая королева — новая фигура на шахматной доске власти, и она никому не известна. Сейчас все будут приглядываться: стоит ли со мной считаться. И мое дело дать понять — стоит! Иначе в будущем попаду в разряд «пешек» и буду разменной фигурой. А к сильным личностям всегда тянется какая-то часть народа, создавая определенную защиту. Так учила меня родная история. Не думаю, что здешняя политология намного отличается. Очи долу могли бы сработать где угодно, но только не здесь. Выживает сильнейший, и у кого большие зубы. А я видела в музее скелет тираннозавра. Мне было на кого равняться!

— Прекратить мне строить глазки! — рявкнула я, поворачиваясь к виконту с титулом вежливости. — Господин Дуитик, перетяните всю мебель в моих покоях отобранной мною тканью. Мои фрейлины вам объяснят, что и где именно я хочу!

— А-а?.. — попробовал вступить в полемику начальник мастерских, видимо, по дурной традиции собиравшись спросить, как относится к моему вмешательству мадам свекровь.

Я опередила:

— Выполнять! Быстро!

— Но... — Кто-то был незнаком с сопроматом.

— Маркиза Мередит, — кликнула я фрейлину. — Будьте любезны пригласить ко мне королевского палача!

— 3-за-ч-чем, в-ваше в-высоч-чество? — склонился в три погибели виконт Майд.

— Узнаете! — зловеще пообещала я и приказала: — Вперед, осматривать фронт работ!

В дверь вежливо постучали. Кивнув маркизе, я разрешила открыть. В дверной проем протиснулся средних лет бравый дядечка в коричневом мундире с вышитым золотом моим гербом на груди. Углядев меня, возвышающуюся над всеми и всю из себя грозную, мужчина поклонился, прищелкнул каблуками и по-военному четко отрекомендовался:

— Каспер Неподкупий, герцог Рыкун, ваше высочество, начальник вашей охраны!

— Весьма приятно, — соизволила я улыбнуться и протянула руку для поцелуя. Рука была добросовестно обслужена. — Приступайте к своим обязанностям, герцог.

— Благодарю, ваше высочество, — еще раз щелкнул каблуками Каспер и попросил: — Вы не могли бы сказать пару ободряющих слов моим ребятам?

— Всенепременно, — согласилась я и вышла в коридор, позвав за собой наличествующих фрейлин.

А в коридоре... Вдоль стены выстроились та-а-акие рослые и симпатичные мужики!.. Я сразу вспомнила: «А я люблю военных, красивых, здоровенных...». И уж было совсем собралась любить всех оптом, как за углом послышался шум, и появилась бледно-зеленая Вемуля в сопровождении неандертальца двухметрового роста.

— Ух ты! — Такого образчика я еще не видела! Какая кунсткамера! Красотища!

Я рядом с ним сама себе показалась божьей коровкой и королевой красоты одновременно, причем — всех миров!

— Королевский палач? — выпалила я, с восхищением разглядывая пещерную личность. Личность кивнула и засмушалась.

— Подождите меня там! — ткнула я веером в сторону двери и вернулась к своим стражам. Некоторые при виде палача почувствовали себя чуточку неуютно.

— Приветствую вас, мои стражи, — пафосно сказала я, похлопывая веером о другую ладонь, в точности, как кот стучит хвостом об пол. Действие, на самом деле не выражающее внутреннего удовольствия. — Благодарю за службу!

— Рады стараться, ваш выс! — рявкнули ребята и по знаку начальника развернулись и потопали кто куда, следуя своему расписанию построения. Остались лишь двое, занявшие пост у входа.

Ободряюще улыбнувшись страже, я вернулась вовнутрь, успев заметить у некоторых фрейлин мечтательные выражения лиц.

— Но-но! — погрозила девушкам веером. — Без глупостей!

Герцог сел мне на хвост:

— Еще будут какие-нибудь приказания, ваше высочество?

Я нервно дернула щекой:

— Герцог Неподкупий, я очень рада, что вы с ребятами будете охранять мое тело, вы вызываете у меня доверие. Но у меня возник один интересный вопрос. Принц назначил в дороге начальником моей стражи герцога Рауля Силвермэна. Скажите, разве он сложил

свои полномочия? — По удивлению на лице Каспера я сделала вывод, что ему о том ничего не известно. Продолжила: — Простите за нескромность, а кто назначил вас меня охранять?

— Его величество король Амадин! — отрапортовал герцог, встревоженно вглядываясь мне в лицо. Добавил севшим голосом: — Я всецело подчиняюсь королевскому приказу.

— То есть его высочество принц и герцог Силвермэн не в курсе вашего назначения? — спокойно уточнила.

— Получается так, ваше высочество, — смущенно молвил Неподкупий.

— Хорошо. Не волнуйтесь. Я думаю, мы легко утрясем этот вопрос. В самом крайнем случае, вы сможете объединить свои силы, тем более что в дороге для моей охраны его высочество Матиас отдал мне часть своих рыцарей и стражников, а это совершенно недопустимо — лишать надежной защиты наследника престола, — рассудительно заметила я. Герцог молча поклонился и, обеспокоенный, вышел.

Разобравшись с одним из дел, я с удовольствием воззрилась на маявшегoся в непривычной обстановке палача и придворных, отсвечивающих всеми оттенками зеленого. У кого-то, правда, пошел сбой и вместо зелени проступила бледность или бордо, но эти случаи оказались единичными.

— Как зовут? — поинтересовалась я у пещерного человека, не переставая разглядывать дивный образчик сияющими глазами. Ну, люблю я все необычное и экстраординарное! До сих пор помню, как с «тарзанки» сигала, потому что с детства боялась высоты. Так вот, когда меня первый раз оторвали от перил и прямо с деревяшками швырнули вниз, то потом не могли от меня избавиться. Мне так понравилось! Правда, тогда немного пострадал инструктор, который ждал меня внизу. Ага. Я ему от страха саданула по голове теми частями перил, которые намертво зажала в руках. Беднягу пришлось сначала долго приводить в чувство и еще дольше — просить прощения. Так вот, с тех пор инструктор как меня видел — начинал подмигивать и спешил уйти подальше.

— Гамадрик, ваше высочество, — просопел палач, моргая на меня маленькими мутно-зелеными глазками из-под надбровных нависших дуг.

— Какое чудное имя! — не сдержала я улыбки. — И как вам подходит!

— Правда? — довольно запыхтел неандерталец. — Mamочка постаралась! Она меня так любит!

— Какая замечательная женщина! — с чувством поддержала я, пытаюсь представить его матушку. Но мне помогли. Безмерно стесняясь, Гамадрик полез в карман красных штанов и выудил небольшую миниатюру, которую протянул мне.

— Какая... прелесть! — выдавила я из себя, разглядывая портрет «бронтозавра», стоящего на задних лапах. — Ваша мама — редкая красавица!

— Спасибо, ваше высочество! — Палач порозовел от удовольствия. — Mamочка будет счастлива, услышав это.

— Передавайте ей мои искренние пожелания и поздравления! — пропела я, отходя от шока. На фоне мамы ее ребенок выглядел писаным красавцем. — Как ей повезло с сыном!

— Нижайше благодарю, ваше высочество, — истово поклонился палач и чуть не разбил крепким лбом мой столик розового дерева.

— Можете идти, — отпустила я его.

— Если что, то я всегда к вашим услугам! — Не переставая кланяться, Гамадрик попятился к двери. — В любое время дня и ночи!

— Обязательно! — заверила его я и прикрылась веером. Потому что позади заплечных дел мастера нарисовался мой муж, которого тот не увидел и смел с дороги, нечаянно чуть не уронив. Стражи успели на помощь и поддержали его высочество.

— Что здесь происходит? — грозно поинтересовался благоверный, проследив за побагровевшим от смущения палачом.

— Налаживаю общественные связи! — невинно сказала я, разглядывая расфуфыренного супруга в дорогом костюме с пышными рукавами и штанами-буф. Кстати, тоже фиолетово-серебряном. Обшитая по краю мехом белого горноста коротковатая мантия темно-фиолетового бархата с голубой подкладкой мне особенно понравилась из-за пришитых по полю ткани белых хвостиков. Башмаки с загнутыми носами... отдельная часть описания... у меня едва хватило сил громко не засмеяться.

— Связи? — Ноздри породистого аристократического носа раздулись и пригрозили стать крыльями. — С палачом?! — взревел его высочество Матиас.

— А чем он хуже остальных? — пожалала я плечами, поигрывая веером. — Такой же человек... — Фыркнула: — Кстати, гораздо более полезный, чем некоторые! — Я бросила выразительный взгляд в сторону начальника дворцовых мастерских.

Виконт Майд попытался стать невидимкой и слиться цветом со стеной. Фокус не удался. Такого насыщенного оттенка без специальных декоративных средств нормальному человеческому существу достичь не дано!

— Он — королевский палач! Человек низшей касты! Да ни одна женщина-аристократка не должна иметь с ним никаких дел! — возмущенно попытался донести до моего сознания принц давно заезженную истину. Но уронил по дороге, потому что добавил: — Вы меня компрометируете!

— Какой ужас! — Я комически прикрыла глаза и задрожала. — Я ж не знала, что когда вы уединяетесь с дамой — это невинное времяпрепровождение и детская шалость, а когда я у всех на виду знакомлюсь с обслуживающим персоналом — это компромат!

— Не утрируйте, — попытался заткнуть поток моего красноречия муж, запоздало догадавшись, что сорвал резьбу на кране.

— Вы не знаете, что такое «утрировать»? — хмыкнула я. — Разрешите пригласить вас на экскурсию по моим покоям. Гарантирую незабываемые ощущения!

Принц посмотрел на меня, как на последнюю дурочку (хорошее выражение! Интересно, первой дурочкой быть почетнее?), но спорить не стал, позволив себя увлечь в поход по экстремальным местам.

При виде будуара, симпатичных лосей и оленей с рогами супруг впал в протрацию и замер, соображая — кто тут олень. Гостиная произвела на него яркое впечатление. Матиас внимательно рассмотрел алый шелк и зеркала и, прошипев под нос нелицеприятное:

— Бордель на лобном месте! — отправился набираться острых ощущений в часовню.

А вот там ему понравилось. До такой степени, что у Матиаса созрел коварный план:

— Дорогая, вы не против, если я время от времени буду присылать сюда некоторых неугодных людей? Для общения с... богом?

— Садист! — сделала я вывод.

— Ну что вы! — отмахнулся муж, с интересом разглядывая подобие ада. — Просто использую подручные средства.

— Восхитительно! — заверила я его и предложила: — Давайте вы весь этот интерьер заберете к себе, пока у меня тут неучтенное привидение не образовалось? Я все же предпочитаю что-то поспокойней...

— Так вы желаете все переделать? — спросил супруг, предлагая мне руку и обнаруживая в поле своего зрения начальника мастерских.

— Естественно! — согласилась я с предположением, переведя его в уверенность. — Вы же не хотите вместо супруги получить сумасшедшего кролика!

Принц намек понял и поощрил мое начинание:

— Не возражаю, драгоценная супруга!

Ха! Еще бы он возражал! Я, может, и не образец верноподданной жены, но зато вполне адекватная и на него при каждом случае не бросаюсь с непонятными намерениями: то ли укусить, то ли поцеловать...

— Вы готовы? — перевел он тему беседы, более не удостоив никого из присутствующих ни взглядом, ни словом.

— Всегда! — выдала я свой девиз и выплыла из покоев, отдав последнюю команду: — Переделать и проследить! Те, кто не занят, за мной!

Статс-дама и пять фрейлин подобрали юбки и выстроились за моей спиной кавалерийским клином. Ну, или если кому так больше нравится — группой поддержки...

— Может, вам нужны еще фрейлины? — Матиас проявил не по-мужски трогательную заботу и под шумок попытался добавить головной боли: — Все же вам по статусу полагается не меньше четырнадцати.

— Благодарю! — кивнула я с достоинством. Подумала: «Как бы мне тех, кто есть, запомнить и работой занять, чтобы просто так не болтались и на... гм... шлейфы себе приключений не искали? А то во-он как стражам глазки строили, аж мундиры воспламенялись!» — Мне и этих хватает!

— Ваше желание для меня закон! — сообщил мне принц свою точку зрения. Хех! Шалун! Я ж могу и поверить!

— Все желания? — немедленно заинтересовалась я допустимыми размерами раскатывания губы.

— Все... Разумные, — пошел на попятную любезный супруг, выводя нас к спуску на лестницу, где давно поджидал рыщущий глазами отряд его кавалеров.

— А степень разумности кто определяет? — Моей губе явно хотелось больше места, чем муж был готов уступить.

— Я! — просветил меня Матиас и дал понять, что этот разговор окончен.

Наи-и-ивный! Сначала справку от психиатра принеси, а то потом еще замучаешься мне причины, почему «нельзя», объяснять. А вот тогда я уж буду определять... хм, степень разумности!

По широкой беломраморной лестнице мы чинно спустились на один этаж, прошли несколько пустынных залов и остановились перед громадными, инкрустированными перламутром и украшенными позолотой створками, ведущими в тронный зал.

Мне быстренько навели последний блеск, и глашатай завопил для особо глухих:

— Поспешествующею милостию Вышнего Кронпринц Матиас, наследник престола Сегала, великий герцог Мирмурский и Лапланч, герцог Урманский, Свяжский и Балатранский, его сиятельство князь Выхойский, граф Кольвинский, маркиз Арканский, барон Урланский, Катрасский и Амальданский, виконт Белийский, владетель Баоссили, Турманс и прочая, прочая, прочая...

— Принцесса Алиссандра, жена наследника престола принца Матиаса, наследная принцесса Глеховии, великая герцогиня Айверская, герцогиня Килисская, Шасская и Далисская, княгиня Даурская и Вотийская, графиня Созельская, Мимурская и Айлозильская, маркиза Ципильская, баронесса Турийская и Сорийская, владетельница Хольста, Айренга, Вудувилля и прочая, прочая, прочая...

подавив два мучительно назойливых желания — навсегда заткнуть чей-то рупор и прочистить свои оглохшие уши, я мило оскалилась мужу. Подумала: «Мне столько титулов сроду не запомнить! Нужно будет на бумажке записать и принимать вечером по одному, как снотворное!» — и, сохраняя царственную осанку, уверенно шагнула в

тронный зал.

О, господи! У меня появилось чувство, будто я ступила в православную церковь.

Высокий купол потолка поддерживали два уровня арок, в основании которых стояли на первом этаже — нефритовые, а на втором — лазуритовые колонны. Все пространство стен занимали художественные фрески.

Вначале, при входе в зал, то были вереницы святых с золочеными нимбами, ведущих богобоязненные беседы и торопящихся по неведомым простым смертным, но несомненно важным делам.

Мозаичный пол искусно оживляли фигурки животных в местном круге зодиака.

За тронном на стене виднелось конное изображение Марайя, карающим мечом повергающего какого-то демона, весьма похожего на полузмею-полудракона.

Выше трона ангел трубил о его великом подвиге.

Еще выше, на уровне второго этажа и на потолке, Марай в окружении тех самых святых готовился отбыть на небо и очень восторгался по этому поводу, эмоционально приподымая руки и расталкивая соратников.

Святые, по этому случаю лишенные нимбов (наверное, позавидовали мужику черной завистью!), вовсю шустрили поодаль. Некоторые, особо доверенные лица, обмахивали будущего небожителя опахалами и припадали к его стопам, видимо, надеясь вовремя в него вцепиться, чтобы и самим туда взлететь. Художник заметно злоупотребил аффектированными позами, отчего полотно фрески, вместо того чтобы внушать пылкое благоговение, вызывало нездоровый смех. У меня, во всяком случае.

Я тихо хихикнула, чем заслужила неодобрительный взгляд супруга и предупреждающее пожатие руки. Действительно, на нас сейчас направлено слишком много враждебного внимания. Едва заметно кивнула, как бы извиняясь за несдержанность, и продолжила разглядывать зал.

Из узких и высоких окон, умело закамуфлированных в стенах и потолке, в помещение лился яркий свет.

Синяя бархатная дорожка от лестницы прямиком вела к трону. По ее сторонам поставили поручни с бархатной веревкой между ними, явно в честь нашей встречи. За ограждением волновалось безбрежное море придворных, сливаясь в одну разноцветную массу. В эту толпу влилось и наше сопровождение, предоставив нам с мужем идти к трону одним.

На противоположном конце зала, на бирюзово-бархатном возвышении в громадных креслах восседали король с королевой. Когда мы спустились и подошли ближе, король резко встал, приветствуя близких. Королева с промелькнувшей и мгновенно подавленной гримаской неудовольствия медленно поднялась следом.

Мое восприятие от волнения сузилось. Сейчас я уже не могла охватить всю картину в целом, поэтому пришлось разглядывать всех по одному. Руки непроизвольно затряслись. В голове образовалась приятная легкость. Почему? Да потому, что оттуда в страхе сбежали мозги, прихватив с собой мысли. Видимо, на всякий случай...

Похоже, муж почувствовал мое не от мира сего состояние. Матиас наклонился и тихо шепнул:

— Где же ваша смелость, дорогая?

— Там же, где ваша мужественность, драгоценный, — обиделась я, услышав в голосе насмешку. — Канула в неизвестность и там слегка заблудилась!

— Где моя новообетенная дочь? — прогрохотало с трона. И ко мне начал спускаться король. Я в который раз за сегодня подавила желание спрятаться за спину мужа и прикинуться колонной, если уж за статую святой принять не согласятся.

— Дай-ка я на тебя посмотрю, милая! — заорали уже над ухом. Я подняла глаза и...

Папочка моего принца не разочаровал. Именно таким я его и представляла. Верста коломенская, под стать моему мужу. Широкоплечий. Темноволосый с проседью. Благородный король-рыцарь, получивший это прозвище от официальных историографов. Каких только эпитетов они ему, бедолаге, не повесили — «храбрый, честолюбивый, хитрый... сластолюбивый». Ну-ну...

— Какая ты худенькая! — сжали меня в медвежьих объятиях.

— Если вы меня еще немного... уф!.. подержите, — выдавила я под аккомпанемент хруста собственных ребер, — то меня вообще найти будет очень сложно...

— Хо! Хо! Хо! — засмеялся Амадин и отпустил слегка помятую принцессу. — А ты с характером! Хорошо!

— Чего уж тут хорошего! — пробурчал супруг, обнимая отца, которого я рассматривала во все глаза.

Совершенно некрасивый, с огромным перебитым носом, похожим на утиный, крупным ртом, тонкими усиками и курчавой бородкой не по моде. В ухе, словно у пирата, одинокая белая в серебре жемчужина устрашающих размеров. На голове прикольная старомодная шапочка — не то бархатный берет, не то местная модифицированная версия шапки-ушанки, хоть и обогащенная должным образом бриллиантами и прочей бижутерией.

— Нравлюсь? — вдруг лукаво подмигнул мне свекор.

Он производил сложное впечатление... Вокруг короля царила и давила на психику аура абсолютной власти. И, на контрасте, — добрые-предобрые смеющиеся глаза. Его величество король Амадин был бы совершенно неказист и, в общем, вполне ординарен, если бы не эти глаза. Они преображали лицо, преломляя силу — в доброту, а цепкий ум — в глубокую человеческую мудрость. И еще... по отношению к своему наследнику, принцу Матиасу, они светились огромной любовью, настолько сильной, что часть этой любви автоматически переходила и ко мне, молодой невестке.

— Безусловно! — не задумываясь ответила я, глядя королю прямо в глаза, и ничуть не покривила душой. Он мне действительно чрезвычайно понравился.

Совершенно очевидно — король с самого начала предпочитал видеть во мне не соперницу счастью его ребенка, не претендентку на королевские милости, а любимую дочь и уважаемую супругу его сына. И столь велико было это обаяние... своей улыбкой, ласковым обращением король-отец настолько это всячески демонстрировал, что заставлял меня невольно расцветать ответной улыбкой, полной невысказанного солнечного обещания.

— Позвольте и мне поздороваться с принцем, — раздался мелодичный голос, полный липкой патоки. Как-то так я себе и представляла свою соперницу...

Как я уже поняла из перешептываний моего близкого круга, королева прослыла дамой властной и опасной. Такой себе Маргарет Тэтчер в белых шелковых перчатках, которая мягко стелет, да жестко сплет. Где надо — брала лаской, где надо — поразительной жестокостью и коварством. И еще: все, как один, дружно упоминали о ее фантастических амбициях. Так что от этой леди мне держаться подальше сам бог велел. Она к людям беспощадна. Собственно, кроме нее, все остальные в ее глазах — не люди. Так, грязь... Неизвестно еще, чем бы все дело закончилось, если бы не менее властный папаша моего благоверного не удерживал ее норов в ежовых рукавицах, за что ему спасибо огромное ото всех (и от меня лично — авансом на будущее!). В общем, народная молва единодушно утверждает: моя «мама» по мужу — стервь еще та.

— Здравствуй, мой дорогой! — Королева картинно припала на грудь моему мужу, как будто он вернулся из похода, победив по меньшей мере дракона. Интересно, бывают ли драконы рыжие? И можно ли меня причислить к племени огнедышащих ящеров? А если «да», то где кнопка для включения огнемета?.. Я б сейчас с удовольствием кого-то поджарила! До хрустящей корочки!

Матиас вымученно улыбнулся и попытался с осторожностью отодвинуть мачеху. Ага! Щас! Та прилипла к нему намертво, явно давая одной рыжей принцессе понять, что мой номер последний и я в глубоком полете. Как же! Разбежалась!

— Здравствуйте, мама! — нагло влезла я между ними. — Как ваше здоровье? Радикулит больше не беспокоит? Коленки сгибаются?

Теперь я с интересом вглядывалась в черты свекрови. Да, слухи о ее красоте ничуть не преувеличены! Благородная статная дама немаленького роста. Над окружающими (за исключением короля-отца и его сына) она возвышалась, словно колокольня над городом. Грудь высокая и маленькая. Правильные округлые полушария, заманчиво поданные корсетом, томно выглядывали из декольте, полуприкрытые кружевом косынки.

Я облегченно вздохнула: ну не одна я такая безгрудая!

Тонкий стан плавным гитарным изгибом переходил в широкие бедра. Покатые плечи, согласно веянию моды, всячески подчеркнули одеждой. Открытые руки, с большим вкусом облагороженные бриллиантовыми и золотыми браслетами, венчались аккуратными ухоженными ногтями, явно хорошо знакомыми с вполне цивилизованным маникюром.

На породистом умном лице сразу привлекали внимание темно-карие глаза в обрамлении темных бровей и ресниц. А если учесть, что наша королева — натуральная пепельная блондинка, к тому же еще и очень светлая, то сочетание било мужчин наповал.

Особенно хорошо смотрелись эти глаза с фарфорово-белой матовой кожей. Удачно подобранная косметика, практически незаметная, лишь усугубляла это чувство первозданной красоты.

Чистый высокий лоб венчала большая каплевидная, нежно-розовая жемчужина, спускающаяся вниз посредине пробора от небольшой бриллиантовой диадемы. Тонкие выщипанные брови идеально правильной дугообразной формы подчеркивали красоту бездонно-темных глаз. Лицо королевы-мачехи немножко, самую малость, портил нос. Он был... несколько длинноват. И к губам можно было придраться — на фоне носа они казались чуточку тонкими. Но сами алеющие уста, сохранившие природную свежесть и упругость, словно манили для поцелуя. А нос, хоть и длинный, в остальном был вполне красивой формы.

— Дорогая! — вмешался в нашу безмолвную перепалку глазами король Амадин. — Не стоит переигрывать!

Омелла бросила на меня последний ненавидящий взгляд, расцвела фальшивой улыбкой и повернулась к мужу.

— Я просто радуюсь воссоединению семьи, дорогой! — пропела она, и мне приспичило сделать ей какую-то пакость. Благо предлог качался у меня перед глазами...

Прическа ее величества поражала воображение посильнее современных переводных любовных романов с «расстегнутыми наголо штанами». Я такой больше ни у кого никогда не видела: ни при дворе, ни на старинных гравюрах. Итак, на голове королевы Омеллы в разные стороны от пробора были хитрым манером закреплены булавами, шпильками и лаком гигантские воловьих рога. Их «подножие», зафиксированное золотыми сеточками в черных мелких жемчужинах, выходило постепенно на острые кончики, для довершения впечатления увенчанные специфическими навершиями из полос золота и серебра. Интересно, это намек на участь мужа? Или предупреждение?..

Пока я раздумывала, как правильнее донести до окружающих свою мысль, мне пришел на помощь король, который попенял любвеобильной супруге:

— Омелла, вы не поправетствовали как должно ее высочество!

Королева поперхнулась ядом. Такой вывод напрашивался сам собой на основании выражения ее красивого лица. Если бы взглядом можно было убивать, то я бы уже минут десять лежала бы посиневшая, вся из себя мертвая и остывающая, а ее величество, торжествуя, исполняла бы на моей могиле танец победителей из репертуара народов «тумба-юмба».

Глядя на стильную прическу королевы, я подумала, что Зигмунд Фрейд при виде этого шедевра сейчас бы обливался слезами счастья в обнимку с Кащенко и братался с Альцгеймером и Роршахом. Подпустив в голос елея, я возвела очи горе и восхищенно выпалила:

— Ее величество, видимо, не может уделить мне достаточно своего высочайшего внимания в силу чрезвычайной занятости!

И муж мне подыграл:

— Чем же так занята ее величество с вашей точки зрения, дорогая?

— Она во-он какие рога носит! — громким шепотом сказала я, приобщив: — И, возможно, они ей жмут!

— Хо! Хо! Хо! — чуть не закатился под кресло от смеха король. — Ты мне нравишься, дочка! Хо-хо!

Я заговорщицки улыбнулась ему и перевела взгляд на покрасневшую от гнева королеву. Я знала, что в ее лице приобрела нешуточного врага, и сейчас давала понять — со мной тоже шутить не стоит. Ибо, вспоминая и перефразируя известную поговорку: кто к нам с рогами на голове придет, того мы в Чудском озере и утопим!

Омелла, безусловно, намного красивее меня. Смягченная линия челюсти, высокая лебединая шея, гордый постав головы — каждая черточка в этой женщине кричала о породе. И любые мелкие недостатки ее не портили, а словно прибавляли изюминки.

Я на фоне ее совершенства должна была казаться даже не гадким лебедем и не утенком... а блохастой дворовой шавкой с колтунами на фоне холеной афганской борзой. Нас нечего и сравнивать! Но и мне характера и упрямства было не занимать! С фаворитками мужа и просто неугодными моя соперница лихо расправлялась с помощью яда и кинжала. Посмотрим, что она придумает для меня...

— Алиссандра, — протянул мне руку свекор, — разреши мне сопроводить тебя на ужин!

— Конечно, — подала я свою руку. Мой желудок немедленно с этим согласился звучным утробным урчанием.

— Воспитанные дамы не позволяют себе такого, — прошипела сзади королева, сопровождаемая Матиасом.

— Воспитанные дамы не виснут на чужих мужьях ослиным ярмом, — парировала я, не оборачиваясь.

— Девочки, не ссорьтесь! — сделал попытку нормализовать наши дамские отношения король.

Ха! Тут дело уже не ссорой пахнет, а ядом или удавкой, настолько изощренная фантазия у королевы...

— Не волнуйтесь, ваше величество! — улыбнулась я, между тем раздумывая, попытается Омелла меня сегодня со свету сжить или все же хорошо подумает перед этим?

В это время по длинному коридору мы добрались до уютной столовой, предназначенной для семейных трапез.

На воцеленном паркетном полу, сильно напоминающем шахматную доску, посреди скромной (по дворцовым меркам) комнаты высился овальный стол на четыре персоны. По обеим сторонам помещения стояли ряды кресел, на которых, после того как мы сели, угнездились придворные, с неммым обожанием пожиравшие голодными глазами царскую чету и их отпрыска. Под их взглядами мой аппетит застеснялся и попытался скрыться. Пришлось поймать и пригрозить голодной смертью. Худеть мне было некуда, жиров у меня отродясь не водилось, белки сбежали от плохого питания, оставались лишь углеводы...

В торце комнаты, за спинами их величеств, у нарядной стены, обтянутой парчовой

шпалерой, были установлены две изысканные этажерки белого дуба с цветной стеклянной посудой. Между нами и этажерками, в конце ряда кресел, пристроились два огромных стеклянных светильника в виде больших напольных ваз.

Между этажерками с посудными диковинками в стену был вмонтирован огромный камин. Его хорошенько протопили, и угли отбрасывали теплые отблески на всю комнату и нашу честную компанию.

Над столом, пугая меня своей массивностью и довольно низким расположением, горела огромная золоченая люстра с десятками свечей.

И зачем было устраивать над головой эту гильотину, если резной деревянный потолок достаточно высокий — метров пять? Или ешь, пей, веселись, но не забудь: «Memento mori». Загадка.

Перед камином углы скругляли арки красного дерева, на боковых сторонах которых тарачились стеклянными глазами... кто бы вы думали? Опять олени! Свихнулись они на этих рогах и оленях, что ли?

Или это неприкосновенный продуктовый запас? На крайний случай? А панты... ну, там для поднятия тонуса? Мужского? И тоже НЗ...

Их величество подвинул мне пузатый раззолоченный стул и сам уселся рядом. Напротив я имела честь рассматривать своего мужа, галантно ухаживающего за мачехой.

По щелчку королевских пальцев в столовую ввалились лакеи с подносами, и ужин начался. Передо мной поставили продолговатое блюдо из тонкого фарфора с чем-то круглым и длинным. Причем это круглое на одном конце заканчивалось овальным ртом с присосками и острыми зубами. Из середины этого зверя вывалился костистый язык, обильно политый зеленоватым соусом.

Бр-р-р! Вот это ГАДОСТЬ!!!

Свекор, увидев, что я испуганно застыла над своим блюдом, нервно облизывая внезапно пересохшие губы, наклонился ко мне и спросил:

— Милая, ты не любишь миног?

— Кого? — отвлеклась я от пересчитывания количества рядов игольчатых зубок морского зверя. К этому «блюдю» даже подойти было боязно, не то что есть. Как раз чем есть — я усекла, подсмотрев искомое в руках королевы и принца. Но, опять-таки, надо ли?.. Страшно. Не то глист, не то пиявка, не то свежезажаренный Чужой. И еще один бог знает, погубило оно на самом деле или только прикидывается. Представляете: попадет такая дрянь к тебе внутрь, и ну давай размножаться! Кошмар!

— Это орегондская минога, — любезно пояснил мне свекор, мастерски разделявая с содержимым тарелки и промакивая жирные губы краем салфетки. — Исключительно полезный деликатес — очень способствует ночной активности!

— Тогда можно я свою порцию мужу отдам? — прошептала я. — Мне-то активности в любое время суток хватает!

— Хо! Хо! Хо! — зашелся король от смеха. — Молодец! Так нас, мужчин! Гоняй по ночам супруга, пока молодой!

Матиас недовольно глянул на наше маленькое сообщество, но смолчал. Только поправил салфетку под подбородком и еще раз бросил выразительный взгляд на супругу. Он, часом, меня с миногой не попугал? Уж больно взгляд голодным показался.

— Вы о чем? — обратился к нам принц, не подозревая о своей участи.

Я представила, как гоняю будущего короля по совету его батюшки, вооружившись в одной руке скалкой, в другой — чугунной сковородкой. Жестоко... Встряхнула головой, отгоняя дивное видение, и отодвинула блюдо, не попробовав. Вслух сослалась на непереносимость мяса миног. По краткому взгляду королевы поняла: она приняла к сведению, и теперь этой пакостью меня станут потчевать пожизненно! Вплоть до

уничтожения потенциального противника!

Следующим кушаньем, подаваемым к столу, оказался разделанный ломтями колючий шарик... не знаю, как это выговорить, но наш аналог — рыба-фугу. От страха у меня стало сухо во рту и увлажнились руки. Я попала в королевский клуб самоубийц? Или здесь сборище гурманов-экстремалов?

Хлопая глазами, долго выбирала уважительный предлог для отказа участвовать в сегальской рулетке и пропустила момент, когда король, скрипя стулом, поднялся. Слуги по его приказу налили всем за столом белого вина с благородным ароматом фруктов.

— Хочу выпить за вас, дети! — обратился к нам король. Мне стало неудобно, и я тоже вскочила, за мной поднялся муж. Омелла демонстративно осталась сидеть и рассеянно вертела в тонких пальцах хрустальный бокал.

— Пусть жизнь ваша будет длинной! — Амадин глядел на сына увлажнившимися глазами гордого отца. — Пусть рядом с тобой будет понимающая женщина! Пусть она продолжит наш род и принесет тебе счастье! За ваше терпение и любовь, мадам!

— Спасибо, отец! — Матиас протянул ему фужер, и мужчины чокнулись. И слава богу, что фужерами, а не мозгами... Это я уже от голода злословлю.

Не желая отставать от мужа, я тоже поднесла свой бокал и с плавным «Дзинь!» влилась в компанию:

— Благодарю вас, ваше величество!

— Можешь звать меня папой! — заявил растрогавшийся король. И королеву перекосило. Еще бы! Мне теперь как бы положено ее «мамой» называть...

— Спасибо! — искренне улыбнулась я в ответ, приходя в хорошее расположение духа. Маленькая гадость сопернице, а приятно!

— Замечательное вино, отец! — отсалютовал фужером принц, садясь на место. — Это из наших виноградников?

— Да! — переключился на, по всей видимости, любимую тему Амадин. Гордо расправив плечи, его величество пробасил: — Можешь меня поздравить! Вино с южного склона Урланского виноградника. Это куртильский сорт, скрещенный с мартильонским.

— О! — удивленно обрадовался Матиас. — У тебя получилось!

У меня возникло чувство, что передо мной Мичурин и Лысенко обсуждают результаты последних опытов, а я в роли академика Павлова жду, когда же собака загавкает.

— А ты что думаешь? — внезапно обратился ко мне свекор.

— Прошу прощения... — начала я осторожно. Скрестила руки домиком, игнорируя условности, и мягко глянула на короля искоса: — Я ничегошеньки не понимаю в виноделии. Наоборот, меня всегда интересовал вопрос, почему вино желтого цвета называют белым, если оно сделано из зеленого винограда? Где связь?

Мужчины переглянулись и заржали вместе. Потом сначала один, а затем и второй облобызали мне ручку и заверили в своем почтении и горячем желании рассказать о виноделии... прямо сейчас... когда-нибудь... на досуге! Последнее предложил мой супруг. Не выдержав, поинтересовалась:

— Когда же он у нас будет, этот совместный досуг?

Ответом мне стало пространное заверение между глотком вина и одергиванием кружевного манжета:

— Не забивайте свою хорошенькую головку, дорогая супруга!

И я покраснела от унижения, поднимая ветер ресницами. Это он меня так тонко оскорбил или толсто подмазался?

— А теперь я хочу сделать вам подарок, Алиссандра! — торжественно начал король. — Я слышал, ты у себя в покоях перестановки затеяла...

Омелла подобралась, словно готовящаяся к броску кобра.

— Э-э-э... Да! — созналась я в преступлении.

Амадин усмехнулся, стрельнул на жену глазами и махнул рукой:

— Я понимаю, дело молодое... Заранее даю тебе «добро» на все перестановки и нововведения, которые сочтешь необходимыми. А чтобы и со своей, так сказать, стороны в этом поучаствовать, прими от меня в дар новый гарнитур из трех лорийских сервантов и фазийского книжного шкафа. Там замечательная перламутровая инкрустация слоновой костью с гравировкой пером. Красотища-а-а... Сам выбирал!

— Спасибо вам за заботу! — искренне поблагодарила я. — Мне очень приятно!

— Там еще немного фамильных драгоценностей, — добавил король. — Самая малость... Да что я тебе попусту, словно местечковый ювелир или мебельщик-краснодеревщик, расписываю — сама их посмотришь!

— Немного! Самая малость!!! — прошипела сквозь зубы Омелла. — Мебель от Перье Амбазона! Все драгоценности покойной королевы, самые крупные камни чистой воды! Хорошенькое «немного»!

Ага! Тебе, значит, гюрза ядовитая, не дали свои ручки туда запустить, и ты сильно по этому поводу переживаешь?!

— Еще раз спасибо... папа! — заявила я, наслаждаясь видом злобствующей королевы, вздрогнувшей при моем законном «папа».

— Спасибо, отец! — из семейной солидарности поддержал меня муж.

Король откинулся на спинку стула и заявил:

— Учись, сынок! Руки женщины должны дрожать от богатых подарков, ноги — от бешеного секса, а сердце — от пламенной любви!

— А она от резонанса, часом, не развалится? — вырвалось у меня. Случайно. Честное слово!

— Хо! Хо! — закатился свекор очередным грудным смешком. — Как тонко подмечено! Ты, девочка, шутница!

— Нет, — попыталась я оспорить. — Просто некоторые вещи для меня непонятны, и я спрашиваю, стараясь поучиться у старших. — Последнее уже медовым голосом и со взглядом в упор на ее величество. Это опасная игра — дразнить королевскую кобру, но меня, можно сказать, просто распирало от желания хоть немного отыгаться за оранжево-рогатый прием в багровых тонах с упором на готику!

— Отчего ты не ешь деликатесы? — заглянул в мою тарелку Амадин. С укором затряс бородкой: — Главный повар специально для тебя сегодня расстарался вовсю.

— Я рыбу не люблю! — честно ответила, высматривая на столе еще чего-нибудь съедобное, кроме опасных для здоровья морепродуктов.

— Зря! — заверил меня король. — Это очень полезно!

— Папа, вы хотите сказать, мне фосфор нужен? Думаете, если я буду светиться в темноте, то ваш сын не промахнется? — Скажите, где мое благоразумие? Помахало ручкой?

Мне беззлобно погрозили пальцем и спрятали понимающую усмешку в бороду. Я ответила лучистой улыбкой. Хороший мне свекор попался! Заботливый.

Матиас сидел в задумчивости. По-моему, добрую половину папиных высказываний он вообще банально пропустил мимо ушей. В отличие от королевы-мачехи, которая ловила

за столом каждый вздох. Не удивлюсь, если у нее под скатертью спрятана вощеная дощечка со стилем, где запечатлена каждая моя реплика.

— Значит, ты с моего ужина голодная уйти хочешь? — шутливо прорычал король. — Не выйдет!

Щелкнул пальцами, подзывая мажордома, и громко приказал:

— Принесите принцессе мясо!

— Есть пожелания? — Это мне.

— Нет, — поспешно ответила, пока спрашивали. — Любое (в памяти всплыло мясо «потатарски»). — Лишь бы не сырое.

— Слышал? — осведомился король. Дождался подтверждающего кивка и поклона и величественно отпустил обслуживающий персонал. Тот шустрил с огромной скоростью и диким энтузиазмом. Такое впечатление, будто слуги в королевском дворце не ходили на двух ногах, а летали на крыльях. Уже через несколько минут передо мной дымилась, исходя заманчивыми запахами специй и подливки, запеченная баранья нога с гарниром из овощей.

И наконец-то я наелась. До отвала. От стола... Набив желудок, я даже подобрела и перестала посматривать на свекровь ласковым взглядом Виктора Франкенштейна.

Ужин подошел к завершению. Напоследок нам накрыли сладкий стол, весьма порадовавший меня богатством ассортимента тортов и пирожных и вызвавший содрогание у ее величества королевы.

Значит, вы, мама, на диете сидите и никак слезть не можете? Это замечательно, драгоценная. Я теперь вам буду презентовать от всей широты души и для пользы вашего нежного желудка исключительно пирожные с масляным кремом! И не говорите! Правда, я добрая?

— Доча, — обратился ко мне король, когда я мирно дожевала пятое или шестое воздушное пирожное, вызывая явную зависть королевы, прихлебывающей травяной отвар с «таком», то есть с ничем. — Я сегодня твоего мужа задержу. Нужно обсудить завтрашнюю коронацию и тому подобное... Так что ты иди к себе и не переживай.

— Конечно! Благодарю вас, папа! — ничуть не расстроилась я вновь осложнившимися обстоятельствами. Ну не стану же я выкладывать добряку Амандину как на духу, что мне визит дорогого супруга по-любому в ближайшем будущем не светит? — Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, детка! — Король вежливо отодвинул мой стул и легко коснулся губами лба.

— Приятных снов! — Супруг расчувствовался и поцеловал меня в щечку. Нью-ню. Как бы не так! На сей раз отбойриться чмоком в щечку у благоверного не выйдет! Я вообще-то на его внимание и жаркие поцелуи не претендую, но тут отдельная статья! Здесь королева со злобным огоньком и чувством превосходства в глазах.

Не откладывая дело в долгий ящик, чтобы не отлавливать потом неуловимого супруга по всей комнате, я повисла у него на шее и впилась в губы страстным поцелуем со словами:

— О-о-о! Как мне будет вас не хватать!

Муж от меня такой подлянки не ожидал и баррикады не возвел, более того — через несколько секунд сдался и уже с чувством поцеловал в ответ. Приятно!

— Кхе-кхе! — раздалось рядом деликатное покашливание венценосца. — Дети, вы слегка увлеклись!

— Ой, простите! — воскликнула я для приличия, но мне было не стыдно ни на йоту. Кажется, муж испытывал сходные чувства.

Омелла язвительно высказалась:

— Как вульгарно вы себя ведете! Демонстрировать подобное прилюдно! Фи!

— Завидно? — Меня смутить было сложно, и на губах все еще горел поцелуй, придававший дополнительный азарт.

Мне в ответ фыркнули и промолчали.

— Все же завидно! — сделала я вывод. — Разрешите удалиться, ваше величество? — присела в реверансе.

— Иди уже, маленькая Алиссандра! — отпустил меня король.

Это я-то маленькая?! Еле сдержалась, чтобы не высказать королю свое мнение на сей счет.

Задорно подмигнув мужу и с наслаждением проигнорировав свекровь, я плавно выступила из комнаты. За порогом меня встречал ароматом духов и ворохом сплетен мой неутомимый женский батальон.

— Ваше высочество, ваше высочество! — Миловидная Арсайя Цав подпрыгивала от нетерпения. — У вас в покоях отказались вести работы!

— Что значит «отказались»? — не поняла я тонкости лакейского юмора.

— Господин Валякула Леникулус сказал, что он не может пойти против воли ее величества королевы, — мрачно заявила Кристин Пушистис, крутя каштановый завиток.

— И? — подтолкнула я галдящую толпу девушек к чему-то определенному.

— И все рабочие покинули ваши апартаменты, — выпалили Надин Миона.

Вот это номер! Честное слово, правы люди: лучше быть в шоке от услышанного, чем в заднице от происходящего!

— Пошли! — решительно сказала я и двинула в свои покои. Около двери из тронного зала ко мне подскочила Омаль.

— Ваше высочество, я ни от кого не могу добиться услуг! — Маркиза от гнева пламенела красными пятнами. — Все как сговорились! Слуги и лакеи дружно кивают на королеву!

— Омаль, завтра королевой стану я! — напредила я статс-даме, прищуриив глаза. — И тогда посмотрим, кто мне посмеет отказать!

В моих покоях царил... капитальный раздрай. Если не сказать более неприлично. Удерживал меня от выражения своих глубинных эмоций лишь только факт, что, начав выплескивать наружу наболевшее, возможно, я не смогу быстро остановиться. Рано моим фрейлинам постигать ряд лингвистических нюансов. Потому как ругаться я могла долго и вычурно, со знанием дела, используя несколько имеющихся в моем распоряжении языков и множество сленговых оборотов.

И то сказать... Если бы все стояло или висело на своих местах, то со скрипом, чисто теоретически можно было бы тут переночевать, поскольку спишь все же с закрытыми глазами, и спальня на фоне всего остального ужаса казалась не такой уж невыносимой (хорошее словечко! Многозначительное!). Но... содранный балдахин, перевернутая кровать, оголенные стены и валяющиеся кусками на полу снятые шпалеры наводили на мысль о военной разрухе. С этим срочно что-то нужно делать!

— Так, дамы! — обрела я способность говорить. — Берите все самое необходимое для моего вечернего и утреннего туалета — и за мной!

Фрейлины под чутким и умелым руководством статс-дамы нагрузились рубашками, пеньюарами и платьями, вдогонку прихватили ящики и шкатулки. Я взглянула на сборы и тоскливо помечтала о караване верблюдов для переноски всего этого скарба. Выстроившись вереницей, дамы выжидающе посмотрели на меня.

— А теперь мы идем к принцу! — задорно возвестила я, чем ввела всех присутствующих в кратковременный ступор.

— Его высочество в курсе вашего визита? — деликатно уточнила маркиза мне на ухо.

— А должен?.. — не менее деликатно ответила я. — Скажу, что случайно мимо шла. Проведать захотелось... ну и все такое. И вообще: какие могут быть церемонии между женой и мужем!

— «Такое» ему наверняка не понравится! — попробовала меня отговорить маркиза.

Эх, ее бы в студенческую общагу... нет, не на годик — на пару суток!

— Следовательно, у него плохой вкус! — парировала я. — Будем исправлять. И вообще, ему крупно повезло!

— В чем это? — Омаль позволила себе толику ехидства.

Я взглянула на нее новыми глазами: как все-таки житейская ситуация меняет человека! В замке Мордебуль перед мной склонялась выгоревшая дотла сухопарая надменная вобла. А здесь... глазки горят, щеки алеют, с принцессой преспокойно спорит... С того памятного вечера маркиза очень помолодела, она словно излучает жизненную силу!

— Как в чем? — удивилась я и начала загибать пальцы, перечисляя: — Во-первых, вкус исправлять менее травматично, чем прикус. Во-вторых, ему не будет скучно. А в-третьих... визит жены всегда праздник, если она не взяла с собой ничего тяжелого!

— Ваше высочество! Ваши доводы меня убедили, — поспешно согласилась статс-дама и, впредь не ввязываясь в заведомо проигрышные дебаты, возглавила свой выводок. За дверью стояли, выпучив глаза, мои личные стражники, пораженно наблюдающие великое переселение народов.

— Стража! — скомандовала я, появляясь последней. — Проводить нас к апартаментам его высочества!

Мужчины справились с шоком и, поскольку в число их обязанностей входило молчаливое следование приказам вышестоящих, а не комментарии в отношении действий взбалмошных особ из королевской семьи, то они, разделившись (часть стражи зачем-то осталась караулить мои опустевшие покои), в легком изумлении проводили меня до апартаментов Матиаса. И встали у дверей на часах рядом с охраной принца.

Пройдя приемный покой, гостиную, курительную комнату, личную оружейную и еще несколько аналогичных помещений, уютных и полупустых, совершенно не перегруженных вещами и мебелью, мы добрались, в конце концов, до спальни принца.

Я, как самая необремененная вещами, принялась шуршать по сусекам. В стене обнаружилась дверца гардеробной. Туда я велела загрузить большую часть барахла.

Еще раз внимательно прошлась по спальне. Большое полуоткрытое окно. Беленые стены. Один подсвечник. Если судить по простоте и суровому аскетизму обстановки, я вышла замуж за воина. Впрочем, о том знала заранее. Даже одежды у принца — необходимый минимум. Как будто мужу было жаль переводить дорогие ткани, или он постоянно раздаривал лишнее.

«Скорее — второе», — сонно подумала я.

Обстановка спальни — разговор особый. Одинокий резной поставец, своеобразная вешалка с латами, оружие на подставке. Голый, безо всяких украшений, давно не топленный камин. Пушистый бордовый ковер на полу и традиционная для этих мест кровать с балдахином. На ней умеренное количество подушек и большое одеяло под атласным покрывалом. Замечу, при том, что ростом принц вышел куда длиннее меня, кровать его гораздо меньше моей в принцессиних покоях! Моя по размеру натуральный сексодром, а его лежбище — всего лишь кровать для крупного мужчины.

Ну да ничего, я не толстая, вместе перекантуемся. Не впервой. Мы с девчонками и пятером на таких кроватях спали. А тут всего только вдвоем...

— Размещаемся! — подтолкнула к действию застывших в дверях придворных дам. — Ночевать я буду здесь и желательно с максимальными удобствами!

Фрейлины забегали, раскладывая вещи. Лара подскочила ко мне, начиная стаскивать платье и готовить подопечную к омовению. Все происходило тихо-мирно, пока не раздался страшный грохот и в спальню не ворвался Рауль с мечом наголо.

К грохоту прибавился женский визг. Фрейлины сообразили, что я стою перед посторонним мужчиной в нижнем белье, и героически попытались загородить меня юбками.

— Чем обязана вашему визиту? — По-моему, лишь одна я сохранила хладнокровие и выдержку в общем бедламе. Взяла халат, который пихала мне Лара, протолкавшись к царскому телу чуть ли не ползком через кордон фрейлин, и попробовала успокоить всеобщую истерику.

Рауль, узрев мою неземную костлявую красоту в корсете и панталонах, густо покраснел, побледнел, застыл от неожиданного стриптиза и... резко отвернулся.

Слава те, господи! Дошло!

— Простите, ваше высочество! — выдавил из себя мужчина, видимо, пытаюсь справиться со смущением. По крайней мере, его спина демонстрировала красноречивое раскаяние.

— Прощаю! — проявила великодушие, искренне не понимая, из-за чего весь «сыр-бор» разгорелся. Ничего из ряда вон выходящего я ему не показала. Ну, если он там сам себе чего-нибудь дополнительно не додумал... В остальном-то ситуация вполне невинна. — Можете повернуться и объяснить свое внезапное вторжение, герцог!

Мои фрейлины развесили уши, как простыни после стирки. Вот любопытные Хвеси!

— Дамы, выйдите! Мне нужно побеседовать с герцогом. — Вспомнив про этикет, знаком остановила Омаль, которая, впрочем, и сама по себе не слишком торопилась оставлять нас с Раулем тет-а-тет.

Раздвинув фрейлин, я прошествовала к камину и уселась в кресло, ожидая объяснений. Те почирикали между собой и коллективно слиняли из опочивальни будущего короля.

Рауль чуть помедлил, повернулся, узрев меня замотанную в халат до ушей и успокоился. Договорился, что ли, со своей неустойчивой психикой? Типа, «мне это все привиделось» и «ужастики на ночь смотреть вредно — это был просто анонс!».

— Ваше высочество, мне нет прощения! — Герцог встал на одно колено и протянул мне меч. — Прощу вас великодушно наказать мое неподобающее поведение...

— Герцог, умоляю вас, только не это! — Я боязливо отодвинулась от остро заточенной железки. Мне иглу в руки давать нельзя во имя человеколюбия, а тут такое пихают!

— Принцесса Алиссандра...

— Я вас внимательно слушаю, — заверила я рыцаря и на всякий случай опасливо поджала ноги.

— Моему поступку нет оправданий, — уныло извинялся собеседник, наблюдая за моими маневрами на ограниченном пространстве. Герцог, похоже, совсем пал духом. Голова поникла, левая рука нашарила кинжал. — Я ужасно виноват! Столь бесцеремонно потревожил ваш покой...

Не хватало мне в чужой опочивальне еще показательного хакакири! Отличное завершение достойного дня. Подлец! Пусть только попробует! Я взбесилась:

— Господи! Герцог, а нельзя покороче? А то у меня сейчас, кроме покоя, еще чего-нибудь потревожится и пойдет вразнос!

Молчание прервалось очередными репликами кающегося грешника.

— Герцог! — попробовала я прекратить изливания. — Как вы здесь оказались и какова причина вашего позднего визита?

Мужчина прекратил словесные самоистязания и вполне внятно и разумно пояснил:

— Ваше высочество, я искал вас.

— Замечательно! — обрадовалась началу нормального общения без метаний и угрызения совести. Потому что если он не остановит свою совесть, то его загрызу я! Чтобы не мучился и чтобы успел попасть в рай до завтрашней коронации! — Следующий вопрос: зачем вы меня искали?

— Как начальник вашей охраны, я должен знать, где вы находитесь, — сообщил мне блондин.

— Теперь узнали? — поначалу не удержалась от ядовитой шпильки, но вскоре не утерпела и начала тихонько смеяться. — В следующий раз, прежде чем врываться в будуары, обратитесь к Касперу Неподкупию, герцогу Рыкуну. Он вроде как тоже начальник моей охраны. Полагаю, вам стоит обсудить с ним ваши обязанности и разделить между собой, если нужно!

Я беседовала с герцогом и сама себе удивлялась. Как выходит, что его присутствие будит во мне самое лучшее? Ведь мне от природы неприсуща та вежливая властность, гордость аристократки и уверенность в себе. Как жаль, что не его судьба назначила мне в мужья! А еще сильнее жаль, что мой разлюбезный благоверный будит во мне как раз наоборот — все худшие черты.

Ну почему, почему, когда я вижу Матиаса, мне сразу хочется его прибить? А когда слышу — желание перерастает в уверенность в острой необходимости данной акции?! Отчего такой разницей?

— Вы меня прощаете? — Похоже, этот вопрос волновал Рауля больше всего на свете. Не понимаю, почему. По идее, до моего прощения ему нет дела!

— Вам устного заверения достаточно или предпочитаете получить письменную индульгенцию? — До ужаса надоело перед ним расшаркиваться. Уже спекся язык.

— Еще раз прошу простить меня, ваше высочество! — Рыцарь гибким движением поднялся с колена и в очередной раз склонился в поклоне, подметая перьями шляпы пол, слава богу, пока чистый. — Этого больше не повторится! Я могу идти?

— М-м-м... Надеюсь, — сообщила я. — Идите.

Уже у дверей его догнал коварный вопрос:

— А зачем вы все же приходили, герцог? Могли бы справиться у охраны!

Силвермэн обернулся, посмотрел в мою сторону непонятым взглядом (на мгновение мне почудилось, будто в его зрачках запылал яркий огонь) и тихо сказал:

— Хотел убедиться, что с вами все в порядке, ваше высочество.

Я от его слов невольно растаяла. Ну, хоть один нашелся!

Это он прав... умница, молодец, хвалю! Если до меня нет дела собственному мужу, первому начальнику охраны и свекру, то нашелся же хоть один мужчина, чтобы позаботиться о том — все ли у меня в порядке?! Особенно учитывая зубастую оппозицию в лице смертельно опасной гюрзы-королевы и прочих персонажей, которым я не угодила одним только своим существованием!

Дверь за вторым начальником охраны бесшумно затворилась.

— Позвольте заметить, ваше высочество... — вкрадчиво начала Омаль. — Его сиятельство герцог... хм, немножко... неравнодушен к вашей царственной особе. Вам следует быть с ним поосторожнее и впредь ни в коем случае не оставаться наедине.

Я подняла голову и горько засмеялась.

— Омаль! Ты во-о-он тот предмет у меня в покоях видела? — показала на зеркало.

Омаль недоуменно дернула веером.

— Так вот, маркиза Мордебуль, в последнее время я гляжу туда гораздо чаще, чем хотелось бы!

Статс-дама учащенно заработала веером, приглядываясь ко мне повнимательней.

— И не вижу там красавицу, способную вскружить голову нашему герцогу! — уверенно закончила я реплику, поднимаясь в поисках графина с питьем. Что-то в горле пересохло.

— Алиссандра, — тихо позвала меня маркиза, — ты действительно считаешь себя непривлекательной?

— А что, имеется другое мнение? — удивилась я, наливая себе в стакан воды с лимоном. — Или некрасивых женщин не бывает? Бывают ужас до чего красивые?

— Зря ты так, — уверила меня Омаль, открывая и закрывая веер. — Ты просто не видишь, как на тебя смотрят другие мужчины. Есть вокруг тебя какие-то... флюиды, нечто такое, что позволяет не обращать внимания на внешность. Что-то большее, чем внешняя красота.

— Точно! — обрадовалась я. — Харизма! Видишь, у меня какая она исключительная! На ребрышках!

— Ваше высочество. — Маркиза опустила глаза и затеребила кружевную оторочку на платье. — Вы просто еще очень молоды...

— То есть у меня все впереди? — с иронией уточнила я. Дождавшись подтверждающего кивка маркизы, скептически заметила: — Буду с нетерпением ждать! А сейчас я хочу спать!

Омаль помогла мне залезть под атласное одеяло, пожелала спокойной ночи, задула свечи и ушла. Я лежала в кровати, прислушиваясь к звукам за дверью, размышляла о состоявшемся разговоре и разглядывала спальню. Мне весьма нравились внезапно появившиеся здесь украшения. Осталось надеяться, что они понравятся и моему мужу.

Сон уже начал подкрадываться ко мне на мягких лапках, заставляя тяжелеть и опускаться веки, когда за дверью послышались шаги и раздался звучный голос Матиаса:

— Не надо сегодня! Завтра с утра будет время, тогда и приготовишь необходимое!

В ответ раздалось невнятное «бу-бу-бу».

— Я устал и хочу отдохнуть!

— Бу-бу-бу...

— Я сказал — завтра! — И принц влетел в спальню, хлопнув дверью и заперев ее на ключ.

Я затаилась под одеялом и наблюдала за мужем, который обернулся и застыл, наткнувшись взглядом на шелковые чулки, украсившие сверху подставку с доспехами. И, возможно, Матиас бы даже пережил этот факт, если бы кто-то из торопившихся фрейлин не повесил на одно плечо рыцарского доспеха мои кружевные панталончики и сверху не надел на шлем корсет. Теперь рыцарский шлем, венчавший пирамиду из оружия, был как бы одет в чепчик с «ушками» из чашечек корсета. С моей точки зрения — смотрелось весьма мило. Другую точку зрения я сейчас узнаю...

— Это что? — очнулся супруг и пошел шупать ночное наваждение, отсвечивающее серебряными бликами под лучом Луны.

— Нижнее белье, — пояснила я, прикусывая губу, чтобы не засмеяться, глядя, как он вертит в руках мое средневековое бюстье.

— Кто здесь? — мгновенно отреагировал Матиас, но корсет не выпустил. Зато достал внушительный меч, увесистую железяку длиной почти что с меня.

— А кого ты ждешь? — Ответ из серии «вопросом на вопрос».

— Никого, — уверенно откликнулся принц, подкрадываясь к кровати.

— Зачем тогда спрашиваешь? — искренне удивилась я, натягивая одеяло.

— Чтобы знать, кто здесь! — Подкрадывание с мечом в одной руке и корсетом в другой продолжалось.

— Ты точно никого не ждешь? — Я с интересом наблюдала за разворачивающимися событиями и даже расхотела спать.

— Никого я не жду! — рявкнул Матиас и, отбросив осторожность, с мечом наперевес подлетел к кровати. Замахнувшись, рывком отдернул занавеси балдахина. Увидев в свете луны ненаглядную женушку, принц расслабился и опустил оружие.

— Корсет отдай! — заявила я, протягивая руку.

— Что?.. — поднял брови супруг, с удивлением разглядывая теперь уже меня. Я гляжу, у него прямо день открытий! И вправду, какая неожиданность: обнаружить жену в постели! Такого просто не бывает!

— Зачем тебе мой корсет? — терпеливо, словно дитя малое, увещевала я благоверного.

Тишина. Матиас бросал недоуменные взгляды то на меня, то на корсет, не выпуская из рук добычи.

Не дождавшись внятной реакции, я вновь подтолкнула его к диалогу:

— Померить хочешь или сдаваться пришел?

— Сдаваться?.. — Принц все еще не мог осознать факт женского присутствия. А уж мои реплики и вовсе ставили его в тупик.

— Ну да, — спросонья немного заторможенно пояснила я. — Используешь вместо белого флага. Только если сдаваться мне — я не клюну, потому что корсет мой. А если врагу — то не позорься, от хохота не умирают!

— Алиссандра! — чудом вспомнил имя жены богоданный супруг. — Что ты делаешь в моей спальне?

— Спать собираюсь, — честно ответила я, взирая на мужа невинным сонным взором.

— Спа-ать? — Матиас, видимо, в первый раз в жизни узнал, что на кроватях, оказывается, спят. Скорей всего, обычно он дрых на прикроватном коврикe рядом, не постигая, зачем этот странный объемный предмет загромождает его комнату. Иначе почему муж так удивился?

— Спать-спать, — подтвердила я. — У меня в комнатах погром, находиться там невозможно. Я во дворце, кроме тебя, никого не знаю, к кому можно было бы запросто пойти заночевать. И потом, ты — мой муж! Так что извини, но придется тебе поделиться половиной кровати.

— Хорошо, — после некоторого раздумья согласился принц. Ну, прям благодетель! Может, встать и в ножки поклониться? Или так сойдет?

— Большое тебе человеческое спасибо! — заявила, клубком заворачиваясь в одеяло. — Ложись, места хватит.

— Знаешь, милая, ты поспи, а я... я пойду, — срочно засобиравшись муженек. Пошел на попятную: — У меня там еще некоторые дела нерешенные остались...

— Хм... Какие у тебя дела посреди ночи? — Это не семейная разборка, а всего лишь здоровое женское любопытство.

Муж, ни на минуту не устыдившись собственного наглого вранья, заявил:

— Н-ну-у-у... завтра коронация, и плакали мои вольные деньки. А у меня даже мальчишника толком не было. — Придал голосу беспечности: — Буду брать от жизни все!

— Ты это... поосторожней! Можешь не донести! — отбрила я будущее величество. — Корсет тоже на место положи, заодно руки для «всего» освободишь.

Матиас подумал, посмотрел на мой предмет туалета, немножко покрутил его в руках, видимо, изучая вышивку в деталях, и пришел к выводу: это ему на мальчишнике не понадобится! То ли размеры у «мальчишек» побольше моего, то ли они «секонд хэнд» не уважают... Кто их разберет?

— Иди, — благословила я принца на подвиги скрепя сердце. Прекрасно понимала: удержать мне его не удастся. Даже если повисну у него на ногах кандалами. Висеть я не хотела, к тому же пол был достаточно холодный, да и вообще... много чести!

— Матиас, — позвала я благоверного, когда он поворачивал ключ в замке. — Хочу напомнить: если мужчина четыре раза сходит налево, то, по закону сложения прямых углов, вернется домой.

— Это ты к чему? — застопорился в дверях ненаглядный.

— Это я к тому, что не просчитайся, дорогой! — хмыкнула я. — А то заблудишься!

Принц обдумал мое напутствие и... закрыл дверь с нашей стороны. Чуть постояв у выхода, прошел вовнутрь комнаты и начал энергично раздеваться. Я следила за этим процессом с удовольствием и некоторым изумлением. Наконец любознательность перевесила, и я негромко поинтересовалась:

— В честь чего такая смена настроения?

— Завтра коронация, — сообщил мне муж, укладываясь на другую половину постели и отворачиваясь спиной. — Хочу выспаться.

— А раньше не хотел? — Исследование причин всегда было самой занятой частью выяснения отношений.

— И раньше хотел! — буркнул супруг, нахально перетягивая себе большую часть одеяла. Подумаешь, у кого-то ноги голые из-за того, что вымахал под два метра ростом? Я тоже не короткая!

Мне совсем не улыбалось полночи клацать зубами от холода, поэтому я приняла должные меры по отвлечению внимания.

— А как же мальчишник? — не отстала я от удобной темы, под шумок утаскивая одеяло в свою сторону.

— Подождут! — ответил мне Матиас и, прекратив мучить одеяло, просто подвинулся ко мне. — Спокойной ночи!

— Спокойной, — согласилась я. Помолчав немного, прислушалась к его дыханию и насмешливо спросила: — Меч между нами класть не будешь?

— Зачем? — не дошло до вялого и пригревшегося на кровати крон-принца. Он сонно пробормотал: — Это новое поветрие? В вашей стране так принято — меч между супругами? Интересно... в некотором роде. Но не привлекает. Я не люблю спать с острыми предметами.

— Боишься порезаться? — обрадовалась я, потому что тоже не любила. Ну, чисто теоретически...

— Боюсь зарезать! — на полном серьезе поведал мне супруг.

Я на радостях положила на него сверху холодные ноги и возликовала, когда муженек, ощутив тяжесть супружества, недовольно зашипел. Но не отодвинулся, а наоборот — пригреб меня еще ближе. Стало совсем тепло, и мы, взаимно довольные друг другом,

вскоре дружно засопели, переносясь во владения Морфея.

Тук-тук-тук! — доносилось издалека. Как будто свихнувшийся дятел решил устроить себе гастроли в королевском дворце. Глаза открываться не желали. Спать хотелось так же, как и вечером, хотя, судя по солнечному лучу, беспокоившему ярким светом сомкнутые веки, уже наступило утро. В постели было тепло, уютно и... тяжело. На мне сверху лежало одеяло, подушка, руки и ноги супруга, а местами и даже сам супруг.

Это я выяснила послышно, все же прислушавшись к дятлу и попытавшись пробудить совесть. Та активно отбрыкивалась и культурно отсылала к мужу. Я поддалась на ее уловки и подумала, что, возможно, будущему королю свою совесть будет легче поймать, после чего потрясла за ногу спящего Матиаса:

Дилинь-дилинь! «Дети! В школу собирайтесь! Петушок пропел давно. Попробуйте одеваться! Смотрит солнышко в окно».

— У меня каникулы! — заявил мирно дремлющий муж и устроился на жене поудобней.

— А у меня суровые будни! — начала я борьбу за свободу и возможность дышать не через перину.

Получив особо опасным оружием куда-то в бок, принц охнул и еще больше подмял жертву мужского произвола под себя. Под оружием я подразумевала локти и колени, но у кого-то сложилось другое мнение, потому что мне недовольно заявили:

— Я же сказал, что острые предметы в кровати не люблю!

— Ты предлагаешь прямо сейчас избавиться от конечностей? — Из глубины души полезли ответные колкости.

— Вау-у! Ты о чем? — Матиас с меня сполз и сладко потягивался, игнорируя стук в дверь и кошачьи вопли за ней же.

— О своих локтях, — вздохнула я полной грудью и уселась на постели, апатично клюя носом.

— Тебе нужно больше есть! — с умным видом заявил супруг, потирая пострадавшее ребро. — Тогда ты перестанешь в постели колотиться всеми выступающими частями тела.

— Точно, — закивала головой. — Тогда я буду колыхаться. Как желе... И у тебя начнется морская болезнь!

Дверь уже всю ходила ходуном, пытаясь сойти с петель. Крики за ней стали громче и надсаднее.

— Матиас. — Отстранение игнорируя какофонию, я меланхолично пыталась оценить конечный результат: сломают или нет? — Там кто-то стучит. Ты кого-то ждешь?

— Не зна-аю, — смачно зевнул наследник, покачиваясь с полужакрытыми глазами, будто лист на ветру. — Наверно, будить пришли...

— Хочешь проверить? — Это раньше доисторические мужики своих женщин в пещеру первыми толкали, чтобы выявить наличие диких зверей, а заодно и проверить уровень злобности благоверной. Если зверя загрызет — то можно спокойно на охоту уходить в другое племя, женщина сама семью и защитит, и прокормит... С тех пор женщины значительно поумнели и, где надо, забывали о феминизме и эмансипации, равенстве полов и прочей лабуде. Так что проверять он пойдет сам...

— Не хочу, — сознался муж. — Но пойду! — И сполз с кровати, предоставив мне шикарную возможность полюбоваться красивой фигурой. Все же таскание на себе рыцарской амуниции оставляет заметные следы в виде мышц.

И мне эти «следы» крайне понравились! Сразу захотелось наследить еще больше и полапать супруга. Пришлось отвлечься, прежде чем я не захлебнулась слюной и попутно не устроила себе внеплановую экскурсию по его телу. Слава богу, муж по дороге прихватил халат!

Принц подошел к трясущейся двери и уже было собрался повернуть ключ, как мне пришла в голову оригинальная по своей яркости идея:

— Матиас, — подорвалась я с кровати и пошлепала к нему босиком, не забыв прихватить меч с подставки и волоча оружие за собой. Сказала, по-детски доверчиво заглядывая в чудесные фиалковые глаза: — А вдруг там враги?!

У него скривилось лицо. Вряд ли ему хотелось заплакать, скорее — просто очень сдерживался, чтобы не заржать:

— Что ты предлагаешь, дорогая?

И дорогая на полном серьезе посоветовала:

— Если это злоумышленники, тогда попробуй начать высаживать дверь с нашей стороны. Это негодяев должно смутить и озадачить!

— А если это друзья? Или прислуга? — придушенно спросил наследник. — Их мой штурм не озадачит?

— Ну... наверное, — пришлось признать обоснованность его замечания.

— Так как будем отличать своих от чужих? — вовсе подхихикивал супруг, затягивая узлом пояс халата. Он дико веселился, разглядывая то, как я пыталась пристроить тяжелый меч к стенке.

— Есть предложения? — попробовала хитро переложить ответственность на более широкие плечи.

— Только одно... открыть дверь и посмотреть, — просветил меня военный гений и начал осуществлять намеченную программу действий.

Когда он открыл дверь, на пороге нарисовалась команда спасения: то ли меня и принца; то ли меня от принца; то ли уж совсем смелое до нелепости предположение — принца от меня. Это было бы пикантно!

В общем, на пороге столпились его камердинер и кавалеры, моя горничная, статс-дама и ее фрейлины плюс общие слуги. Оба лагеря находились в состоянии глухой войны. По крайней мере, я своими глазами видела, как княгиня Еленка протянула маркизе Мередит горсть косточек от вишен, а та элегантно достала из-за корсажа футляр с медной трубочкой внутри. Мередит, прикрываясь рукавом, вынула трубку и метко плюнула одному из особо буйствующих кавалеров в лоб. И при этом сделала вид, что она тут совсем ни при чем.

Кстати, как всегда бывает в таких случаях, на даму никто и не подумал! Кавалер потер лоб и посмотрел вверх. И что он там искал?

— Ваши высочества, — выдохнули в один голос обер-фрейлина и камердинер, — что вы делаете?

В это время аккордной нотой между ними и нами свалился меч, одиноко забытый мной у стены.

— А?.. — В глазах всех жаждущих царского тела с той стороны двери застыл немой вопрос.

— Колбаску режем, — застенчиво ляпнула я первое пришедшее в голову и спряталась за спину мужа, который просто содрогался от хохота.

Да, при словах «колбаску режем» кавалеры начали встревоженно поглядывать то на меня, то на принца, то на меч. А принц внезапно перестал смеяться. Это они с чем аналогию провели? Да я бы никогда! И в мыслях не было!.. придумать такое, тоже мне — покушаться на святое...

— Входите, — выдавил из себя принц, извлекая меня из-за спины и приобнимая. Глянул на камердинера, и голос посуровел: — Мы уже опаздываем?

— Еще нет, ваше высочество, — раскланялся камердинер. — Но скоро будете.

— Сервируй завтрак в моей столовой на двоих, Гаспар, — приказал принц.

— Уже сделано, — поклонился камердинер и пригласил за собой.

Пока шли выяснения обстоятельств и беседы о хлебе насущном, девушки меня выдернули из теплых объятий мужа и, одаривая ревнивыми взглядами пялящихся на меня украдкой кавалеров, спешно замотали в халат. Странно вообще-то! В этой ночной рубашке увидеть можно было лишь контуры привидения, а не живое тело. Она скрывала меня от основания шеи до кончиков пальцев на руках и кончиков пальцев на ногах. В обычном платье и то видно гораздо больше... особенно сверху.

— Присоединяйтесь, дорогая. — Принц дал мне возможность привести себя в порядок без посторонних свидетелей и дал отмашку мужской части свиты, поспешно уводя своих кавалеров.

— Обязательно! — Дураков нет! Завтрак я ни в коем разе не пропущу!

Меня причесали, забрав волосы в «конский хвост». Я умылась и собралась пойти, но тут углядела необычно хмурую маркизу.

Подошла к ней и тихо спросила:

— Омаль, ты чего такая сердитая? Фаза луны не та? С метлы упала?

— Нет, — затрясла головой статс-дама, не приняв шутку. — Потом расскажу. — Тайком шепнула: — Обрати внимание — за столом ни в коем случае не ешь все подряд! Особенно жареное мясо, торты и сладости! Вообще любые сугубо женские напитки и кушанья. Только из тех тарелок, где ест принц. Вина не пей вовсе, я потом принесу флягу...

— Понятно, — кивнула я. — Началось? — Встретилась взглядом с Омаль. Та мигнула. — Искали подходы? — Снова согласное подмигивание.

Я не разочаровалась в королеве. Очень оперативная дамочка. Весьма быстро действует, но, надо признать, и время ее поджигает. Еще полдня — и во дворце появится новый король. А с ним — его королева. При этом прежняя станет фикцией, дутой величиной, прекратит что-либо значить для той несметной орды слуг и придворных, которые ныне по инерции все еще лебезят, заискивают перед королевой-мачехой и гадят молодой чете поколения next...

Впрочем, далеко не все слуги и придворные оказались столь недаленовидны, потому что среди своей и мужской свиты я разглядела много свежих лиц. Мелькали сильно встревоженные физиономии Леникулуса и прочих членов команды дворцовых вредителей (тех, которые помешали делать ремонт!)...

Старых персонажей своей замысловатой истории я неожиданно углядела тоже. На горизонте мелькал «дядюшка», делал знаки, пытаясь обратить на себя августейшее внимание... чтоб его черти драли! И «дядюшку», и внимание!

Я знаком предложила подождать «любимому родственнику» и прошествовала в сопровождении фрейлин в комнату, где меня дожидался муж. К нему прилагался стол с накрытым завтраком.

— Прошу вас. — Меня усадили на противоположном конце стола. Я нежно улыбнулась взбудораженному Матиасу и с тонким расчетом переехала вместе со стулом поближе к супругу.

Наследник чуть приподнял правую бровь в невысказанном изумлении, но сдержался и промолчал, даже когда я начала ковыряться у него в тарелке и прихлебывать из его же кружки. Минут через пять и лишь после того, как я отобрала у него пару особо аппетитных булочек и здоровенный шмат мяса, принц все же соизволил спросить:

— Дорогая, может, вам еще чего-нибудь подать?

— Например? — Я с удовольствием жевала кусок хорошо прожаренной оленины под трюфельным соусом, заедала свежими овощами и разглядывала толпившийся люд, пытаюсь определить: есть ли среди них отравитель и было ли на столе что-либо приправлено специями, которые нельзя переварить.

— Например — ваши любимые пирожные, — улыбнулся муж, явно забавляясь представлением. Собственно, мне почему-то казалось, что он догадывается о причинах, подтолкнувших меня к застольному самоуправству, и совершенно не имеет ничего против творимого произвола. Напротив, ему нравится моя детская и даже в чем-то наглая непосредственность и отчаянное желание выжить.

— Мне сегодня сладкого не хочется! — покосилась я на него с благодарностью и стащила из его рук гренку с медом.

— Я вижу! — весело хмыкнул Матиас и намазал себе другую, которая, впрочем, тоже ему не досталась.

— Может быть, все же попросить для вас десерт? — Супруг уже устал, видимо, намазывать мне гренки и булочки. Хотя сам перед этим предложил мне больше есть и поправляться. Вот какие мужчины противоречивые! Хотят получить результат, но совершенно не желают поучаствовать в процессе достижения результата. Исключение составляет лишь деторождение. Здесь дело обстоит с точностью до наоборот.

— Попробуйте, — кивнула я. — И покажите мне своего злейшего врага, потому что мой десерт и прочие блюда, предназначенные исключительно для дамы, начнет есть он!

— Все настолько плохо? — Из фиолетовых глаз пропали смешинки, сменившись пониманием.

— Нет, я тут просто так вас объедаю! — заявила я, подвигая к себе кружку с травяным настоем. — Чтобы вам перед коронацией излишняя жидкость не била в голову, а пища весом на желудок не давила.

— Спасибо! — усмехнулся благоверный. — Давить точно будет нечему, мою порцию со стола вы уже подчистили.

— Можно я потом буду стыдиться и краснеть по этому поводу, дорогой? — Я встала из-за стола. — Прошу простить, сейчас я тороплюсь. Нужно успеть переговорить со своим горячо любимым дядюшкой и выслушать последние напутствия.

— Я думаю, в честь нашей коронации вам стоит преподнести ему какой-то подарок, — проявил истинно королевские щедрость и великодушие супруг, помогая мне подняться.

— А у нас в хозяйстве есть неучтенные компактные гильотины?

Я немножко пококетничала, строя глазки ненаглядному супругу, и удалилась на переговоры, пообещав вскорости присоединиться.

Алфонсус, словно оголодавший тигр, подждал меня около дверей трапезной. Как только я вышла, «дядюшка», сладко улыбаясь, вцепился в мою руку. Он сопроводил меня в отдельную комнату. Прикрыв за собой дверь, Альф сразу растерял остатки приторности и зашипел:

— Что ты себе позволяешь?

— А ты? — вырвала я руку, взятую в захват, и демонстративно смахнула пылинку с рукава халата.

— Алиси... Алиссандра! — повысил голос граф. — Ты ведешь себя неподобающе!

— Все лучше, чем брать пример с тебя и вести себя по-идиотски! — гневно парировала я. — Думаешь, я не знаю, как ты приставал к моим фрейлинам с неприличными намеками? Или надеешься, что до принца грязный слух не дойдет?! Представляешь, как он тогда отреагирует? Ты готов нести ответ за оскорбление приватности уединения царственной фамилии? Там статья с лишением имущества и заключением в каменоломнях. — Я уже почти в голос рывкнула: — Тебе жить надоело?

— Я всего лишь хотел узнать, какие у тебя отношения с мужем! — защищался «дядюшка».

— И для этого просил молоденьких девочек за нами подглядывать? — покачала я коризненно головой. — Самоубийца...

— Они рано или поздно выйдут замуж! — Граф уже устал оправдываться. — И все узнают!

— Если по твоей милости не обзаведутся мизогамией, — продолжала наседать и усугублять чувство вины.

— Снова твои колдовские штучки! — взвизгнул Алфонсус, делая знак, отвращающий сглаз и порчу.

— Темнота! — пожалела я его. — Это всего-навсего научное название болезни.

— Да?! — усомнился «родственник», но спорить не стал, чтобы не сознаваться в собственном невежестве.

— Да! — подтвердила я. — Так что ты хотел?

— Ты уже в тягости? — перешел к основному граф, рассматривая мой тощий стан.

— Н-не думаю, — после некоторого вынужденного раздумья на тему непорочного зачатия ответила я.

— Почему? — тут же начат углубляться в подробности Алфонсус.

— Может, ты у принца спросишь об этом? — поинтересовалась я, начиная раздражаться и свирепеть.

— Не могу, — с сожалением признался «дядюшка». — Мы не в тех отношениях.

— Слушай, — проявила я законное любопытство, — а в каких отношениях нужно быть, чтобы спросить о мужской несостоятельности? В близких или тесных?

— Алиссандра! — повысил на меня голос «дядя». — Ты на что намекаешь?

— Ни на что... — заверила я его в своих почти чистых помыслах. — Я не намекаю, а прямо спрашиваю!

— Ужас! — закатил глаза граф. — Куда катится нынешняя молодежь?!!

— В пучину разврата?.. — подсказала я, видя, как Алфонсус выбирает правильную дорогу. — По протоптанной тропке старшего поколения?

— Да!.. — обрадовался «родственник». — Нет!.. — открестился, когда до него дошло. — Кошмар! — Это уже вдогонку. — Алиссандра, веди себя прилично!

— Если я буду вести себя прилично, то наследника тебе точно не дождаться! — отозвалась я.

Граф наморщил лоб, пошевелил извилинами и... неожиданно согласился:

— Хм... Я должен извиниться перед тобой... Ты права! Я учил тебя всему, кроме того, как соблазнить мужчину!

— Точно! — радостно закивала я головой. — Ты мне ничего не показывал! — Подкузьмила: — Сам будешь тренировать?

— Сам не смогу, — впал в раздумья Алфонсус.

— Стесняешься? Или опыта маловато? — ухмыльнулась я в открытую.

— Алиссандра! — в который раз прикрикнул «дядюшка». — Иди! Я буду думать, чем тебе в этом деле помочь.

— Спасибо, дорогой граф. Кто, как не вы! — язвительно поблагодарила я и потопала одеваться перед коронацией.

Я сегодня была нарасхват, потому что, как только вышла из двери, на меня коршунами набросились фрейлины под предводительством Омаль и потащили готовиться к важному событию.

Меня крутили во все стороны, словно куклу. Драли и начесывали несчастные лохмы. Ровняли и завивали. Примеряли и откидывали как неподходящие многие стандартные укладки. Сменили минимум три прически. Перемерили всю немалую коллекцию драгоценностей. Восемь раз смывали и наносили макияж. Словом, обычный женский переполох.

Одевавшийся на другой половине комнаты принц относился к этому философски и даже с юмором. Когда мне в очередной раз начали делать укладку, Матиас, глядя на мое кислое лицо, дружески посоветовал девушкам:

— Не напрягайтесь! Под ритуальной короной все равно вашу красоту видно не будет!

Фрейлины встревоженно ахнули. Закудахтали. Десять раз поблагодарили за ценный совет и уложили волосы гораздо проще: зачесали их назад, присобрав с темени и висков на затылке в хвостик и распустили остальное, дополнительно взбив свободно спадающие локоны, чтобы они казались пышной гривой. На виски вплели серебристые нити с белыми цветами. На макушку прикрепили корону принцессы: маленькую и ажурную.

Удовлетворившись результатом и прощепетав сотню комплиментов, девушки начали натягивать на уже ничего не соображающее высочество платье из тяжелой серебряной парчи со вставками белоснежно-серебристого газа. По полю мелким узором были разбросаны гиацинты, расшитые бриллиантами, светло-розовыми аметистами и мелким жемчугом. Пышные газовые рукава с узкими манжетами, почти закрывающими пальцы, и скромное декольте лодочкой, обнажающее плечи, но почти не оголяющее грудь, меня чрезвычайно красили. Необыкновенно пышная юбка, где из-под газа выглядывала парча, довершала очарование. Наряд был по-девичьи милым и невесомым. Увы. Это только первое впечатление. Весило такое милое платьишко не меньше пуда и существенно затрудняло жизнь владелицы во всех смыслах.

— Как мне в этом ходить? — спросила я обобщенно, когда нашла способ как-то дышать и передвигаться, при этом устойчиво удерживая равновесие.

Но меня утешили:

— На коронации вам не понадобится бегать, дорогая. — Ко мне подошел супруг и поцеловал руку. — Мадам, вы обворожительны!

— Благодарю, — машинально ответила я и предупредила: — Вам придется меня таскать, если это платье возьмет меня в плен.

— Почту за честь! — сообщил мне муж. Будущий король выглядел очень, очень импозантно. В роскошном черном бархатном камзоле со вставками из серебряной парчи, тоже расшитом мелкими гиацинтами. Они были на черном кружеве воротников и ботфорт, серебрились на черном бархате серебряной нитью, их тяжелые цветочные стрелки играли черными бриллиантами и темно-синими сапфирами, блестели аметистами, алели рубинами. Гиацинты даже были выбиты на коже перевязи.

Может, принца не Матиас зовут? Наверно, его основное имя Гиацинт, раз скромный цветок украшает одежду везде, где можно и нельзя?

— Дорогой! — проявила я законное любопытство. — Мне известно с некоторых пор, что гиацинт является символом королевского дома Сегала, но почему на вашем костюме этот цветок? Точно так же на фамильном гербе изображены журавль, геральдический единорог, еще, припоминается, там на щите запечатлена гроздь винограда и розовый бутон на фоне скрещенных мечей. Объясните же, почему сегодня именно гиацинт?

— На сей счет есть очень красивая легенда, мадам, — тепло улыбнулся принц. — Мой далекий предок, основатель династии, был безумно влюблен в свою жену, прекрасную Любавию, а та в свою очередь обожала гиацинты. Скромный и в то же время приятно

пахнущий гиацинт — цветок воина и семейной верности. Упомянутая супружеская пара в любви и благополучии прожила много лет. В честь их безупречного союза и высоких чувств цветок был возведен в королевское достоинство и стал символом нашего рода.

Я вздохнула. Ох уж эта геральдика с бесконечными историческими экскурсами!

— Увы, только гиацинт в нашем гербе связан исключительно с хорошими и добрыми знаменьями, — мрачно добавил Матиас. — Все остальные несут в себе так или иначе оттенок горечи и отсветы пролитой родственной крови. Впрочем, впоследствии я обязательно расскажу о каждом из них подробнее. Но не сейчас. Просто у нас слишком мало на это времени.

— Красиво, — призналась я, выслушав романтическую историю и невольно позавидовав давно почившей Любавии, которую так любил муж.

Видимо, в глазах отразились обуревавшие меня чувства, потому что Матиас еще раз поцеловал мою руку и, задержав ее у своих губ, тихо сказал:

— Не расстраивайтесь, дорогая... Возможно, у нас все впереди.

— Хотелось бы на то надеяться. — Его слова и улыбка растопили мое сердце и вселили некоторую уверенность.

— Надеяться нужно всегда! — подал мне руку муж. — Прошу вас!

— Благодарю! — церемонно ответила я и облокотилась на него всем весом. В данный момент поддержка супруга была нелишней, потому что платье давило достаточно серьезно.

Мы торжественно (это насчет принца, готовящегося вскоре стать королем) и печально (это я, еле переставляющая ноги) выплыли из покоев и двинули на выход, сопровождаемые немалой свитой.

Путь до кареты мне показался «долгой дорогой в дюнах». На протяжении этого времени я вспомнила все проклятия на известных мне языках. Самым эмоционально выразительным и богатым оказался родной...

Воспоминание о великом и могучем немного подняло мне настроение, и в карету я влезла с улыбкой на лице. Сегодня нам с мужем полагалось путешествовать в сопровождении духовного лица.

«Лицо» оказалось маленьким и худеньким дворцовым священником в преклонных годах. Несмотря на седины, духовник шустро забрался в карету, поддерживая край парадного одеяния, и устроился напротив нас со словами:

— Всем желаю здравия и чудесного начала дня! Благословляю вас, чада мои!

Дождавшись ответных слов, прелат доброжелательно покивал и, вперив лукавый взор в принца, заявил:

— А теперь, нерадивый мой ученик, повторим триста пятьдесят три заповеди Марая для королей!

Принц не колебался ни секунды. Он стукнул свои жезлом в крышу кареты. Та остановилась, дверцу кареты открыли, внутрь заглянула охрана:

— Что будет угодно вашему высочеству?

— Да вот, его преосвященство сей момент известил нас, что, следуя священному обету, хочет дойти до места коронации пешком, — отчеканил принц.

Духовник спорить не стал, но посмотрел строго, словно навек запоминая обиду. Ему со всем почтением помогли вылезти наружу, и мы снова двинулись в путь.

— Матиас, а ты поступил не слишком жестоко? — поинтересовалась я. — Все же духовное лицо... да и еще в почтенном возрасте...

— Не слишком! — отрезал муж. Но тут же смущенно улыбнулся, взял меня за руку и пояснил: — Здесь идти от силы минут десять. Мы практически уже приехали. Просто, по традиции, будущий король должен прибывать в карете, а вот отец с мачехой сейчас идут пешком, прощаясь с подданными. Пускай и святой отче с ними вместе немножко прогуляется. Ему пора дать ясно понять, что его ученик остался за партой. Учеников с короной на голове не бывает! — Вздохнул: — К тому же я не намерен потакать кому бы то ни было или позволять садиться себе на шею... А ты слишком добра для принцессы!

— Возможно, — не стала отрицать я. — Но учти: если с сегодняшнего дня начну принимать «Озверин» малыми дозами, то мало-помалу стану грызть пальцы и глотать уши окружающих и вскоре превращусь в подобие королевы-мачехи.

— Спаси Марай! — шутливо отшатнулся супруг. — Лучше оставайся такой, какая ты есть. Я это переживу!

— Серьезно?! — подняла я брови. — А вторую «матушку», значит, не хочешь?

Матиас не успел мне ответить, потому что в этот миг визгливо завывли горны, извещая о прибытии будущего короля. И если я раньше считала, что самый противный звук — это звон моего будильника с раннего утра, то сейчас я поменяла свое мнение. Гнусный звук геральдических труб был похож на скрежет металла по стеклу и шелушение пенопласта одновременно. Возникло чувство, что у меня в голове прописалась личная тупая бензопила, и она монотонно пилит мои мозги без всякой жалости. Судя по выражению лица мужа, он испытывал схожие ощущения. Наконец эта какофония закончилась...

Дверца кареты распахнулась, и принц вылез первым. Поприветствовав собравшихся, он протянул мне руку. Как только я поставила свою ногу на красную ковровую дорожку, ведущую к собору, какой-то особо одаренный музыкант дунул в свою трубу и киксанул со страшной силой. Видимо, решил по новой испытать свою судьбу и наше терпение!

Я поняла, что с моим везением ни в один собор мне не войти и не выйти без приключений. Это карма!

Итак вздрогнув от неожиданности, я промахнулась мимо предложенной руки. Муж в этот интересный момент тоже отвлекся на звук и меня не поймал. В общем, я оступилась и всеми килограммами платья завалилась на супруга. К тому же под ногами было скользко от раздавленных каретой цветов в честь коронации.

И лежать бы нам позорным «бутербродом» под взглядами подданных, если бы не охрана, поймавшая королевскую чету в падении.

— Как будем спасать положение? — тихо полюбопытствовал Матиас, пока я прятала пламенеющее от стыда лицо у него на груди и раздумывала: а не зареветь ли мне?

— Не знаю, — прошептала, действительно не представляя, как мы будем выкручиваться.

— Я знаю, — так же тихо шепнул муж. — Поцелуй меня. Сама.

Это я всегда пожалуйста, но не при людях же! Ладно, позориться мне дальше уже некуда, так почему бы не рискнуть. И я рискнула! Поднялась на цыпочки, обвила его шею руками и поцеловала.

— О-о-о! — заволновалась толпа вокруг. — Рыжие, они страстные!

— А еще колючие, вредные... — Я собралась наступить ему каблуком на ногу, когда Матиас вовремя добавил: — Очень добрые и красивые.

Это он обо мне? Симаймасита, в общем! У супруга явно плохо и со зрением, и со... вкусом! Но все равно... прия-я-ятно!

Меня сказанное от неожиданности ввергло в состояние ступора, и в то время как я придумывала достойный ответ, принц подхватил меня на руки и со всеми пудами бриллиантов и материи доставил к подножию собора.

На третьем или четвертом шаге я отмерла и всюю принялась разглядывать храм. О нем стоило сказать отдельно...

До этого времени я была абсолютно уверена: главный собор столицы, в котором свершится коронация, тот самый легендарный собор, в котором великий Лелунд получал помазание на свои долгие и успешные завоевания, должен быть еще прекраснее, пышнее и богаче, нежели тот, в котором мы венчались.

Облом. Нет, не так. Грандиозный, поразительный, катастрофический ОБЛОМ! Целое мегаобломище!

Он был большой, этот храм. Верно. Снаружи напоминал какой-нибудь шотландский форт архитектурой и толщиной каменных стен с прилегающей пирамидальной колокольней. Двухэтажный, приземистый и основательный домина. С узкими высокими окошками (чуть не сказала — «бойницами»!). Серая черепичная крыша... присмотрелась: черепица тоже не из глины — каменная. И хоть бы где какое украшение! Только перед входом вбитые в землю голые чугунные знаки Марая, нечто среднее между крестом и звездой, символически завернутое в цветок. Такие же знаки были изваяны выпуклыми барельефами в камне по фронтону церкви. И... все! Убиться можно. Минимализм на грани фантастики.

Дальше рассматривать стало некогда. Под одобрителем взглядом Амадина меня поставили на землю — вернее, на ковровую дорожку, уже практически незаметную под ворохом накиданных в порыве верноподданнических чувств цветов и букетов.

— Приветствую тебя, сын мой! — трубным гласом объявил король и лукаво подмигнул мне.

— Приветствую тебя, сын мой! — повторила королева и, в свою очередь, посмотрела на меня с нескрываемой ненавистью. У меня затряслись плечи от еле сдерживаемого смеха. Наверно, это нервное, но Омелла настолько комично выглядела, обращаясь к принцу по протоколу «сын мой» и при этом так страдальчески морщась... мачеха, не желая того, невольно добавила себе возраста, а для молодой цветущей женщины это самое страшное, что она может себе пожелать.

— Следуйте за нами! — торжественно возвестили уже оба. Затем король и королева развернулись и под крики толпы вошли в храм.

Выждав несколько минут, мы последовали за ними рука об руку под радостные восклицания подданных.

Внутри собора было немножко сумрачно и волнующе. Собственно, света хватало, он лился из окошек и смягчался свечами изящных кованых светильников, которые свисали с потолка и стояли вдоль проходов. Видимо, это у меня от волнения потемнело в глазах.

Оранжевая бархатная дорожка между некрашеных деревянных скамеек вела к алтарю.

Приглашенные гости уже сидели по лавкам. При нашем появлении они вставали и тут же садились на места, стоило нам миновать их ряды.

Внутри собор казался просторным, светлым (за счет побелки и отсутствия фресок и икон на боковых стенах) и... убогим. Я шла в легкой растерянности и вертела головой по сторонам. Какой контраст между пеной каменного кружева, садом скульптур, воплощенной грезой — и полуфортом-полу... да простят меня верующие! — полутурьмой!

Муж остановился и тихо прошептал мне:

— Оставайся тут и повторяй все за мной, — после чего сделал три шага вперед.

Мы находились практически около алтаря. На небольшом возвышении стояли Амадин и Омелла. В нескольких шагах от них — Матиас, и чуть позади него — я.

Из бокового входа появился богато одетый богослужитель с ритуальной чашей королей.

— Опуститесь на колени, дети! — сказал он, обращаясь к нам с принцем.

Мы послушно опустили колени. У меня этот процесс занял гораздо больше времени, чем у мужа, по причине негнувшегося платья. В смысле, я пыталась преклонить колени, но

платье стояло насмерть! Нашу миниатюрную войну прекратил подбежавший молоденький служка и помог мне достаточно удобно устроиться, подложив под колени мягкую подушку и буквально «сломал» платье. Платью это не понравилось, и оно, защищаясь от насильственного вторжения, поцарапало несчастного ограниченными камнями.

Мне стало жалко мальчишку и, дружелюбно улыбаясь, я протянула тому носовой платок, обшитый по краю мелким жемчугом. Мальчик сильно засмутился, но платок взял, благодарственно улыбнувшись в ответ. По коже опять мазнуло невидимое присутствие и тут же бесследно сгнуло. Вот что за притча?

Главное событие сезона началось, но поскольку моего участия в нем не требовалось, я с чистой совестью разглядывала внутреннее убранство главного храма страны.

На первом этаже пузатые белые колонны поддерживали бельэтаж второго. На стенах висели флаги, множество геральдических флагов — символика входящих в состав страны завоеванных клочков земли. Они же шелковыми разноцветными лентами свисали с балконов.

Деревянная кафедра и большой, инкрустированный розовым перламутром сундук, играющий роль алтаря, — вот и вся роскошь.

Я уже перестала что-либо понимать. А! Забыла упомянуть — над алтарем находился скромненький витраж на двух больших окнах. Там было нарисовано (именно нарисовано!) что-то микроскопическое, зелено-красно-синее... честно говоря, я даже вблизи сути изображения так и не углядела. Тем более изображение дополнительно разбивалось на фрагменты свинцовой оплеткой, делящей стекло на множество маленьких вытянутых окошек.

В этот момент от разглядывания меня отвлекли происходящие события. Священнослужитель удалился за резную перегородку алтаря и вынес ларец, роскошно изукрашенный драгоценными камнями. Даже при скудном освещении яхонты разбрасывали вокруг искристые блики.

Остановившись перед принцем, старый прелат откинул крышку ларца и возвестил:

— Настал час истины!

Я вытянула шею, пытаюсь разглядеть, что там и у кого настало, но за широкой спиной мужа было ничего не видно и, кстати, это представлялось весьма обидным. Каламбур! Если я уж тут стою, время зазря трачу, так могли бы и мне показать истину.

Тут мне пришло в голову изречение древнеримского ученого Плиния Старшего: «In vino Veritas» — истина в вине. Только вот древние забыли уточнить: в какой именно по счету бутылке? Может, в том ларце и не спиртное, но навеивает... Вон как мой ненаглядный над ним застыл. Любопытно, о чем он думает? Прилично ли выдуть все в одну физиономию или все же стоит поделиться истиной с окружающими?

— Свершилось! — вдруг заорал священник и захлопнул ларец, едва не прихватив благоверному пальцы.

Это как? Наш принц оказался трезвенником и оставил записку для потомства? Или я проглядела какую-то важную подробность ритуала?

После сих знаменательных слов, как по сигналу, раздался оглушающий звон колоколов, который, впрочем, скоро стих.

Начался обряд отречения. Амадин долго и занудно читал какую-то затертую книжку на непонятном мне и, похоже, всем окружающим языке, включая священника в золотых ризах. Когда мы уже достаточно выспались, свекор все же захлопнул талмуд и торжественно сказал:

— Свободен! — преклонив колени.

Священнослужитель почтительно снял золотую корону с примитивными зубцами со склоненной головы короля-отца и положил ее на расшитую золотом алую бархатную

подушку, которую принес один из служек.

Следом за мужем, не произнося ни слова, на колени опустилась королева, но я-то видела, как неохотно расстается мачеха с символом власти. После короткой церемонии ее корона перекочевала на вторую подушку. Омелла проводила простой золотой ободок с зубчиками та-а-ким взглядом, будто у нее только-только вырвали сердце, селезенку и печень и на глазах у всех сдали на органы. Безвозмездно!

Затертую книжку подсунули Матиасу. Теперь он мучил всех абракадаброй примерно с час. По-моему, сам не понимая, чего и кому читает.

Наконец то ли книжка закончилась, то ли у него терпение лопнуло, но чтение прекратилось, и вокруг мужа забегали трое вольных визажистов, расписывая его лицо из маленьких кувшинчиков чем-то пронзительно вонючим. Мне показалось, каждый из трех священников старался навазюкать на венценосном лице побольше и погуще.

После того как супруг пропитался душистым маслом на придирчивый взгляд достаточно и основательно прочувствовал тяжесть власти через резкий запах (я, например, уже предостаточно нанюхалась и давно мечтала о свежем воздухе!), ему, в свою очередь, возложили на голову батюшкину корону.

— Да здравствует король Матиас! — торжественно прокричал священник. Благоверный поднялся с колен и принял из рук прелата священную чашу королей.

Закончив с мужем, священнослужитель переместился ко мне. И вскоре на мою голову опустилась корона. К слову сказать, сначала с меня стащили предыдущую и куда-то уволокли. Стесняюсь спросить — неужели на сувениры? О чем это я? А-а-а! Парадная королевская корона весила килограммов пять и существенно вдавливала голову в плечи.

От невероятной торжественности момента мозги отказали уже в который раз, и мне отстраненно подумалось: если корона делает меня выше, а ее тяжесть, наоборот — ниже, то интересно — остаюсь ли я при прежнем росте?

— Да здравствует королева! — завопил над ухом прелат. Я попыталась подняться. Сейчас! Платье снова выставило мне категорическое условие: «Ни за что!» Слава богу, не одна я, убогая, так мучилась и страдала, и технология подъема королей у них, видимо, была уже отработана, потому что ко мне подскочили двое болтавшихся неподалеку священников и, истово сделав благословляющие знаки (один мне, второй в зал), подняли застывшую королеву с колен.

Пока я со скрипом выравнивала равновесие и потихоньку разминала затекшие ноги, мысленно мечтая о сауне и длительном сеансе массажа, подошел муж. Глядя мне прямо в глаза, он протянул чашу. Я приняла ее двумя руками и сделала символический глоток терпкого красного вина, почему-то отдающего одновременно полынью и ладаном.

В этот миг снова зазвонили колокола, возвещая народ о смене власти. Грохотало так, что у меня появилось чувство, будто моя голова сама по себе стала как колокол — настолько там было пусто и при этом гудело.

Муж предложил мне руку, я приняла, и мы торжественно двинулись по проходу, не глядя по сторонам и не реагируя на посыпавшиеся со всех сторон поздравления знати. Сначала, по давно сложившейся традиции, мы должны поблагодарить народ, выбравший эту династию, которая никогда не прерывалась с момента основания Сегала.

Ура! Свобода!

На крыльце, вдохнув полной грудью свежего воздуха, я прищурила глаза, отвыкшие от дневного света, и принялась благосклонно кивать во все стороны. Возникло опасение, как бы не слетела с головы корона! Тяжелое украшение все же ничем не закрепили, и оно слегка кренилось вбок. Приходилось быть предельно осторожной и кивать весьма горделиво, страшась уронить высокое достоинство. Потому что с упавшей короной обычно теряешь и голову...

Слава богу, долго на крыльце мы не стояли. Вскоре, как только привыкли к свету наши глаза и народ вдоволь оторался: «Многия лета!» — новоиспеченная королевская пара устремилась к своему экипажу. По пути мы были вторично атакованы цветами и

букетами, заодно пришлось благословить партию золотушных детей (оказывается, есть поверье, что благословение венценосной четы сразу после коронации навсегда спасает от этого недуга!) — и мы почти у цели!

За время коронации ковровую дорожку поменяли, и теперь она стала изумрудно-зеленой. Ну, как бы средневековый «зеленый свет» на светофоре власти. Может, и мент где за углом затаился? Было бы прикольно сейчас получить штраф за парковку в неполюженном месте... Боже, и о чем я думаю?

Путь во дворец показался мне значительно короче. Обрывки мыслей скакали в голове, но ничего путного из пазлов не складывалось. Душу тревожило какое-то странное, необъяснимое предчувствие надвигающейся беды. Ничего определенного. Просто какой-то иррациональный страх и жуткий холодок, пробегающий время от времени мягкими лапками по позвоночнику. И опять меня посетили снежинки. Они прошлись наждаком по лицу и коже, будоража и беспокоя, пошуршали поземкой между мною и мужем. Через минуту глюки пропали, как и не было.

— Прошу вас, ваше величество! — Оказывается, мы приехали. Матиас уже стоял около дверцы кареты, протягивая мне руку.

— Благодарю, — хрипло сказала я неожиданно севшим голосом, принимая руку.

— Думаю, вам стоит переодеться, — мягко посоветовал мне супруг, видя, как я в сотый раз воюю с непокорным платьем.

— Спасибо! — Искренне и от всего сердца. Я действительно безумно устала и страшно измучилась в неудобном тяжелом наряде средневековой бодибилдерши. А впереди еще прием послов с верительными грамотами новому королю, а после — о, господи! — коронационный бал! Держите меня семеро!

Мы вошли в празднично украшенный синими, бирюзовыми и зелеными лентами белоснежный холл. Нас с последним, прощальным королевским напутствием встретили свекор и свекровь, и уже буквально через минуту после их быстрого ухода холл заполнили радостные взвизги, тихие перешептывания, шорох перьев и атласа: явился на выручку мой женский батальон во главе со взволнованной маркизой и не менее взбудораженный отряд кавалеров.

Меня в вихре поздравлений закружил яркий дамский цветник, оттесняя от мужа.

— Ваше величество! — пропела счастливая Омаль, приседая и подмигивая исподтишка моей царственной персоне. Обер-фрейлина буквально летала от радости.

— Маркиза! — в тон ответила я ей. Известила статс-даму: — Мы немедленно идем переодеваться к балу. Приготовьте все необходимое.

— Слушаюсь! — выпрямился маленький стойкий солдатик, раздавая вполголоса команды подчиненным.

Краем глаза я увидела: к мужу подошел один из его кавалеров, весьма неприятный и скользкий тип в темно-сером, и начал что-то быстро-быстро нашептывать на ухо, украдкой поглядывая по сторонам. При этом радость на открытом лице Матиаса как-то померкла, буквально вылиняла за минуту. Он прямо на глазах помрачнел и гневно нахмурил брови. Что ему такого ужасного донесли, да еще в день коронации?

Муж раздраженно подал знак следовать без него, и я не стала с ним заедаться. «Жалко, если первый день королевской власти начинается у мужа с плохого известия!» — взбрело в голову по пути в спальню любезного супруга.

И вот пока, хихикая и громко переговариваясь, дамы медленно тянулись вверх и уже почти доползли до нужного этажа...

— Чуть не забыла! — вдруг сказала моя обер-фрейлина, хлопнув себя по лбу. Быстро окинула взглядом ряд замерших девиц. Приказала: — Милена Скай! Будьте любезны принести из бывшей спальни ее величества ларец с благовониями в опочивальню королевской четы.

Зеленоглазая блондинка присела в глубоком реверансе и стремительно понеслась со всех ног вверх по лестнице. Кажется, даже иногда перескакивая через две ступеньки и самым неподобающим образом демонстрируя ноги в ажурных чулочках выше щиколоток.

Мы продолжили весело чирикать между собою, делясь впечатлениями о прошедшем грандиозном событии, когда на развилке коридора между двумя спальнями нашу компанию настиг громкий вопль, невыносимо резкий визг на одной ноте:

— А-А-А-А-А!!!

Меня окружили рокошующие снежинки. Странное дело, на сей раз они были, я их видела, слышала, но... совсем не чувствовала. Новая разновидность моих глюков. Снежинки-призраки. Не звучали барабаны, не кричали голоса... может быть, я потихоньку выздоравливаю?..

Не сговариваясь, мы все развернулись на ультразвук и кинулись в мою бывшую спальню. Я и про платье забыла, и про корону... Вот что с людьми нечеловеческий стресс делает!

На пороге комнаты стояла смертельно бледная графиня Тотос и не прекращала орать на одной ноте.

— Что случилось? — запыхавшись, выпалила я, стараясь отдышаться от быстрого бега с утяжелителем на плечах.

— Там-там-там-там! — зачастила трясущаяся блондинка, окончательно забывшись, кто перед ней, и тыкая наманикюренным пальчиком вовнутрь.

— Тамтам — это барабан! — буркнула я, не понимая причин странной паники. — А «тамтам» и «тамтам» — два барабана! — с этими словами протиснулась внутрь и...

— А-А-А-А-А!!! — Это мы уже слаженно выводили дуэтом на два голоса.

Маркиза, до смерти перепугавшись за подопечную, вынесла нас с Миленой грудью и присоединилась к визгу. Теперь мы упражняли легкие, как сработанное оперное трио:

— А-А-А-А-А!!!

Следом за нами влезли любопытные фрейлины... Хор имени принцессы Алисандры очень расширился и по гармоничности, объемности и мощности звучания приблизился к церковному органу.

В общем, вы представляете, как вопили одиннадцать здоровых, хорошо питающихся женщин?..

— Ваше величество! Ваше величество, что стряслось?! — К нам присоединилась запыхавшаяся Лара и внесла нотку диссонанса в наш слаженный визг: — И-И-И-И-И!

— Лара! — прервалась я на мгновение. — Не истери! Ори нормально! Как все! — и снова: — А-А-А-А-А!!!

— Ваше величество! — По паркету загрохотали сапоги припоздлившейся охраны. Впереди на лихом коне и с шашкой наперевес... извините, увлеклась! Впереди на своих двоих и с мечом наголо ломились Рауль и герцог Рыкун. Называется: «Явились, не запылились!» — Что случилось?

— А-А-А-А-А!!! А?.. — Я на мгновение задумалась над вопросом. Потом пришла в себя (и когда только успела выйти?) и уверенно ткнула веером в глубину покоев: — Там труп!

— Где? — сунули головы в проем двери мужчины. Поглазели немножко... и дружноотреагировали: — Ага! Почему вы решили, что это труп, ваше величество?

— У меня что, после коронации надпись на лбу появилась: «Идиотка»? — не на шутку рассердилась я. — Как еще можно охарактеризовать лежащего под какой-то балкой мужика со сплюсненной головой, который вот уже пять минут не реагирует на мощный хор одиннадцати дам?

— А... — начал герцог Каспер. — Может, глубокий сон?

— Или слишком крепкая выпивка? — поддакнул Рауль Силвермэн, между тем потихоньку оттесняя меня из комнаты и загораживая вид.

Я возмутилась:

— Что?! Вы издеваетесь? Думаете, он решил с нами поиграть в прятки новым, особо продвинутым способом?!!

Рауль поморщился и тряхнул своей шикарной блондинистой гривой. Как мой страж, на коронацию он пришел в праздничных цветах моей личной гвардии, ультрасинем костюме с ало-серебряной окантовкой. Я тогда даже удивилась немножко. Всегда полагала — натуральные красители столь яркими не бывают.

— И он не глухой! — стукнула я веером по косяку в сердцах. — Он — мертвый! Там лужа крови натекла! Весь паркет испортился!

В моей спальне царил натуральный погром. На полу попеременно лежали отрезки шелка для стен. Перевернутая мебель создавала дополнительный живописный колорит. Наполовину ободранные стены пестрели унылой каменной кладкой. В общем, самый обычный ремонт. У нас дома такое бывало не раз, и я к этому пожару и потопу два в одном под скромным именем «ремонт» вполне привычная.

Правда, в общую рабочую картину никак не вписывались мужские ноги, одетые в темно-коричневые штаны и обутое в мягкие сапоги из черной, хорошо выделанной кожи. Неловко вывернутые нижние конечности причудливо выглядывали из-под тяжелой резной дубовой рамы, в которой я, немного успокоившись, тотчас признала основу для балдахина. Мои невидимые «снежинки» слетелись на балдахин, словно указывая мне на что-то. Видения поскакали по дереву, попрыгали по кровати и стенам и... пропали.

Если попытаться логически просчитать события, предшествующие гибели ночного гостя, то мне представляется это следующим образом: ночью, в полной темноте (днем или утром света бы хватило увидеть коварные ловушки, раскиданные строительными вредителями под ногами) мужик ввалился ко мне в спальню с о-очень непонятными намерениями. Впрочем, намерений, с моей незамысловатой точки зрения, могло быть только два. Или мужчина воспылал к моей костлявой персоне неземной жаркой страстью и поспешил меня о ней, ни мгновения не медля, тут же уведомить...

Или ему сильно захотелось стать всемирным благодетелем, и дядька решил одним махом избавить королевство от неликвидной рыжей принцессы, о которой за спиной, не скрываясь, говорят, что она блаженная.

Во вторую причину визита верилось сразу и беспрекословно. Так вот, заявившись ко мне без предупреждения, ночной посетитель не учел ма-аленькой детали — радикального изменения дизайна спальни и последующего затем хаоса.

Возможно, он запнулся о мебель или поскользнулся на шелке — кто ж это теперь выяснит? В общем, мужчина каким-то образом пошатнул кровать, и на него сверху съехала деревянная рама весом в несколько пудов! Итог мы сейчас наблюдали. Выводы: «кирдык котенку» и «кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро!».

Обойдя тцившегося мне помешать Рауля, я нагнулась над трупом и, разглядев в его руках один весьма интересный предмет, привлекла внимание мужчин:

— Смотрите, какая у парня милая веревочка! — Задумчиво протянула: — Интересно, зачем она ему? Какую корову он тут с петлей посреди ночи собрался ловить?

Из меня тут же по накатанному сценарию попытались сделать дурочку.

— Ваше величество, — глубокомысленно заявил Неподкупий, видимо, спасая мою архихрупкую дамскую психику. — Возможно, это слуга и... Ему захотелось подвязать одну из штор...

— Гарротой? — у меня от подобного предположения чуть глаза на лоб не полезли. — Смело! В высшей степени ор-ригинально! А вот тот симпатичный кинжал ему был

нужен, чтобы кончики на бантике подровнять?

Каспер сделал знак стражникам. Мужчины, брэнча доспехом, пыхтя и сквозь зубы негромко поминая сидельцев, строевых и прочую домовую нечисть, стащили с покойника дубовую раму. От представшего глазам зрелища меня немедленно затошнило. Все же училась не в медицинском институте. Это у студентов-медиков спокойно завтракать, обедать и ужинать рядом с препарлируемым материалом за что-то сверхъестественное не считается.

«Держись! — уговаривала я себя. — Вдох-выдох, вдох-выдох!» Подскочившая ко мне статс-дама активно помахала в лицо веером и сунула в руку нюхательные соли. Кто-то из фрейлин с протяжным стоном расположился на отдых прямо на полу. Галантные кавалеры оказывали им первую помощь.

— Ваше величество, он вам знаком? — спросил меня Рауль, поддерживая под локоть. Если красавец-блондин тайно надеялся, что я немедленно распластаюсь у него на груди, то сильно просчитался. Я потом где-нибудь полежу, отсвечивая салатным колером... без свидетелей и дополнительных деталей интерьера.

Я обвела внимательным взглядом изуродованное горбоносое лицо погибшего простолюдина, на глазок прикинула рост и фигуру, отметила безликую одежду, треугольный платок на шее... Присмотрелась к пальцам и ладоням без характерных крестьянских мозолей, как будто покойник при жизни занимался лакейской или воинской службой, не поленилась приглядеться к нестертым долгим ношением подошвам сапог...

— Если судить по тому, что уцелело — первый раз вижу! — честно сообщила Раулю, вытаскивая свой локоть из сильных пальцев.

Все молча рассматривали окочурившегося визитера.

— Так что он все же здесь делал? — нарушила я молчание, переводя вопрошающий взгляд с одного герцога на другого.

Рыкун смущенно кашлянул и запел старую песню:

— Ваше величество, я все же думаю, что это слуга...

— Да? — перебила я его бесконечные гусарские баллады и романсы. Приказала, обращаясь к страже: — Переверните!

Двое гвардейцев перевернули тело. В заспинных ножнах красовался небольшой топорик.

Укоризненно покачав головой, я задумчиво сообщила:

— Поразительно! Значит, слуга, вы говорите... А этот метательный топорик ему был нужен, чтобы столбики прикроватные обтесывать?

Мужчины засмутились и промолчали.

Я же, напротив, продолжила размышления вслух:

— И делать это нужно было непременно ночью? А то бедолаге не дали бы уснуть муки совести?

Мужчины снова погрузились в глубокомысленное и красноречивое молчание. Не иначе как раздумывали: стоит ли попробовать еще раз убедить меня в том, что я умственно отсталая, или дешевле все же признать новую попытку покушения?

В коридоре раздался шум, и в комнату на всех парах, на ходу беря барьеры из обморочных фрейлин, ворвался Матиас.

Ну, все! Следующий на очереди! И опять начнет рассказывать наивной чукотской девушке сказки Венского леса. Караул! Я сдаюсь!

— Что тут происходит? — выдохнул благоверный, сверкая глазами. Этот вопрос вместо вызвучки уже следует высечь на мраморной стеле, до такой степени он становится

популярным!

Все, кто был в сознании, немедленно склонились перед королем в поклонах или присели в реверансах. Наконец муж углядел основную причину переполоха. Грозно сдвинув брови и подарив сулящий всяческие тюремные блага фирменный королевский взгляд двум сконфуженным герцогам, повернулся ко мне, стоящей на коленях над телом, и не нашел ничего лучшего, как спросить:

— Что вы тут натворили?

— Я?!! — Оскорбленная до глубины души, я попыталась подняться. Облом! Мое чудное платьишко из газа и парчи для самостоятельных действий владелицы, как то — подъем или спуск, НЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНО!

— Вы, мадам! — навис надо мной супруг.

Я говорила, что он будет мне рассказывать сказки? Наивная! Он меня в них спокойно обвиняет! Удивительно выигрышная тактика, даже завидно стало.

— Ничего! — заверила его, не желая вступать в перепалку на виду у двух десятков свидетелей.

— Я вижу, что «ничего»! — продолжал напирать король, бессовестно пользуясь своим положением. — А это что? — ткнул пальцем в мертвеца.

— Не знаю, — пожала плечами. Сорвалось с языка: — Думаю, подложили.

— К вам в спальню? — ехидно продолжил безосновательный допрос необычно подозрительный Матиас.

— Ну не в кровать же! — попробовала достучаться до разума супруга.

— Почти! — заявил мне этот слепой ревнитель семейных уз.

Я смерила на глаз расстояние от лежащего тела до кровати и сильно подивилась вывертам фантастической мужской логики. Если ей следовать, то каждый, упавший в метрах двух-трех от моего ложа, непременно считается попавшим в мою постель! Грустно. Даже не знаю, что и сказать...

Заскрипела зубами. И тут мне в голову пришла великолепная идея, как одним махом избавиться ото всех затруднений. Протяжно застонав, я свалилась в продолжительный обморок, стараясь упасть в сторону, противоположную покойнику.

Маневр удался.

Вокруг меня, лежащей без чувств, затоптали (чуть не затоптали гады! Пришлось достоверно изобразить судороги и отдергивать руки-ноги). Захлопотали (от смешанного резкого запаха нюхательных солей чуть на самом деле сознание не потеряла!). И заохали. Это мои фрейлины постарались внести достойное звуковое сопровождение в спектакль одного актера... ой! — актрисы!

Наконец кому-то пришла в голову здравая мысль. Меня подняли на руки и понесли. Я по дороге всячески стимулировала носильщика жалостливыми стонами и судорожными подергиваниями, изо всех сил давя на больной мозоль — средневековую мужскую сентиментальность (слово «жалость» не употребляю, как неуместное в данном случае!).

Впереди нас кто-то цокал каблуками, видимо, прокладывая дорогу, потому что я не услышала звука открывающейся двери, когда меня сгрузили на что-то мягкое. Весьма невежливо сгрузили, надо заметить.

— Мадам! — потряс меня за плечи муж. — Очнитесь!

— О-о-о! — застонала я, всеми силами протестуя против подобного обращения, и поникла, словно увядшая лилия.

— Ой-ой-ой! — поддержал меня хор сочувствующих фрейлин.

— Мадам! — сделал вторую попытку супруг, все еще на что-то надеясь.

— У-у-у! — сменила я пластинку и совсем «увяла», будто ландыш от мороза.

— Ай-ай-яй! — добавили жару девушки.

Получалось очень реалистично, и на нервы действовало — жуть!

Матиас оставил меня в покое, но уходить не спешил. Скорей всего, новоиспеченный король размышлял на тему: предпринять еще одну попытку моего активного оживления — и дальше травмировать свои чуткие уши и хрупкую мужскую психику женскими стонами, или ну его на фиг?

Итог был закономерен: придя к выводу «если вам не на кого поставить, найдите на кого положить», — Матиас встал с постели (льщу себя надеждой) и громко воззвал:

— Маркиза Мордебуль!

— Да, ваше величество! — Омаль зашелестела юбками платья.

— Что за ноевы выходки, да еще в особенный день! Мадам, впредь поживее исполняйте свои обязанности и приведите, наконец, королеву Алиссандру в чувство! — Он ловко свалил с больной головы на здоровую. Прошипев: — Я буду ждать ее величество у входа в тронный зал через два часа! — Судя по звуку шагов и звону бьющейся по пути посуды, в сильном гневе направился к выходу.

— Слушаюсь, ваше величество! — пролепетала маркиза.

— Выполняйте! — разрешил все милостивый самодержец и свалил, не забыв напоследок громко брякнуть дверь.

Я еще немного на кровати повалялась, подумала о светлом и вечном, о противостоянии инь и янь, мужчин и женщин, луны и солнца, черного и белого... Когда в мыслях дошла до фильма «Кошки против собак», решила: хватит на сегодня натурфилософии!.. И пришла в себя (с легким стоном, чтоб не забывали, как надо женщин беречь и лелеять).

— Как ты себя чувствуешь? — тихо спросила Омаль, сидевшая рядом на кровати.

— Ужасно! — честно призналась я. — И чего он так на меня взъелся?

— Не знаю, — задумчиво ответила статс-дама. — Но он так на тебя смотрел!

— Как «так»? — заинтересовалась я. — Как на врага народа в моем лице?

— Нет, — поспешно ответила обер-фрейлина. — Как... как на шоколадное пирожное, — подбирала она слова. — Будто хотел немедленно съесть и очень сильно сдерживался!

— Зачем? — поразила я, мгновенно заподозрив отдельно взятого мужчину в каннибализме и тайной любви к поджаренным девичьим ребрышкам.

— Не знаю, — снова ответила маркиза. — Но вид был такой... Словом, если начнет, то за уши не оттащишь...

— Не оттащишь? Неужели так плохо?.. — эхом повторила я. — Омаль, ты меня пугаешь!.. Придется пристрелить...

— А? — не расслышала маркиза. Побледнела: — ЧТО ТЫ СКАЗАЛА?

До меня не сразу дошла суть допущенной мною фатальной ошибки. В этом мире отношение к августейшим персонам граничит с обожествлением, так что данную тему при Омаль развивать дальше не стоит. Категорически. И я с невозмутимым видом продолжила:

— Бывает, говорю. Может, плохо сегодня король позавтракал. — Кряхтя, с помощью маркизы, Надин Мионы и Мар Лесной сползла с кровати, придавая себе устойчивое состояние.

Вокруг меня засуетился женский батальон, подготавливая мое величество к дальнейшему празднованию. А я усиленно морщила лоб, стремясь понять, с какой стати у Матиаса внезапно поперла агрессия и так молниеносно улетучилось до того момента отменное расположение духа? И почему его злость и раздражение направлены сугубо на персону жены? Вины за собой я не ощущала. Тем более внезапные перепады настроения супруга казались очень странными.

То он всячески демонстрирует свою симпатию, то унижает на ровном месте и намерен растерзать, а потом, по словам маркизы, «съесть готов». Отчего? Столько вопросов, и ни одного внятного ответа...

В какой-то момент я поплыла и немножко раскисла. Боже, кажется, все, все отдала бы за то, чтобы на сытый желудок слопать две таблетки аспирина, запить сладким чаем с малиной и забраться под одеяло смотреть свежее аниме со своего старенького ноута, попутно выслушивая нотации мамы и папы за то, что я вместо институтских занятий занимаюсь такой ерундой.

А еще чтобы в это время на скайп стучалась вечно неунывающая подружка Анька и звала пойти завтра познакомиться с очень симпатичными мальчиками! «Единственная в мире оптимистичная готка», — как она себя называла. За что, за что мне это? — дурацкие золотые ободочки, фижмы, наемные убийцы и пылающий гневом сине-фиолетовый взгляд! Я же ненавижу Средневековье, никогда не мечтала быть готкой и всегда была хорошей девочкой!

К вечеру я настолько перегрузилась впечатлениями, что на все обращенные ко мне вопросы фрейлин бездумно кивала, абсолютно не вникая в суть. В результате оказалась облаченной в изумрудно-зеленое платье из густо затканного золотой нитью бархата со вставками из золотой парчи. Плечи были закрыты, фасон, приближенный к стилю «ампир», полностью закрывал грудь. Хотя платье условно и считалось бальным, оно, по идее, гораздо лучше сохраняло суть королевского достоинства. Из легкомысленно-пышного платья принцессы я переместилась в бархатно-весомый статус королевы. Прическу мне тоже соорудили простую, но красивую и удобную, в стиле Ренессанса: собранный на затылке пучок перевязали крестообразно, обмотали золотой нитью и вплели в тонкие и толстые косицы золотые бусины и жемчуг, а локоны по обеим сторонам лица прилизали и спрятали.

Рассеянно поблагодарив девушек за деятельное участие, просто чтобы не обмануть их благоговейное ожидание, потому как соображала я на то время очень плохо, отправилась на выход.

— Неприятности? — пристроилась рядом Омаль.

— «Зима — не лето! Переживем и это!» — убежденно ответила я, подбирая юбки, но глубоко внутри совсем не ощущая выказанной уверенности.

Погрузившись глубоко в себя и выходя уже на восьмой уровень сознания, я бодрым шагом прискакала к дверям парадного зала. Буквально через пару минут ко мне присоединился король, глядевший на белый свет волком, которому лиса хвост оторвала. И, представляете — это была не я! Вот досада!.. Я бы тоже вокруг той проруби «танец маленьких лебедей» сплясала. Раза три. На «бис»!

— Мадам! — Король Матиас принципиально демонстрировал мне холодность. Санта-Клоун, блин!

— Месье! — не осталась я в долгу.

Мне презентовали горячий взгляд, и я скромно потупилась. Ну не понимает человек шуток в свою сторону. Кто ж ему коновал?

Двери парадного зала распахнулись. Мы застыли в проеме, давая возможность всем полюбоваться, какие мы важные и красивые тут стоим.

Глашатай набрал воздуха и...

— Поспешествующею милостию Вышнего ныне царствующий король Матиас Третий! Владыка Сегала, великий герцог Зурляндский, Хольский, Таванч, Мирмурский и

Лапланч, герцог Урманский, Свяжский и Балатранский, князь Выхойский, граф Кольвинский, маркиз Арканский, барон Урланский, Катрасский и Амальданский, виконт Белийский, владетель Баоссили, Турманс и прочая, прочая, прочая...

Еле выговорил бедняга. Немного отдышался и снова заорал:

— Королева Алиссандра! Жена правящего монарха Сегала Матиаса Третьего, наследная принцесса Глеховии, великая герцогиня Айверская, герцогиня Килисская, Шасская и Далисская, княгиня Даурская и Вотийская, графиня Созельская, Мимурская и Айлозильская, маркиза Ципильская, баронесса Турийская и Сорийская, владетельница Хольста, Айренга, Вудувилля и прочая, прочая, прочая...

Король величаво махнул головой, увенчанной короной. Я прикусила язык, чуть не попросив гвоздиков. Зачем? Прибить, чтоб корона не падала! А то ведет себя истуканом. Тоже мне, «Каменный гость»! Сейчас дойдет до кондиции и завершит: «Донна Анна! Донна Анна!»...

Мои литературные вымыслы прервали четверо придворных. Четыре дюжих мужика взяли нас под белы ручки и осторожно повели к трону. Не поняла? Мы теперь сами не ходим? Как же жить тогда? До птички мне еще далеко!

Мысли снова увело в сторону. Я представила себя порхающей колибри. Хороша колибри в пятьдесят кило весом! Это какой же мне цветочек надо? Чур, росянку и раффлезию не предлагать!

Для начала нас усадили на трон, то бишь все те же самые громадные кресла, в которых буквально день назад принимали нас родители Матиаса. Экс-правители под благопристойным предлогом удалились до начала фуршета, то есть второй части приема, предоставляя Матиасу всю свободу королевской власти. Не думаю, что мачехе это было по душе, но ее, в общем, никто особо и не спрашивал.

Матиас, словно по мановению колдовской палочки, преобразился. Взгляд стал жестким и цепким, движения уверенными, на губах играла легкая самодовольная полуулыбка.

С довольным видом сидя в кресле — ой! я хотела сказать: «на троне»! — молодой король принимал верительные грамоты иностранных делегаций.

«Сидю я на троне! Да мозги ломаю: Чего я сидю? А и сам я не знаю! Сидю, потому что удобно сидится! А что не сидеть, коли можно лениться?»

Во! Точно про моего мужа сейчас! Сидит и бровью не шелохнет. Подобрался весь, будто к чему-то готовится. Основательно так, по-королевски. С размахом! Чтoб всех одной левой рукой (кстати, а правая уже недееспособна?) смести. И что погано, как раз слева я и обретаюсь. Может, под трон сползти, пока этот самодержец грома-молнии метать будет? Отсижусь, как в бункере — и на свободу с чистой совестью? Другое дело, как послы воспримут реверс королевы?

Первыми к трону подплыли пять дюжих мужиков в юбках наподобие шотландских, только у тех в клеточку и в складочку, а у этих «кlesh» и в горошек.

— Дружественная Тьмутаракдия поздравляет нового короля Сегала и желает ему долгих лет жизни и мудрого правления! — Один из послов произнес на ломаном сегальском языке ритуальную фразу. Я не сразу поняла, о чем это он, потому что у него все «рычащие» буквы заменились «шипящими». Получилось что-то типа: «Шушесвенная Шмушашашия пошляет новошо шошoля Сешала...» И так далее... Мне очень понравилось словечко «шошoль». Я даже себе в мысленную копилку отложила!

Покосилась на мужа. Сидит и чего-то в себе копит и накручивает. Ну, вылитый «шошoль»!

— Дружественный Сегал принимает поздравления Тьмутаракдии и принимает верительные грамоты! — ответил Матиас. С правой стороны вышел церемонный придворный и с бесчисленными поклонами принял у мужиков выделанную баранью шкурку, на которой с одной стороны было белоснежное курчавое руно, а на другой стороне что-то написано. О, как! Чего только в жизни не бывает!

Тьмутаракцы склонились в поклонах. Пока они обменивались с супругом шкурками и любезностями, я оценила выставленные напоказ стройные ноги. Очень даже! Мне понравилось! Рекомендую!

Следующими за мужиками в юбках появились мужики в кожаных штанах, в безрукавках на голое тело и босиком. Из-под безрукавок лезла густая растительность, убедительно доказывающая, что хозяевам на снегу спать можно!

Это отличился Сумарок. Сумарокские мужики приволокли нам берестяные грамоты и бурдюк кумыса. Я чуть было не опозорилась: думала, пятый в их компании тоже посол, а оказалось — бурдюк. А так похож был, подлец!

— Алиссандра, прекратите раздевать взглядом сумарокцев! — прошипел мне сквозь зубы взбешенный супруг.

— А что, с них что-то еще можно снять? — искренне удивилась я. — Если только... эпиля-э-э... волосяной покров выщипать, чтобы до чего-то путного добраться...

Король вдвойне подозрительно на меня уставился.

Похлопав ресницами, я быстро добавила:

— Теоретически...

— Ты! — заблажил мой славный муженек и, пока мы ждали следующую делегацию, выложил мне причину своего дурного настроения.

Оказывается, какая-то подлая морда (знаю я эту морду — видела, как на ушко ласково нашептывал. погоди! Доберусь — собственноручно под хохлому распишу! Родная мама справку из роддома потребует!) подслушала мой разговор с графом наедине. Разумеется, сделала неверные выводы и накрутила принца... нет, уже короля, да так, что он пыхал и на меня огнем и ядом, словно огнедышащий дракон.

И теперь, не найдя другого, более подходящего места, муж устроил мне зверский разнос прямо посреди обмена любезностями с иноземными послами.

— Как ты могла?! — выдал мне король вопрос, благосклонно кивая сборной дипломатической команде мелких княжеств на востоке страны. Семь послов, все разного роста, стояли по ранжиру и кланялись поочередно. Один начал, второй подхватил и так далее... Слаженно так...

— Что именно? — уточнила я, любуясь бусами из голубого нефрита у крайнего ко мне мужчины. Наверченные в несколько рядов, они создавали впечатление ошейника. Но о-очень симпатичного! Хотелось взять за поводок и погладить по голове. Кстати, дипломат тот был самым маленьким и обладал милыми лопухими ушами, напоминая голодного спаниеля.

— Как ты могла мне изменить? — конкретизировал свой предыдущий вопрос Матиас и проводил взглядом семь потертых пергаментов. И где только послы ими на бедность разжились? Кожа настолько обветшала, что, так и казалось — сейчас порвется подобно намокшей бумаге.

— И в мыслях не держала! — честно созналась я, невежливо пялясь на трех борцов сумо в набедренных повязках из гигантских жаб. Нет! Не шкурок жаб, а самих жаб! Ясно. Это к нам пожаловал юг.

— А граф? — Король явно питал отвращение к земноводным.

— Что «граф»? — Меня в то время заворожили подергивающиеся жабы на набедренной повязке, пока посол страны Кускуснакус отплясывал зажигательный ритуальный танец. Замечу, верительные грамоты они вручили в клетках. У них письменность, видите ли, оказалась натуралистичной. И привезли экзотические южане: пустынную собаку — как символ верности, южную лошадь — как символ помощи, и длиннохвоста — как символ плодородия. Последний был стыдливо замотан в набедренную повязку, чтобы этим самым символом не смущать дам.

— Мадам! Измены с вашей стороны я не потерплю! Тем более с графом! — прошипел он сквозь зубы, между делом улыбаясь какой-то внушительной тетке. Она возглавляла делегацию от островов Амаголяндии. Тетка пришла полуголой, в одной пальмовой юбке и бусах. Гм... «дама» стучала по полу длинными копьём, ворковала с моим мужем и трясла мясистыми (чуть не сказала «сисястыми») телесами. После того как дама удалилась, крутя пальмовой юбкой, у супруга, судя по странному выражению глаз, перед лицом стояли богатства островной страны, подпрыгивающие и покачивающиеся из стороны в сторону.

Супруг, наконец, отмер, потряс головой и, поправив сползшую на лоб корону, заявил шепотом:

— Вас, должно быть, не поставили в известность, но королем в Сегале может стать только прямой потомок Лелунда.

— Я-то тут при чем? — Удивилась, боясь окосеть, потому что одним глазом пялилась на буйствующего Матиаса, а другим — на послов в рыболовных сетях. Нет, не подумайте, не на голое тело! Мужики были вполне нормально одеты, просто сверху камзолов замотались в неводы, волочившиеся за ними по полу.

— При том! — свирепел муж. — Не мой, посторонний, ребенок сразу будет выявлен. И весьма кровавым способом! Сегодня, на глазах у народа и чужеземных наблюдателей, я принесил присягу на секретном оружии нашей семьи — волшебном артефакте. Знаете ли вы, милая, что любого чужака наш артефакт уничтожит? Мгновенно сожжет на месте?

Меня настолько поразило это известие! И совсем не потому, что я собиралась одарить супруга развесистыми рогами. Скорей, безосновательное обвинение ударило по большому — способности любить и верить. Ударило сильно и весьма болезненно.

Не знаю уж, что взбрело в голову королю и как он расценил мое потрясенное молчание, но выдал он следующее, добавившее мне обиды:

— Мало того! Если у меня возникнет малейшее подозрение, что вы не та, за кого себя выдаете, я заставлю вас коснуться того же предмета. Если в вас не окажется ни капли королевской крови, это увидят все. Впрочем, для вас, дорогая супруга, это обстоятельство не сыграет никакой роли, ведь к тому моменту вы уже погибнете. Королевский артефакт безжалостен и убьет любого самозванца, который покусится на высшую сферу влияния.

Больно! Как больно и противно! Получается, сейчас я «разменная монета» в игре сильных мира сего? И они, не задумываясь, сбросят меня со счетов во имя своих высших интересов? Но как же я хочу жить!

Я механически улыбалась, памятуя о множестве устремленных на нас глаз. А муж изливал раненную неуместной ревностью и запоздалой супружеской гордыней душу. Но даже осознание причин его поступка успокоения не приносило. В данный момент король вел себя как собака на сене: самому не надо, но и другим не позволю! И смех, и грех!

«Он довел ее до привычного отчаяния, а затем вернулся к своим неотложным делам». Так и у нас. Матиас, выпалив наболевшее, успокоился и вернул свое высочайшее внимание послам. Как раз одно посольство сменялось другим. После долгого взаимного расшаркивания место у престола занял темнолицый мужичонка, похожий на высушенный урюк. Да что там урюк — скорее, на чернослив!

Прямой, как обгорелая деревяшка, кудрявый посол, замотанный в белую простыню и увешанный золотыми браслетами с ног до головы, заливался соловьем и попутно делал мне сомнительные комплименты, от которых я только морщилась, так они были некстати. А король тихо зверел.

Когда посол, по обычаю своей страны, название которой я благополучно прослушала, попытался в знак чего-то там подарить мне браслет, муж скрипнул зубами и, еле сдерживая ярость, жестко уронил:

— Благодарю, но королева не принимает подарков от посторонних! Это закон Сегала!

Посол понял и не настаивал, бросив в мою сторону сочувствующий взгляд.

— Мадам, вы самодержица всея Сегала, не позорьте свою страну! Прекратите кокетничать! — Это уже досталось «на орехи» мне.

Если мое кокетство заключается в вежливой, ничего не значащей улыбке, то буду сидеть «букой» и подозрительно всех сверлить глазами! Но меня не хватило надолго.

Теперь моему разобиженному величеству ничего больше не оставалось, как угрюмо пялиться по сторонам. Мне было убийственно скучно. Один за другим проходили посольства чужих стран, названия которых, кроме «моей» бывшей Глеховии, ни о чем мне не говорили.

Лишь одна делегация сумела привлечь повышенное внимание, да так, что я потом все время не сводила с них глаз. Почему?

Представьте себе гота. Натурального такого гота в черной или темно-коричневой коже, в заклепках, с черным плащом, с воттакенным мечом за спиной... И как, кстати, только охрана пропустила? Может, бутафория? Для создания антуража, так сказать. Намалевали же этому готу на морде оригинальную черно-белую раскраску по типу музыкантов группы «Kiss»! А теперь прикиньте, что таких «красавчиков» не один, не два, а тридцать?! И, кроме черно-белой, и цветные размалевки попадаются?

Услышав название страны, я поползла с трона вниз. Ей-богу, чуть не рухнула! Класс! Ржать хотелось со страшной силой, несмотря на упаднические настроения. Гламуготия! Гы-гы-гы! «Гламурная готия!» Сочетать несочетаемое — это круто! Классно выпендрились мужики!

Об этой делегации нужно сказать отдельно, да и у Матиаса они явно стояли на особом счету. По крайней мере, он на них волком не смотрел и укусить не пытался. Напротив, король очень благосклонно отвечал на реплики, подаваемые послами. И вообще живо интересовался всеми подробностями их рассказа.

Так вот, о послах...

«Все красавцы удалые, все равны, как на подбор, С ними — дядька Черномор!» Роль Черномора успешно играл глава делегации. Бороды у него не было совсем, но он успешно компенсировал ее толстой черной косой ниже колен. Коса, свитая как шнурок, вызвала у меня воспоминания о предыдущих событиях и гарроте. Посольство мне сразу разонравилось!

Впрочем, будь моя воля, я бы смело дала главе делегации звание «самый сексуальный мужчина года»!

Не могу сказать, что мой муж или герцог Рауль Сильвермэн были намного хуже — нет! Если разбираться честно, в мою тройку призеров попали бы они все. Причем разделили верхнюю ступеньку. Вопрос в другом... Что там с лицом — из-под росписей, конечно, фиг разберешь... но в том-то и дело! Я для себя поняла, что какая-то загадка должна быть не только в женщине, но и в мужчине — тоже!

Начала усиленно представлять мужа и герцога в эдакой раскраске. Идея пришлась по душе и очень понравилась. Можно сказать, прижилась и пустила корни.

— Что вы себе думаете, мадам? — опять зашипел супруг. — Вы уже добрых пять минут не сводите глаз с представителя Гламуготии!

— Да вот пытаюсь представить себе вас и герцога Силвермэна в подобной раскраске. Обнаженными... — честно и чуть-чуть мстительно призналась я.

Мужа настолько выбило из колеи, что он даже не сразу смог вставить ответную реплику послу той самой Гламуготии.

— Э-э-э... Вы слишком развращены! — выдал в итоге мне благоверный, когда послы откланялись и объявляли посольство Мурундии.

— А вы дурно воспитаны! — парировала я. — Мне стыдиться нечего! У меня здоровые

инстинкты!

— Я бы с вами мог согласиться, если бы вы представляли только меня! — вдруг разоткровенничался супруг. — Но Рауль — это уже слишком!

— Ха! — не сдавала я позиций. — Если вы меня обвиняете в разврате, пусть хоть будет за что!

— Я не обвиняю! — сменил гнев на милость муж. — Я предупреждаю!

— Хрен редьки не слаще! — пояснила я ему свое непримиримое отношение к его в высшей степени идиотской и необоснованной ревности, во все глаза пялясь на одинокого гибкого мурундца, который, извиваясь всем телом, медленно полз к трону на коленях. Иногда, правда, посол менял позицию и передвигался по-пластунски.

Через минуту этого странного шествия моя любопытная натура не выдержала, и я спросила:

— Чего это с ним?

— Вот! Снова вы о сексе! — сделал странный и весьма нелогичный вывод Матиас. Это он о чем? — У них такой обычай! Почтение так выражают. Послам даже дополнительные деньги на штаны выдают. Протираются слишком быстро...

Убейте меня веником, а при чем здесь секс?!

— Справедливо, — согласилась я. — А один — чтобы сильно не разорять казну?

— Наверное, — пожал широкими плечами муж. Улыбнулся: — Когда несколько послов вот так ползут в ряд, иногда не хватает места...

— Зато полы вымоют, — задумчиво пробормотала заботливая хозяйка.

Король не успел мне ответить. В это время к нам все же коварно дополз представитель дружественной Мурундии и начал многословно и непонятно распинаться, используя ряд длинных цветистых цепочек выражений, мутную вязь заумных сравнений и баснословно диких преувеличений. В общем, мурундиец состязался вовсю с прочими послами в изощрениях восточной филологии.

Как по мне, лучше бы и не состязался. Я б ему, чтобы заткнуть, и так первую премию выдала. И не я одна. Меня и остальные бы поддержали... единодушно.

Еще в хитросплетенной речи тонко и завуалированно намекалось о каких-то давних взаимных обещаниях. В финальной части мурундийского «эпоса» скользкий червяк в шелковых одеяниях внаглую выпрашивал для своей страны каких-то особо выгодных привилегий.

Я пока этого «ползуна» от пролога до самого эпилога выслушала, чуть умом не повредила. Это ж надо такие лексические обороты на каждые пять слов вворачивать! Да тому, кто эту речь послу строчил, надо премию выдавать! Огромную! Каждый год. Чтоб не писал больше и не занимался словоблудием. Ни-ко-гда!

В конце концов представление закончилось, и оказалось, что Мурундия — последняя в списке иностранных делегаций. Не одна я, значит, такая умная. Это о чистоте полов. Кто-то до меня уже все просчитал, учел и продумал! Стратег, однако!

К слову, какая русская женщина не любит, когда хозяйственные работы ведутся одновременно?! Как вспомню свое детство золотое... Помню, мама со мной на прицепе рано утром бежала в садик и еще успевала одной рукой накраситься! (Это когда мы стояли на пешеходном переходе и ждали зеленый свет). После работы мама забирала меня, мы рысили по магазинам и топали на всех парах домой, готовить папе ужин. Правильно, мужчина устал и очень хочет покушать, лежа на диване. Во время приготовления ужина мама успевала постирать, убраться, ответить на мои вопросы, проверить уроки и вытереть мне раз сорок нос. Отобрать у меня фломастеры и отмыть стену. Принести папе свежую газету и выслушать последние новости. Поговорить с соседкой и обсудить последний фильм или книгу. И при этом всегда выглядела

настоящей королевой!

Это я к тому, что мы, русские женщины, неординарны! Нас всякими там мужскими насупленными бровями и упреками не проймешь! Вот и я... Когда некуда отступить — отчаяние окрыляет. Сейчас почищу перышки на крыльях, поправлю нимб, провисший на рожках, и поцокаю копытцами, помахивая хвостиком! Знай наших!

После последнего тяжелого испытания король решил, что на сегодня развлечения хватит, теперь это дело нужно заесть, а кому-то даже и запить. Матиас дал знак глашатаю. Тот надсадно проревел у нас над ухом, объявляя всем присутствующим:

— Аудиенция закончена!

После чего король встал и откинул руку в мою сторону. Все еще зело обиженный, даже не взглянув на жену. Ха! Бедненький! На обиженных воду возят!

А мы не гордые. Мы можем и подержаться за предложенное. И я всем весом повисла на супруге.

— Ваше величество, — прошипел сквозь зубы король, не ожидавший от меня такой пакости и потому накренившийся в мою сторону. Прямо «Титаник»! А ему пойдет... Ди Каприо вполне сможет заменить. Нет! Жалко. Если такой экземпляр утонет, это ж сколько генофонда пропадет! Ну и мысли у меня... Я еще раз взглянула на мужа и, резко передумав, дала себе внутреннее разрешение: «А что такого?»

Выровнявшись в пространстве и подарив мне свой очередной фирменный взгляд «Убил бы, если б смог!» (мне их скоро складировать будет некуда! Никому не надо? Отдам по дешевке, со скидкой!), гостей король оделил более ласковой улыбкой и торжественно прошествовал в банкетный зал. Торжественности немного мешала я, висевшая на нем энцефалитным клещом, но ничего, он, как рыцарь бывалый, справился.

В общем, из одних кресел мы перебрались в другие, более низкие. Мне, честно говоря, стиль общего кормления не очень нравился. С одной стороны: «Мне сверху видно всё, — ты так и знай!» (кресла вместе с отдельным столом стояли на приличном возвышении). А с другой стороны — еду все равно таскать будут мимо гостей. Так что пока дождемся — кушанья остынут и всякая любопытная сволочь успеет в тарелку свой длинный нос сунуть (хорошо, если не плюнет!).

Полчаса мы ждали, пока все приглашенные чинно рассядутся. Мне, как ни странно, особо скучно за столом не было: где-то разбили хрустальную фигуру лебедя, три дамы упали в обмороки, а один виконт подрался с другим виконтом за право сидеть на один стул ближе к королевской чете. Первый мотивировал свое право тем, что его прапрапра- (далее, утомившись, я уже перестала считать) бабушка весьма нравилась прапрапра- (тут я заранее поленилась заниматься подсчетами) дедушке Матиаса. Дескать, венценосный «дедушка» оказывал «бабушке» недвусмысленные знаки внимания. На что второй отвечал в том духе, что дело, мол, очень давнее и запутанное: оказывал или нет — никто в точности не знает, а бабушка, мол, у соседа была страшная и шалава невозможная.

К сожалению, дело происходило в отдалении, и мне было плохо слышно. Я так и не поняла, на что больше обиделся виконт номер один: на «страшную», «шалаву» или на «страшную шалаву». В результате они настучали друг друга по широким мордасам кружевными платочками, и были оба выведены из зала.

— Торжественный ужин в честь коронации Матиаса Третьего и королевы Алиссандры объявляется открытым! — стукнул тяжелым посохом глашатай. Тут же, будто ошпаренные, туда-сюда забегали лакеи с тяжелыми подносами, и мне наконец-то удалось плотно покушать. Как там говорится: «Война войной, а обед по расписанию»? Золотые слова!

Плотоядно облизываясь и обводя счастливым взглядом голодного человека горы еды (мысленно, естественно, — королевам по чину полагается взирать и на пищу, и на мужиков холодно и отстраненно, как на что-то по чистой случайности возникшее перед тобой и малоприятное. Дурость какая!), я взяла в руки нож и вилку и... на несколько блаженных минут забыла обо всем вокруг. Красота!

Вышла из нирванной гурманы... Упс! Извиняюсь, нирваны для гурмана, только тогда, когда начали провозглашаться долгие тосты во здравицу правящей семьи. Каждый из послов считал своим долгом выпить: за здоровье, благополучие, процветание, плодovitость, за мир во всем мире, за день приезда, за день отъезда и так далее по списку. Только послов было много, а король один. И я, как официально непьющая особа и «будущая мать», не без доли злорадства наблюдала за «благими» последствиями оздоровительного дела: назююкивался мой благоверный медленно, но верно, хоть и прихлебывал по глоточку.

— Матиас, — толкнула я его в бок. — Прекрати нажираться!

— Я не жру! — возразил мне ненаглядный чуть заплетающимся языком. — Я пью!

— Я вижу! — рыкнула на него, беспокоясь о вреде алкоголизма. — Хватит хлестать вино как воду и надираться, словно сапожник, а то скоро окосеешь!

— Мадам, — возмутился король, клятвенно прижимая чашу к груди. — Не будьте вульгарной злоюкой!

— Будьте редкой сволочью! — перебила я мужа.

— А тебе пойдет! Ой! — понял, что сказал, супруг и заржал, деликатно прикрывая лицо салфеткой.

— Та-а-ак! — обиделась я. Тихо, но грозно зарычала: — Пойдет, значит? Ну, ты сам напросился! Сейчас я тебе покажу, монархист поганый, на какой глаз у меня сдвинута корона!

— Алиссандра, ты такая красивая, когда сердисься! — вдруг выдал Матиас и посмотрел на меня честным и ясным влюбленным взглядом.

И вот что с муженьком делать? После таких слов уже не стукнешь по столу кулаком. Рука не поднимается. Мда-а-а-а, умеет, льстец коварный, меня успокоить. Настоящий мужчина!

— Так что, мне теперь всегда немножко злиться? — Я чуточку оттаяла.

— Не-а, — игриво заявил муж, подвигаясь поближе и приобнимая меня свободной рукой. Умильно заглянул в лицо: — Когда не бушуешь, ты еще красивее!

Ик! Налейте мне кто-нибудь! Тут без бутылки ничего не разберешь!

— Позвольте мне на правах старого друга и сокурсника по военной академии выпить священную заздравную чашу за короля! — ворвался в наш разговор зычный голос «дядьки Черномора» из этой... Готогламурии... ой, нет — Гламуготии!

Рука мужа, крепко прижимающая меня к себе, безвольно опустилась.

— Тебе все позволено, Никас! Ты мне словно брат, — тут же позабыл о сладких комплиментах Матиас и привстал с места, салютуя чашей. Все правильно! Жена за столом — это так... за неимением лучшего!

У меня снова обострилось чувство опасности, взыв сиреной. Да что такое? Ничего случиться просто не может! Полный зал стражи. Куча людей стерегут наш покой и охраняют жизнь. Никто не станет рисковать! Видимо, я просто устала, вот и мерещится всякое. А мне таки мерещилось! Значительно поредевшие снежинки с тихим плачем стелились поземкой по полу, обвивали ноги мужа и возвращались ко мне некормленными собачками. Секунду поискрив непролитыми слезами, они уселись мне на плечи, покалывая кожу, и... впитались.

Никас встал с места и с чашей в руках подошел к голове стола. Поскольку меня этот мужчина притягивал своей спокойной уверенной аурой, я с удовольствием следила за его скупыми, точными и выверенными движениями, искренне наслаждаясь. Если бы не его раскрас, под которым было невозможно угадать настоящие черты... Стоп!

Вернулась взглядом к тому месту, где перед тем восседал сокурсник моего мужа. Рядом

с опустевшим стулом сидел еще один гламуготец, который перед тем подал Никасу и наполнил вином золотой кубок. Странно, однако, сидел... Во-первых, он старался прикрывать и без того раскрашенное лицо, как будто не привык к защите белой маски. Во-вторых, он почему-то сильно нервничал — в зале не было душно, даже наоборот — я бы скорее сказала «прохладно», но по вискам мужчины обильно струился пот, оставляя смазанные дорожки. Именно поэтому я подсознательно и обратила на него внимание перед тем. И в-третьих, он вел себя как-то... слишком неуверенно для профессионального воина. Со стороны парень среди брутальных гламуготов смотрелся «ряженым».

— Никас! — раздался голос мужа у меня над ухом.

— Матиас! — теплый ответ друга.

— Ну, что? Меняемся, как обычно? — спросил король и доверчиво протянул правой рукой свою чашу Никасу.

Тот улыбнулся и отдал свою. Матиас принял ее левой. Обмен свершился. Я облизала пересохшие от волнения губы и стиснула под манжетами нервно подрагивающие пальцы. Раскрашенный сосед Никаса начал потихоньку вставать, чтобы незаметно уйти из-за стола.

Вот, вот оно!

Может, я и ошибаюсь, может, это все мои фантазии и выдумки. Если так, мне потом за эту выходку сильно перепадет. Тряхнула головой... переживу. Неважно. И, да простят меня мужчины, но рисковать жизнью Матиаса я не стану.

Резко вскочив с места, сильно боднула головой по локтю, выбивая из рук мужа чашу с вином. На голову и платье ощутимо плеснуло, хотя я и прикрыла лицо рукавом.

Дзинь-дзинь-дзинь! — покатила чаша по ступеням, разбрызгивая остатки вина по полу и оставляя за собой красные пятна.

— Ох, извините! Простите, ради Вышнего! — слабо пролепетала, не смея поднять глаза на разозленных мужчин и суетливо вытираясь платочком. — Я такая неловкая!

— Алиссандра, что вы натворили! — взревел укоризненный голос мужа. В нем звучали раскаты приближающегося яростного гнева. — Это недопустимо! Впредь будьте повнимательнее!

— Не ругай свою прекрасную даму, — великодушно вступился Никас, кланяясь в мою сторону, хотя явно видел, что я подтолкнула мужа вполне осознанно. — Несчастливая случайность. Все в порядке.

Мною окружающая действительность воспринималась как-то странно. Словно посторонним человеком. Слова, звучащие будто сквозь вату, плавно протекающее действие, заторможенные движения... как в замедленной съемке.

Вот одна из бело-рыжих узкомордых борзых срывается с места и бежит...

Ее со звонким лаем догоняет другая...

Чаша, вволю попрыгав со ступеньки на ступеньку, лежа на боку, вращается на паркете...

Две собаки, наперегонки слизывающие винную лужу с пола...

— Алиссандра! — Голос мужа уже испуган. — Дорогая, вам нужно переодеться! Срочно!!! — Он схватил со стола кувшинчик с водой и щедро окатил мое лицо и волосы. Шутник-переросток! Тоже мне, мститель недоделанный. И так уже вся мокрая дальше некуда...

— Зачем? — шепотом спросила, не имея сил ясно соображать. У-у-у... Виски стянула тупая ноющая боль. Перекошенную, запутавшуюся в волосах корону будто прибили гвоздями. Мир передо мною двоился и колыхался.

— Вам срочно нужно пойти переодеться! — продолжал мягко настаивать Матиас, настойчиво выволакивая меня из кресла. Мне померещилось, или его голос опустился на пол-октавы? Глаза у короля стали большими, встревоженными. Зрачки расширились, заливая тьмой яркую радужку. Я с вялым изумлением заметила про себя — у супруга побелели губы и мелко подрагивают руки. Никас оцепенело застыл неподалеку с каменным лицом, конвульсивно сжимая руку в кулак, а вторую на кубке, и совершенно не замечая того, что тот накренился. Из вместительной чаши капает рубиновая жидкость...

Я обвела непонимающим взглядом залитое вином, мгновенно вылинявшее испорченное платье, содрогающуюся в предсмертных судорогах собаку с пеной из открытой пасти... вторую псину, с мучительным и жалким взвигом падающую рядом с первой... Внимание зацепил раскрашенный под бело-черного арлекина ощерившийся отравитель, которого моментально скрутили возмущенные воины-гламуготцы... Поглядела мельком на шокированное происходящим высшее дворянство...

— Будь добрее, и люди на тебе оттянутся, — хрипло прошептала я, сваливаясь в настоящий глубокий обморок. Кажется, я сегодня превзошла саму себя и потратила сил куда больше, чем у меня теоретически оставалось.

Опомнилась я значительно позднее от чего-то ледяного и мокрого. Голова кружилась, словно на карусели, и грозилась разорвать со мной суверенитет. Запугав ее лишением дотаций и исключением из союза органов, я откликнулась на призыв сознания и дала ему зеленый свет. Перед глазами все плыло и двоилось.

— Как она? — послышался взволнованный голос мужа.

— Ее величество благополучно пришла в себя, ваше величество, — ответил склонившийся надо мной сухопарый старик в мантии придворного лекаря. — Как вы себя чувствуете, ваше величество? — Это уже мне.

— Еще не определила, — хрипло прошептала я и попыталась сесть. Кожу на лице, голове и руках саднило немилосердно. Еще донимал жуткий зуд.

— Не беспокойтесь, все самое страшное уже позади. — Лекарь скорее утешал окружающих, нежели меня, неторопливыми движениями смывая что-то белое с моих рук.

— Это что? — проснулось любопытство. Если я жива, то стоит поинтересоваться, чем они меня пытались отправить на тот свет. Я имела в виду — во вторую очередь. После яда. Технику лечения я примерно представляла и потому где-то даже заволновалась.

— Белая глина, ваше величество, и еще некоторые особые ингредиенты, — услужливо ответил старик, дотирая мои руки.

— В смысле, обмазать глиной и запечь? — вымученно хихикнула я, ища в себе боевой дух. Поисквик подвис и выдал «not found». Дух испарился. То ли погулять пошел, то ли пробка в бутылке плохо притерта, и он выветрился...

— В смысле обмазать и вытянуть яд, попавший на кожу, — любезно объяснил лекарь и светло улыбнулся, давая понять, что оценил монарший юмор.

— Дорогая! — В поле зрения нарисовался бледный Матиас с темными кругами вокруг глаз. — С вами все в порядке?

Я немного подумала, пошевелила пальцами на руках, потом ногах, слегка покрутила головой и выдала:

— Нет! У меня недокомплект! Не хватает мозгов!

— Почему? — вытаращился на меня король, осторожно присаживаясь рядом. Видимо, решил, что это предсмертный бред умирающей и меня нужно срочно подержать за ручку. Иначе отправлюсь я на тот свет неудовлетворенная супружеской жизнью!

— Потому, что если бы у меня их хватало, — растолковала свое видение, глядя на супруга искренними глазами, — то я бы не находила себе проблем. И потом, удар

головой чреват непредсказуемыми последствиями. Жена у вас теперь, ваше величество, на всю голову стукнутая.

— Это я как-нибудь переживу, мадам, — погладил меня Матиас по волосам.

— Куда ж вам деваться? — замурылкала я.

— Некуда, — признался муж и так тепло улыбнулся, что у меня душа согрелась и начала разворачиваться. По русскому обыкновению места ей не хватило, и она пошла выплескиваться через край. Выражалось это в следующем... Махнув рукой и дав всем знак отойти, я тихо сказала:

— Матиас, я тебе не изменяла. И граф — мой дядя, если ты помнишь.

— Знаю и помню, — снова погладили меня, но уже по щеке. — Давай поговорим потом.

— Хорошо. — Мне действительно не хотелось ругаться. Правда, отношения с ним я бы повыясняла... тесно так... наощупь.

— Никас просит передать тебе бесконечное восхищение твоей смелостью, мужеством и наблюдательностью. Еще он умоляет по возможности дать ему аудиенцию завтра утром, чтобы он смог выразить все это лично, — вдруг вспомнил супруг.

— Размалеванный придет или все же умоется? — разобрало меня любопытство. — Скажи, приму, если в нормальном виде явится и косу заплетет, а не совет в шнурок. А то шейка у меня тоненькая и жить очень хочется.

А что такого? Мне сейчас можно и покапризничать, и права качать. Нужно пользоваться моментом. Потом ведь опомнятся и фиг чего дадут!

— Я передам твою просьбу, — ухмыльнулся муж, предвкушая размер свињи, которую он подложит другу. Ибо, по слухам, гламуготы с лиц краску практически никогда не стирали.

— Угу. — Головная боль немного отпустила. Захотелось спать. Веки налились тяжестью. Я сонно моргала, борясь с происками Морфея. О! Только мужу об этом нельзя говорить. Снова приревнует. Все же Морфей мужчина... был когда-то... наверное... но уточнять не будем.

— Отдыхай, — заметил мое состояние благоверный, — а мне нужно возвращаться на прием.

— Угу. — Это все слова, которые я могла использовать без напряжения полумертвого организма.

Матиас ушел, и я задремала, отмахнувшись от надоедливых фрейлин. Раздеться можно было и потом, благо платье с меня, похоже, срезали, потому что лекарь, уходя, забрал мои живописные лохмотья на исследования. Чего он там собрался исследовать? Скорей всего, прихватил алтабас жене на лоскутки.

Проснулась я от впившегося в ребра корсета и мгновенно пожалела о своей лени. Спала бы сейчас, как сурок, без задних ног. На минутку эту картину представила себе. Меня передернуло. Нет, лучше все же с задними. Это я погорячилась!

— Как твое самочувствие? — спросила сидящая в кресле у моей постели Омаль. Статс-дама портила себе глаза, читая при чахлом свете свечи толстенную книжку.

— Жить буду, только нужно раздеться, — сообщила ей, кряхтя (это уже становится традицией) и сползая с кровати.

Омаль позвала Лару, и они в четыре руки меня расшнуровали и переодели в ночную рубашку. Лара снова ушла к себе, а Омаль предложила:

— Хочешь почитаю?

— О чем? Впрочем, читай, — согласилась я, укладываясь поудобнее. А зря! Через четверть часа я уже каталась по кровати, задыхаясь и взвизгивая от смеха.

— Алиссандра, — поинтересовалась обиженная моим похрюкиванием маркиза, — над чем ты смеешься?

— Ха-ха-ха! — вытерла я выступившие слезы. — «Гремунскаблин смотрел на Ромузилтилию, и она, ощущая его взгляд всей голой кожей, испускала в его сторону высокие хриплые звуки...» — в смысле?.. Объясни мне, как?! — как она это делала?

— Ну... — задумалась Омаль. Потом глубоко с выдохом задышала и через минуту захрипела. — Наверно, так.

— И ты считаешь, это может привлечь любовное внимание мужчины? — высказала я разумные сомнения в идиотизме влюбленных. — Вообще-то может, но не в том смысле. Ты сейчас изобразила мне предсмертные хрипы.

— Да? — засомневалась Мордебуль. — Может, я не так делаю?

— Все может быть, — согласилась я. — Читай дальше.

Маркиза уткнулась в книгу:

— На чем мы остановились? Вот... «Рыцарь последний раз посмотрел на Ромузилтилию, потом, решившись, легко спрыгнул с коня и, подойдя к Белой Даме в полном боевом облачении, сжал ей колени от всей накопившейся страсти...».

— Омаль! Прекрати! — снова захихикала я в голос. — Этот рыцарь — садюга!

— Почему это?

— Сжал колени железными перчатками — и сломал ей ноги! Хватит! Я больше не вынесу таких издевательств над своей нежной психикой. С чего тебя вдруг на рыцарские любовные романы потянуло?

— Меня Каспер на свидание пригласил, — призналась статс-дама, отчаянно покраснев и прикрываясь книгой.

— Так что ж ты тут сидишь? — искренне удивилась я. — Совесть по отношению к мужу заела? Он вон тебя спровадил куда подальше и ничуть не горюет, живет припеваючи.

Омаль погрустнела.

— Слушай, не тужи! — У меня загорелись глаза. Ну хоть какая-то польза может быть от высокого положения: — Омаль! Ты, главное, найди себе кого-нибудь подходящего! А я живо объявлю ваш развод с Мордебулем государственной необходимостью и счастливо выдам тебя замуж!

— Не знаю, — прошептала маркиза. — Мне как-то неудобно...

— Чего «неудобно»? — поразилась я. — Крылатых мужиков с кладбища таскать — удобно, а к нормальному на свидание сходить — неудобно?!

— Я — старая! — выдавила из себя обер-фрейлина.

— Спятила? — обиделась я на ее низкую самооценку. — Сейчас мы тебя быстренько освежим! — И отправилась на поиски подходящих для наших целей продуктов.

На туалетном столике нашлась ваза с оранжерейной клубникой, персиками и яблоками. Не фонтан, но сойдет за неимением лучшего.

— Ложись! — скомандовала я и намазала на лицо Омаль давленую клубнику. На глаза ей примостила ломтики очищенного персика. Немного подумав, намазалась сама. Улеглась рядом и стала терпеливо ждать, когда маска высохнет. Я тоже красивой быть хочу!

В это время раздался вежливый стук в дверь.

Высшей монархической властью я решила, что никого нет дома. Подумаешь, зайдут в другой раз! — и не отозвалась. Обер-фрейлина пыталась было дернуться, но я ее остановила. Сработало мое грозное китайское предупреждение. В дверь еще немного

поскреблись — и успокоились. Вот и ладненько...

Меня сморило, начали сниться какие-то смутные и даже почти приятные сны... От крика надо мной я чуть не подавилась персиком. Тем самым, что положила на глаза. Вопль, надо признать, оказался более чем неожиданным:

— Убили! Королеву убили!

«С чего такие выводы?» — первая ленивая мысль.

— Убили! А-а-а! — надрывался женский голос. Рядом зашевелилась Омаль. Тут до меня все же дошло, что «убили» меня. Какой ужас! Как только посмели! Даже снаряд дважды в одну воронку не попадает!

В коридоре затоптали сапоги.

— Кто меня убил? — резко села я на постели, стаскивая со второго глаза оставшийся ломтик персика и засовывая в рот.

Рядом с кроватью заходила в визге герцогиня Криворужская. Но когда я приподнялась на кровати, нервно озираясь по сторонам, у дамы закатились глаза, и она начала суетливо обмахиваться веером, хватая ртом воздух.

— Что такое? — Рядом села Омаль. Этого герцогиня уже не перенесла и шлепнулась в обморок. Какая прелесть!

В дверях, как обычно, с мечом наголо тусовался Рауль. За ним толпился десяток стражников. При виде толпы меня разрывало на части желанием расхохотаться или удавиться. Я так понимаю, «show must go on!». Обратив внимание на бледный вид и «макаронную походку» своего телохранителя, я постаралась невозмутимо спросить:

— В обморок падать будешь?

Рауль внимательно присмотрелся к моим глазам.

— Нет, — покачал головой мужчина, заметно успокаиваясь. — Можно вопрос, ваше величество?

— Это клубника, — ответила я, уже догадываясь, о чем он спросит. — Маска на лицо. — И, спихивая с кровати статс-даму, приказала: — Омаль, подай вон ту салфетку, пожалуйста!

— Зачем маска? — не понял женской тяги к омоложению герцог Силвермэн.

— Для красоты! — пояснила, вытирая лицо от остатков клубники.

— Понятно, — закивал Рауль. Добавлю, по его квадратным глазам сразу было очевидно, что ни черта ему не понятно. Подозреваю, настоящим мужчинам вообще изначально не дано постичь, какое отношение клубника на физиономии имеет к изменению внешнего вида. Во всяком случае, в лучшую сторону.

— Если понятно — то тогда вы свободны, герцог! — заявила я. У меня еще Омаль к свиданию неподготовленная по апартаментам мыкалась. Клубнику она, естественно, уже смыла и выглядела сейчас бодрой, крепкой и трусливой.

Рауль поклонился и повернулся уходить.

— Герцог, — позвала я, — заберите даму! — Указала головой на Криворужскую. — Она мне тут толпу создает.

Силвермэн отдал короткое распоряжение страже. Двое мужчин без особого почтения выволокли за ноги мою врагиню наружу. Хм, а похоже, эта гадюка достала тут не только меня!

— Спасибо! — крикнула я, когда дверь уже закрывалась. Перевела глаза на маркизу: — Омаль, прекрати метаться, как курица с отрубленной головой! У нее хотя бы мозгов уже нет!

— Я боюсь! — призналась маркиза, умоляющим жестом стискивая «в замок» руки у самой груди. — А вдруг я ему не понравлюсь?! Вот ужас!

— Не попробуешь — не узнаешь, — поправила я ее прическу, пригладила кружева на груди, открывая пошире область декольте, аккуратно мазнула парфюмом — и выперла обер-фрейлину в лапы враждебной стихии.

Теперь с чистой совестью, умытым лицом и незамутненным сознанием можно было смело отправляться спать. Что я и сделала. С удовольствием!

Спустя какое-то время снова проснулась.

В окнах тихо завывал ветер. Где-то на улице время от времени без особого запала брехала осипшая сторожевая собака. В соседнем крыле замка вовсю гуляла пьяная мужская компания. Изредка из окон доносились хмельные песни или очередная перебранка. Под крышей гудел филин. Редко-редко была слышна переключка дворцового караула.

Страшно захотелось пить. С минуту раздумывала: позвать кого-то, чтобы принесли водички (и устроили при этом жуткий гвалт и толчею), или тихонько подняться и без особого киномотыляния по-партизански напиться самой? Со значительным отрывом победил второй вариант. Я встала и двинула к столику, стоящему недалеко от двери. Там находился хрустальный кувшин с жидкостью и бокалы, если я правильно запомнила.

Оказалось — правильно. В кувшине меня ждал отличный освежающий лимонад. Понадеявшись на отсутствие опасных для жизни добавок, я налила себе напиток в стакан и тут услышала за дверью тихие голоса.

Знаю, любопытство сгубило кошку... но я же не кошка! Авось выживу! Подкравшись на цыпочках, я прижала ухо к замочной скважине, скрючившись в две погибели и...

Одним из собеседников оказался Рауль, второй голос был мне незнаком.

— ...Как тебе наша мелкая дурнушка-королева? — спросил незнакомец.

Вот сейчас выйду и посмотрю, какую ты песенку запоешь, глядя мне в лицо! Корону нацеплю, трезубец возьму, Гамадрира приглашу и буду слушать:

«Ты самая красивая из всех, кого я знал, Ты самая красивая, я о такой мечтал, Ты самая красивая из всех, кого я знал. Ты самая красивая, такую я искал».

— Не называй так ее величество! — горячо вступился Рауль.

Какой ты милый!

— Ишь ты, что ж в ней такого особенного? Мелкая, вечно лохматая, тощая, некрасивая... — на «голубом глазу» расписывал мои достоинства самоубийца на доверии.

Это еще что, родимый! Это ты меня еще с масочкой не видел! Я в следующий раз зелененькую из киви и зеленой глины забабахая. И к тебе выйду ночью навстречу, взяв с собой на прогулку Собаку Баскервилей!

— Замолчи! Она очень красивая! Ее глаза... словно весенняя зелень и осенняя листва одновременно. В них столько одухотворенности и участия... А ее улыбка, такая теплая, искренняя, согревающая душу. А фигурка... нашим дамам ее стройности и грации, искренности и безыскусности не достичь никогда! — В голосе Силвермэна прорезалась нежность.

Какой ты милый и романтический! Аж два раза!

— Постой... брат, да ты никак влюбился? Рауль, ненормальный, ты что, влюбился в королеву?! Тебе и впрямь жить надоело, несчастный?! — предупредил собеседника незнакомец.

Пошто на бедненького поклеп возводит? Он же не самоубийца! Король за покушение на его мужскую честь кого хошь кастрирует! Рауль не сумасшедший!

— Нет, — помолчав немного, тихо ответил герцог, — я не влюбился...

Сла-а-ава богу! И секир-башка герцогу не грозит, и мне спокойней.

— Я ее люблю...

Ик! *Оп-па! Сумасшедший! Но как приятно!* Я стала прикидывать: что мне с этим теперь делать?

В ответ раздался протяжный свист и:

— Эх же тебя, друг, угораздило? Наш король своим делиться не любит.

Естественно! А ты как хотел? Попользовался сам — дай попользоваться другому? Я тебе не многоразовая посуда!

— А я ни на что и не рассчитываю. Мне довольно малого — знать, что с ней все в порядке, быть неподалеку... Поверь, кроме тебя, о моих чувствах к королеве никто не узнает. Никогда. Даже если будут на куски меня рвать.

Ой, да не надо так трагично! Присмотришься поближе — может, и передумаешь меня любить. Честное слово, ты мне очень симпатичен, но сердце поет при виде другого мужчины. Прости.

Разговор прервался на самом интересном месте. Где-то вдалеке тишину прорезал истошный бабский визг: там затеяли драку. Раздался гомон, звон бьющегося стекла, слышались вопли стражников, разнимающих драчунов... Мужчины замолчали и перевели разговор на коней и оружие.

Слушать про это было скучно, к тому же у меня замерзли ноги и затекла спина. Я отклеилась от двери и все так же на цыпочках вернулась в кровать. Немного покрутилась, думая об услышанном. Решила, что сегодня я с этим ничего поделать не могу, и снова вознамерилась поспать. Но мирно провести ночь после коронации мне было просто не суждено!

Шр-р-р-р! Кр-р-р-р! Тук-тук! Дзынь! Банг!

— Ой, по ногам!

Блянг! Бом!

С присвистом, громким шепотом:

— Тс-с-с! Главное, не разбуди королеву!

Да что ж за напасть! За эти шизанутые сутки у всех «крыша» съехала, и теперь голые чердаки чувствуют себя одинокими, бродят по дворцу и мешают мне спать?

Тук-тук! Шр-р-р-р-р! Кр-р-р-р-р!

— Кому сказал — не буди! — строго и внятно. И еще громче пьяным голосом: — Дорогая, не беспокойся — это мы пришли!

Р-р-р-р! Я разозлилась. Сейчас я встану — и кто-то ляжет!

За дверью шум упавшего тела, сопровождающийся звоном и дребезжанием металла.

— Мать!.. Мать!.. М-мать!!! И... Марая в душу! Простите, ваше величество! Э-э-это просто я по маме соскучился!

Блям! Дзынь! Шандарах!

У-у-у! Помоги мне Вышний кого-нибудь не убить! Не за себя прошу, генофонд нации жалко!

Вскочила с кровати. Полюбовалась на утрешний меч, примерилась было к рыцарской «оглобле» и решила — мне его выше плинтуса не поднять! Стащила какую-то узкую, но

изрядно тяжелую железяку.

Решительно подползла к выходу и распахнула дверь, готовясь встретить врага лицом к лицу. Встретила... и целых трех... м-м-м... врагов. Но лицом в пупок!

Передо мной возвышались в зюю пьяные слева направо: Рауль, Матиас, заботливо поддерживаемый с двух сторон, и Никас.

Меня от этой прелести даже вверх подкинуло.

— Что за чудное видение? — облокотилась на косяк, рассматривая неустойчивую компанию.

Вот когда пожалеешь о королевском статусе! Ни скалки тебе, ни чугунной сковородки под рукой! Ни завалящего рогача под лавкой или коромысла. И трезубец неизвестно где! И рук только две, а их трое! Кому-то же моих милостей не достанется! Вот засада! Хотя считалку устраивай: «Энеки-беники ели вареники...» «Как щас дам! Больно!»

— При-и-ивет, — широко улыбнулся «тепленький» супруг и попытался мне дружественно помахать рукой. Рука не махалась, а мотылялась из стороны в сторону, задевая лица рядом стоящих боевых товарищей. И все бы ничего, если б не зажатая в монаршей длани корона. У Никаса на лобовой броне... упс! раскраске — уже явно виднелись отпечатки зубцов.

— Привет! — насупилась я, почесывая нос. — Ребята... а вы знаете, что алкоголизм — это болезнь?..

— Мы здоровы! — отозвался Рауль.

— В-в-в п-п-полном порядке! — уверил Никас.

— М-мы п-просто немного выпили! — отмахнулся короной Матиас и врезал Раулю по зубам.

— Из фонтана?.. — полюбопытствовала я, отбирая корону у мужа, чтобы он ей никого не искалечил.

— При чем здесь ф-фонтан? — не понимал очевидного король, но символ власти не отдал. Вцепился как в родное, и не выдерешь.

— При том! — сердилась я. — Если ВЫ выпили немного... и если ЭТО немного... то пили из широкой большой посуды! А самая большая посудина здесь — это фонтан.

— Л-логично! — как один согласились мои красавцы. — Пошли опробуем.

И развернулись, попутно выясняя, где во дворце стоит ближайший фонтан. Больше всех отличился невменяемый Рауль. Ему, видимо, точно короной половину мозгов вычесало, потому как этот ненормальный всем с пеной у рта доказывал: дескать, самый близкий путь — это если зайти к фрейлинам и спрыгнуть через их балкон вниз...

Хотелось и плакать, и смеяться. Они? Спрыгнуть??! А ковра-самолета тут нигде не завалялось? Хотела б я на этих самоубийц посмотреть! И это при здешних потолках, когда один этаж идет за два? Да в пьяном виде сигануть с шестого этажа не сможет даже птичка. Убьется! Я просто дар речи потеряла от такой беспросветной дурости. Ну вот как это называется?!

И еще... Кто из них спускаться после посещения личных апартаментов фрейлин будет? Рауль?! Или Никас с Матиасом? Ага. Как же... Мечтать не вредно: мой женский батальон спросонья пленных не берет!

— Стоять! — гаркнула я на разгулявшихся мужиков. — Куда намылились?

— Переводить болезнь в приятный досуг! — широко улыбнулся Никас, поддерживая окосевшего друга.

— Думаете, поможет?.. — с сомнением покосилась я на мужа. Тот пребывал в... глубоком раздумье. Это я так... для поддержания престижа, ибо на королевском челе никаких: ни

умных, ни других мыслей не отражалось. Чистый лист без единого знака препинания. Нет. Чистая промокашка!

— Н-не уверен, м-мадам, — попытался раскланяться единственной даме в их обществе галантный гламуговец — и в результате положил на пол двоих оставшихся бойцов мужского Сопrotивления. Ага! Лига борьбы с пьянством, блин! Пока не выпьют все, что горит, — не победят!

— В таком случае, — заявила я, — рисковать не будем. Тащите монарха на кровать.

Сказать было легко! Осуществить оказалось гораздо труднее. Матиас упорно не желал двигаться с места и цеплялся за все попадающееся под его загребущие руки. Поскольку руки у него были длинные, то попадало многое. В основном, конечно, я. Но не только...

По дороге Матиаса к кровати страна лишилась: двух ценных ваз, одной картины, туалетного столика с кувшином и набором бокалов, занавески с карнизом и куском лепнины... и еще чего-то там по мелочи.

Я так устала! Кто бы знал, какое это утомительное занятие — укладывать мужа в брачную постель! Обе его невозможно длинные опоры сильно качались и двигались не по прямой, а зигзагом. Приходилось забегать вперед и показывать нужное направление царскому телу и двоим оставшимся грузчикам, потом подталкивать сзади. При этом я еще и пыталась спасти часть государственного имущества.

К моменту воссоединения мужа с кроватью я чувствовала себя шпалоукладчицей как минимум. Или кариатидой — как максимум.

«Подумаешь — с женой не очень ладно. Подумаешь — неважно с головой. Подумаешь — ограбили в парадном. Скажи еще спасибо, что живой».

Вот так подумаешь — и согласишься. С головой у кого-то точно неважно — ее снесло винным потоком. С женой (в смысле, со мной) — вообще жуть. Ограбить... ну, я его сейчас ограблю и без парадного. Обязательно. Чтобы он мне ночью, страдая белой горячкой, корону зубчиками вниз на башку не надел. Ну вот. Все необходимые условия выполнены. Так что пусть будет счастлив, что живым останется!

— Спасибо! Благодарю вас, господа, за неоценимую помощь Сегальской монархии, — вежливо поблагодарила я уползающих приятелей, отдавших другу последний товарищеский долг.

Мой голос перемежался звуками падающих предметов и тихими, сквозь зубы, мужскими ругательствами.

— Выход — это там, где светло, — указала верное направление Раулю, старательно открывающему головой багетную раму.

Герцог благодарно промычал что-то вежливо-невразумительное.

А я уже снабжала инструкциями второго «орла»:

— Никас, поднимите голову, вы оставляете за собой белый след. Это улика! Утром мне придется объясняться с мужем, и я, учитывая патологическую ревность кое-кого, не смогу ему потом убедительно доказать, что между Гламуготией и Сегалом в этой постели ночью ничего предосудительного не было!

Закрывает дверь за дрейфующими эсминцами и вернулась к кровати. Матиас уже очухался и начал подавать слабые признаки жизни.

— Дорогая, присоединяйся! — При том, что лежал один такой умный по диагонали.

Да-а-а! Лучше бы он проявлял слабые признаки ума!

— Матиас! — воззвала ко всему светлому в королевской душе. — Подвинься!

— Не-а, — игриво заржал благоверный. — Залезай сверху!

— Что?! Что мне сделать? — переспросила, не поверив своим ушам. — Зачем?

— Мне к тебе тянуться лень! — честно признался король, лукаво поблескивая глазами. И вверг меня в шок.

Пока я перезапускала серьезно подвисшую систему и раздумывала, чем бы его эдаким сразить наповал, муж приподнялся на локте и с интересом принялся разглядывать так и не выпущенную мной из руки железяку.

— Алиссандра, стесняюсь спросить — зачем тебе рыцарский гульфик? — закатился в пьяном хохоте ненаглядный. И я его чуть не стукнула... гульфиком. Но быстро передумала. Вдруг он решит, что я его королевское достоинство другим «достоинством» оскорбила?

— Что в темноте под руку попало, то и использовала! — рявкнула я, оскорбленная в лучших чувствах.

— Драгоценная моя, — задыхался король. — Мне уже страшно, что тебе в следующий раз может «под руку» попасть!

— Что попадет, то и оторву! — мрачно пообещала я, надувая губы.

— Жестоко... — немного успокоился король и потянулся ко мне. — Иди сюда!

— Зачем? — насторожилась я странной смене настроения.

— Я тебя поцелую, — томно ответил он и откинулся на подушку в очень выгодном ракурсе.

У меня в голове забегали, замельтешили мысли, начиная от «а зачем ему это надо?» до «спасибо, Господи, прозрел!».

— Зачем? — все же переспросила, надеясь услышать вразумительный ответ.

— «Зачем-зачем!» — передразнил муж и, отобрав один из основных предметов рыцарского туалета, притянул к себе. — Затем, что ты мне нравишься!

Чудны дела твои, Господи!

— Пра-авда? — постаралась я контролировать свой рот, расплывающийся от счастья до ушей. — И давно?

— С первой брачной ночи, — покаялся супруг. — Просто, понимаешь, обстоятельства таковы... очень долго объяснять. Давай я вместо скучных разговоров о политической необходимости строгого воздержания расскажу, как ты мне нравишься?

Какая женщина устоит против такого ласкового и нежного мужского призыва? Я в число стойких женщин не входила и поэтому немедленно согласилась:

— Давай!

И понеслось...

«Мы — мужики. У нас не заржавеет, Не облысеет и не упадет. Мы рождены, чтоб нам, благоговея, Смотрели уши любящие в рот».

Начался сеанс «после восемнадцати». Меня потихоньку освобождали от ночной сорочки и перечисляли мои достоинства, вгоняя в краску между поцелуями.

Честно говоря, я подозревала, где он набрался подобных слов. Уж больно его жаркие комплименты напоминали выдержки из книги «Что сказать даме при любовном свидании» Ластилло Подмастилло. Я ее у фрейлин отобрала и читала с Омаль в карете. Недолго, правда... очень боялась разбудить учителя своим диким гоготом.

Матиас разливался соловьем:

— Как персики, щечки твои! — и чмок-чмок!

Мои — однозначно лучше! Не верит — пусть этот персик разок поцелует! Сразу после

того со мною согласится.

— Губы слаще меда!

Прия-я-ятно... но подозрительно! Выходит, мужик слаще меда в своей жизни и не ел ничего. А ну как съест?

— Волосы твои льются огненной рекой, сияют пуще огней рая!

Голова снова сработала не в ту сторону и выдала: «Ошибся малость. Видимо, имел в виду „огненную воду“, да оговорился, болезный».

— Ты вся прекрасна от макушки до пяток!

Ой, как его повело! Ну ладно — я... никак от перегара в нирвану впасть не могу. Да и верится мне с трудом во внезапную страсть. Хотя почему внезапную? Сам же сказал, как он долго и упорно сопротивлялся своим нахлынувшим чувствам. Господи! Как же хочется поверить...

— Вся ты незапятнанная!

Зато уже залапанная. Но как же хочется верить! А, черт с графом и со всем политесом в придачу! Была не была — поверю!

— Ты чиста и невинна, как запечатанный источник, — сообщил мне муж с придыханием и начал подбираться к самому главному, ради чего старался. Я растаяла и активно помогала в осуществлении.

— Сейчас, возлюбленная моя, — сказал король и... вдруг захрапел, положив мне голову на плечо. — Хр-р-р! Хр-р-р! — Храп перемежался ворчанием и сопением: — Хрр-пссст! Хрр-пссст! Мням-мям... повелеваю... Хрр!

Первая нематерная мысль: «Убью!» Вторая — тоже.

Скинула кое-как с себя его величество, натянула рубашку и уселась на кровати в очень странном состоянии. Во-первых, губы горели от поцелуев, возбуждение сменилось жуткой истерикой, во время которой я смеялась и плакала, плакала и смеялась. Готова была целовать спящего супруга и расколотить на его голове всю посуду в доме. Было хорошо, так хорошо, что хотелось летать — ведь он сказал: любит! И невероятно больно и обидно за пьяный храп и ужасное, катастрофическое небрежение моей чисто женской привлекательностью. Сердце терзала обида за ночь ласк, которую он недодал. Надежда кричала ей вслед, что глупо сердиться, когда ты любима. Что жизнь наладится, все еще будет...

А я застыла на перепутье между любовью и обидой, пока они тянули меня за руки в разные стороны.

Помучавшись таким образом некоторое время, решила в очередной раз: «утро вечера мудренее» — и, промаявшись тоской почти до рассвета, когда небо начало на горизонте сереть, улеглась спать.

Проснулась я по устоявшейся традиции с подлым обманщиком в обнимку. Матиас уже не спал, а тяжело страдал с похмелья, но тем не менее от меня не отодвигался. Хотя... подориорозреваю, тут была иная причина, более прозаическая. У него, скорей всего, элементарно болела голова. Немудрено, с такого-то переполя! Если вспомнить их вчерашние художества, четвероногие забеги по-пластунски, огромный рост и, соответственно, немалый вес лезящих субъектов, прикинуть зашкаливающее количество промилле в крови героя-любownika... то становится очевидным неимоверный объем выпитого. Это при самых скромных подсчетах.

А при нескромных?! Это на компанию троих алкашей-собутельников неделю работал целый винокуренный завод!

— Доброе утро! — проявила акт милосердия и не стала сразу бить супруга. Моя вторая половина страдальчески сморщилась, почернела от обезвоживания и вербально передала «Учкудук — три колодца». Понятно.

Но вот беда...

— Кувшин ты вчера разбил, — поведала я мужу и полезла искать что-то жидкое. Ему повезло дважды: первый раз — потому, что я такая заботливая и утро начала не с ругани; второй — потому, что на столике у окна обнаружился неведомо как туда попавший стакан, из которого пила, когда подслушивала любовные признания Рауля. Хм... не иначе, как носилась от счастья по комнате кругами...

— Держи, — принесла измученному «сушняком» королю стакан с лимонадом. Матиас его одним махом выдул и повеселел. Как-то даже расцвел пестиками. Или тычинками?.. В общем, расцвел!

— Спасибо! — разлепила запекшиеся губы жертва алкогольной неумеренности. Видок у мужа был жалкий. За его вчерашнее свинство я была в какой-то степени отомщена.

— Пожалуйста, — не стала отрицать своей заслуги в добывании влаги насыщенной.

— Алиссандра, — вдруг спросил муж, подозрительно меня разглядывая. — А у нас вчера что-то было?

— Что ты подразумеваешь под «что-то»? — Мне стала интересна степень его беспамятства.

— Я тебя вчера... того?.. — нашел как бы правильное слово супруг.

— Чего — «того»? — загорелось прояснить ситуацию.

— Н-ну-у... у нас ЭТО было? — попытался еще раз объяснить мне король.

— ЭТО у нас было! — заверила его я. — Но не так, как я себе ЭТО представляла.

— То есть? — На длинные предложения мужа не хватало. Он и короткие вымучивал еле-еле.

— То есть ты уснул на самом ответственном моменте, — пояснила я, начиная злиться.

— Слава Вышнему! — выпалил муж вместо извинений.

— ЧТО. ТЫ. СКАЗАЛ?! — сузила я глаза. Злость постепенно сменялась яростью. Натура требовала крови, а душа просила тела. Хоть по кусочкам. Совесть уснула. Расклад для убийства короля был как нельзя более благоприятный. УБЬЮ! Меня потом суд почти оправдает! Сначала казнят за убийство венценосного супруга, а потом возведут в ранг великомученицы. За долготерпение!

Не отвечая на мой вопрос, Матиас из последних сил подорвался с кровати, спасая свою жизнь, и принялся лихорадочно одеваться.

— Ты ничего не хочешь мне сказать?! — сделала я последнюю попытку не войти в историю Сегала как Кровавая Принцесса, убившая мужа гульфиком в порыве страсти.

Ответом меня не удостоили. Взгляд, правда, подарили. Мутный такой. И обеспокоенный.

— Нет! — рывкнул благоверный уже около двери, неверной рукой нащупывая ключ в замке.

— Зря!!! — метнула я в него железяку. Но он все же успел выскочить в коридор и укрыться за дверь. Рыцарский доспех, напротив, жалобно зазвенел и рассыпался на части.

— Доброе утро, ваше величество! — жизнерадостно гаркнули стражники, как будто происходящее было в порядке вещей. И король каждое утро бегом выметался из своей спальни с короной набекрень и в камзоле наизнанку, а за ним разъяренной фурией гналась королева в неглиже и занималась тяжелой атлетикой, метая все подряд. В смысле, то, что осталось нетронутым со вчерашнего побоища...

— Никуда не денешься! — в бешенстве заорала я, выскакивая вслед за ним и свешиваясь с лестничного пролета. — Я своего все равно добьюсь!

— Да, дорогая! — гулко согласился Матиас уже где-то внизу лестницы.

Я попыталась его разглядеть, но потерпела неудачу. Хорошо, гад, замаскировался! Со знанием дела! Пришлось идти назад несолоно хлебавши.

— Доброе утро, ваше величество! — поздоровалась стража, опустив глаза и стараясь не распускать зенки на полууголую королеву.

— Ага! Доброе утро! — буркнула я и захлопнула за собой дверь. — Чтоб его!!!

Меня била дрожь. Пошлявшись по комнате и добив уцелевшие остатки сервиза, я натянула халат и уселась на кровати, задумывая страшную месть. Планы строились один фантастичней другого. Чего я только не нафантазировала, призывая на черноволосую голову все громы и молнии! ТАК меня еще не обижали! Ей-богу, если б чмокнул в лобик и спиной повернулся, я бы позлилась и отошла, но та-ак! Это уже чересчур!

И вдруг меня осенило! Точно! Все, что мне нужно — это соблазнить неуловимого супруга и заставить его прочувствовать, как он был не прав! Я просто воспряла духом, возрождаясь из пепла. У меня появилась новая цель!

— Я объявляю вам войну! — торжественно сказала, хитро улыбаясь и набрасывая в уме порядок действий. Для начала мне нужно...

— Омаль! — закричала я.

В покои ворвались статс-дама во главе женского батальона и Лара с кучей тряпок в руках.

— Дамы, — величественно сказала я, оглядывая фрейлин и горничную. — Я выхожу на тропу войны. Кто со мной?

— Все! — раздался дружный ответ.

— Чудненько! — потеряла я ладошки. — Тогда приступаем!

Дамы расселись вокруг меня и выслушали мой план завоевательской кампании. Девушки заулыбались. Сначала маркиза Мордебуль, а вслед за нею и остальные зааплодировали веерами.

— Как это романтично! — всхлипнула Янолга.

— Нет! Это не романтично! — хмыкнула я. — Но ничего... Он еще просто не знает, что сезон охоты на короля уже открыт. И никуда ему от меня не деться!

Примечания

Аналог «чертова».

Местная мелкая лесная нечисть.

Автор не найден. Предположительно — образчик дворового творчества.

«Гимн демократической молодежи мира». Слова Л. Ошанин.

К. Меладзе, песня «Я не поняла» из новогоднего спектакля «Золушка».

В. Маяковский. Поэма «Хорошо»

А. Грибоедов. «Горе от ума». Действие IV.

Прыжок с вращением в фигурном катании на льду.

Песня из мультфильма «Пес в сапогах». Музыка К. Кельми и П. Смеяна, слова М. Либина.

Страх числа 666 в пятницу 13-го числа.

«Знаете, каким он парнем был», музыка А. Пахмутовой, слова Н. Добронравова.

Аббревиатура. Означает «ценные указания».

Крылатая фраза из фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!».

«Ври, ври — приятно слушать» — исковерканный французский. Когда человек сказки рассказывает, ему так отвечают, чтоб он понял, что говорит полную бессмыслицу. Выражение лишено смысла.

Роковая женщина (франц.).

Перефразировка из книги Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес».

Из песни «Я обиделась», музыка И. Корнелюка, слова Р. Лисиц.

Из песни «Марш трактористов». Музыка братьев Д. и Д. Покрасс, слова Б. Ласкина.

Известно как лекарственное растение в народной медицине. Применяется в виде настоев и отваров травы. Используют как желчегонное, мочегонное, противовоспалительное, регулирующее пищеварение средство, для устранения дурного запаха изо рта, при нарушениях обмена веществ, кожных болезнях.

«Интернационал». Музыка П. Дегейтера, слова Э. Потье (перевод А. Коца).

Фахверк (нем. Fachwerk — ферма) — особый тип строительной конструкции. Несущей служит пространственная секция из диагональных (под различным углом) балок из древесины хвойных или других не гниющих пород дерева (разные породы дуба, осина, иногда ясень). Эти балки видны с наружной стороны дома и придают зданию характерный вид; внутри балки обычно не штукатурятся; пространство стен между балками обычно заполняется камнем, глинобитным материалом, кирпичом, иногда также деревом.

Из оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин» по роману А. С. Пушкина.

Там же.

«Лошадка». Агния Барто.

Сергей Есенин.

«Избранное». Ф. Тютчев.

Народное творчество.

«Вересковый мед», стихотворение Р. Л. Стивенсона в переводе С. Маршака.

«Жаворонок», музыка М. Глинки, слова Н. Кукольника.

Рустикальный стиль — один из вариантов кантри-стиля. Характерная черта — поверхность или имитация природного материала, которому присущи естественные неоднородные краски, будь то камень, дерево, штукатурка или ткань. Стиль характеризуют как деревенский, простой, зачастую даже грубоватый, однако в хорошем исполнении он вполне уместен. Характерный пример его элементов: ошкуренные и отполированные бревна и жерди, ткани грубой фактуры, печи из неокрашенного кирпича и т. д. Рустикальные узоры и мотивы — примитивные прямоугольные или геометрические конструкции, часто имитирующие упрощенные растительные или природные узоры или мотивы. Особую выразительность им придают обычно примитивно-яркие глиняные изразцы, ткани примитивной домашней выделки, разные цвета кирпича-сырца или глиняных изразцов и т. д.

«Черный ворон» — народная песня.

«Оранжевая песня». Музыка К. Певзнера, слова А. Арканова.

Из кинофильма «Неуловимые мстители».

«А я люблю военных». Песня группы «Комбинация».

Помни о смерти (*лат.*).

«Приглашение в школу». Л. Модзалевский.

Паталогическое отвращение к браку.

«Блин, черт, облом!» (японск.).

Из мультфильма «Винни Пух».

Удавка. Оружие ближнего боя, изготовленное из прочного шнура длиной 30–60 см с прикрепленными к его концам ручками.

Самый крупный в мире цветок, весьма зловонный и цветущий кратковременно.

Шуточные стихи Ю. Славачевской.

Ю. Леонтьева.

«Сказка о царе Салтане». А. С. Пушкин.

Песня из к/ф «Небесный тихоход». Музыка В. Соловьева-Седого, слова С. Фогельсона.

Алтабас — плотная шелковая ткань с орнаментами или фоном из золотой или серебряной нити, разновидность парчи. Алтабас ценился очень высоко и применялся для нужд царского двора, церкви.

«Ты самая красивая». Музыка и слова В. Боровикова.

Детская считалочка.

Из кинофильма «Приключения Буратино».

«Скажи еще спасибо, что живой». В. Высоцкий.

«Марш мужчин». В. Котельников.